

Клубъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ЯНВАРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ.
2) При семъ № прилагается объявленіе т-ва „Проводникъ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, № 39.
1904.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Краткая всемірная исторія. Выпускъ I-й. Древнѣйшіе народы. Съ 100 рисунками и 1 картой. Выпускъ II-й. Древнѣйшій Египетъ. Съ 100 рисунками и 1 картой. З. А. Рагозиной. Изданіе А. Ф. Маркса.

Передъ нами двѣ изящно изданныя А. Ф. Марксомъ книги З. А. Рагозиной, предназначенныя для дѣтей 10—14 лѣтняго возраста, не имѣющихъ еще никакого понятія объ исторіи.

Имѣя въ виду столь юныхъ читателей, авторъ употребляетъ самый простой и понятный языкъ и, при всей краткости изложенія, не оставляетъ необъясненными ни одного сколько-нибудь труднаго или новаго для ребенка выраженія. Усвоенію текста очень помогаютъ многочисленныя иллюстраціи, выбранныя очень тщательно,—такъ, чтобы шагъ за шагомъ пояснять текстъ. Между ними нѣтъ такихъ неправдоподобныхъ изображеній, какъ, напримѣръ, сцены изъ жизни первобытныхъ людей, о самой наружности которыхъ никто не имѣетъ настоящаго понятія; всѣ рисунки взяты изъ достовѣрныхъ научныхъ сочиненій или исполнены по фотографическимъ снимкамъ, изображающимъ дѣйствительно существующія мѣста, развалины, предметы, которые можно видѣть въ разныхъ музеяхъ.

Первый выпускъ состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой главѣ г. Рагозина знакомитъ читателей съ доисторическими временами. Трудно вѣрится,—замѣчаетъ она,—а вѣдь было время, когда люди не умѣли строить домовъ, ни даже хатъ, а жили въ лѣсахъ, которые въ ту пору покрывали чуть не всю землю. Они ютились въ берлогахъ и пещерахъ, почти какъ дикіе звѣри, съ которыми они были въ постоянной борьбѣ, такъ какъ питались ихъ мясомъ и одѣвались ихъ шкурами. Такъ они проводили всю жизнь, то защищаясь отъ лѣснаго звѣря, то въ охотѣ за нимъ. Самыми роскошными жилищами считались пещеры въ горныхъ склонахъ, потому что въ нихъ всего лучше можно было укрыться отъ зимней непогоды, отъ лѣтняго зноя и отъ всякихъ враговъ. Теперь пещеръ найдены сотни, во всѣхъ частяхъ свѣта, и по нимъ, словно по книгѣ, можно читать, какъ жили обитавшіе въ нихъ люди. Въ болѣе обширныхъ пещерахъ люди устроивались на житье, почему и получили названіе „пещерные люди". Что это были за народы,—не извѣстно. Но о томъ, какъ они жили, чѣмъ занимались, что умѣли, можно отчасти догадываться по разнымъ предметамъ, которые остались отъ нихъ и теперь еще въ большомъ множествѣ попадаются въ давно покинутыхъ жилыхъ пещерахъ. Предметы эти, по большей части изломанные,—оружіе и домашнія орудія изъ твердаго камня; между ними не найдено и слѣда какихъ-либо металловъ. Поэтому эту древнѣйшую эпоху жизни человѣка на землѣ принято называть каменнымъ вѣкомъ. Но въ разныхъ пещерахъ въ издѣліяхъ замѣчена большая разница отдѣлки: въ однѣхъ встрѣчаются лишь самыя грубыя орудія, изъ обитаго кремня; въ другихъ найдены орудія и оружіе, гораздо искуснѣе и тщательнѣе отдѣланныя и глакко отполированныя. Такимъ образомъ, каменный вѣкъ дѣлится на два періода: обитаго кремня и полированнаго кремня, научно называемые: палеолитическій, т. е. древне-каменный вѣкъ и неолитическій,—ново-каменный вѣкъ.

За пещернымъ человѣкомъ слѣдуетъ обитатель свайныхъ селеній. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ пещерами и разными лѣсными берлогами, а съ постройками, сооруженными рукою человѣка, хитро придуманными и исполненными съ большимъ умѣніемъ и терпѣніемъ: на сваяхъ, вбитыхъ правильными рядами въ дно озера, на небольшомъ разстояніи отъ берега, клались помосты изъ досокъ или бревенъ, и на нихъ ставились хижины. Люди устраивали себѣ такія жилища среди лѣсовъ и горъ именно потому, что были окружены врагами—не только дикимъ звѣремъ, но и не менѣе дикимъ людомъ; селенія эти соединялись съ берегомъ лишь узкой плотиной или мостомъ, который на ночь или разводился, или охранялся сильной стражей.

Нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно, опредѣлить, сколько вѣковъ продолжалась мода на свайныя постройки; но этотъ періодъ отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что во многихъ свайныхъ селеніяхъ найдены предметы изъ металловъ: золота, серебра и бронзы. Такихъ предметовъ вообще немного, изъ чего можно заключить, что они составляли большую роскошь. Это приводитъ къ началу бронзоваго вѣка, который получилъ это названіе оттого, что бронза употреблялась очень долго до появленія въ общемъ обиходѣ желѣза и, стало быть, до начала вѣка желѣзнаго.

Во второй главѣ—„Заступъ и ломъ"—авторъ говоритъ объ открытіяхъ Ботты и Лэйарда въ Месопотаміи, сдѣланныхъ при помощи этихъ орудій. Близъ турецкаго города Мосула обращали на себя вниманіе холмы значительно больше и выше другихъ. Въ одномъ изъ нихъ раскинулась деревня Хорсабадъ, и тутъ-то въ 1843 году французскій консулъ Ботта, вслѣдствіе случайно услышаннаго замѣчанія одного поселянина, велѣлъ нанятымъ рабочимъ, арабамъ, рыть глубокіе рвы или ходы въ самую середину холма, да сверху туда же спустить шахту. Когда онъ сталъ на точку соединенія шахты и рва и осмотрѣлся въ полумракѣ, онъ понялъ, что очутился въ какой-то залѣ. Послѣ расчистки оказалось, что вездѣ, кромѣ мѣстъ, гдѣ были двери,—стѣны облицованы плитами какого-то известняка, въ родѣ алебастра; плиты же сплошь покрыты изваяніями,—изображеніями битвъ, осадъ и разныхъ военныхъ сценъ, съ длинными рядами непонятнаго частаго письма, высѣченнаго на камнѣ; это былъ текстъ къ изваяннымъ иллюстраціямъ. Объ этой находкѣ однимъ изъ первыхъ узналъ молодой англичанинъ Лэйардъ и запасшись средствами, принялся за раскопки, результаты которыхъ и описалъ въ двухъ интересныхъ книгахъ: „Ниневія и ея остатки" и „Ниневія и Вавилонъ".

Изъ всего, что первые искатели нашли въ курганахъ, наибольшей извѣстностью пользуются исполинскіе крылатые быки и львы

РУССКАЯ СТАРИНА

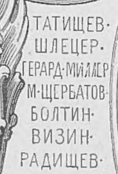
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1904.

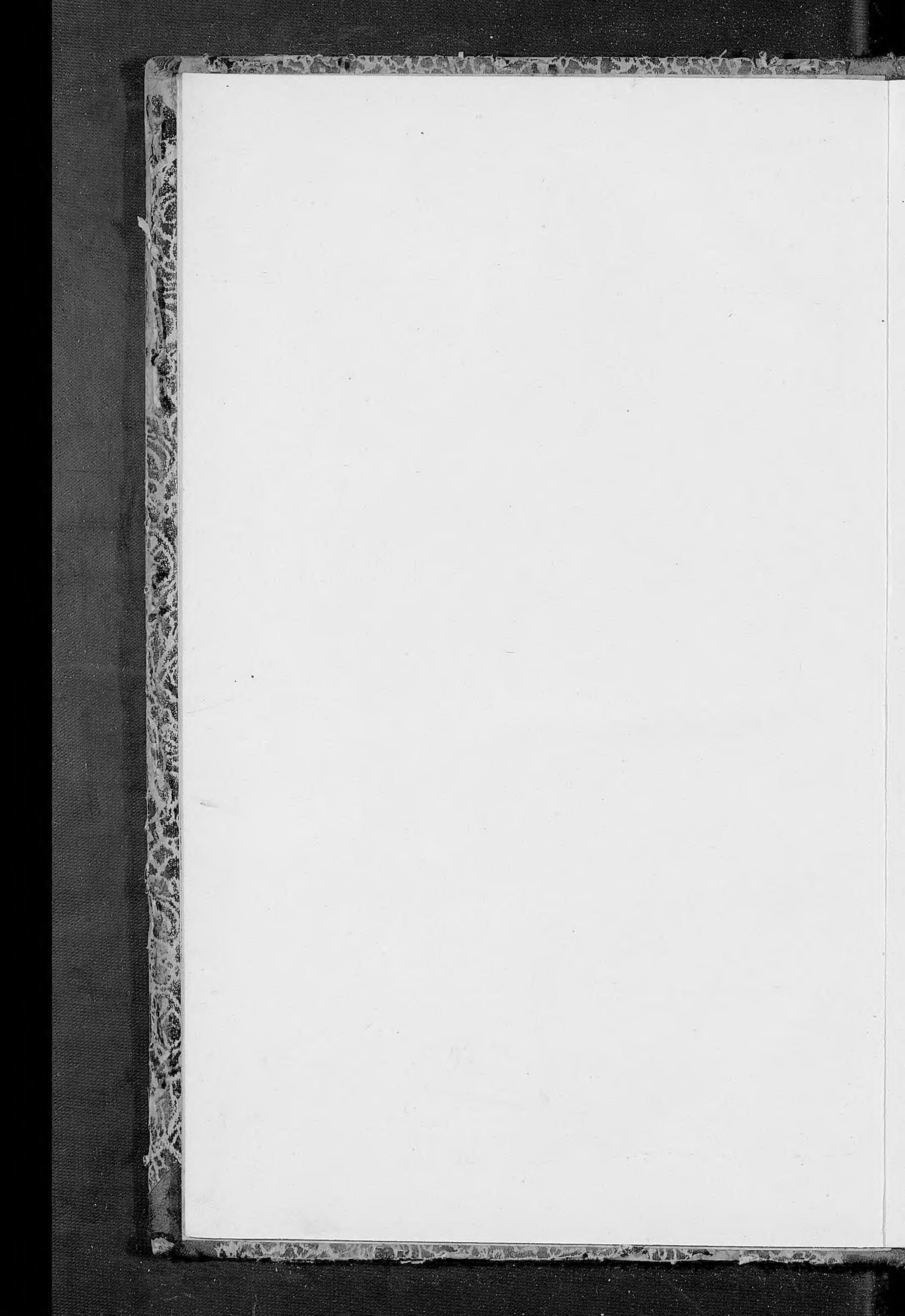

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Рис. К. Брижъ.

Дозволено цензурою. Спб., 20 декабря 1903 г.

Тип. Товар. „Общ. Польза“. Б. Подъяч., 39.

Дозв. ценз. Спб., 20 декабря 1903 г. Тип. Тов. „Общ. польза", Б. Подъяч., 39.

КНЯГИНЯ

ДАРЬЯ ХРИСТОФОРОВНА

ЛИВЕНЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

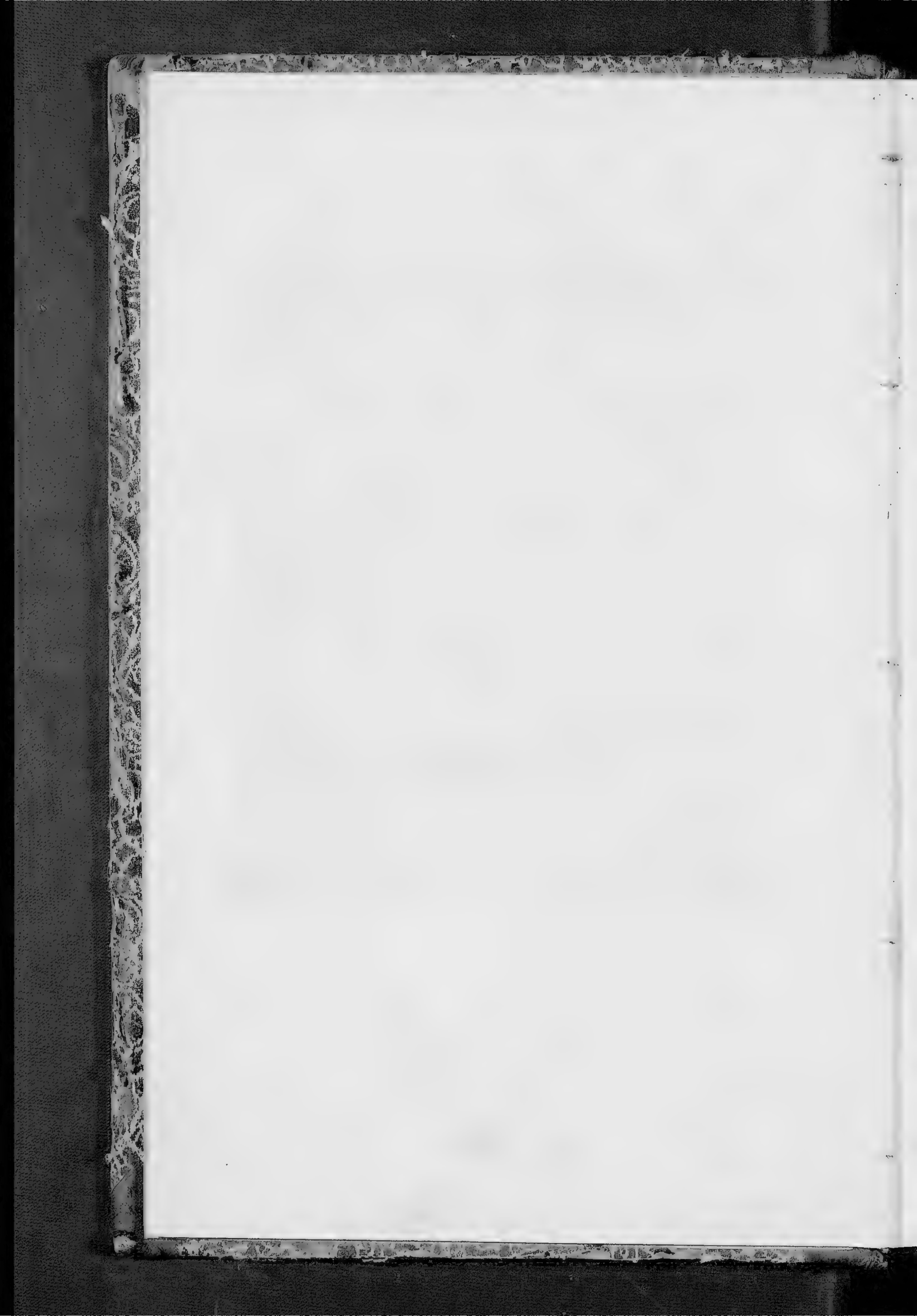
1904.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1904.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

III [1]).

Охлажденіе императора Александра къ людямъ и дѣламъ.—Пристрастіе его къ иностранцамъ.—Сближеніе государя съ графомъ Аракчеевымъ.—Ихъ характеристика.—Передача Аракчееву всѣхъ дѣлъ по управленію государствомъ.—Начало общественнаго движенія.

Канунъ Отечественной войны, принудившій императора Александра уступить противодѣйствію общества къ начатымъ преобразованіямъ, окончательно убѣдилъ государя, что русскіе люди не созрѣли еще до политическихъ реформъ и до введенія нѣкотораго подобія конституціонныхъ началъ, составлявшихъ цѣль его преобразованій въ первое десятилѣтіе его царствованія.—Вступая на престолъ, Александръ былъ убѣжденъ, что долженъ основать свою будущую дѣятельность на демократическихъ началахъ свободы и счастія человѣчества; что онъ долженъ избѣгать произвола и стремиться къ водворенію въ государствѣ законности. Онъ считалъ тогда республику единственно правильною формою правленія государства и утверждалъ, что верховная власть должна быть ввѣряема наиболѣе способнымъ лицамъ по выбору націи.—Но первые шаги его въ этомъ направленіи были встрѣчены полнымъ неодобреніемъ,

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1903 г.

приведшимъ его къ убѣжденію, что добро совершается не легко; что въ людяхъ часто встрѣчается тупое противодѣйствіе къ лучшимъ заботамъ о пользѣ и благоденствіи ихъ, и что на благодарность людскую разсчитывать нельзя.

— Людская благодарность,—говорилъ Александръ впослѣдствіи, — такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ.

«Поэтому,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій,—онъ не могъ сохранить привязанности къ людямъ, которые не въ состояніи цѣнить основаній, содѣлывающихъ общества счастливыми. Отъ сего происходило, можетъ быть, неуваженіе къ русскимъ, предпочтеніе иностранцевъ и, что̀ мнѣ даже страшно и подумать, нѣкоторое охлажденіе и къ Россіи, которая монарха своего до сихъ поръ въ полной мѣрѣ не умѣетъ цѣнить».

Она видѣла въ немъ охлажденіе къ себѣ настолько полное, что государь не скрывалъ своего отвращенія къ русскимъ порядкамъ и русскимъ людямъ.

Путешествуя за границею, императоръ Александръ нерѣдко часть пути проходилъ пѣшкомъ, заходилъ въ дома поселянъ, бесѣдовалъ съ ними и раздѣлялъ ихъ трапезу. Но, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, во время путешествій по Россіи, государь рѣдко входилъ въ подробные разговоры о нуждахъ жителей, а большею частію дѣлалъ незначительные вопросы, преимущественно тѣмъ лицамъ, коихъ имена ему почему-либо были извѣстны.

«Непостижимо для меня,—прибавляетъ онъ [1]),—какъ 26-го августа (1816 г.) государь [2]) не токмо не ѣздилъ въ Бородино и не служилъ въ Москвѣ панихиды по убіеннымъ, но даже въ сей великій день, когда почти всѣ дворянскія семейства въ Россіи оплакиваютъ кого-либо изъ родныхъ, падшихъ въ безсмертной битвѣ на берегахъ Колочи, государь былъ на балѣ у графини Орловой-Чесменской.—Императоръ не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Малаго-Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Асперискія поля, а изъ Брюсселя—въ Ватерлоо. Достойно примѣчанія, что государь не любитъ вспоминать объ Отечественной войнѣ и говорить о ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его».

«Если государь не видѣлъ кого-либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адъютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашивалъ о причинѣ, почему такой-то не являлся при дворѣ, боленъ-ли онъ и тому подобное, но когда случится, что какой-нибудь изъ знакомыхъ его ве-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ", 1890 г. № 9, стр. 159.

[2]) Онъ былъ въ то время въ Москвѣ.

личеству австрійцевъ занеможетъ, то немедленно посылаетъ узнавать объ его здоровьѣ», хотя бы онъ былъ самаго малаго чина [1]).

Въ 1814 году, по возвращеніи Александра въ Петербургъ, Г. Р. Державинъ лично поздравилъ его съ одержанными блестящими побѣдами.

— Да, Гавріилъ Романовичъ,—сказалъ императоръ,—мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ.

— Они есть, ваше величество,—отвѣчалъ Державинъ,—но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ.

Однажды, Энгельгардъ, въ разговорѣ съ государемъ, замѣтилъ, что теперь время приступить къ устройству гражданской части.

Александръ взялъ его за руку и, пожавъ ее крѣпко, со слезящимися глазами сказалъ ему:

— Ахъ! Я это очень и очень чувствую, но ты видишь, съ кѣмъ я возьмусь.

Точно также онъ жаловался П. Д. Киселеву на недостатокъ государственныхъ людей въ Россіи. Киселевъ отвѣчалъ, что между 40 милліонами жителей всегда можно найти такихъ [2]).

Бывшій его сотрудникъ М. М. Сперанскій былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полной силѣ, а графъ Кочубей, Новосильцовъ и другіе, съ которыми Александръ начиналъ свои преобразованія, находились на службѣ и могли быть привлечены къ этого рода дѣятельности.

«Я часто давалъ себѣ отчетъ,—писалъ графъ В. П. Кочубей М. М. Сперанскому [3]),—о причинахъ, заставляющихъ держать васъ въ удаленіи отсель, и всегда терялся въ заключеніяхъ моихъ. Сомнѣнія никакого нѣтъ, чтобъ расположеніе его величества не было къ вамъ самымъ благопріятнымъ. Онъ, какъ слышу я, всегда отзывается о васъ съ большою похвалою и отдаетъ вамъ полную справедливость. При таковыхъ чувствахъ и при недостаткѣ способныхъ людей, какъ бы, казалось, не отыскивать ихъ вездѣ; но тутъ-то и большая загадка, тутъ-то всѣ и теряются. Иные заключаютъ, что государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями, дабы не относимо было имъ что-либо по управленію или инымъ мѣрамъ. Государь знаетъ людей совершенно и понимаетъ ихъ точно такъ, какъ понималъ всегда.... но способности

---

[1]) Журналъ Михайловскаго-Данилевскаго 1815 г Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ“, т. III, стр. 274.

[2]) „Русская Старина“ 1893 г. № 7, 205.

[3]) Отъ 22-го апрѣля 1819 г. „Въ память графа Сперанскаго“. Изд. 1872 г., стр. 158 и 159.

подчиненныхъ ему непріятны; однимъ словомъ, тутъ есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно».

Толкованіе заключалось въ томъ, что, разъ удаливъ кого-либо отъ себя, государь не приближалъ уже его болѣе къ себѣ. Къ тому же Александръ былъ теперь не тотъ, какимъ былъ до 1812 года. Продолжительная и упорная борьба съ Наполеономъ сблизила его съ иностранными совѣтниками, которыми онъ былъ преимущественно окруженъ и совѣты которыхъ предпочиталъ совѣтамъ русскихъ людей [1]) Многолѣтнее пребываніе за границею познакомило Александра съ тамошними порядками, и, сравнивая ихъ съ русскими, онъ не могъ не отдать преимущества иностраннымъ [2]). Послѣдствіемъ этого было приглашеніе, часто безъ разбора, многихъ иностранцевъ на русскую службу, что̀ оскорбляло національное достоинство.

«Далекъ я,—писалъ П. Коховскій,—чтобы оправдывать лѣность, нерадѣніе, безпечность дворянства русскаго. Но со всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что тому причиной явное предпочтеніе, даваемое правительствомъ всѣмъ иностранцамъ безъ разбора. На этотъ разъ я укажу

---

[1]) Достаточно вспомнить Фуля, Вольцогена, де-Местра, Армфельда, Меттерниха, Винценгероде, герцоговъ виртембергскаго, мекленбургскаго, кобургскаго и многихъ другихъ. Изъ шести уполномоченныхъ нашихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ одинъ только графъ А. К. Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, а остальные были: Нессельроде, графъ Стакельбергъ, Анстетъ, Поццо-ди-Борго и графъ Каподистрія. Къ нимъ присоединился баронъ Штейнъ, съ которымъ Александръ часто совѣтывался.

[2]) Такое пристрастіе къ иностранцамъ Михайловскій-Данилевскій старается оправдать тѣмъ, что государь всегда встрѣчалъ въ нихъ болѣе ласки и культуры.

„Русскіе,—говоритъ онъ,—обижаются мнимымъ (?) предпочтеніемъ государя къ полякамъ, но нельзя не признаться, что по крайней мѣрѣ въ настоящемъ путешествіи оно весьма извинительно даже и кромѣ политическихъ причинъ“.—Проѣхавъ отъ Петербурга до Волыни, императоръ находилъ только разореніе и жалобы, а по въѣздѣ въ предѣлы Польши, „все облеклось въ радостный видъ“. По словамъ Данилевскаго, въ г. Житомірѣ представлялось императору до 200 человѣкъ дворянъ, тогда какъ въ Москвѣ было 42 человѣка. Въ Житомірѣ молодой графъ Ильинскій произнесъ прекрасное привѣтствіе, въ то время, какъ предводители въ семи великороссійскихъ губерніяхъ не могли при государѣ отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они болѣе изъ себя являли метръ-д'отелей, занимавшихся угощеніемъ, нежели предводителей дворянства. У одного изъ нихъ императоръ спросилъ, почему онъ не былъ на смотру войскъ, происходившемъ по утру.

— Я распоряжался столомъ для вашего величества, — отвѣчалъ предводитель.

(Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 10, стр. 86).

только на корпусъ инженеровъ водяной коммуникаціи. Тамъ всѣ офицеры, перешедшіе къ намъ изъ иностранной службы, находятся на жалованьи огромномъ, но пользы отъ нихъ мало, или, лучше сказать, нѣтъ никакой. Всѣ работы производятся инженерами русскими; когда же были употреблены иностранцы,—вездѣ работы были неуспѣшны до того, что графъ Воронцовъ принужденъ былъ для работъ въ Одессу просить именно инженеровъ русскихъ. Иностранцы хорошіе теоретики, но что мѣшаетъ отправлять нашихъ русскихъ молодыхъ офицеровъ вояжировать? Они могли бы наблюдать работы, учиться и быть собственностію отечества. Издержки для того не превышали бы теперешнихъ издержекъ на жалованье иностранцамъ.

«Мнѣ мало извѣстны способности государственныхъ людей, но, какъ ревностному сыну отечества, простительно надѣяться, что у насъ, конечно, нашлись бы русскіе замѣстить мѣста государственныя, которыми теперь обладаютъ иностранцы. Очень натурально, что такое обладаніе обижаетъ честолюбіе русскихъ, и народъ теряетъ къ правительству довѣренность».

Эта потеря довѣренности къ государю со стороны подданныхъ происходила еще и отъ другой причины. Истощивъ весь запасъ энергіи на борьбу съ заклятымъ своимъ врагомъ, Наполеономъ, на борьбу, составлявшую цѣль его жизни, и достигнувъ ея, Александръ совершенно неожиданно для себя потерялъ подъ собою почву и лишился цѣли къ дальнѣйшей дѣятельности. Приписывая свои успѣхи Промыслу Божію, онъ впалъ въ мистицизмъ и думалъ только о сохраненіи пріобрѣтеннаго войною, отказался отъ какихъ бы то ни было преобразованій, сталъ тяготиться бременемъ правленія, совершенно охладѣлъ къ дѣламъ [1]) и передалъ ихъ въ руки графа Аракчеева.

Помня завѣтъ отца быть всегда другомъ Аракчеева и никогда не разлучаться съ нимъ [2]), Александръ невольно питалъ чувство предан-

---

[1]) „Кикинъ,—записалъ графъ П. П. Сухтеленъ,—настойчиво просилъ допустить его къ государю съ тѣмъ, чтобы доложить его величеству слѣдующее: такъ какъ за важными дѣлами, которыми государь занятъ, ему, Кикину, давно уже не приходится работать и въ портфелѣ его накопилось великое множество бумагъ, а между тѣмъ, его обвиняютъ въ небрежности, то онъ лучше желаетъ лишиться мѣста, котораго не искалъ, нежели подвергаться общественному поношенію. Наконецъ, онъ добился того, что на нынѣшней недѣлѣ ему назначенъ день для доклада“ („Русскій Архивъ“ 1876 г. Т. I, стр. 347).

[2]) О причинахъ дружбы императора Александра съ графомъ Аракчеевымъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ и въ первые годы царствованія, см. статью нашу въ „Русской Старинѣ“ 1900 года, № 9, стр. 465—470. См. также статью: „Великій князь Александръ Павловичъ и А. А. Аракчеевъ“. „Русская Старина“ 1903 г., № 6, стр. 503—525.

ности къ вѣрному слугѣ его отца,—чувство, которое впослѣдствіи походило на сыновнее почтеніе. Въ сохраненіи этого чувства онъ видѣлъ нравственное успокоеніе, тѣмъ болѣе, что въ вѣрности человѣка, котораго онъ приблизилъ къ себѣ, онъ не могъ сомнѣваться. Въ глазахъ Александра графъ Аракчеевъ являлся искупителемъ прошлаго, и государь не отпускалъ его отъ себя во все время военныхъ дѣйствій, облекъ его полнымъ довѣріемъ, откровенностію и неразрывною дружбою. Александръ постоянно совѣтовался съ нимъ и поручалъ ему самыя секретныя дѣла. «Прочтя, вороти ко мнѣ всѣ сіи бумаги на имя разныхъ министровъ, — писалъ государь графу Аракчееву [1]),—я самъ ихъ разошлю, а то на тебя еще въ состояніи будутъ сердиться».

«Вороти мнѣ письма къ Несельроду. Хорошо бы мнѣ съ тобою повидаться передъ твоимъ отъѣздомъ завтра. Я въ 7 часовъ уже одѣтъ» [2]).

«Я видѣлъ, что Чернышевъ будетъ огорченъ, если его сдѣлать просто генералъ-маіоромъ, то онъ кажется заслуживаетъ, чтобы его произвести прямо въ генералъ-адъютанты, что̀ и исполнить» [3]).

«Душевно тебя благодарю за поздравленіе. Я давно привыкъ считать на твою любовь ко мнѣ; но и моя къ тебѣ давно и непреложно существуетъ. Я искренно сожалѣю о твоемъ нездоровьѣ, и если удастся, то самъ побываю у тебя» [4]).

Какъ эти, такъ и многія другія записочки, свидѣтельствовавшія о близости Александра къ Аракчееву, не вполнѣ удовлетворяли царскаго слугу. Изучивъ характеръ государя, онъ сознавалъ, что можетъ привлечь къ себѣ еще бо̀льшее расположеніе Александра, самостоятельностью и внушеніемъ, что ничего не желаетъ, ничего не проситъ и ничего не ищетъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, графъ Алексѣй Андреевичъ старался показать, что намѣренъ удалиться вовсе отъ дѣлъ, чѣмъ, конечно, выдѣлялся отъ всѣхъ окружающихъ, былъ среди нихъ исключеніемъ, затрогивалъ самолюбіе Александра и привлекалъ его къ себѣ. Такъ, при предстоявшей поѣздкѣ государя въ Англію, графъ Аракчеевъ отказался сопутствовать ему и просилъ уволить его въ отпускъ, чтобы посмотрѣть Италію, Римъ, Неаполь и другія мѣста.

«Думаю имѣть двѣ пользы,—писалъ онъ И. А. Пукалову [5]): одну въ оныхъ мѣстахъ побывать, а другую можетъ быть и важнѣе первой.

---

[1]) На запискѣ рукою Аракчеева написано: „получена 1-го ноября“ 1812 г.
[2]) Получена 2-го ноября.
[3]) Получена 11-го ноября.
[4]) Получена 6-го декабря.
[5]) Отъ 21-го февраля 1814 г. „Русскій Арх.“ 1891 г. № 1, стр. 136.

«Далѣе въ лѣсъ больше дровъ; состарѣхся и изнемогохъ, то надобно и честь знать. Особенно въ оное время, гдѣ зачнутъ дѣлать много новаго: то молчать грѣхъ, а говорить, то согрѣшить можетъ.

«Я ясно и торжественно могу сказать,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]),—что прошусь у государя нашего милостиваго совсѣмъ прочь отъ дѣлъ, которыя мнѣ наскучили, и я чувствую, что они тяготятъ мое здоровье по прямому моему характеру. Здѣсь вы, любезный другъ, погрѣшили, сказавъ обо мнѣ, что я ко двору очень привыкъ; вижу изъ онаго, что и умные люди иногда могутъ ошибаться. Знайте, любезный другъ, и повѣрьте послѣ мною сказанное: я двора никогда не любилъ, и онъ мнѣ всегда былъ въ тягость; а заблужденіе мое было, признаюсь въ томъ, что я думалъ, будто честный человѣкъ можетъ дѣлать общую пользу. Оно можетъ быть и возможное дѣло, но въ государствѣ маленькомъ; а въ нашемъ пространномъ колоссѣ оное есть заблужденіе. Касательно же толковъ людскихъ, то на оные смотрѣть не должно; да они ничего важнаго не сдѣлаютъ. Вспомните толки 1812 года и сравните теперешніе о тѣхъ же людяхъ, то вы ужаснетесь отъ онаго; слѣдовательно, публика либо тогда, либо теперь, но все несправедлива».

Такъ писалъ, но не такъ думалъ графъ Аракчеевъ. Отказомъ сопровождать государя въ Англію онъ желалъ обратить на себя еще бо̀льшее вниманіе его. 13-го мая графъ былъ уволенъ въ отпускъ на все то время, какое нужно для поправленія здоровья. Онъ уѣхалъ, а вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ и императоръ Александръ изъ Парижа въ Англію. Въ день отъѣзда, 22-го мая, онъ писалъ Аракчееву [2]):

«Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобою. Прими еще разъ мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и которыхъ воспоминаніе на вѣкъ останется въ душѣ моей. Я скученъ и огорченъ до крайности; я себя вижу послѣ 14-ти лѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны, лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограничена всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. На вѣкъ тебѣ вѣрный другъ».

Письмо это вполнѣ удовлетворило Аракчеева; онъ достигъ своей цѣли, обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ откровенное признаніе государя.

«Чувствую цѣну милостиваго вашего письма,—отвѣчалъ графъ;—оно

---

[1]) И. А. Пукалову отъ 12-го апрѣля 1814 г. изъ Парижа „Русскій Арх.“ 1891 г. № 1, стр. 140.

[2]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 241.

будетъ для меня на всю жизнь утѣшеніемъ. Позвольте, всемилостивѣйшій государь, и мнѣ сказать съ прямою откровенностью, что любовь и преданность моя къ вашему величеству превышали въ чувствахъ моихъ все на свѣтѣ, что желанія мои не имѣли другой цѣли, какъ только заслужить одну вашу довѣренность, не для того, чтобы употреблять ее къ пріобрѣтенію себѣ наградъ и доходовъ, а для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія вашего о несчастіяхъ, тягостяхъ и обидахъ въ любезномъ отечествѣ. Вотъ была вся цѣль моя. Но почувствовавъ слабость здоровья и замѣтя въ себѣ неспособность, которая не дозволяла меня употребить въ дѣлахъ и быть вамъ, всемилостивѣйшій государь, полезнымъ, долженъ былъ просить себѣ увольненіе. Не смѣю скрыть предъ вами, государь, и того, что бы меня не тяготило душевное огорченіе. Вашему императорскому величеству вездѣ и всегда буду благодарнымъ и вѣрнымъ подданнымъ и слугою».

Душевное огорченіе Аракчеева крайне безпокоило Александра, и онъ, возвращаясь въ Россію, хотѣлъ по дорогѣ непремѣнно повидаться съ нимъ. Зная, что графъ лѣчится водами въ Ахенѣ, императоръ звалъ его на свиданіе въ Кельнъ. «Сдѣлай одолженіе, Алексѣй Андреевичъ,— писалъ онъ 19-го іюня изъ Ротердама,—если тебѣ не въ тягость, пріѣзжай въ Кельнъ 22-го по утру, я тамъ буду часу въ 12-мъ и отобѣдаю. Оно не такъ далеко отъ тебя, а мнѣ будетъ отмѣнно пріятно съ тобою видѣться. Пребываю навсегда тебѣ искренно привязаннымъ».

Послѣ этого свиданія, на которомъ, конечно, были покончены всѣ недоразумѣнія, императоръ отправился въ Петербургъ, а графъ Аракчеевъ—въ Грузино. Но и эта разлука, хотя и на очень близкомъ разстояніи, тяготила Александра. «Я надѣюсь,—писалъ онъ графу Аракчееву 6-го августа,—что ты будешь доволенъ мною, ибо, кажется, довольно долго я тебя оставлялъ наслаждаться любезнымъ твоимъ Грузиномъ. Пора, кажется, намъ за дѣло приняться, и я жду тебя съ нетерпѣніемъ. Пребываю на вѣкъ тебѣ искреннимъ и преданнымъ другомъ».

Графъ Аракчеевъ поспѣшилъ пріѣхать и въ день тезоименитства императора 30-го августа, какъ мы видѣли, ему пожалованъ былъ портретъ, при чемъ Александръ писалъ въ рескриптѣ: «Доказанная многократными опытами въ продолженіе всего царствованія нашего совершенная преданность и усердіе ваше къ намъ, трудолюбивое и попечительное исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на васъ государственныхъ должностей, особливо же многополезныя содѣйствія ваши во всѣхъ подвигахъ и дѣлахъ, въ нынѣшнюю знаменитую войну происходившихъ, запечатлѣвая заслуги ваши намъ и отечеству, обращаютъ на нихъ въ полной мѣрѣ вниманіе и призна-

тельность нашу, во изъявленіе и засвидѣтельствованіе которыхъ препровождаемъ мы къ вамъ для возложенія на себя портретъ нашъ».

Графъ Аракчеевъ зналъ о предстоящей ему наградѣ и вѣрный своему поведенію упросилъ государя пожаловать ему портретъ безъ алмазныхъ украшеній. Они, конечно, были ему не столь нужны, сколько кажущіяся безкорыстіе независимость и пріобрѣтаемое имъ вліяніе на государя.

Современники, отчасти и потомки недоумѣвали, что было причиною и основою неразрывной дружбы, повидимому, столь противоположныхъ характеровъ. На самомъ дѣлѣ у нихъ было много общаго и дополняющаго другъ друга: оба они были характера скрытнаго, притворнаго и льстиваго.

«Я сохраню навсегда,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ воспоминаніяхъ,—истинное уваженіе къ великимъ его (императора Александра) дарованіямъ, но не испытаю одинаковаго чувства къ личнымъ его свойствамъ.

«Я безпрестанно наблюдалъ императора и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною. По обыкновенію своему онъ былъ веселъ и разговорчивъ, много танцовалъ и обхожденіемъ своимъ хотѣлъ заставить, чтобы забыли санъ его, но, не взирая на неподражаемую его любезность и на очаровательность въ обращеніи, у него вырывались по временамъ такіе взгляды, которые обнаруживали, что душа его была въ волненіи и что мысли его устремлены были совсѣмъ на другіе предметы, нежели на балъ и на женщинъ, которыми онъ, повидимому занимался, а иногда блистало у него во взорахъ нѣчто такое, которое ясно говорило, что онъ помнитъ въ эту минуту, что онъ рожденъ самодержцемъ» [1]).

— Императоръ Александръ,—говорилъ Наполеонъ Меттерниху,—привлекательная особа, очаровывающая тѣхъ, кто соприкасается съ нимъ. Если бы я былъ человѣкомъ способнымъ поддаваться вліянію перваго впечатлѣнія, то я полюбилъ бы его отъ души. Однако же, не смотря на многія достоинства его въ обращеніи, въ самомъ существѣ его замѣчается н ѣ ч т о такое, что не могу лучше опредѣлить или выразить, какъ сказавши, что у него постоянно чего-то недостаетъ. При этомъ удивительнѣе всего то, что нельзя предвидѣть, что̀ именно при извѣстныхъ обстоятельствахъ у него будетъ недоставать, потому что это н ѣ ч т о до безконечности измѣняется.

«Истина, не подверженная ни малѣйшему возраженію,—писалъ ба-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго 1816 г. „Русск. Вѣстн.“ 1890 г. № 10, стр. 85 и 86. „Русская Старина“ 1897 г. № 6, стр. 485 и 486.

ронъ В. И. Штейнгель императору Николаю I [1]),—что въ Бозѣ почившій государь, братъ вашъ, обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои имѣли счастіе съ нимъ встрѣчаться; что его поведеніе въ званіи наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія, твердость его при всеобщемъ бѣдствіи 1812 года, его кротость въ блескѣ послѣдующей затѣмъ славы, равно какъ и другіе извѣстные свѣту, и народу въ особенности, случаи, въ коихъ онъ явилъ высокія свойства души своей, сдѣлали особу его любезною и священною для россіянъ-современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое, къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть, объяснитъ одна токмо безпристрастная исторія, царствованіе его—если разумѣть подъ словомъ симъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе его поставило средній и нижній классъ народа въ недоумѣніе: государь всюду являлся ангеломъ и сопровождался радушными восклицаніями, но въ то же время отъ распоряженій правительства, именемъ его, развивались повсюду неудовольствіе и ропотъ».

Александръ съ раннихъ лѣтъ привыкъ владѣть собою; обхожденіе его всегда отличалось мягкостью, утонченною вѣжливостью и очаровательною любезностью. Сперанскій называлъ его сущимъ прельстителемъ. Съ отроческихъ лѣтъ онъ созналъ печальную необходимость быть «скрытнымъ, хитрить, а подъ часъ и лукавить» [2]). Онъ удивлялъ другихъ не столько тѣмъ, что зналъ, сколько тѣмъ, что угадывалъ. Въ его характерѣ была смѣсь мужскихъ достоинствъ съ женскою слабостью и рядъ противорѣчій. Отъ изысканной любезности до строгости и даже жестокости былъ только одинъ шагъ. Онъ вставалъ и кланялся слугѣ за то, что онъ принесъ ему стаканъ воды, сажалъ за пустяки подъ арестъ, ссылалъ безъ суда и покровительствовалъ жестокимъ наказаніямъ въ войскахъ для поддержанія дисциплины. «Въ 10 часовъ утра,—записалъ Михайловскій-Данилевскій,—его величество гулялъ по саду и семь разъ прошелъ мимо моихъ оконъ. Онъ казался веселымъ, и взглядъ его выражалъ кротость и милосердіе; но чѣмъ болѣе я разсматриваю сего необыкновеннаго мужа, тѣмъ болѣе теряюсь въ заключеніяхъ: напримѣръ, какимъ образомъ можно соединить спокойствіе души, начертанное теперь на лицѣ его, съ извѣстіемъ, которое мнѣ сейчасъ сообщили, что онъ велѣлъ посадить подъ караулъ двухъ кре-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 11-го января 1826 г. Государственный Арх., I, д. № 11.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1886 г. № 11, стр. 237.

стьянъ, которыхъ единственная вина состояла въ томъ, что они подали ему прошеніе» [1]).

Какъ всѣ люди увлекающагося, перемѣнчиваго и слабаго характера, Александръ легко поддавался чужому вліянію, характеру болѣе сильному, настойчивому, но слѣдовалъ его внушенію до тѣхъ только поръ, пока не произойдетъ какая-либо перемѣна въ его собственныхъ мысляхъ, осуществленіе которыхъ, повидимому, болѣе удовлетворяетъ его желанію и самолюбію. Императоръ Александръ обладалъ,—говоритъ Меттернихъ,—тонкимъ, гибкимъ, острымъ, но перемѣнчивымъ умомъ. Онъ одинаково и легко заблуждался какъ отъ излишней недовѣрчивости къ людямъ, такъ и отъ большой склонности къ ложнымъ теоріямъ. Обладая живостью мысли, онъ всегда поглощенъ былъ различными идеями, которыя усвоивалъ себѣ какъ бы по вдохновенію, при чемъ излюбленныя идеи играли постоянно преобладающую роль въ его сужденіяхъ. Такія идеи пріобрѣтали вскорѣ въ его глазахъ значеніе системы, приводившей его часто къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые онъ ожидалъ.

«Мы иногда,—писалъ графъ Строгановъ Н. Н. Новосильцову,—вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало бы дѣлать. Изъ этого выходитъ въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое».

Несомнѣнно, что Александръ желалъ благоденствія Россіи, стремился къ преобразованіямъ, но лишь только приходилось приводить ихъ въ исполненіе, какъ встрѣчались затрудненія, по его мнѣнію непреодолимыя.

Александру, по словамъ Меттерниха, нужно было два года для развитія мысли, которая на третій годъ получала характеръ нѣкоторой системы, на четвертый система мѣнялась, а на пятый къ ней охладѣвали, и она оставлялась, какъ негодная [2]). Отсюда происходила частая измѣнчивость въ расположеніи къ дѣламъ и людямъ, составлявшимъ иногда совершенную противоположность другъ другу; отсюда частая перемѣна совѣтни-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго Данилевскаго. „Русскій Вѣст." 1890 г. № 9, стр. 153.

[2]) Въ доказательство справедливости своихъ словъ Меттернихъ приводитъ слѣдующее:

„Первое мое соприкосновеніе съ императоромъ Александромъ случилось во время моего пребыванія въ Берлинѣ въ 1805 году. Тогда нашелъ я его либеральнымъ въ обширномъ смыслѣ слова и ожесточеннымъ врагомъ Бонапарта. Онъ выражалъ ненависть къ нему какъ къ деспоту и завоевателю. Въ 1807 году въ его убѣжденіяхъ произошла большая перемѣна, а въ 1808 году онъ почувствовалъ уже особенное расположеніе къ французскому императору. Въ 1812 году чувства его снова перемѣнились. Если бы даже Наполеонъ и не воевалъ съ Россіею, то все-таки расположеніе къ нему Александра

ковъ и замѣна одного другимъ съ тѣмъ, чтобы не приближать къ себѣ предшественника и не находиться подъ вліяніемъ его совѣтовъ.

Въ дѣтствѣ Александръ находился подъ вліяніемъ своей бабки Екатерины; вступая на престолъ, обѣщалъ въ манифестѣ править Россіею по ея духу и не любилъ, когда вспоминали объ ея царствованіи. Вотъ слова,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій, слышанныя мною однажды изъ устъ государя:

— Мнѣ говорятъ, зачѣмъ я не воздвигаю памятника императрицѣ Екатеринѣ; я отвѣчаю, что, въ такомъ случаѣ, я долженъ бы былъ соорудить монументъ и отцу моему; какъ внукъ и сынъ, я не могу быть судьею ихъ дѣяній.

Мечта о дарованіи Россіи либеральныхъ учрежденій вызвала, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, образованіе такъ называемаго негласнаго комитета, въ которомъ лица, самыя близкія императору, трудились надъ разработкою проекта преобразованія Россіи. Проектъ этотъ оказался неосуществимымъ, и участники въ работѣ: графъ Строгановъ, Новосильцовъ и князь Чарторыйскій въ разное время удалились отъ Двора и потеряли дружбу Александра. Столь близкій къ государю въ первые годы его царствованія В. Н. Каразинъ, имѣвшій къ нему доступъ безъ доклада, часто бесѣдовавшій съ нимъ съ глазу на глазъ, былъ удаленъ только по однимъ наговорамъ, а впослѣдствіи, по одному подозрѣнію, посаженъ въ крѣпость. Въ десятыхъ годахъ царствованія у Александра явились новые планы преобразованій, разработка которыхъ была поручена М. М. Сперанскому. Новый дѣятель сталъ очень близко къ императору, но прошло едва нѣсколько лѣтъ, какъ Александръ, желая сплотить общество при предстоявшей борьбѣ съ Наполеономъ, сдѣлалъ уступку этому обществу, не счелъ нужнымъ защищать своего сотрудника и выслалъ Сперанскаго изъ Петербурга безъ суда, какъ преступника.

уничтожилось бы: прежнія идеи филантропіи и свободомыслія не только преобладали надъ его умомъ, но даже возгорѣлись снова. Въ 1814 году онѣ достигли высшей степени своего развитія. Въ 1815 году онѣ уступили мѣсто мистицизму. Въ 1817 году это новое направленіе его духа претерпѣло большую перемѣну. Въ 1818 году я встрѣтилъ императора уже горячимъ приверженцемъ монархическаго и консервативнаго принциповъ и явнымъ врагомъ всякаго революціоннаго направленія и готовымъ вернуться на путь религіознаго мистицизма. Съ этимъ направленіемъ онъ оставался непоколебимымъ до 1823 года. Тогда возникли затрудненія, которыя создали ему его же совѣтники, принявъ участіе въ греческихъ дѣлахъ. Тогда онъ могъ ежедневно видѣть возрастаніе революціонныхъ принциповъ, сѣмена которыхъ онъ, подъ вліяніемъ своего ослѣпленія въ юности, посѣялъ самъ въ собственномъ государствѣ. („Aus Metternich's nachgelassenen Papieren", Vien 1880 т. I. См. также „Историческій Вѣстникъ" 1880 г. № 1, стр. 171).

«Примѣры такихъ ссылокъ въ нашей исторіи многочисленны,—записалъ Михайловскій-Данилевскій въ своемъ журналѣ 1816 года,—но въ царствованіе Александра они были неслыханны, а потому происшествіе сіе произвело въ свое время величайшее на всѣхъ вліяніе и составляло предметъ множества различныхъ толковъ и догадокъ; чѣмъ болѣе благородный образъ мыслей Александра былъ извѣстенъ, тѣмъ болѣе желали знать, что могло побудить его на такой поступокъ, который находился въ совершенномъ противорѣчіи съ его правилами. Сколько я о семъ противорѣчіи ни размышлялъ, однако жъ нахожу, что государь поступилъ несправедливо, по той причинѣ, что невозможно одобрить наказанія, приведеннаго въ исполненіе безъ суда и даже безъ предварительнаго слѣдствія».

Такая ссылка вызывала тѣмъ бо̀льшее удивленіе, что въ своихъ письмахъ и рескриптахъ Александръ неоднократно говорилъ, что ставитъ законъ выше себя.

«Законъ, коему волю мою покоряю,—говорилъ онъ [1],—не можетъ быть ни твердъ, ни силенъ, когда колеблютъ его исключеніемъ, и который одинъ и всегда единообразно долженъ управлять всѣми отношеніями и обязанностями.

«Какъ скоро я себѣ дозволю нарушить законы,—писалъ государь княгинѣ М. Г. Голицыной [2],—кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, я могу быть только правосуднымъ. Вы слишкомъ справедливы, чтобы не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною... Законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ».

Къ сожалѣнію, на дѣлѣ это не исполнялось, и Александръ, не имѣя прочной привязанности къ людямъ, легко разставался съ ними, умѣлъ ловко уклоняться отъ тѣхъ, которые противодѣйствовали избранному имъ образу дѣйствій. Другъ дѣтства государя князь А. Н. Голицынъ и другіе испытали на себѣ это впослѣдствіи.

«Александръ I,—говоритъ Гётце [3],—былъ довольно непостояненъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ. На благосклонность его нельзя было твердо полагаться. Люди, которымъ онъ оказывалъ свое особенное рас-

---

[1]) Въ письмѣ князю Александру Михайловичу Голицыну 15-го ноября 1802 г. „Русскій Арх." 1880 г., кн. III, стр. 360.

[2]) Въ письмѣ отъ 7-го августа 1801 г. „Русская Старина" 1870 г., т. I, изданіе второе, стр. 440.

[3]) „Историческій Вѣстникъ" 1882 г., № 5, стр. 267.

положеніе, или которые удостоились его горячей дружбы и которые, казалось, были достойны оказываемаго имъ высокаго отличія, неожиданно лишались его прежняго вниманія и утрачивали его дружбу»...

Все его царствованіе отличалось непостоянствомъ и измѣнчивостію.

«Изъ всего,—говоритъ Д. П. Руничъ [1],—что было предпринято въ Россіи въ продолженіе 25 лѣтъ царствованія Александра, ничего не укрѣпилось. То̀, что дѣлалось въ 1802 году, разрушилось въ 1812 году. Принципы 1806 г. не были уже принципами 1816 г. Словомъ, все дѣлалось съ промежутками. То устраивали, то разстраивали. Одна система администраціи смѣнялась другою. Сегодня были философами, завтра ханжами. Это грустное положеніе вещей усиливалось по мѣрѣ того, какъ разочарованіе и утомленіе ослабляли нравственный характеръ Александра. Все зависѣло отъ двигателя, пускавшаго въ ходъ машину. Во время министерства Кочубея и его души Сперанскаго, всѣ были приверженцами конституціи; во время фавора кн. Голицына всѣ были ханжами. Во время милости Аракчеева всѣ были льстивы».

— Я находился,—говоритъ Меттернихъ,—въ непосредственномъ общеніи съ русскимъ императоромъ. Это общеніе длилось непрерывно въ теченіе тринадцати лѣтъ и заключалось то въ постоянномъ обмѣнѣ истинной довѣрчивости, то въ болѣе или менѣе выражавшейся холодности, то въ личныхъ и открыто высказываемыхъ упрекахъ.

Противоположности въ поступкахъ Александра дѣлали его человѣкомъ загадочнымъ для современниковъ, и они затруднялись въ пониманіи причины столь страннаго поведенія. Князь Вяземскій такъ характеризовалъ его:

Сфинксъ не разгаданный до гроба,
О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
Въ его любви таилась злоба,
И въ злобѣ слышалась любовь.
Дитя XVIII вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ.

Никто изъ современниковъ не зналъ сегодня, какъ поступитъ Александръ завтра.

Въ 1815 году императоръ познакомился съ баронессою Крюденеръ, долго и много бесѣдовалъ съ нею о мистицизмѣ и подпалъ даже подъ ея вліяніе. Онъ выписывалъ ее въ Гейдельбергъ, Парижъ и Петербургъ и кончилъ тѣмъ, что попросилъ ее удалиться изъ столицы. Тѣмъ не менѣе бесѣды Крюденеръ глубоко запали въ душу Александра и имѣли

---

[1]) Въ своихъ запискахъ. „Русское Обозрѣніе“, 1890 г., № 9, стр. 242.

большое значеніе въ послѣдующей его жизни. Баронесса очертила его прошлое самыми мрачными красками и требовала покаянія.

— Нѣтъ, государь,—говорила она,—вы еще не приблизились къ Богочеловѣку, какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ Того, Кто одинъ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи на землѣ. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились передъ Іисусомъ, не сказали еще, какъ мытарь изъ глубины сердца: «Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня». И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова.

Въ этомъ смыслѣ Крюденеръ говорила своему государю въ теченіе почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы [1]).

Испуганная тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, въ какое слова ея повергли Александра, Крюденеръ сказала ему:

— Государь! я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всею искренностію сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были вамъ сказаны. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ.

— Не бойтесь,—отвѣчалъ Александръ,—всѣ ваши слова нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ вещи, которыя я никогда еще въ себѣ не видѣлъ. Я благодарю за это Бога, но мнѣ нужно часто имѣть такой разговоръ, и я прошу васъ не удаляться.

Бесѣды покаявшейся грѣшницы произвели на государя огромное впечатлѣніе, и слова преступникъ и грѣшникъ глубоко запали въ его душу. Слова эти, сказанныя почти въ упоръ и такъ неожиданно, должны были напомнить Александру картину прошлаго, напомнить событіе 12-го марта 1801 года. «Можно себѣ представить,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій въ своихъ запискахъ,—съ какимъ отчаяніемъ узналъ о кончинѣ отца (Павла I) наслѣдникъ и какъ жестоки были угрызенія его совѣсти. Этотъ внутренній, его укорявшій, голосъ, вѣроятно, никогда не умолкалъ и мрачныя воспоминанія объ этомъ событіи, конечно, лежали тяжелымъ гнетомъ на его впечатлительной душѣ, омрачая зачастую его настроеніе».

Это настроеніе и воспоминаніе дѣлали для Александра Петербургъ душнымъ и пребываніе въ столицѣ тягостнымъ. Успокоеніе онъ находилъ въ безпрерывныхъ и продолжительныхъ путешествіяхъ по Россіи и за границею, и потому ему нуженъ былъ человѣкъ, его замѣ-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ „Баронесса Крюднеръ“ Вѣст. Европы 1869 г., № 8, стр. 631.

няющій. При тогдашнемъ нравственномъ состояніи Александру необходима была опора; его умъ и сердце нуждались въ руководствѣ и поддержкѣ. То и другое находилъ онъ въ графѣ Аракчеевѣ, пропитанномъ чувствомъ «восточнаго повиновенія» и бывшемъ человѣкомъ порядка, доходившаго до педантизма и деспотизма. «Русскій человѣкъ,—говоритъ князь Вяземскій,—вообще порядка не любитъ; законъ и подчиненность ему претятъ натурѣ его». Преслѣдованіе этихъ пороковъ графомъ Аракчеевымъ вызывало къ нему ненависть, но согласовалось совершенно съ взглядами Александра, и онъ охотно, скрываясь за Аракчеевымъ, предоставлялъ ему нести всю отвѣтственность передъ обществомъ. Такимъ образомъ въ устахъ народа Александръ носилъ имя Ангела и Благословеннаго, а Аракчеева звали Огорчеевымъ, Змѣемъ Горыничемъ, Проклятымъ змѣемъ, Злодѣемъ и приписывали ему всѣ строгости и невзгоды. Графъ Алексѣй Андреевичъ зналъ это и принималъ на себя всѣ прозвища.

«Я всегда въ ономъ несчастливъ,—писалъ онъ И. А. Пукалову [1]),—что обо мнѣ дурно думаютъ и всегда считаютъ, будто я хочу колкости писать, говорить и даже думать; но я въ молодыхъ лѣтахъ онымъ пренебрегалъ, былъ чистъ въ своей совѣсти, а нынѣ со старостію, хотя и больно уже оное слышать, но, бывъ правъ, такъ оставляю въ покоѣ».

«Вотъ чудная мнѣ участь въ знакомыхъ вашихъ,—писалъ онъ ему же въ другомъ письмѣ [2]),—они всѣ меня чуждаются, и я насильно съ ними знакомлюсь... Я всегда на оное счастливъ, что все относятъ ко мнѣ, что я и во снѣ не вижу, а узнаю уже послѣ всѣхъ».

Императоръ Александръ и графъ Аракчеевъ были врагами роскоши и даже скупы [3]). Государь не любилъ публично оказываемыхъ ему почестей, а Аракчеевъ не чванился своимъ положеніемъ, отказывался отъ «праздничныхъ принадлежностей», т. е. наградъ, велъ родъ жизни «домосѣдный».—Въ блестящихъ собраніяхъ двора какая-то суровость

---

[1]) Въ письмѣ отъ 20-го марта 1813 г. „Русскій Арх.", 1891 г. № 1, стр. 131.

[2]) Отъ 12-го апрѣля 1814 г. Тамъ же, стр. 139.

[3]) „По прибытіи въ Грузино,—пишетъ Брадке,—намъ подали чаю, но съ такимъ скудно-опредѣленнымъ количествомъ бѣлаго хлѣба, что мы никакъ не могли имъ насытиться и просили добавленія; слуга вернулся черезъ нѣсколько времени съ извиненіемъ, что онъ не могъ нигдѣ отыскать графа, и тогда мы узнали, что поданная намъ порція хлѣба опредѣляется имъ самимъ для каждаго гостя и не можетъ быть увеличена безъ его соизволенія.

„Обѣденный столъ графа былъ весьма хорошъ, но порціи не должны были превышать извѣстной мѣры; такъ, напримѣръ, куски жаренаго или котлеты были опредѣлены по числу гостей, и горе тому, кто возьметъ двѣ котлеты; онъ могъ разсчитывать на долгое время преслѣдованія со стороны графа". (Записки Е. О. фонъ-Брадке. „Русскій Арх." 1875 г. Т. I, стр. 36 и 37).

военнаго схимника отличала его отъ среды другихъ сановниковъ и вельможъ. Эта черта личности его, ему врожденная или имъ благопріобрѣтенная, могла также служить точкою сближенія его съ Александромъ» [1]).

Лица, близко стоявшія къ Аракчееву, какъ Г. С. Батенковъ и Е. О. фонъ-Брадке, говорятъ о немъ какъ о человѣкѣ характера твердаго и ума свѣтлаго.

Г. С. Батенковъ рисовалъ графа Аракчеева какъ человѣка вспыльчиваго, зависимаго отъ подчиненныхъ, «ибо самъ писать не можетъ». Онъ любилъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у государя и умѣлъ прямо разставить людей, сообразно ихъ способностямъ. Графъ былъ «приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы», былъ рѣшителенъ и любилъ наружный порядокъ. Принудить, заставить его что-нибудь сдѣлать было трудно. Въ обращеніи графъ былъ простъ, своеволенъ, говорилъ безъ разбора словъ, а иногда и неприлично; съ подчиненными былъ совершенно искрененъ, казался богомольнымъ, но былъ слабой вѣры [2]).

По словамъ Брадке, графъ Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей и дарованій... «Едва-ли можетъ быть (это) подвержено сомнѣнію,—прибавляетъ Брадке,—со стороны тѣхъ лицъ, кто его хотя нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своимъ предубѣжденіемъ». Быстро схватывая предметъ, онъ въ то же время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда оно не вовлекало его въ противорѣчіе съ предвзятыми его намѣреніями.

«По истинѣ рѣдкая и строго направляемая дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями давали ему очевидную возможность совершить болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ, и служили въ беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ» [3]).

Много работая самъ, графъ Аракчеевъ безпощадно требовалъ того же и отъ другихъ.

Познакомившись ближе съ Аракчеевымъ, Н. М. Карамзинъ говорилъ, что нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ, съ хорошими правилами, и понимаетъ, почему Александръ привыкъ къ нему и облекаетъ его своимъ довѣріемъ [4]). Нуждаясь въ строгомъ блюстителѣ существую-

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій, По поводу записокъ гр. Зенфта. „Русскій Арх." 1876 г. Т. I, стр. 476 и 477.

[2]) Графъ М. М. Сперанскій и Аракчеевъ, „Русская Старина", 1897 № 10 стр. 88 и 89.

[3]) „Русскій Арх.", 1875 г. Т. I, 47.

[4]) „Русскій Арх.", 1876 г. Т. I, 475.

щаго порядка, Александръ съ полнымъ довѣріемъ передавалъ Аракчееву власть, отъ которой впрочемъ самъ не отказывался.

«Александръ I, вопреки всѣмъ прекраснымъ качествамъ сердца,— говоритъ Д. Н. Свербеевъ [1]),—не оставлялъ безъ преслѣдованія ни одной грубой выходки крайняго либерализма и имѣлъ привычку отрезвлять иногда очень долгимъ заточеніемъ или ссылкой тѣхъ, которые считались противниками его верховной власти».

Природа одарила Александра добрымъ, но злопамятнымъ сердцемъ. Онъ не казнилъ людей, «а преслѣдовалъ ихъ медленно со всѣми наружными знаками благоволенія и милости: о немъ говорили, что онъ употреблялъ кнутъ на ватѣ» [2]).

Въ этомъ отношеніи А. И. Тургеневъ идетъ далѣе. Онъ говоритъ, что суровость императора Павла безъ ухищреній, безъ лукавства, безъ лести и обмана въ тысячу разъ сноснѣе, чѣмъ деспотизмъ скрытый и перемѣнчивый, какой былъ у императора Александра.

Ревниво оберегая власть, онъ не слушалъ и не признавалъ совѣтовъ въ этомъ направленіи, а желалъ, чтобы все клонившееся къ благу его подданныхъ выходило только лично отъ него самого и чтобы никто не посягалъ на самостоятельность его власти. Такого человѣка онъ видѣлъ въ Аракчеевѣ, не принадлежавшемъ ни къ какой партіи, преданномъ ему и службѣ. «Государь не опасался встрѣтить въ немъ человѣка, систематически закупореннаго въ той или другой доктринѣ. Не могъ бояться онъ, что, при исполненіи воли и предпріятій его, будутъ, при случаѣ, обнаруживаться въ Аракчеевѣ свои заднія или передовыя мысли».

Уклоняясь отъ близкаго сношенія съ людьми, Александръ приблизилъ къ себѣ только одного Аракчеева и въ концѣ 1815 года ввелъ его въ Комитетъ министровъ.

«Увольняя тайнаго совѣтника Молчанова въ отпускъ за границу,— писалъ государь князю Салтыкову [3]),—по случаю его болѣзни, назначаю я для доклада и надзора по дѣламъ Комитета, всякій разъ когда здоровье ваше вамъ не позволитъ лично въ Комитетъ и ко мнѣ пріѣзжать,—генерала-отъ-артиллеріи графа Аракчеева. Производителемъ же дѣлъ Комитета, на мѣсто Молчанова, повелѣваю быть статсъ-секретарю дѣйствительному статскому совѣтнику Марченко».

Почти одновременно съ передачею дѣлъ Комитета министровъ въ руки Аракчеева къ нему перешли дѣла военныя и даже духовныя. Они

---

[1]) Первая и послѣдняя встрѣча съ А. С. Шишковымъ, „Русскій Арх.“, 1871 г. Т. I, стр. 166.

[2]) Записки Н. И. Греча, стр. 155.

[3]) Въ рескриптѣ отъ 24-го декабря 1815 г. Арх. Комитета министровъ, кн. 108.

разсматривались и приготовлялись къ докладу въ кабинетѣ графа. Мнѣнія Государственнаго Совѣта были также въ его рукахъ: всѣ учрежденія и лица потеряли всякое значеніе—графъ Аракчеевъ сталъ первымъ и единственнымъ министромъ. «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ,—писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ [1]). Много онъ на себя взялъ; а дурно то, что Цестель [2]) совѣтникъ и Пукаловъ самый ближній къ нему человѣкъ».

«Говорятъ,—писалъ Н. М. Карамзинъ,—что у насъ теперь только одинъ вельможа—графъ Аракчеевъ».

Возвышеніе его было принято обществомъ съ большимъ неудовольствіемъ: терялась всякая надежда на измѣненіе государственнаго строя къ лучшему. Отъ Аракчеева не ожидали никакихъ попытокъ къ искорененію существующихъ безпорядковъ и злоупотребленій, да и самъ онъ, какъ мы видѣли, сознавалъ, что въ такомъ обширномъ государствѣ сдѣлать ничего нельзя [3]).

— Мое дѣло исполнять волю государеву,—говорилъ онъ Н. М. Карамзину. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться, а теперь уже поздно [4]).

«Мы всего въ нашемъ государствѣ не исправимъ и всѣхъ своихъ братьевъ не передѣлаемъ»,—писалъ графъ Аракчеевъ барону Кампенгаузену 5-го января 1822 г. А это было настоятельно необходимо, по требованію времени и сложившимся обстоятельствамъ гражданской жизни.

«Когда неимовѣрная сія война воспріяла столь счастливое окончаніе,—писалъ графъ Кочубей императору Александру [5]);—когда правительство, подъ кровомъ Всевышняго, оправдало столь блистательно ожиданія подданныхъ своихъ; когда, основавъ спокойствіе внѣшнее на многія времена, возродило оно самыя утѣшительныя ожиданія и внутренняго блаженства, — то не можетъ благоразумное правительство, не подвергнувъ себя самымъ справедливымъ укоризнамъ и даже ослабленію чувствъ, глубоко въ подданныхъ громкою славою оружія впечатлѣнныхъ, оставить безъ надлежащаго и неотлагательнаго вниманія настоящаго положенія государства во внутренности его. Не можетъ оно, не забывъ самыхъ священнѣйшихъ обязанностей своихъ, не обратить всѣхъ усилій и стараній своихъ къ излѣченію глубокихъ ранъ пожертвованіями на войну, а болѣе всего безпорядками Имперіи нанесенныхъ. Не можетъ

---

[1]) А. Ѳ. Брокеру 24-го января 1816 г. „Русскій Арх." 1868 г., стр. 1894.

[2]) Впослѣдствіи сибирскій генералъ-губернаторъ.

[3]) См. выше письмо Аракчеева Пукалову отъ 12-го апрѣля 1814 г. стр. 11.

[4]) Письмо Карамзина 13-го марта 1816 г. Неизданныя сочиненія и переписка. С.-Петербургъ. 1862 г., стр. 177.

[5]) Въ запискѣ отъ „ " декабря 1814 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 50.

оно не удвоитъ стараній, дабы не только возвратить государству прежнее его благосостояніе, но, буде можно, и усугубить оное».

Эти мысли, выраженныя такъ категорически, не были услышаны государемъ, не принимавшимъ никакихъ мѣръ къ улучшенію положенія Имперіи и не допускавшимъ постороннихъ совѣтовъ и вмѣшательствъ.

«Всѣ тѣ,—писалъ графъ С. Р. Воронцовъ графу Ѳ. В. Ростопчину [1]), которые управляли страною въ эти послѣднія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, получаютъ направленіе свыше, гдѣ нѣтъ ни знанія, ни благоразумія, ни высокихъ чувствъ, но одна лишь крутая деспотическая воля, плохо прикрываемая внѣшнею оболочкою кротости и лицемѣрнаго благочестія. Эти люди, находя, что подобныя понятія и подобный характеръ согласуются съ ихъ собственными, пользуются ими, и это направленіе еще усилилось и распространилось благодаря тѣмъ, кто пришелъ къ убѣжденію, что всякаго повышенія можно достигнуть только путемъ подлости, ведущимъ яко бы къ счастію».

Послѣ Отечественной войны взгляды эти стали измѣняться. Упорная борьба противъ соединенныхъ силъ Европы совокупила народъ для защиты своего достоянія; онъ созналъ, что однѣ мѣры правительства, безъ его содѣйствія, не въ состояніи были охранить государство отъ порабощенія вторгнувшагося завоевателя и что спасеніе отечества принадлежитъ всѣмъ тѣмъ, кто жертвовалъ жизнію и имуществомъ. Явилось сознаніе собственнаго достоинства, личная гордость и желаніе достигнуть того благосостоянія, которымъ пользовались народы, изгнанные изъ Россіи и побѣжденные русскою грудью. Политическая сторона войны не касалась общества, называвшаго ее безцѣльною, а миръ не принесъ Россіи, кромѣ военной славы, никакой пользы. Понятно, что общее вниманіе должно было обратиться на внутреннее состояніе государства.

«Каждый взглянулъ на себя и занялся собою,—говорилъ С. Н. Глинка. Воскресла народность; воспрянули времена давно прошедшія, и говоря словами русской старины: настоящее сливалось съ прошедшимъ и отверзалась даль будущаго преобразованія» [2]).

«Въ 1812 году,—писалъ П. Каховскій [3]),—нужны были неимовѣрныя усилія, и народъ радостно несъ все въ жертву для спасенія отечества. Война кончена благополучно, монархъ, украшенный славою, возвратился.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 8-го октября (нов. стиля) 1817 г., «Русскій Арх». 1872 г., т. II, стр. 2204.

[2]) Записки о Москвѣ, С. Глинки, стр. 5 и 15.

[3]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ безъ числа. Госуд. Арх., I, бумаги Блудова.

Европа склонила передъ нимъ колѣна, но народъ, содѣйствовавшій его славѣ, получилъ-ли какую льготу?—нѣтъ».

Возвратившееся въ свои домы разоренное населеніе требовало положительной поддержки и помощи, а вступившія въ свои квартиры войска, прошедшія всю Европу, разсказывая поселянамъ о состояніи и свободѣ земледѣльцевъ въ чужихъ краяхъ, «сильно воспламеняли ненависть къ угнетающимъ ихъ помѣщикамъ и управителямъ [1])». Всѣ отъ генерала до солдата только и говорили, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ, и спрашивали, почему не такъ у насъ? [2]). Имя императора Александра гремѣло во всемъ просвѣщенномъ мірѣ: народы, государи, пораженные его великодушіемъ, предавали судьбу свою въ его волю. Россія гордилась имъ, но ожидала отъ него новой и лучшей судьбы.

«Она смыла позоръ Тильзитскаго мира, разорвала оковы, наложенныя на нее властителемъ Европы, твердою ногою заняла первое мѣсто между сильнѣйшими государствами въ мірѣ. Эпоха самостоятельности настала; оставалось только вкусить плоды такого положенія» [3]). Всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ государства, дастъ ему законы и лучшее судопроизводство» [4]).

Въ такомъ ожиданіи, многіе обратились къ изслѣдованію дѣйствій правительства и, разбирая недостатки существующаго порядка, мечтали о замѣнѣ его другимъ, лучшимъ.

Тогда вся Европа, имѣя во главѣ императора Александра, искала и ожидала свободы. В. А. Жуковскій, въ своемъ стихотвореніи, написанномъ въ 1816 году, для англійскаго посла лорда Каткарта, который праздновалъ годовщину отреченія Наполеона, говорилъ:

И все, что́ рушилъ онъ, природа
Своей красою облекла,
И по слѣдамъ его с в о б о д а
Съ дарами жизни притекла [5]).

Тяготѣвшее надъ Европою иго Наполеона вызвало всеобщее стремленіе къ низверженію его и послужило къ сближенію правительствъ съ народомъ. «Вездѣ проповѣдывали о любви къ отечеству, о свободѣ, о гражданскихъ обязанностяхъ, о достоинствѣ человѣка» [6]).

---

[1]) Разсужденія и примѣчанія объ украйнѣ А. Кржижановскаго. Арх. III отдѣл. 1-й экспедиціи, опись 1821 г., д. № 14.

[2]) Показаніе А. Бестужева.

[3]) Отрывокъ изъ записокъ С. П. Трубецкаго.

[4]) Всепод. письмо П. Каховскаго 4-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 11.

[5]) Пушкинъ въ Южной Россіи. „Русскій Арх.“ 1866 г., стр. 1154.

[6]) Отповѣдь П. Н. Свистунова. „Русск. Арх.“ 1871 г. Т. I, стр. 336.

Воззваніе императора Александра къ германскимъ народамъ хорошо характеризуетъ стремленія того времени.

«Императоръ Всероссійскій и союзникъ его король Прусскій,—сказано было въ воззваніи [1]),—повелѣвая войскамъ своимъ вступить въ Германію, симъ возвѣщаютъ государямъ и народамъ германскимъ возвращеніе свободы и независимости ихъ. Побѣдоносные россіяне съ дружественными воинами Пруссіи идутъ доставить народамъ помощь для обратнаго стяжанія вооруженною рукою исторгнутыхъ у нихъ, но не менѣе того имъ однимъ принадлежащихъ правъ древняго ихъ отечества, сихъ драгоцѣннѣйшихъ достояній каждаго народа, а вмѣстѣ даровать и мощное покровительство и прочное охраненіе возстановленію почтенной имперіи Германской.....

«Ведомыя мною [2]), въ присутствіи обоихъ монарховъ, арміи уповаютъ на всемогущество правосуднаго Бога и непремѣнно надѣются для всего міра и для Германіи довершить дѣло, столь славно начатое, при отвращеніи отъ самихъ ихъ поноснѣйшаго ига. Исполненные сею животворною мыслью идутъ онѣ и провозглашаютъ честь и свободу. Да присоединится къ нимъ каждый германецъ, желающій быть достойнымъ сего наименованія, государь-ли то, бояринъ-ли, доблестный-ли простолюдинъ. Да приступитъ каждый къ намѣренію Россіи и Пруссіи, несущимъ всѣмъ свободу......

«Франція, сама по себѣ прекрасная и могущественная, да обратитъ на будущее время вниманіе свое на устройство внутренняго своего благосостоянія. Никакая внѣшняя сила не пожелаетъ нарушить его, никакого враждебнаго покушенія не послѣдуетъ противъ законныхъ ея предѣловъ. Но да вѣдаетъ Франція, что другія державы хотятъ стяжать оружіемъ прочное спокойствіе народамъ своимъ и не прежде положатъ оружіе, доколѣ не будетъ утверждено надежное основаніе независимости всѣхъ европейскихъ государствъ».

Въ прокламаціи, обращенной къ французамъ 31-го марта 1814 г., императоръ Александръ говорилъ, что союзные государи «признаютъ и утвердятъ своимъ ручательствомъ конституцію, которую дастъ себѣ Франція, и потому приглашаютъ сенатъ немедленно назначить временное правительство, для завѣдыванія дѣлами управленія и для составленія конституціи, сообразной съ желаніемъ французскаго народа» [3]).

Эта прокламація возбудила, какъ среди побѣжденныхъ, такъ и

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. „Описаніе войны 1813 г.“, ч. I, стр. 73—77.

[2]) Воззваніе было написано собственноручно императоромъ Александромъ, но отъ имени князя Кутузова-Смоленскаго.

[3]) М. Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I-го. Т. IV, стр. 512.

побѣдителей, радужныя надежды. Въ Испаніи кортесы, отстаивая своего короля отъ общаго притѣснителя, домогались въ награду совершенныхъ народомъ подвиговъ, обезпечить свою будущность положительными законами. Въ Италіи, карбонари, вооружаясь противъ Наполеона, обратились послѣ его паденія въ ярыхъ республиканцевъ. Германія радовалась освобожденію отъ ига Наполеона, но желала сбросить съ себя не менѣе тяжкое иго угнетателей, бывшихъ вассаловъ французскаго императора. Она отличалась тогда своими либеральными стремленіями.

«Я пробылъ двѣ недѣли въ Штутгардтѣ,—писалъ графъ Ростопчинъ [1]),—и былъ свидѣтелемъ распущенія депутатовъ, которые хотѣли прибрать къ себѣ въ руки управленіе королевствомъ. Нѣмцы на вольности и на бунтахъ совсѣмъ помѣшались, а французская революція съ пламя перешла на ледникъ. Трудно нынѣ царствовать: народъ узналъ силу и употребляетъ во зло вольность».

Посреди всеобщаго увлеченія и наша молодежь воспламенилась надеждою на свѣтлую будущность, судила, рядила и либеральничала.

«Съ удивленіемъ замѣтилъ я,—говоритъ Булгаринъ [2]),—что въ Петербургѣ всѣ занимаются политикою, говорятъ чрезвычайно смѣло, разсуждаютъ о конституціяхъ, объ образѣ правленія, свойственномъ Россіи, и т. п. Этого прежде вовсе не было, когда я оставилъ Россію въ 1809 году. Откуда взялось, что молодые люди, которые прежде не помышляли о политикѣ, вдругъ сдѣлались демагогами? Я видѣлъ ясно, что посѣщеніе Франціи русскою арміею и прокламаціи союзныхъ противъ Франціи державъ, наполненныя обѣщаніями возвратить народамъ свободу, дать конституціи, произвели сей переворотъ въ умахъ. Но какъ въ самой Россіи не было пищи для поддержанія сего пламени, то я тотчасъ догадался, что здѣсь долженъ быть foyers, гдѣ сохраняется и откуда изливается сей огонь».

Однимъ изъ такихъ очаговъ былъ домъ австрійскаго посла Лейбцельтерна. Австрія, послѣ паденія Наполеона, видѣла въ лицѣ императора Александра и въ тогдашнемъ его положеніи втораго обладателя Европы и опасалась его теперь точно такъ же, какъ боялась прежде Наполеона. Она сознавала, что стоитъ только русскому императору обратиться съ прокламаціею къ славянскимъ племенамъ, составлявшимъ девять-десятыхъ Австрійской имперіи и ненавидѣвшимъ нѣмецкое владычество, и поддержать ихъ небольшимъ числомъ войскъ, и Австрія существовать не будетъ. Меттерниху, во что бы то ни стало, необходимо было ослабить Россію заключеніемъ союзовъ съ ея сосѣдями и занять

---

[1]) Въ письмѣ А. Ѳ. Брокеру 31-го мая (12-го іюня) 1817 г. „Русскій Арх.“ 1868 г. № 12, 1904.

[2]) Въ запискѣ безъ года и числа. Военно-ученый архивъ.

ее внутренними дѣлами, вызвать безпокойства и заставить императора Александра отказаться отъ руководительства внѣшними. Австрійскій министръ обезпечилъ себя союзомъ съ Англіею и Турціею, представляя послѣдней Россію, какъ самаго опаснаго сосѣда. На этого сосѣда и было поручено Лейбцельтерну обратить особое вниманіе. Онъ устроилъ нѣсколько либеральныхъ очаговъ: у княгини Н. И. Куракиной, у Свистуновой и у графа Лаваля, гдѣ исключительно собирался дипломатическій корпусъ, и русскіе молодые люди были впускаемы въ это общество только послѣ предварительнаго удостовѣренія въ ихъ образѣ мыслей. Лейбцельтернъ особенно ласкалъ молодыхъ людей съ талантами, приглашалъ къ себѣ на вечера и чаще всего заставлялъ ихъ собираться у князя С. П. Трубецкаго, женатаго на дочери графа Лаваля [1]). Представитель французскаго правительства, только-что возстановленнаго Россіею, вовсе не участвовалъ въ распространеніи свободныхъ идей, но родина его, Парижъ, былъ всегда центромъ разнаго рода обществъ, устраиваемыхъ съ этою цѣлью.

Въ 1814 г., со вступленіемъ русскихъ войскъ въ столицу Франціи многіе офицеры были приняты въ масонскія ложи и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Тамъ «политически магнетизировали« какъ ихъ, такъ и всѣхъ русскихъ путешественниковъ, снабжали ихъ разными уставами и книгами, до того времени неизвѣстными или запрещенными въ Россіи, и выпускали изъ Франціи уже съ инымъ образомъ мыслей.

«Я былъ,—говоритъ Н. И. Гречъ [2]),—въ то время отчаяннымъ либераломъ, напитавшись этого духа въ короткое время пребыванія моего во Франціи (въ 1817 г.). Да и кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи? Всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвало былъ императоръ Александръ Павловичъ», давшій конституцію полякамъ.

Н. Дубровинъ.

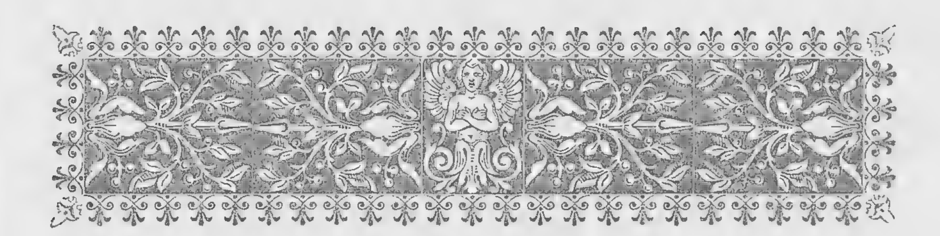
(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ; супруга Лейбцельтерна была также урожденная графиня Лаваль.

[2]) „Русская Старина“ 1871 г. Т. IV, стр. 491.

И. С. Тургеневъ и его дочь Полина Брюэръ.

У Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича, въ числѣ множества крѣпостныхъ мастерицъ, жила, между прочимъ, по вольному найму одна дѣвушка «бѣлошвейка», по имени Евдокія Ермолаевна Иванова или, какъ обыкновенно называли ее, Авдотья Ермолаевна. «Портретъ ея весьма обыкновенный: блондинка, роста два аршина $3^1/_2$ вершка, лицо чистое, правильно-русское, глаза свѣтло-каріе, носъ и ротъ умѣренные»; но она была женственно скромна, молчалива и симпатична. Эта-то дѣвушка и приглянулась, а затѣмъ и полюбилась барину-юношѣ Ивану Сергѣевичу [1]) лѣтомъ 1841 года въ Спасскомъ. Связь эта не могла остаться тайной для Варвары Петровны; молодая мастерица была разсчитана и, какъ московская мѣщанка, уѣхала къ себѣ въ Москву, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ, впрочемъ, съ нею встрѣчаться, переселившись съ матерью на зиму въ столицу. Въ маѣ 1842 года у Ивановой родилась дочь Пелагея [2]). Послѣ рожденія ребенка, котораго вскорѣ отвезли въ Спасское, интимныя отношенія между Иваномъ Сергѣевичемъ и Авдотьей прекратились, но Тургеневъ не забывалъ ее матеріальной поддержкой, выдавая ей пенсію сначала черезъ камердинера своего отца Өедора Лобанова, а потомъ чрезъ управляющаго. Пенсія, получаемая Авдотьей Ермолаевной, была пріостановлена лишь съ выходомъ ея замужъ (не ранѣе 1865 года) за нѣкоего Калугина. Съ начала 1868 года, вѣроятно, овдовѣвшая, Калугина вновь стала получать отъ Ивана Сергѣевича, сначала по сту, а потомъ по 75 рублей въ годъ. Въ каждый свой пріѣздъ

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1885 г., январь, 355.
[2]) „Первое собр. писемъ", 117.

въ Москву Тургеневъ видѣлся съ нею. Она являлась къ нему, разсказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ и разспрашивала о дочери [1]). Въ письмахъ Ивана Сергѣевича къ управляющему Кишинскому, переданныхъ въ Императорскую Публичную библіотеку, сохранилось одно письмо Авдотьи Ермолаевны къ Тургеневу отъ 9-го сентября 1872 года. Мы воспроизводимъ здѣсь его (съ сохраненіемъ правописанія) для характеристики отношеній Калугиной къ Тургеневу: «Милостивому моему благодѣтелю Ивану Сергѣевичу. Пожелавъ вамъ добраго здоровья, цѣлую ваши ручки. Желала бы я знать объ вашемъ здоровьи и дочери моей Полиньки съ мужемъ (Брюэромъ). Здѣлайте милость не оставьте меня своею милостью: я въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ получала отъ васъ пенсію 25 рублей въ тредь, а теперь четыре мѣсяца какъ не получаю, а писала къ вашему управителю Н. А. (Никитѣ Алексѣевичу) и не получила отвѣта и это меня заставило сомнѣваться въ вашемъ здоровьи. Когда я васъ видѣла, то просила васъ помѣстить меня въ селѣ (Спасскомъ) за что бы я была вами очень, очень благодарна. Есче разъ пожелавъ вамъ всего хорошаго прошу васъ увѣдомить меня о своемъ здоровьи. Остаюсь уважающая васъ Авдотья Ермолаевна Калугина».

При жизни Тургенева разсказывали, да и въ настоящее время еще держатся того мнѣнія, будто въ своей «Асѣ» Иванъ Сергѣевичъ изобразилъ характеръ и отчасти самую судьбу дочери. Какъ увидимъ дальше, ничего общаго между двумя названными дѣвушками не было. Оригиналомъ для «Аси» на самомъ дѣлѣ послужила побочная дочь его дяди, взятая на воспитаніе Варварой Петровной Тургеневой, дѣвочка, носившая то же имя Анны. Въ письмѣ къ П. Віардо отъ 9-го сентября (н. с.) 1850 года Иванъ Сергѣевичъ даетъ интересную характеристику будущей героини своего разсказа, когда она была еще въ дѣтскомъ возрастѣ:

«Помните-ли вы»,—писалъ онъ:—«маленькую, очень необыкновенную пятилѣтнюю дѣвочку, о которой я говорилъ вамъ въ одномъ изъ моихъ писемъ? Я снова увидѣлъ ее и продолжаю находить этого ребенка очень страннымъ маленькимъ существомъ. Представьте себѣ самое хорошенькое маленькое личико, какое только можно найти, черты лица невѣроятной тонкости, прелестная улыбка и глаза, какихъ я никогда не видывалъ, глаза женщины, то кроткіе и ласкающіе, то проницательные и наблюдательные, физіономія, которая ежеминутно мѣняетъ выраженіе, и которой каждое выраженіе изумительно по своей правдивости и оригинальности. Она обладаетъ здравымъ смысломъ, удивитель-

[1]) См. письма Тургенева къ Кишинскому отъ 17-го (29-го) апрѣля 1868 г. 16-го (28-го) апрѣля 1871 г. и 7-го (19-го) ноября 1872 г., хранящіяся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

ною вѣрностью ощущеній и чувства; она много размышляетъ и никогда не хитритъ; поразительно, съ какою инстинктивною прямотою ея маленькій мозгъ стремится къ истинѣ. Онъ судитъ правильно обо всемъ ее окружающемъ, начиная съ моей матери,—а со всѣмъ тѣмъ это ребенокъ, настоящій ребенокъ. Бываютъ минуты, когда ея взглядъ принимаетъ мечтательный и грустный оттѣнокъ, отъ котораго у васъ сжимается сердце. Но обыкновенно она очень весела и спокойна. Она очень любитъ меня и порою смотритъ на меня такими кроткими и нѣжными глазами, что я бываю совсѣмъ растроганъ.

«Ее зовутъ Аннушкою; она побочная дочь моего дяди, брата моего отца, и одной крестьянки. Моя мать взяла ее къ себѣ и обращалась съ нею, какъ съ куклой. Я обѣщалъ себѣ заняться со временемъ ея воспитаніемъ. У меня будетъ цѣлая семья на рукахъ! Когда ее что-нибудь поражаетъ, она дѣлаетъ движенія головой и бровями, которыя приводятъ меня въ восторгъ. Она какъ будто подвергаетъ своему маленькому сужденію то, что слышитъ, и затѣмъ дѣлаетъ удивительныя замѣчанія. Я сейчасъ разскажу вамъ одну изъ ея чертъ. Это было въ Москвѣ. Она пробыла около часа въ моей комнатѣ; мать моя наказала ее за это, не подумавъ о томъ, что я самъ увелъ ее,—и въ то же время запретила ей говорить мнѣ, за что она наказана. Я вхожу въ кабинетъ моей матери, вижу, что малютка стоитъ въ углу очень грустная и безмолвная; спрашиваю причину; моя мать разсказываетъ мнѣ цѣлую исторію о непослушаніи и капризѣ; я подхожу къ ней и говорю ей нѣсколько укоризненныхъ словъ. Она, ни слова не говоря, отворачиваетъ голову. Я ухожу изъ дома и возвращаюсь уже довольно поздно. На другой день, очень рано, малютка приходитъ ко мнѣ въ комнату, спокойно садится на мой стулъ, нѣкоторое время молча смотритъ на меня, потомъ сразу обращается ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы вчера повѣрили тому, что сказала вамъ мама обо мнѣ?

— Да.

— Ну, напрасно,—вотъ за что я была наказана... Я обѣщала не говорить этого, и я не сказала бы вамъ, если бы вы не повѣрили мамѣ.

— Ты плакала во время наказанія?

Она съ гордостью подняла свою голову и, прищуривъ глазки, проговорила:

— О, нѣтъ!—Потомъ послѣ минутнаго молчанія, или размышленія, что у нея одно и то же, она прибавила: —Но я заплакала, когда вы подошли ко мнѣ въ кабинетѣ.

— А! такъ ты потому отвернула головку?

— Это вы замѣтили, а не видали, что я плакала?

— Нѣтъ,—долженъ тебѣ въ этомъ признаться.

«Она глубоко вздохнула, поцѣловала меня и ушла.

«Клянусь вамъ, я ни слова не прибавилъ къ тому, что она сказала,— но если бы вы видѣли ея маленькое личико во время всего этого объясненія! На немъ читалась такая работа мысли, такая борьба чувствъ. Она бѣлокурая и очень бѣленькая; глаза у нея сѣро-синіе, отливающіе въ черное; зубки—настоящія маленькія жемчужинки. Она очень любящая и очень чувствительная,—но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея мало или вовсе нѣтъ памяти, такъ что она едва знаетъ азбуку. Увѣряю васъ, это крайне странное маленькое созданіе, и я съ интересомъ изучаю ее» [1]). Цвѣтъ волосъ и глазъ бѣлокураго ребенка могъ, конечно, съ годами измѣниться,—«литературная» Ася, какъ извѣстно, была брюнетка,—но дѣло, разумѣется, не въ этомъ.

Когда Тургеневъ писалъ свой разсказъ (1857 г.), Асѣ было всего 12 лѣтъ, и онъ, конечно, не могъ предвидѣть, какъ прозаически завершится судьба этой дѣвушки: въ 1859 г. она была помолвлена за крѣпостнаго повара Ивана Сергѣевича — Степана. Правда, поваръ этотъ былъ не совсѣмъ обыкновенный и не совсѣмъ обычнымъ способомъ попалъ къ Тургеневу. Однажды явился къ нему еще молодой, неизвѣстный человѣкъ, отрекомендовался поваромъ и просилъ купить его у его помѣщика, съ которымъ, какъ прибавилъ Степанъ: «я долженъ кончить плохо». Иванъ Сергѣевичъ понялъ положеніе бѣдняка и сталъ хлопотать. Степанъ былъ купленъ, кажется, за 800 рублей. Когда все кончилось, Тургеневъ вручилъ Степану вольную, но тотъ не захотѣлъ получить свободы и твердо заявилъ: «пусть моя вольная лежитъ у васъ, а мнѣ позвольте послужить вамъ». Дѣйствительно, онъ оказался превосходнымъ поваромъ и съ этихъ поръ не оставлялъ Ивана Сергѣевича, онъ былъ просто влюбленъ въ него. Когда Тургеневъ уѣзжалъ за границу, Степанъ нанимался служить за повара въ лучшихъ клубахъ и отъ времени до времени справлялся то у Колбасиныхъ, то у Некрасова или Анненкова о пріѣздѣ своего барина. Услыхавъ, что онъ пріѣдетъ такого-то числа, Степанъ тотчасъ бросалъ выгодное мѣсто и съ веселымъ видомъ встрѣчалъ Ивана Сергѣевича, вступая въ свои поварскія обязанности. Одинъ разъ Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину, что Степанъ можетъ заключить годовыя кондиціи въ англійскомъ клубѣ, но тотъ отказался, говоря: «а если Иванъ Сергѣевичъ неожиданно пріѣдетъ, тогда какъ будетъ? Помилуйте, я его не промѣняю ни на кого, вѣдь онъ, когда идетъ по Невскому, ей-Богу, цѣлой головой всѣхъ выше» [2]).

---

[1]) Неизданныя письма И. С. Тургенева. М. 1900 г., стр. 112—114.

[2]) „Первое собр. писемъ", 53.

Несмотря на не совсѣмъ заурядную личность Степана, несмотря, наконецъ, на сильную склонность и «литературной» Аси сходиться съ людьми низшаго круга, Тургеневъ былъ удивленъ предстоящимъ бракомъ и писалъ 17-го (29-го) мая 1859 мая года отцу Аси, а своему дядѣ, Николаю Николаевичу Тургеневу: «Поваръ Степанъ въ Петербургѣ просилъ меня объявить тебѣ, что онъ желаетъ руки... Аси, и говоритъ, что пользуется ея расположеніемъ. Поступи въ этомъ случаѣ, какъ знаешь. Немножко странно,—а Степанъ хорошій мужъ» [1]).

Маленькая Пелагея, вскорѣ послѣ ея рожденія, была взята у матери, оставшейся въ Москвѣ, и привезена въ Спасское. Разлука съ дочерью едва-ли огорчила Авдотью Ермолаевну. Иванова, во-первыхъ, избавлялась отъ тяжелаго, ложнаго положенія, а, во-вторыхъ, надѣялась, что добрый баринъ Иванъ Сергѣевичъ не оставитъ дѣвочку. Но Тургеневъ не могъ быть въ то время вершителемъ судебъ Спасскихъ обитателей, надъ которыми неограниченно и сурово властвовала мать его Варвара Петровна. Послѣдняя же не пожелала даже взять дѣвочку въ свой домъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ Асѣ, и маленькая Пелагея оказалась на рукахъ у одной изъ крѣпостныхъ прачекъ помѣщицы. Продолжительныя отлучки Ивана Сергѣевича изъ подъ родительскаго крова, наконецъ, трехлѣтнее безвыѣздное пребываніе его во Франціи (1847—1850 г.г.), возбудившее плохо скрываемое раздраженіе у Варвары Петровны,—все это сдѣлало то, что подроставшая дѣвочка оказалась въ самомъ печальномъ положеніи. Дворня злорадно называла ее «барышней» и заставляла исполнять непосильныя ей работы, въ родѣ тасканья для прачки ведеръ съ водой. По приказанію Варвары Петровны Пелагею, очень похожую лицомъ на отца, одѣвали на минуту въ чистое платье и приводили въ гостиную. «Скажите, на кого эта дѣвочка похожа?» съ притворнымъ недоумѣніемъ спрашивала Тургенева при такихъ свиданьяхъ и отправляла ее назадъ [2]).

Когда въ 1850 году Иванъ Сергѣевичъ вернулся изъ-за границы и узналъ о жалкомъ положеніи дочери, онъ подѣлился своимъ горемъ съ П. Віардо и сообщилъ ей всѣ подробности дѣла. При этомъ Тургеневъ указалъ своему другу на то, что въ Россіи никакое образованіе не въ силахъ вывести дочь его изъ фальшиваго положенія. Результатомъ письма явилось предложеніе со стороны П. Віардо взять несчастную дѣвочку къ себѣ въ домъ для воспитанія вмѣстѣ съ ея собственными дѣтьми. Девятаго сентября (н. с.) 1850 года Иванъ Сергѣевичъ

[1]) Тамъ же, 62.

[2]) См. свидѣтельство Фета („Мои воспоминанія", I, 158), которое необходимо исправить и дополнить данными воспоминаній Ѳ. Б—па („Русск. Вѣст." 1885 г., январь, стр. 355) и письмомъ Тургенева отъ 24-го декабря (ст. ст.) 1864 г. къ Анненкову („Первое собр. писемъ", стр. 117).

писалъ знаменитой артисткѣ: «Относительно маленькой Полины, вы уже знаете, что я рѣшился слѣдовать вашимъ приказаніямъ и думаю лишь о средствахъ исполнить это быстро и хорошо. Изъ Москвы и Петербурга я изо-дня въ день буду писать вамъ, что̀ дѣлаю для нея. Это долгъ, который я исполняю, и я исполняю его съ радостью, разъ вы имъ интересуетесь. Si Dios quiere, она будетъ скоро въ Парижѣ [1]). Дѣйствительно, въ томъ же году Тургеневу удалось отправить свою восьмилѣтнюю дочь въ Парижъ, и бѣдная, загнанная дѣвочка, росшая до того въ развращенной атмосферѣ русской крѣпостной дворни, очутилась въ комфортабельной обстановкѣ высоко-интеллигентной французской семьи.

Около шести лѣтъ Иванъ Сергѣевичъ не видалъ послѣ этого своей дочери, получая о ней лишь извѣстія въ письмахъ П. Віардо. Только въ августѣ 1856 года, когда вновь попалъ за границу, онъ встрѣтилъ ее уже четырнадцатилѣтней барышней. Впечатлѣніе отъ свиданія было радостное, и Тургеневъ писалъ гр. Л. Н. Толстому 16-го (28-го) ноября того же года: «Меня удерживаетъ здѣсь (въ Парижѣ) странная неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка» [2]). Позднѣе Иванъ Сергѣевичъ разочаровался въ ней, но на первыхъ порахъ его смутило только одно: m-lle Pauline, какъ стали называть ее, совершенно позабыла русскій языкъ, и всѣ старанія ея отца возстановить утраченное не привели ни къ чему.

Фетъ, посѣтившій Тургенева въ замкѣ Віардо,—Куртавнелѣ, въ 1857 году, такъ передаетъ впечатлѣніе, какое произвела тогда на него Полина. «Къ вечеру, кромѣ музыки и виста (обратили вниманіе Фета) серебряные голоски дѣвицъ, прочитывающихъ вслухъ роли изъ Мольера, приготовляемаго къ домашнему театру. Съ особенною улыбкой удовольствія Тургеневъ вслушивался въ чтеніе пятнадцатилѣтней дѣвушки, съ которою онъ тотчасъ же познакомилъ меня, какъ со своей дочерью Полиною. Дѣйствительно, она весьма мило читала стихи Мольера; но за то, будучи молодымъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ юбкѣ, не могла предъявлять ни малѣйшей претензіи на миловидность [3]).

— Полина!—спросилъ Тургеневъ дѣвушку,—неужели ты ни слова русскаго не помнишь? Ну, какъ по-русски «вода»?

— Не помню.

— А «хлѣбъ»?

— Не знаю.

---

[1]) Неиздан. письма Тургенева. М. 1900 г., стр. 110.

[2]) „Перв. собр. пи .", 28.

[3]) Фетъ. „Мои воспоминанія", I, 157—158.

— Это удивительно!—восклицалъ Тургеневъ.

Какъ серьезно смотрѣлъ Тургеневъ на этотъ роковой результатъ новаго воспитанія своей дочери, показываютъ слѣдующія строки письма его изъ Парижа къ гр. Толстому (отъ 8-го (20-го) дек. 1856 г.): «Я познакомился здѣсь со многими русскими и французами, но симпатичныхъ натуръ нашелъ весьма мало. Есть одна княжна Мещерская—совершенная Гётевская Гретхенъ—прелесть—да, къ сожалѣнію, по-русски не понимаетъ ни слова. Она родилась и воспитывалась здѣсь. Не она виновата въ этомъ безобразіи, но все-таки это непріятно [1]).

Послѣ 1857 года Полина была взята Тургеневымъ изъ семьи Віардо. Въ характерѣ молодой дѣвушки стали обнаруживаться черты тяжелой неуживчивости, и дальнѣйшее ея пребываніе съ дѣтьми Віардо могло неблагопріятно отозваться на послѣднихъ [2]). Иванъ Сергѣевичъ подыскалъ для дочери пожилую гувернантку изъ англичанокъ г-жу Иннисъ и помѣстилъ обѣихъ въ небольшой квартирѣ противъ Тюильрійскаго сада (rue Rivoli, 210), гдѣ и самъ имѣлъ постоянное пребываніе въ тѣ мѣсяцы 1859—1863 гг., когда проживалъ въ Парижѣ. Полина, поселившись на новой квартирѣ, продолжала однако ежедневно ходить къ П. Віардо брать уроки музыки [3]), что̀ дѣлала до переѣзда семьи артистки въ Баденъ. Г-жа Иннисъ со своей стороны особенное вниманіе обратила на воспитаніе нравственной стороны своей питомицы.

Тургеневъ не могъ нахвалиться гувернанткой, часто говорилъ друзьямъ своимъ объ ея педогогическихъ способностяхъ и вполнѣ одобрялъ ея отрицательное отношеніе къ исключительно французскому воспитанію. Одинъ изъ такихъ разсказовъ въ присутствіи автора «Войны и Мира» и послужилъ поводомъ къ рѣзкому столкновенію между писателями, едва не вызвавшему дуэли (1861 г.). Иванъ Сергѣевичъ передавалъ гр. Толстому, между прочимъ, что гувернантка съ англійскою пунктуальностью просила его опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для благотворительныхъ цѣлей. —Теперь,—сказалъ Тургеневъ,—англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ оную, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошимъ?—спросилъ Толстой.

— Конечно; это сближаетъ благотворительницу съ насущной нуждой.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣнахъ

---

[1]) „Перв. собр. писемъ", 35.

[2]) Объ этихъ причинахъ сообщено автору этой статьи одною изъ близкихъ къ П. Віардо учениць ея, m-lle M.

[3]) „Русск. Вѣст." 1890 г., іюль, 4—5, 7. „Перв. собр. писемъ", 85.

грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискренную, театральную сцену» [1]).

Наконецъ, для завершенія образованія Иванъ Сергѣевичъ отправилъ Полину въ 1861 году путешествовать по Швейцаріи [2]).

Переселяясь вмѣстѣ съ семьей Віардо изъ Парижа въ Баденъ, Тургеневъ подыскалъ въ 1864 году своей дочери и ея гувернанткѣ другую квартиру, меньшаго размѣра, въ Пасси (10 rue Basse, Passy), гдѣ останавливался и самъ въ свои наѣзды въ Парижъ въ 1864 и 1865 гг. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія г-жа Иннисъ уступала обыкновенно Тургеневу свою спальню [3]).

Уже съ 1860 года Иванъ Сергѣевичъ сталъ мечтать о выдачѣ своей дочери замужъ, и въ письмахъ къ друзьямъ мы безпрестанно встрѣчаемъ слѣды этого желанія. Ничего эгоистичнаго, тѣмъ болѣе въ матеріальномъ смыслѣ, названное стремленіе, конечно, не представляло, хотя позднѣйшія крупныя затраты (во время ея замужества) явились для него неожиданными. Въ началѣ 1863 года мечты Тургенева едва было не осуществились. В. П. Боткинъ писалъ Фету 16-го (28-го) марта изъ Парижа: «Мы думали было праздновать свадьбу m-lle Pauline, все уже было почти кончено, какъ дѣло разладилось, вслѣдствіе необыкновенной жажды къ деньгамъ, высказанной претендентомъ. Да французы иначе и не понимаютъ бракъ, какъ съ этой точки зрѣнія». Лишь 2-го (14-го) января 1865 года Тургеневъ могъ сообщить Фету: «Въ концѣ февраля, если ничего не случится, выдаю дочь замужъ, которая на этотъ разъ уже помолвлена за молодаго серьезнаго француза, находящагося во главѣ значительной стеклянной фабрики. Онъ образованъ, хорошей фамиліи, а главное очень понравился моей дочери» [4]). Сообщая о томъ же Анненкову, Иванъ Сергѣевичъ писалъ 6-го (18-го) января: «Кажется, насколько можно предвидѣть, человѣкъ ей попался хорошій, добрый и дѣльный... Остальное въ рукахъ судебъ. Я не помню, написалъ-ли я вамъ его имя: его зовутъ Gaston Bruere» [5]). Свадьба дѣйствительно произошла въ назначенный срокъ и доставила Тургеневу массу хлопотъ, осложнившихся еще и «незаконнымъ» происхожденіемъ Полины. Потребовался свадебный контрактъ, признаніе (Полины) его дочерью, оглашеніе въ церкви, разрѣшеніе, свидѣтельство объ удостовѣреніи личности, занесеніе въ метрики и т. д. [6]).

---

[1]) Фетъ „Мои воспоминанія", I, 370—371; Воспоминанія Е. Гаршина, „Истор. Вѣстн." 1883 г., ноябрь, 389—390.

[2]) „Вѣстн. Евр.", 1885 г., апр. 494.

[3]) Фетъ, „Мои воспоминанія", II, 50

[4]) Фетъ, „Мои воспомин.", II, 58.

[5]) „Вѣстн. Евр." 1887 г., февр., 462.

[6]) „Русск. Стар." 1885 г., авг. 322.

«Ну, да и вообще во Франціи дѣвушку отдавать замужъ—это цѣлая баталія,—чего только они въ контрактъ не написали, Боже правый!» —писалъ Иванъ Сергѣевичъ Анненкову. Приданое Полины все заключалось въ денежныхъ суммахъ, а именно въ ста тысячахъ франковъ, выданныхъ единовременно, и въ векселѣ на пятьдесятъ тысячъ франковъ. Послѣдняя сумма должна была уплачиваться по частямъ въ произвольные сроки съ выдачею до уплаты 5% годовыхъ [1]). Конечно, молодой были сдѣланы, сверхъ того, различные подарки, среди которыхъ выдѣлялся рояль отъ отца. Даже братъ послѣдняго Николай Сергѣевичъ, несмотря на всю свою скупость, разорился на серьги и брошь для Поленьки, какъ звали ее между собою братья [2]). Послѣ вѣнчанія Тургеневъ писалъ Анненкову 16-го (28-го) февраля: «Хлопотъ было пропасть, но я вознагражденъ вполнѣ убѣжденіемъ, что дочь моя будетъ счастлива. Я никогда не видалъ болѣе сіяющаго лица, какъ ея во время свадьбы, въ церкви. Зять мой—прекрасный, дѣльный, простой и добрый малый». «Я получаю отъ нея письма, исполненныя самаго искренняго удовольствія» [3]),—сообщалъ онъ ему черезъ мѣсяцъ.

Тотчасъ послѣ свадьбы Полина уѣхала съ мужемъ на его фабрику Ранжемонъ (Rengemont) близъ Клуа (Cloyes), километрахъ въ 120 къ юго-западу отъ Парижа, Иванъ Сергѣевичъ же возвратился въ Баденъ. Каждый годъ, разъ или два, Тургеневъ навѣщалъ свою дочь въ маленькомъ домѣ зятя; первый его пріѣздъ былъ въ концѣ іюля (н. с.) 1865 года. Кромѣ того онъ изрѣдка встрѣчался съ нею и въ Парижѣ, гдѣ жили родители Брюэра. Свиданія эти не участились замѣтно и со времени окончательнаго переселенія Ивана Сергѣевича въ столицу Франціи послѣ войны 1870 года, хотя Полина и порадовала своего отца рожденіемъ ему внучки (іюль 1872 г.), названной Jeanne, а въ 1875 г. (августъ) и внука, котораго назвали Georges Albert [4]).

Трудно судить по дошедшимъ до насъ намекамъ, были-ли дѣйствительно счастливы сурпруги Брюэръ въ первые годы ихъ брачной жизни. Но въ семидесятыхъ годахъ сравнительное благополучіе ихъ пошатнулось. Уже въ 1871 году Тургеневъ писалъ своему другу И. И. Маслову (22-го мар. с. с.): «Анненковъ прислалъ мнѣ письмо моей дочери, которое все состоитъ изъ одного вопля, если она въ скорости не будетъ имѣть 70 тысячъ франковъ, то она съ мужемъ погибла. И потому я прошу тебя—не дорожиться съ имѣніемъ и, въ случаѣ нужды, уступить двѣ-три тысячи рублей, лишь бы поскорѣе получить деньги» [4]). Эти

[1]) „Русск. Стар.“, 1885 г., авг., 320, 322—323.
[2]) „Вѣстн. Евр,“, 1887 г., февр., 464; „Русск. Стар.“ 1885 г., авг. 322.
[3]) „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., февр., 465, 467.
[4]) „Новь“, 1886 г., № 23, стр. 193; „Русск. Старина“, 1885 г. сент. 499.
[5]) „Перв. собр. пис.“ 188.

деньги дали возможность Брюэру возобновить контрактъ по хрустальной фабрикѣ еще на 16 лѣтъ; но толку изъ этого однако вышло мало. Въ іюнѣ 1877 года Иванъ Сергѣевичъ сообщалъ своему брату: «Зять мой, мужъ моей дочери, до послѣдняго сантима просадилъ приданое моей дочери—и, вѣроятно, въ скоромъ времени принужденъ будетъ объявить себя банкротомъ, такъ что дочь моя и все ея семейство очутятся на моихъ рукахъ и я долженъ буду заботиться объ ихъ пропитаніи. Уже теперь я имъ выдаю пенсіонъ въ 4.000 франковъ»[1]). Къ сожалѣнію, опасенія Тургенева сбылись, и мы читаемъ въ письмахъ его къ Полонскимъ (изъ Парижа) въ началѣ 1882 года: «На меня свалился кирпичъ въ видѣ окончательнаго разоренія моей дочери, необходимости ея развода съ мужемъ, а также для меня—продажа лошади, каретъ, картинъ и т. д.» Черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ: «Моя дочь, вмѣстѣ со своими двумя дѣтьми, принуждена была убѣжать отъ своего мужа, я долженъ былъ здѣсь ее прятать... Пошла возня съ адвокатами, стряпчими и т. д. Процессъ можетъ длиться годъ и слишкомъ; она съ дѣтьми должна скрываться; все, что она имѣла, пропало безвозвратно—можетъ быть, ей даже придется убѣжать навсегда изъ Франціи. Точно колесо меня схватило и начинаетъ втягивать въ машину. Это тѣмъ тяжело, что, какъ вамъ извѣстно, особенной привязанности я къ ней никогда не чувствовалъ, и все, что я сдѣлалъ для нея до сихъ поръ и буду впередъ дѣлать, внушено мнѣ единственно чувствомъ долга»[2]). Тяжелое положеніе бѣднаго старика нѣсколько облегчилось лишь тѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ дочь его вмѣстѣ съ дѣтьми скрылась юридически неизвѣстно куда, и въ бракоразводномъ процессѣ не представлялось болѣе надобности. Но это не могло избавить Тургенева отъ дальнѣйшихъ матеріальныхъ жертвъ въ пользу бѣглянки. Онѣ прекратились лишь со смертью Ивана Сергѣевича.

Полина не могла пріѣхать проститься съ тѣломъ отца, зато явился мужъ ея, чтобы заявить претензію на наслѣдство, оставшееся послѣ покойника, и попытаться судомъ отнять ту движимость, какую оставилъ Тургеневъ своему единственному и неизмѣнному другу П. Віардо[3]).

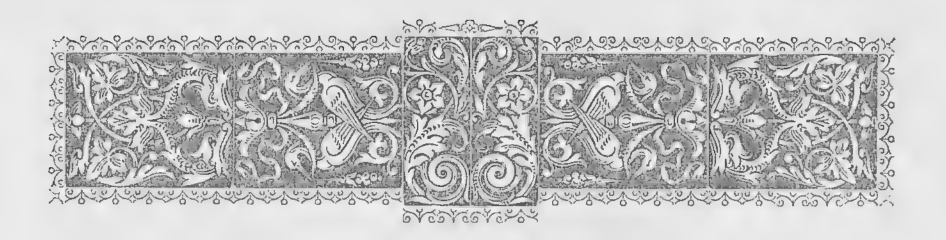
Н. Гутьяръ.

[1]) „Русск. Стар.“ 1885 г., септ. 502, дек. 619.

[2]) Перв. собр. писемъ 402, 407, 410.

[3]) „Русск. Стар.“, 1885 г., авг. 320, „Перв. собр. пис., 413“.

Записки адъютанта.

Въ походѣ.

II [1]).

Послѣ смотра, въ главной квартирѣ наступило какое-то затишье; генералъ суетился меньше, а мы, пользуясь случаемъ, усердно посѣщали театры и разные клубы; отдыхъ нашъ продолжался однако же не долго.

Разъ, какъ-то вечеромъ, я и жившій со мной товарищъ остались дома, и рѣшили пораньше лечь спать; но едва задремали, какъ сильный стукъ въ окно заставилъ насъ вскочить съ постелей; подъ окномъ стоялъ одинъ изъ молодыхъ штабныхъ офицеровъ.

— Что вы съ ума что-ли сошли?—крикнули мы въ одинъ голосъ.

— Вставайте, донесеніе получено: непріятель наступаетъ.

— Да вѣдь онъ за 70 верстъ, чего же суетиться: развѣ приказано?..

— Приказанія никакого нѣтъ, я только хотѣлъ васъ предупредить.

Побранивъ непрошеннаго вѣстника, мы опять завалились спать, но на другой день отправились раньше обыкновеннаго на службу.

Въ штабѣ замѣчалась уже суета: журналистъ то и дѣло бѣгалъ въ генеральскій кабинетъ, куда экстренно, не въ урочный часъ, былъ вызванъ дежурный штабъ-офицеръ; часовъ въ одиннадцать, въ пріемной залѣ появился и самъ генералъ съ кипой картъ подъ мышкой.

— Поздравляю, господа, съ войною, — весело проговорилъ онъ и, вслѣдъ за тѣмъ вставъ въ театральную позу, началъ декламировать съ особой жестикуляціей отрывки изъ стиховъ Пушкина:

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1903.

Война... подъяты, наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!...

...Отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Возстанетъ Русская земля....

— Войска наши сосредоточиваются,—продолжалъ генералъ прозою,—я иду къ главнокомандующему, чтобы получить окончательныя приказанія, и вѣроятно намъ придется сегодня же выѣхать, а потому, господа, не расходитесь до моего возвращенія.

Мы прождали часа два, толкуя о предстоящихъ дѣйствіяхъ, наконецъ генералъ пріѣхалъ и, облекшись въ свою курточку, немедленно явился къ намъ съ распоряженіями.

Заскрипѣли перья, живо нафабриковались различныя предписанія, и часамъ къ четыремъ дѣло сосредоточенія войскъ, на бумагѣ, было кончено. Назначивъ каждому изъ офицеровъ когда и куда ѣхать, генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— А васъ, капитанъ, беру съ собою, въ мою карету: о продовольствіи не заботьтесь, изъ вещей возьмите только самое необходимое. Въ 9 часовъ сегодня прошу быть здѣсь, мы поѣдемъ въ ночь.

Начались экстренные сборы, время осеннее, нужно было подумать о теплой одеждѣ, и каждый началъ соображать, какое именно платье удобнѣе взять для похода.

— А мнѣ не о чемъ безпокоиться,—замѣтилъ небольшаго роста, коренастый офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ надъ вожатыми арміи,—я завелъ еще въ Петербургѣ дубленку (дубленый полушубокъ) и въ ней сдѣлаю весь походъ. Эй, господа, послѣдуйте моему примѣру: и тепло и дешево.

Но какіе ни представлялъ капитанъ доводы, большинство съ нимъ не согласилось: такъ какъ дубленокъ на мѣстѣ не было, да при томъ въ дождливую погоду полушубокъ составилъ бы очень тяжелую ношу, а потому рѣшили сшить, кто успѣетъ, изъ мѣстнаго сукна теплыя шинели на манеръ солдатскихъ, только покороче.

Въ пять часовъ кончилось совѣщаніе, но, сходя по лѣстницѣ штаба, неугомонный капитанъ продолжалъ еще твердить: а вотъ у меня такъ есть дубленка, мнѣ ничего не надо.....

Пообѣдавъ на скорую руку, я захватилъ въ небольшой сакъ нѣсколько паръ бѣлья, пачку табаку и ровно въ 9 часовъ былъ на дворѣ генеральской квартиры. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это стоявшая у подъѣзда старомодная карета, на высочайшихъ рессорахъ, запря-

женная шестеркою почтовыхъ лошадей съ форейторомъ; около кареты суетился генеральскій камердинеръ—Андрей, а сзади, въ особомъ сидѣньи для человѣка, устраивались генеральскій денщикъ и писарь. При тогдашней распутицѣ я не могъ безъ ужаса подумать, какъ мы потащимся въ такомъ рыдванѣ, въ который и войти можно было лишь съ помощью особой лѣстницы изъ откидныхъ ступенекъ, но дѣлать было нечего, и я отправился въ штабъ, гдѣ собрались уже офицеры, чтобы проводить генерала.

— Что, завели дубленку, а вотъ у меня....—обратился ко мнѣ капитанъ надъ вожатами и тотчасъ смолкъ, увидѣвъ входящаго генерала.

На генералѣ были надѣты синія рейтузы, заправленныя въ короткіе лакированные сапоги на манеръ гусарскихъ; форменный на распашку сюртукъ безъ эполетъ и черная наглухо застегнутая, суконная жилетка, по верхъ которой висѣлъ на шеѣ большой Владимірскій крестъ.

Начальство любезно раскланялось съ нами, спросило, когда выѣзжаютъ офицеры, и послѣ короткаго прощанія направилось къ выходу; но не успѣли мы сойти съ лѣстницы, какъ раздался сердитый голосъ генерала:

— Чортъ знаетъ, что ты мнѣ положилъ, скотина едакая!—кричалъ онъ на камердинера, возвращаясь на крыльцо.

Андрей бросился въ карету, передвинулъ тамъ что-то, похлопалъ по подушкѣ и пробасилъ: готово! Генералъ сунулся въ экипажъ, но опять выскочилъ, ругая на чемъ свѣтъ человѣка за скверную укладку. Снова полѣзъ Андрей, снова повозился въ каретѣ и уже съ сердцемъ крикнулъ: готово! А дождь не переставалъ, мы порядочно промокли и съ нетерпѣніемъ ожидали конца этой церемоніи. Генералъ еще разъ юркнулъ въ карету, но также быстро выпрыгнулъ оттуда, плюнулъ въ физіономію камердинеру и крича: «скотина»! бросился бѣжать на верхъ, въ свою квартиру.

— Вотъ каторга,—проговорилъ Андрей, вытирая лицо, и затѣмъ развелъ въ раздумьи руками, но черезъ нѣсколько секундъ, какъ бы вспомнивъ что-то, онъ хлопнулъ себя по лбу и тотчасъ же велѣлъ завернуть лошадей и подать карету другой стороной.

— Что вы это дѣлаете?—спросили офицеры.

— Вся бѣда въ томъ, что карету подали лѣвой стороной,—отвѣчалъ камердинеръ,—а онъ у меня ни за что такъ не сядетъ, примѣта есть дурная.

Довольный открытіемъ секрета, Андрей быстро вбѣжалъ на лѣстницу и черезъ минуту явился съ генераломъ. На этотъ разъ мы усѣлись благополучно, и экипажъ тронулся.

— Заведите, право, заведите дубленку,—слышался еще гдѣ-то во мракѣ голосъ капитана надъ вожатами, когда мы выѣзжали по страшной грязи изъ воротъ дома, и затѣмъ все смолкло.

Не прошло и полчаса, какъ генералъ уснулъ, а за нимъ началъ дремать и я, покачиваясь въ старинной колымагѣ, точно въ люлькѣ.

Долго-ли я спалъ, не знаю, но когда открылъ глаза, начинался уже сѣренькій осенній день, моросилъ мелкій дождь, и лошади едва двигались шагомъ; генералъ усердно храпѣлъ, покрывъ голову вмѣсто фуражки какой-то черной бархатной шапочкой. Осмотрѣвшись въ каретѣ, я былъ пораженъ внутреннимъ ея убранствомъ, котораго не могъ замѣтить ночью. Рыдванъ нашъ былъ когда-то обтянутъ бѣлой шелковой матеріей, о чемъ свидѣтельствовали оставшіеся кое-гдѣ лоскутки, но за то теперь ободранныя мѣста были прикрыты особаго рода обоями. На сторонѣ, обращенной къ кучеру, какъ разъ передъ нашими глазами, висѣли чертежи 4-хъ боевыхъ порядковъ пѣхоты, посреди которыхъ былъ пришпиленъ взятый изъ устава рисунокъ бивачнаго и лагернаго расположенія всѣхъ родовъ войскъ; въ промежуткѣ между мною и генераломъ красовались боевые порядки кавалеріи и артиллеріи, а на верху кареты, подъ шнурками, колыхалась дизлокаціонная карта арміи. Изъ одного боковаго кармана выглядывали циркуль, масштабъ и маленькій пистолетъ, а изъ другаго—фуляровый платокъ и стклянки съ косметиками.

Досыта налюбовавшись этими походными принадлежностями, я принялся усердно глазѣть на дорогу. Продолжительный дождь развелъ почву, грязь была непролазная, а между тѣмъ по всему пути тянулись войска, спѣшившія къ сборному пункту. Жалко было смотрѣть на пѣхотныхъ солдатъ: навьюченные всякимъ скарбомъ, въ съѣхавшихъ на затылокъ каскахъ, совершенно промокшіе, они съ трудомъ передвигали ноги въ липкомъ грунтѣ узкой дороги, а тутъ какъ нарочно безпрерывно вязла артиллерія, приходилось помогать и ей. Большинство людей шло угрюмо, но гдѣ былъ побойчѣе командиръ, гдѣ имѣлись хорошіе ротные балагуры, тамъ дымились трубочки, шелъ говоръ и раздавался веселый смѣхъ.

Кто хаживалъ во фронтѣ, тотъ знаетъ, какъ непріятно въ походѣ, когда рядомъ съ войсками ѣдетъ большой экипажъ: онъ пылитъ на людей, заставляетъ ихъ сворачивать съ дороги и вообще нарушаетъ покой марша; въ слякоть это еще тяжелѣе: летятъ брызги, и кромѣ того на пересѣченной мѣстности каждый шагъ въ сторону, ради того, что экипажу неугодно объѣхать, приноситъ солдату лишній трудъ. Такъ было и съ нами. Наши возницы орали во все горло, сгоняя людей съ пути, и мнѣ было видно изъ кареты, какъ это непріятно дѣйствовало на солдатъ: сейчасъ раздавалась команда «смирно», суетились командиры, и части сходили въ сторону, не смотря на канавы, косогоры или кусты.

Кое-гдѣ досада, производимая нами, пробивалась и наружу: мѣстами

группы людей упорно стояли на дорогѣ и очищали ее лишь въ ту минуту, когда наѣзжали лошади; другіе же изливали сердце въ простодушной, но тѣмъ не менѣе мѣткой насмѣшкѣ, такъ свойственной нашему солдату, «сторонись, ребята, сторонись!» раздавалось изъ заднихъ рядовъ, «архіерей ѣдетъ», и я невольно взглядывалъ тогда на спящаго въ черной шапочкѣ генерала, и мигомъ пропадала тоска, которую испытываешь, когда тянешься шагомъ.

Оставшись наканунѣ безъ вечерняго чая и ужина, мнѣ страшно хотѣлось ѣсть, и я очень обрадовался, когда часовъ въ 9, подъѣзжая къ станціи, генералъ, потянувшись, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и объявилъ, что здѣсь надо пить чай.

Станція однако же оказалась бѣднѣйшей корчмой, а съ генеральскаго стола я получилъ два стакана постнаго чаю и маленькую булку не дороже копѣйки, тѣмъ не менѣе я не унывалъ, былъ молодъ, полонъ надеждъ, а потому успокоился на мысли, что, вѣроятно, за завтракомъ генералъ постарается удовлетворить хорошенько мой аппетитъ. Но должно быть «на счастье прочно всякъ надежду кинь»: въ 12 часовъ дѣйствительно мы остановились поѣсть, но закуска состояла изъ бутылки мѣстнаго вина, маленькаго французскаго хлѣба и двухъ кусочковъ сыра. Уплетая эту скудную пищу, я въ душѣ проклиналъ тотъ часъ, когда судьба угораздила генерала взять меня съ собой, и передо мной, какъ нарочно, рисовались картины поѣздки моихъ товарищей, ихъ сытная ѣда, свобода въ дорогѣ и пр.

Въ 4 часа, благодаря Бога, мы дотащились до главной квартиры и прямо подъѣхали къ дому, занимаемому главнокомандующимъ. Генералъ выскочилъ и побѣжалъ къ начальнику штаба, а я, войдя въ пріемную, тотчасъ обратился къ адъютантамъ съ просьбою: дать мнѣ что-нибудь съѣсть и не отрываясь уничтожилъ жареную курицу и нѣсколько стакановъ чаю, принесенныхъ мнѣ изъ буфета главнокомандующаго.

— Что, батюшка, вѣрно проголодались?—обратился ко мнѣ съ усмѣшкой генералъ, проходя черезъ пріемную. Послѣ обѣда извольте приниматься за работу.

— Развѣ генералъ васъ не кормитъ?—спросилъ меня съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ адъютантъ начальника штаба.

— Кормитъ да плохо.

— Ну, мой лучше, онъ мнѣ уже двѣ награды далъ, впрочемъ и работы много: три верховыхъ лошади, четверка выѣздныхъ, корова— все на моихъ рукахъ... Экипажи также...

— Развѣ есть и корова?

— Есть. Генералъ безъ молока не можетъ пить кофе.

— А въ походѣ?

— И въ походѣ она съ нами, вездѣ сзади экипажа идетъ.

— Кто же ее убираетъ?

— Эге, а казаки-то на что, они молодцы на всѣ руки и подоятъ, и сливки снимутъ—все сдѣлаютъ.

Пообѣдавъ, я отправился къ генералу и нашелъ его въ небольшой хатѣ, не вдалекѣ отъ квартиры главнокомандующаго.

Въ маленькихъ сѣняхъ возился Андрей, раскладывая багажъ и устраивая себѣ и денщику постель; въ хатѣ же, пространствомъ не болѣе 6 шаговъ въ квадратѣ, помѣщалась походная кровать, складной столикъ, на которомъ уже строчилъ генеральскій писарь, и два или три кривыхъ стула. При входѣ моемъ генералъ вытащилъ нѣсколько бумагъ и приказалъ немедленно отвѣчать на нихъ, для чего я и усѣлся около писаря.

Прошло часа два, а начальство еще нѣжилось на кровати, поворачиваясь съ боку на бокъ, когда въ хату вошли три генерала: одинъ старикъ-артиллеристъ, другой же, хотя съ просѣдью, но совершенно бодрый, въ инженерномъ сюртукѣ, и третій—толстякъ, въ формѣ армейской пѣхоты.

Послѣ первыхъ привѣтствій посыпались вопросы.

— Что новаго? Для чего насъ собрали? Будемъ наступать? Что говоритъ главнокомандующій? и пр...

— Постойте, господа, вы прежде взгляните на наше расположеніе, потомъ и спрашивайте,—отвѣчалъ генералъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ развернулъ передъ гостями дизлокаціонную карту. Вотъ смотрите: непріятель, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, стоитъ здѣсь, а мы завтра соберемся тутъ; у него около 20 тыс., а у насъ всего 16 тыс.; мѣстность передъ нами болотистая, каждый день льетъ дождь, какое же тутъ наступленіе? Главнокомандующій рѣшился избрать оборонительную позицію и выжидать на ней.

— Ну, я этого не понимаю,—возразилъ инженеръ,—при враньѣ нашихъ лазутчиковъ у непріятеля скоро будетъ и 100 тыс., а казаки говорятъ, что у него всего-то 8 тыс.; къ тому же дождь можетъ лить еще мѣсяцъ, а противникъ, занимая хлѣбородную часть края и видя наше бездѣйствіе, преспокойно будетъ грабить страну. Нѣтъ, по-моему побить его скорѣе да и домой, охота таскаться по грязи.

— Вы вѣчно не довольны, ваше превосходительство,—возразилъ съ горячностью генералъ. Вы не принимаете въ разсчетъ, что подкрѣпленія наши далеко, а стоя здѣсь, мы прикрываемъ операціонный базисъ и занимаемъ такой стратегическій пунктъ, не овладѣвъ которымъ, непріятель, кромѣ мелкихъ грабежей, ничего не можетъ сдѣлать серьезнаго. Вѣрно, вамъ хочется поскорѣе къ молодой хозяйкѣ вернуться,—добавилъ онъ шутливо.

— Положимъ, и такъ, но я все-таки не понимаю отчего бы намъ

не ударить, разница въ силахъ не Богъ знаетъ какая, непріятель стоитъ тыломъ къ рѣкѣ и едва-ли будетъ упорно сопротивляться,—возразилъ тономъ ниже инженеръ, вопросительно глядя въ лицо генералу, точно желая удостовѣриться, дѣльно онъ сказалъ или нѣтъ.

— Во флангъ бы его, во флангъ взять,—проговорилъ будто въ просонкахъ артиллеристъ, едва-ли сознавая, гдѣ находился флангъ непріятеля и можно-ли атаковать его; впрочемъ,—прошамкалъ онъ,—это дѣло старшихъ, а я вотъ хотѣлъ узнать, ваше превосходительство, на счетъ сынишки, я представилъ его къ Аннѣ, согласился-ли главнокомандующій?

Генералъ какъ бы не слыхалъ послѣдняго вопроса и продолжалъ говорить, обращаясь къ инженеру уже съ нѣкоторою ироніею.

— Я не могу спорить съ вашимъ превосходительствомъ; тайны военнаго искусства, можетъ быть, вамъ ближе извѣстны, чѣмъ мнѣ, притомъ я не имѣю и права раскрывать всѣ детали, но долженъ вамъ сказать—и вы, конечно, мнѣ повѣрите,—что у главнокомандующаго могутъ быть и другія причины, основанныя на высшихъ соображеніяхъ, которыя заставляютъ его дѣйствовать такъ, а не иначе. Далѣе, господа, меня не спрашивайте, я не могу, я не долженъ говорить больше.

— О, когда высшія соображенія требуютъ, тогда я молчу,—отвѣтилъ совершенно удовлетворенный инженеръ,—вы бы давно мнѣ сказали. Высшія соображенія это другое дѣло, противъ этого я ни, ни... я вполнѣ понимаю теперь...

— Наконецъ, господа, станьте на мое мѣсто,—продолжалъ генералъ, не слушая инженера. Вамъ извѣстна осторожность главнокомандующаго, вы также знаете, какіе смѣлые проекты я ему всегда представляю, а между тѣмъ меня всѣ какъ бы обвиняютъ въ бездѣйствіи чѣмъ же я тутъ виноватъ? Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Наступила небольшая пауза, которую прервалъ толстый армеецъ, обратясь къ генералу.

— А я къ вамъ съ просьбой, ваше превосходительство, ради Бога не пишите мнѣ въ бумагахъ: «дѣйствовать по обстоятельствамъ или предоставляется вашему усмотрѣнію». Какія въ военномъ дѣлѣ могутъ быть наши усмотрѣнія; прикажите прямо, и будетъ исполнено.

— Нельзя же вамъ на каждый шагъ давать указанія. Нужна самостоятельность; вы начальникъ дивизіи, наконецъ...

— Что же, вы думаете, я вольнодумецъ что-ли, нѣтъ, уже извините, я весь вѣкъ привыкъ повиноваться и умничать не буду, я солдатъ, вы мнѣ укажите точку, куда бить, и повѣрьте: живъ не останусь, а сдѣлаю что прикажете.

— Да нельзя такъ, надо же, чтобы ваша дивизія дѣйствовала разумно...

— Какъ разумно? Моя дивизія ходитъ, какъ одинъ, а въ колоннахъ люди держутся такъ плотно, что топоромъ не разрубишь, чего же вамъ еще? Удивляюсь. Вы знаете также, что на смотру при Спвой-Лукѣ самъ главнокомандующій лично благодарилъ меня за дивизію; наконецъ, храбрость моя и людей... кажется, достаточно доказаны...

— Кто же сомнѣвается въ вашей храбрости, она всѣмъ извѣстна, но все-таки...

— Нечего, нечего говорить, а лучше избавьте меня отъ разныхъ этихъ усмотрѣній. Ваше дѣло указать намъ точку,—наше исполнить, а то шутка сказать, дѣйствуй по обстоятельствамъ, а чортъ ихъ знаетъ, какія они могутъ быть—послѣ и отвѣчай; нѣтъ, слуга покорный-съ, меня на этомъ не поймаете, для этого у насъ есть дивизіонный квартермистръ, чтобы либеральничать-то,—проговорилъ уже съ какимъ-то озлобленіемъ армеецъ и вслѣдъ за тѣмъ вышелъ изъ хаты. Генералъ пожалъ плечами и хотѣлъ что-то сказать, но въ это время артиллеристъ снова зашамкалъ.

— Какъ же на счетъ сынишки-то, ваше превосходительство?

— Сколько я знаю, онъ будетъ награжденъ именно какъ вы хотѣли.

— Покорнѣйше благодарю,—съ чувствомъ произнесъ старикъ, а то, знаете, пріѣхалъ изъ Петербурга, служитъ у отца, и остаться безъ всякаго отличія, какъ хотите, обидно.

— Кстати, господа, только между нами,—обратился генералъ къ собесѣдникамъ,—завтра главнокомандующій производитъ рекогносцировку, такъ будьте на всякій случай готовы, а затѣмъ прошу извинить, мертвецки спать хочу.

— Еще бы послѣ дороги!—отвѣтили въ тонъ оба генерала, раскланиваясь съ хозяиномъ.

— Такъ высшія соображенія? Ну, такъ бы и сказали, это резонъ, а то гмъ...—проговорилъ на прощаніе инженеръ,—но едва гости вышли, какъ въ дверяхъ хаты вновь показалась голова артиллериста.

— Виноватъ, ваше превосходительство, а я все объ сынишкѣ: не будетъ-ли милости вашей пристроить его завтра къ свитѣ или хоть къ резерву,—онъ у меня вѣдь одинъ,—можетъ, перестрѣлка какая будетъ, чинишку бы пора ему получить, а то, знаете, служитъ у отца...

— Постараюсь,—прервалъ съ досадой генералъ,—запирая за старикомъ дверь, и затѣмъ, на-скоро просмотрѣвъ написанныя бумаги,—онъ ласково сказалъ мнѣ: теперь идите съ Богомъ; завтра на рекогносцировку.

— Я не знаю, ваше превосходительство, гдѣ мнѣ пріютиться?

— Объ этомъ уже сами похлопочите, теперь только 10 часовъ, можете спросить на кухнѣ у главнокомандующаго закусить, а спать гдѣ Богъ приведетъ, тамъ и располагайтесь.

На дворѣ была страшная темнота, и только кое-гдѣ мелькавшіе огоньки служили мнѣ путеводителями. Увязая по колѣно въ грязи, брелъ я по деревнѣ, не зная, гдѣ преклонить голову, чуть не каждая хата была набита офицерами, и Богъ знаетъ, что̀ бы я сталъ дѣлать, если бы не увидалъ въ послѣдней къ полю избѣ добродушное лицо земляка моего, капитана К.

Я рѣшился зайти къ нему и молить о спасеніи.

— Что же, братъ, раздѣвайся!—отвѣчалъ капитанъ,—найдемъ мѣсто и тебѣ, а теперь попей-ка чайку, да закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Я не зналъ, какъ благодарить добраго пріятеля за ласку, и послѣ походнаго ужина, вся наша компанія, въ числѣ 5 или 6 офицеровъ, залегла въ повалку на широкихъ нарахъ.

Утромъ главнокомандующій произвелъ рекогносцировку; все время моросилъ дождь, и мы издали смотрѣли на расположеніе непріятеля. Генералъ однако же не выдержалъ, онъ поскакалъ впередъ, поѣздилъ между казаками, неизвѣстно для чего, спросилъ, хорошо-ли имъ стоять въ цѣпи, и затѣмъ, возвратясь, доложилъ главнокомандующему, что былъ на аванпостахъ и нашелъ все благополучно.

Къ часу измоченные до-нельзя, мы возвратились въ деревню. Въ этотъ день боясь остаться голоднымъ, я пошелъ къ столу главнокомандующаго, гдѣ встрѣтился съ генераломъ, который, не смотря на дурно приготовленныя кушанья, ѣлъ за десятерыхъ. Послѣ обѣда вся молодежь перешла въ адъютантскую комнату, подали кофе, и мы только лишь начали болтать, какъ отъ главнокомандующаго вышелъ полковникъ Волосовъ и объявилъ: непріятель отступаетъ, главная квартира завтра возвращается домой.

— Полноте, правда-ли это?

— Могу васъ увѣрить, господа. Сейчасъ отдано приказаніе распустить черезъ два дня войска; я иду писать маршруты.

Не смотря на такое объясненіе, многіе еще сомнѣвались, не пошутилъ-ли полковникъ, но когда вошелъ дежурный адъютантъ и передалъ, что главнокомандующій въ ночь уѣзжаетъ и что послано уже приказаніе въ городъ поставить на другой день въ театрѣ любимую его оперу «Сивильскій цирюльникъ»,—тогда ничего не оставалось дѣлать, какъ готовиться къ отъѣзду; пошелъ и я къ своему генералу.

— Мы ѣдемъ въ ночь, приходите въ десять часовъ,—получилъ я приказаніе.

Въ урочный часъ мы сидѣли въ каретѣ, которую на этотъ разъ подали съ правой стороны.—Генералъ былъ въ отличномъ духѣ и въ

продолженіе всей дороги распѣвалъ дребезжащимъ голосомъ «la donna è mobile», убаюкивая меня этой хорошенькой аріей.—Въ обратную поѣздку, я не былъ такъ простодушенъ, чтобы разсчитывать на генеральскій столъ, захватилъ у маркитанта кусокъ сыру и нѣсколько булокъ, чѣмъ и избавилъ себя отъ голода.

Въ главной квартирѣ, съ наступленіемъ зимы, жизнь потекла обыкновеннымъ порядкомъ, и, пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля, мы имѣли возможность хорошо повеселиться. Кромѣ національнаго театра, италіанской и французской труппъ мы часто посѣщали балы и маскарады, привлекаемые туда дешевизною входныхъ билетовъ. Въ это время въ городъ наѣхало много француженокъ—искательницъ приключеній, и наше офицерство, находясь далеко отъ женъ, вело себя совершенно на холостую ногу; не отставалъ въ этомъ случаѣ и генералъ, не смотря на свои сѣдины, но, къ сожалѣнію, ему и тутъ не везло. Хорошенькія француженки требовали отъ пожилыхъ поклонниковъ болѣе вещественныхъ доказательствъ расположенія, чѣмъ простыхъ любезностей, а между тѣмъ генералъ норовилъ вести знакомство съ ними par amour. Кончилось тѣмъ, что француженки не стѣсняясь стали разсказывать про скаредность генерала и такими насмѣшками не давали ему покоя. Скупость начальства кромѣ поѣздки я испыталъ и въ другомъ случаѣ: у меня загулялъ денщикъ и въ одинъ прекрасный день исчезъ, стащивъ весь мой оберъ-офицерскій капиталъ. Я бросился къ генералу съ жалобой и какъ разъ засталъ его за интересной работой: выложивъ на столъ всѣ свои червонцы, онъ съ наслажденіемъ устанавливалъ ихъ въ столбики, любуясь блескомъ золота.

— Ваше превосходительство, помогите, денщикъ укралъ у меня деньги и пропалъ.

Едва я успѣлъ произнести эти слова, какъ генералъ бросился сгребать червонцы въ открытый столъ, быстро заперъ его и ключъ спряталъ въ карманъ. Вообразилось-ли ему, что я буду просить у него въ займы, или что-нибудь хуже—не знаю, но онъ успокоился лишь тогда, когда услыхалъ, что я хлопочу только о розысканіи денщика.

— А...—протянулъ генералъ. Это я сдѣлаю, мой любезный, а на счетъ денегъ не горюйте, мы выдадимъ вамъ заимообразно впередъ за треть; это допускается закономъ; будьте увѣрены, я всегда готовъ вамъ помочь,—добавилъ онъ на прощанье, придерживая однако жъ рукою боковой карманъ, въ которомъ лежалъ ключъ.

Беззаботно веселилась военная молодежь эту зиму, какъ бы спѣша насладиться всѣми земными благами въ виду предстоящей войны. Большимъ вниманіемъ офицеровъ пользовались маскарады италіанской оперы, а въ особенности тѣ, которые устраивались въ одной изъ лучшихъ гостинницъ города; въ оперѣ маскарады были нѣсколько оффиціальны, въ

гостиницѣ же все шло свободнѣе, на домашнюю ногу, вообще же въ маскарадахъ велась живая интрига и маски не давали покоя не только мелкому офицерству, но и самымъ высшимъ начальникамъ.

Послѣ долгихъ сборовъ, мнѣ удалось какъ-то попасть на одинъ изъ маскарадовъ гостиницы, куда мы цѣлою компаніей переѣхали часу въ первомъ ночи изъ оперы.

Картинка, представившаяся при входѣ въ залъ, была очень не дурна. У самыхъ дверей сидѣлъ въ креслѣ толстый полковникъ въ провіантскомъ мундирѣ, а около него, обвивъ руками его шею и нѣжно склонивъ голову, стояла маска въ костюмѣ швейцарской поселянки. Далѣе по обѣ стороны зала, за круглыми столиками, весело ужинало офицерство съ разными испанками, турчанками и пр., снявшими уже маски. Здѣсь безпрерывно раздавалось чоканье, поднимались вверхъ бокалы, и слышались тосты, провозглашаемые на всѣхъ возможныхъ нарѣчіяхъ земнаго шара. Въ другой половинѣ зала, ближе къ оркестру, отплясывалась кадриль со всѣми фигурами канкана. Тутъ танцовало человѣкъ десять оберовъ различныхъ полковъ, руководимыхъ однимъ докторомъ съ крестомъ на шеѣ и штабъ-офицеромъ изъ уланъ, господиномъ съ сѣдыми баками и усами. Уланъ плясалъ живо, бойко и выдѣлывалъ такія фигуры, что вся молодежь приходила въ восторгъ.

Часа въ три я поужиналъ и отправился домой, едва отдѣлавшись отъ двухъ масокъ, просившихъ и требовавшихъ, чтобы я развезъ ихъ по квартирамъ.

Въ концѣ декабря мирныя удовольствія были прерваны донесеніемъ, что непріятель открылъ дѣйствія противъ праваго фланга арміи и тѣснитъ наши войска. Главнокомандующій пожелалъ лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ и, отправляясь на театръ войны, приказалъ слѣдовать за собою и главной квартирѣ. Переѣздъ оказался не близкій, распутица страшная, но я былъ совершенно счастливъ, такъ какъ генералъ позволилъ мнѣ ѣхать отдѣльно отъ него на почтовыхъ. Съ однимъ изъ товарищей мы потащились въ кибиткѣ къ мѣсту сбора—большому селенію, лежавшему верстахъ въ 20 сзади передовой линіи право-фланговаго нашего отряда. Ѣхали мы пять сутокъ не останавливаясь и съ ужасомъ смотрѣли на слѣдовавшіе по той же дорогѣ войска и обозы, которые на каждомъ шагу вязли въ глинистой почвѣ.

Явившись къ генералу, я получилъ приказаніе отправиться въ тотъ же день на аванпосты, гдѣ остаться на ночь въ распоряженіи казачьяго полковаго командира, и обо всемъ, что замѣчу со стороны непріятеля, давать знать прямо въ главную квартиру.

Часовъ въ 5 вечера, засѣдлавъ коня и захвативъ табаку и сухарей, я поѣхалъ въ сопровожденіи казака къ передовой линіи. Не доѣзжая версты двѣ до нея, за небольшой грядой высотъ показались двѣ или

три землянки, крыши которыхъ едва отдѣлялись отъ грунта; около землянокъ была разбита коновязь, стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей и телѣга, а не вдалекѣ, у огоньковъ, валялось и грѣлось десятка два казаковъ.

— Вотъ здѣсь живетъ полковникъ,—сказалъ мой провожатый, указывая на ближайшую постройку.

Я слѣзъ съ коня и, согнувшись въ дугу, спустился по земляной лѣстницѣ въ какую-то нору, игравшую, вѣроятно, роль сѣней, откуда вела дверь уже въ самую землянку. Войдя къ полковнику, я былъ пріятно удивленъ тѣмъ, что увидѣлъ: вдоль трехъ сторонъ его жилища устроены были изъ земли широкіе диваны, убранные коврами, стѣны же землянки покрывалъ войлокъ, а потолокъ — чистыя рогожки; въ одномъ углу стояла маленькая желѣзная печь, а въ другомъ,—деревянный столикъ и нѣсколько складныхъ стульевъ; развѣшенное по стѣнамъ оружіе, принадлежности сѣдловки и полка съ мѣднымъ чайникомъ, кастрюлей и стаканами составляли остальныя украшенія землянки. За столомъ въ желтой канаусовой рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ сидѣлъ самъ полковникъ и пилъ чай.

— Честь имѣю явиться,—такой-то,—затѣмъ-то.

— Очень радъ, батенька, такіе гости намъ въ рѣдкость. Снимайте-ка вашу сбрую, да хлебнемъ чайку, а потомъ поѣдемъ на посты. Эй, Свистуновъ, чаю капитану!

— Видите, какую хату сотворили мнѣ станичники,—сказалъ полковникъ, посматривая на землянку. Спасибо имъ, тепло да и перетащиться не трудно. Нынѣшнюю зиму ее въ пятомъ мѣстѣ уже рою. Не прикажете-ли ромку?

— Я не пью ничего.

— Плохо, батенька, на войнѣ нельзя не пить, особливо на аванпостахъ; конечно, надо въ мѣру, а все безъ водки нельзя.

Напились чаю, полковникъ далъ мнѣ одну изъ своихъ лошадей, и въ сопровожденіи 3-хъ казаковъ мы отправились въ передовую цѣпь. Темь была страшная, надо было отлично знать мѣстность и имѣть казачью смекалку, чтобы не сбиться съ дороги. Проѣхавъ версты полторы, полковникъ пріостановился, вынулъ изъ кармана небольшой свистокъ и подалъ тихую трель; черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то вправо послышалась такая же трель, и мы, повернувъ въ ту сторону, вскорѣ очутились около казачьей заставы.

— Благополучно?

— Благополучно.

— Давно прошелъ разъѣздъ?

— Часъ время будетъ.

— Въ какую сторону?

— Къ Красной балкѣ.

— Смотри въ оба, — послѣдовалъ приказъ, — и мы отправились впередъ.

Пошла изморозь, рѣзкій вѣтеръ продувалъ насквозь, но полковникъ ѣхалъ шагомъ, не прибавляя аллюра и храня глубокое молчаніе; даже лошади какъ будто знали, что нужно соблюдать величайшую тишину: онѣ не фыркали и ѳдва ступали по мокрой травѣ.

Спустя нѣкоторое время, мы уткнулись въ казачій пикетъ изъ 4-хъ человѣкъ при урядникѣ. Повторились почти тѣ же вопросы и отвѣты, какъ на заставѣ. Полковникъ слѣзъ съ лошади, приложилъ руку къ глазамъ и сталъ всматриваться впередъ, хотя тамъ по-моему ни зги Божіей не было видно.

— А впереди есть?—спросилъ онъ урядника вполголоса.

— Есть.

— Кто?

— Сарымка и Наливчикъ.

— Подай голосъ!

Черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то въ сторонѣ началъ выть волкъ и такъ натурально, что я невольно осмотрѣлся кругомъ, но ничего не замѣтилъ. Прошло съ четверть часа, вой повторился уже слабѣе, гдѣ-то вдали, и опять все смолкло. Я стоялъ рядомъ съ полковникомъ, опершись на своего коня, и, пригрѣтый его тѣломъ, начиналъ уже дремать, какъ вдругъ изъ темноты точно выросла передъ нами высокая фигура.

— Наливчикъ?—спросилъ полковникъ.

— Я.

— Ну, что, проѣзжали?

— Ни.

— А тамъ, что дѣлаютъ?

— Лошадей кормятъ.

— Много ихъ?

— Шкадрона два будетъ.

— Кое мѣсто?

— Въ сухомъ вражкѣ.

— Спятъ?

— Ни; огоньку малость развели, офицера грѣются.

— Ступай, да не зѣвать!

Фигура моментально исчезла, какъ бы провалилась и такъ тихо, что напрасно я напрягалъ весь слухъ: не было ни звука, ни шелеста, все точно умерло въ степи. Мы сѣли на коней и, осмотрѣвъ другіе посты, часу во второмъ ночи вернулись въ землянку.

— Тащите скорѣе сбрую, Свистуновъ посушитъ ее,—говорилъ мнѣ

полковникъ, надѣвая на меня взамѣнъ мокраго платья какой-то стеганый халатъ. Не смотря на теплую землянку, у меня зубы колотились какъ въ лихорадкѣ.

— Чайку бы теперь,—сказалъ я.

— Кой чортъ въ этомъ добрѣ, пузо только пучить будетъ, нѣтъ, батенька, теперь другаго надо. Свистуновъ, водки!

— Я никогда не пилъ.

— Такъ начнете сегодня, на аванпостахъ, батенька, безъ нея нельзя.

— Нате-ка, выпейте этой подлости, домашняя еще сохранилась,—говорилъ онъ, подавая мнѣ рюмку какой-то темной жидкости и для закуски ломоть ветчины. Я выпилъ; что-то теплое живительно пошло по всему тѣлу, голова затуманилась, сдѣлалось весело, и черезъ нѣсколько минутъ меня стало клонить ко сну.

— Вотъ, такъ-то лучше,—говорилъ, посмѣиваясь, полковникъ, укладывая меня на одномъ изъ своихъ земляныхъ дивановъ и покрывая дубленымъ полушубкомъ. Спите, спите, въ 4 часа опять поѣдемъ, а то онъ подлецъ (непріятель), передъ утромъ не ровенъ часъ, и напакостить.

Прикоснувшись къ подушкѣ, я мгновенно началъ дремать и точно въ просонкахъ слышалъ, какъ полковникъ еще говорилъ: на аванпостахъ и водки не пить? Въ 4 часа мы были на коняхъ, въ полутемнотѣ объѣхали цѣпь, а въ 6 пили въ землянкѣ чай, послѣ чего я вернулся въ главную квартиру.

На другой день въ 4 часа утра, войска подъ начальствомъ самого главнокомандующаго произвели наступленіе. Было морозно; бойко, сомкнуто шли люди, подтягиваемые утреннимъ холодомъ, отдохнули съ часъ на полъ-дорогѣ и затѣмъ опять впередъ. Часовъ въ 11 главнокомандующій со свитою обогналъ колонны, и передъ нами открылась обширная равнина, на которой было разсыпано сотни двѣ казаковъ; кое-гдѣ взвивался дымокъ и слышались выстрѣлы.

Взъѣхавъ на небольшую высоту, главнокомандующій выждалъ, когда подтянулись войска, и приказалъ имъ построиться въ боевой порядокъ. Пѣхота стала въ центрѣ, на лѣвый флангъ выѣхала гусарская бригада съ двумя батареями, казаки же начали собираться къ правому флангу общаго расположенія. Главнокомандующій двинулся съ пѣхотой, а нашъ генералъ, взявъ меня и еще двухъ офицеровъ, пристроился къ гусарской бригадѣ.

Съ своей стороны непріятель усилилъ аванпосты, и на равнинѣ запестрѣли мундиры двухъ или трехъ кавалерійскихъ его полковъ. По мѣрѣ движенія насъ стали встрѣчать пушечные выстрѣлы, но снаряды доходили еще на излетѣ и всѣ оказывались шестифунтовыми. Въ это время бригада получила приказаніе охватить правый флангъ непріятельской кавалеріи и произвести рѣшительное наступленіе. Лихо пошли на

полныхъ рысяхъ гусары, еще забористѣе выскакала конная артиллерія, моментально снялась съ передковъ и начала угощать ближайшія войска противника. Насъ заволокло дымомъ, что-то кругомъ свистало, слышались команды, топотъ коней; словомъ, былъ какой-то хаосъ, и только когда очистился воздухъ, мы увидали, что одинъ гусарскій полкъ несся въ атаку, а непріятель, не выждавъ ея, улепетывалъ во всѣ лопатки.

— Славно, право, славно!—говорилъ весело генералъ,—задали же мы имъ трепку, а теперь, господа, поѣдемте къ казакамъ, посмотримъ, что у нихъ дѣлается.

Проскакавъ мимо главной колонны, мы направились къ правому флангу и, остановясь на одномъ бугрѣ, увидали слѣдующую картину: передъ бугромъ было разсыпано сотни двѣ казаковъ, а противъ нихъ, въ разстояніи четверти версты, какъ разъ передъ небольшою деревнею, гарцовали въ такомъ же числѣ непріятельскіе наѣздники. Изъ деревни безпрерывно выскакивали одиночные люди и, дѣлая выстрѣлъ или два по казакамъ, сейчасъ же скрывались за строеніями.

— Это ни на что не похоже,—строго обратился генералъ къ стоявшему на возвышеніи казачьему полковнику въ черномъ оборванномъ архалукѣ съ надѣтою поверхъ его форменной истасканной шинелью. Какъ это вы до сихъ поръ не прикажете выбить ихъ изъ деревни! Я самъ туда поѣду.

Полковникъ спокойно посмотрѣлъ на генерала и также спокойно возразилъ:

— Если угодно быть въ плѣну, ваша воля, позади деревни балка, и я не отвѣчаю, если казаки попадутъ въ засаду, здѣсь нужна артиллерія или пѣхота. Впрочемъ, если прикажете...

— Нѣтъ, приказывать не могу,—отвѣтилъ мягкимъ голосомъ генералъ,—но мнѣ казалось бы, что можно...

— Тутъ казаться нечему,—отрѣзалъ какъ-то грубо полковникъ,—а вотъ, если хотите, пожалуй, я пошлю станичниковъ пощупать, что тамъ есть, и, подозвавъ такого же, какъ самъ, оборваннаго офицера, онъ сказалъ ему нѣсколько словъ.

Мы видѣли, какъ офицеръ понесся къ сотнямъ, какъ сотни гикнули на пріятеля, и онъ отступилъ по обѣ стороны деревни, и какъ въ то же время нѣсколько казаковъ юркнули въ улицы. Послышались выстрѣлы, и черезъ нѣсколько минутъ наши казаки неслись обратно, преслѣдуемые сомкнутой непріятельской кавалеріей.

— Что, убѣдились?—спросилъ полковникъ,—тутъ съ одними казаками ничего не сдѣлаешь.

Генералъ не возражалъ, но, доставъ изъ кармана листокъ бумаги и карандашъ, быстро написалъ что-то и, отдавая мнѣ записку, сказалъ:

— Отвезите къ главнокомандующему и немедленно возвращайтесь съ отвѣтомъ сюда.

Въ то время какъ мы разъѣжали съ генераломъ, туманъ разсѣялся, и на впереди лежащихъ высотахъ ясно обозначились массы непріятельской пѣхоты, занимавшей весьма крѣпкую позицію.

Было 3 часа, когда, получивъ записку, я поскакалъ къ центру нашего расположенія, гдѣ остался главнокомандующій. Находясь съ 4 часовъ утра подъ сѣдломъ, конь мой сталъ приставать и хотя двѣ-три хорошихъ нагайки придали ему бодрости, но не на долго; кромѣ того появились и другія препятствія; мнѣ пришлось проѣзжать полемъ, гдѣ только лишь была стычка передовыхъ войскъ, вездѣ валялись убитые лошади и люди, послѣдніе совершенно безъ одежды, которую мгновенно обирали наши казаки. Такая картина для коня была еще новой, и потому онъ пятился, кидался въ стороны и тѣмъ задерживалъ меня безпрерывно.

Въ запискѣ, которую я везъ, доносилось: «Я распоряжаюсь на правомъ флангѣ аванпостовъ, противъ деревни Г., занятой ничтожной частью непріятеля—казаки боятся безъ артиллеріи атаковать этотъ важный для насъ пунктъ; прошу о присылкѣ нѣсколькихъ орудій...» Почему генералъ придавалъ особое значеніе деревушкѣ, не знаю, тѣмъ болѣе, что ему хорошо было извѣстно намѣреніе главнокомандующаго: не производить въ этотъ день рѣшительной атаки, а только потѣснить аванпосты непріятеля, заставивъ его развернуть свои силы, что̀ было уже достигнуто.

Прискакавъ къ пѣхотѣ, я къ удивленію увидалъ ее на бивакѣ; а на вопросъ, гдѣ главный штабъ, мнѣ отвѣчали, что онъ давно уѣхалъ на лѣвый флангъ, куда я и понесся. Конь мой сталъ еще болѣе приставать. Далѣе въ гусарской бригадѣ мнѣ сказали, что главнокомандующій былъ тутъ, но затѣмъ съ небольшою свитою направился вдоль передовой цѣпи къ правому флангу. Привелось скакать обратно; на полдорогѣ я нагналъ главнокомандующаго; рядомъ съ нимъ ѣхалъ нашъ генералъ и что-то съ жаромъ докладывалъ. Я поѣхалъ за свитою, но черезъ нѣсколько минутъ столкнулся съ начальствомъ.

— Гдѣ моя записка?—сердито спросилъ генералъ.

— Вотъ она.

— Какъ вы осмѣлились не передать ее?

— Я не успѣлъ сыскать главнокомандующаго, при томъ войскамъ дали отбой...

— Хороша отговорка... не нашелъ...—произнесъ съ усмѣшкой генералъ и потомъ, подъѣхавъ ближе ко мнѣ, началъ почти кричать:

— Какъ вы смѣли не исполнить приказанія, изъ-за васъ могло быть проиграно дѣло, погибнуть тысячи людей, а вы шатались Богъ

знаетъ гдѣ! Хорошъ адъютантъ! Я васъ, сударь, подъ судъ отдамъ... въ 24 часа... знаете, чѣмъ это пахнетъ...

Ошеломленный такой распеканкой, я ничего не отвѣтилъ генералу и, осадивъ лошадь, отсталъ отъ него.

Главнокомандующій объѣхалъ аванпосты, отдалъ приказанія казачьему полковнику въ оборванномъ архалукѣ и въ 6 часовъ направился къ ночлегу въ небольшую деревушку, состоявшую изъ землянокъ, которую еще утромъ занималъ непріятель.

Жителей въ селеніи не было, землянки не топились, и когда мы разложили огонь, то съ потолковъ, они же и крыши, полила на насъ оттаявшая вода, начали падать мокрицы и другіе гады. При такой обстановкѣ, разбитый физически и нравственно, я съ какимъ-то азартомъ глоталъ изъ кострюли мутный чай, приготовленный на-скоро моимъ казакомъ, когда меня потребовали къ генералу.

— Такъ служить нельзя!—встрѣтило начальство новымъ выговоромъ;—стыдъ и срамъ! Видите, онъ не нашелъ главнокомандующаго!—обратился генералъ съ усмѣшкой къ сидѣвшему въ землянкѣ какому-то толстому, обрюзглому полковнику,—какъ это вамъ нравится?

— Ваше превосходительство, я уже докладывалъ, отчего я не могъ доставить записку; затѣмъ, если вы находите меня виновнымъ, не угодно-ли поступить со мной по закону.

Генералъ смѣрилъ меня глазами.

— Я васъ вышколю, сударь,—прибавилъ онъ полушопотомъ;—вы у меня никакой награды не получите, помните это, а теперь идите скорѣе къ начальнику штаба, онъ васъ поучитъ, какъ служить, да попросите его подписать теперь же вотъ это распоряженіе.

Бумага заключала въ себѣ какое-то не важное передвиженіе войскъ.

— Начальникъ штаба изволитъ отдыхать,—сказалъ мнѣ камердинеръ въ сѣняхъ генеральской квартиры.

— Мнѣ приказано непремѣнно доложить эту бумагу.

— Что тамъ еще?—раздался откуда-то пискливый, раздраженный голосъ; войдите!

Осмотрѣвшись въ землянкѣ, я замѣтилъ, что въ углу ея стояла небольшая, желѣзная кровать, обтянутая бѣлымъ полотномъ, а на ней лежала крошечная фигурка нашего начальника штаба, покрытая бѣлымъ, какъ снѣгъ, одѣяломъ.

— Генералъ приказалъ просить ваше превосходительство утвердить поскорѣе эту бумагу.

— Вашъ генералъ вѣчно надоѣдаетъ,—отвѣтилъ мнѣ начальникъ штаба, взявъ бумагу и лежа подписывая ее. Неужели онъ не могъ подождать съ этимъ вздоромъ до утра? Скажите ему, мой любезный,

чтобы онъ съ такими пустяками не безпокоилъ меня. Сегодня я усталъ и хочу отдохнуть.

Я передалъ слово въ слово приказаніе начальника штаба. Генералъ сконфузился и сейчасъ же отпустилъ меня домой.

На другой день главнокомандующій произвелъ рекогносцировку, самъ указалъ пункты, для бивакированія главныхъ частей войскъ, далъ инструкціи начальникамъ отрядовъ и въ тотъ же день въ ночь выѣхалъ обратно въ мѣсто постояннаго расположенія главной квартиры. На слѣдующее утро тронулись и мы; генерала все это время я не видалъ и ѣхалъ отдѣльно.

Дорогой я простудился, а по прибытіи на мѣсто, недѣли двѣ болѣлъ; когда же въ первый разъ пришелъ въ штабъ, генералъ встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно.

Зима приходила къ концу, въ главной квартирѣ шла живая работа по приготовленію войскъ къ походу, такъ какъ рѣшено было открыть военныя дѣйствія раннею весною. Подошла Пасха. Мы думали, что насъ хоть на первый день избавятъ отъ занятій, но генералъ объявилъ, чтобы по случаю экстренныхъ распоряженій мы непремѣнно послѣ обѣдни явились въ штабъ, тѣмъ болѣе,—добавилъ онъ,—что визитовъ отъ васъ въ военное время никто не потребуетъ.

По принятому въ Россіи обычаю на Пасху самые бѣдные люди и тѣ разговляются или въ кругу родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, или у начальства, а тѣмъ болѣе это казалось необходимымъ намъ, военнымъ, далеко откинутымъ отъ своихъ семей. Но напрасно мы ждали, что генералъ, какъ чисто русскій, православный человѣкъ, забывъ на этотъ разъ скупость—пригласитъ насъ хоть напиться съ нимъ послѣ заутрени чаю; ничего этого не было: онъ приказалъ только явиться на службу, и потому мы рѣшились сдѣлать складчину, а всѣми уважаемый полковникъ Г. принялъ роль распорядителя и предложилъ послѣ обѣдни собраться къ нему разговляться. Служба кончилась поздно, и мы гурьбою потянулись изъ церкви къ доброму полковнику. Тамъ припомнилась каждому изъ насъ дорогая родина, семья, вся обстановка встрѣчи подобнаго праздника въ былые годы, и не одна можетъ быть слеза капнула въ бокалы шампанскаго, которымъ весьма усердно угощалъ радушный хозяинъ.

Послѣ розговѣнья пошли воспоминанія, разсказы о близкихъ сердцу людяхъ, предположенія о томъ, что дѣлается въ эту минуту у каждаго изъ насъ дома, а время незамѣтно прошло до 10 часовъ, когда появилось нѣсколько посыльныхъ казаковъ, давно насъ разыскивавшихъ съ приказаніемъ генерала немедленно явиться всѣмъ офицерамъ въ штабъ.

— Извините, господа,—встрѣтилъ насъ генералъ, не отвѣчая на поздравленія и даже не христосовавясь,—что я васъ потревожилъ; дѣло спѣшное, необходимо заняться работой, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ нѣсколько

бумагъ, изъ которыхъ экстренною оказалась лишь одна, а прочія могли быть исполнены нисколько не спѣша.

Окончивъ въ полчаса, что было понужнѣе, мы хотѣли идти по домамъ, но генералъ приказалъ остаться.

Тоскливо было сидѣть въ штабѣ, и отъ нечего дѣлать мы стали разсматривать убранство общей нашей и генеральской залы. Обыкновенная пыль въ залѣ была смѣтена, полы вычищены, а въ переднемъ углу стоялъ раскрытый ломберный столикъ, на которомъ красовались четыре тарелки: съ 8 крашенными яйцами, куличемъ, пасхой и небольшимъ кусочкомъ ветчины; графинчикъ съ кюммелемъ и бутылка хересу добавляли убранство стола. Все это было покрыто скатертью.

Прошло часа два, а мы сидѣли, ничего не дѣлая; въ это время являлись разныя лица съ поздравленіями, и, наконецъ, пріѣхалъ какой-то сѣдой инженеръ съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, котораго генералъ принялъ съ особымъ почтеніемъ и даже лично снялъ съ него плащъ.

Инженеръ ушелъ въ кабинетъ, а мы по-прежнему остались дремать въ смежной съ залой комнатѣ. Прошло еще съ полчаса, когда одинъ изъ самыхъ нетерпѣливыхъ нашихъ офицеровъ повелъ такую рѣчь:

— Господа, генералъ поступилъ съ нами очень невѣжливо: не только не позвалъ насъ разговѣться, не похристосывался съ нами, но держитъ еще здѣсь безъ дѣла, а какъ на Руси принято на Пасху непремѣнно разговляться, то я въ замѣнъ генерала прошу васъ.

И, сопровождая слово дѣломъ, онъ снялъ скатерть съ закуски, выпилъ рюмку водки и съѣлъ яйцо. Шутка пришлась какъ-то очень къ стати, и черезъ нѣсколько минутъ отъ генеральскаго розговѣнья и вина не осталось ничего кромѣ яичныхъ скурлупъ, и мы, покрывъ столъ по-прежнему скатертью, какъ истые школьники, смиренно усѣлись на мѣста. Черезъ полчаса, двери кабинета распахнулись, и генералъ, идя передъ своимъ гостемъ, бросился къ закускѣ.

— Прошу извинить, ваше высокопревосходительство, закуска у меня походная, но ужъ по русскому обычаю безъ хлѣба-соли въ этотъ день не выпускаютъ. Какъ хотите, откушайте,—продолжалъ генералъ, и съ этими словами сдернулъ покрывавшую столъ скатерть.

Заглушая всѣми мѣрами смѣхъ, мы смотрѣли изъ сосѣдней комнаты на эту сцену. При взглядѣ на закуску, лицо генерала вытянулось, а гость улыбнулся, проговоривъ:

— Не безпокойся, въ другой разъ когда-нибудь пріѣду къ тебѣ пообѣдать, и вышелъ въ переднюю, гдѣ смущенный генералъ подалъ ему шинель съ низкими поклонами.

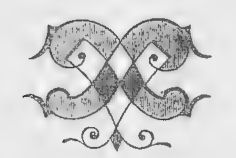
— Андрей,—грозно крикнулъ генералъ, проводивъ гостя; но, къ счастью для Андрея, послѣдній куда-то исчезъ.

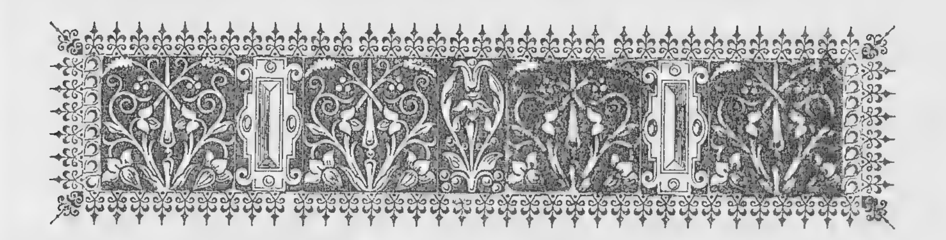
Взбѣшенный еще больше, генералъ бросился къ намъ, но, встрѣтивъ смѣющіяся физіономіи и догадавшись, кѣмъ уничтожена его парадная закуска, онъ быстро отвернулся.

— Мнѣ васъ больше не нужно!—кричалъ онъ,—можете отправляться, куда хотите.

Мы совершенно счастливые мигомъ разсыпались изъ штаба.

Н. Г. Залѣсовъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

Въ «Русской Старинѣ» 1899 года были помѣщены записки графа М. А. Корфа. Въ предисловіи къ нимъ онъ говоритъ, что записки эти «содержатъ въ себѣ выборку изъ дневника, веденнаго мною съ 1838 по 1825 годъ, и нѣсколькихъ немногихъ замѣтокъ моихъ за предшедшіе ему годы».

Имѣя возможность познакомить читателей съ дневникомъ графа, редакція считаетъ долгомъ заявить, что печатаетъ тѣ только мѣста дневника, которыя не вошли въ напечатанныя уже записки и другія статьи того же автора: 1) Историческое описаніе перваго дня царствованія императора Николая I, подъ заглавіемъ «14 декабря 1825 г.» [1]) и 2) «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» [2]).

Ред.

---

[1]) Напечатано въ 1854 г. отдѣльною книгою (въ 25 экземплярахъ).

[2]) Напечатано въ Сборникѣ „Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 98.

1838 годъ.

Автобіографическая замѣтка.—Лица, содѣйствовавшія возвышенію М. А. Корфа по службѣ.—Замѣтки и характеристики С. Ф. Маврина, Витте нгейма, барона А. Я. Бюллера, Н. П. Дубенскаго, М. Я. Балугьянскаго, Е. Ф. Канкрина, М. М. Сперанскаго, князя В. П. Кочубея. — Вниманіе государя къ Корфу.—Переходъ его въ Государственный Совѣтъ.—Аудіенція въ кабинетѣ государя.—Акты, касающіеся вступленія на престолъ императора Николая I.—Составленіе Свода законовъ.—Проектъ о преобразованіи С.-Петербургской полиціи.—Раутъ у графини Разумовской.—Кончина уніатскаго митрополита Булгака и архимандрита Фотія.—Чтеніе лекцій наслѣднику.—Великій князь Михаилъ Павловичъ и его мнѣнія о М. М. Сперанскомъ.—Канкринъ и вообще о государственныхъ учрежденіяхъ.—Кончина предсѣдателя Государственнаго Совѣта, графа Новосильцова. — Отъѣздъ ихъ величествъ за границу.—Кончина Родофиникина.—Свиданіе императора Николая съ шведскимъ королемъ.—А. П. Ермоловъ и М. И. Платовъ.—Князь Лобановъ-Ростовскій.—Графъ Васильчиковъ и назначеніе его предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.— Графъ Литта.— Болѣзнь М. М. Сперанскаго и его характеристика, сдѣланная М. А. Корфомъ.—Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на товары.— Рескриптъ императора Николая графу В. П. Кочубею.— Балъ у графа Левашова.—Обрученіе великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.— Возобновленіе Зимняго дворца.

15-го февраля. Какимъ образомъ сдѣлалъ я свою, можно сказать, государственную, и во всякомъ случаѣ блистательную карьеру? Это для меня самого вопросъ неразрѣшимый.

Достоинства въ службѣ могутъ быть многоразличны, но для достиженія высшихъ должностей, а еще болѣе, чтобы въ нихъ поддержаться, нужна общая совокупность всѣхъ этихъ достоинствъ. Познанія мои ограничиваются тѣмъ, что могло быть пріобрѣтено при окончаніи курса, хотя и въ первомъ тогда заведеніи нашемъ Царскосельскомъ лицеѣ,— но на 17-мъ году отъ роду. Чтеніе и послѣдующія почти безпрерывныя занятія нѣсколько дополнили это; но глубокихъ познаній я не имѣю ни по одной части. Воображеніе мое очень слабо; умъ довольно дѣятельный, но вовсе не трансцендентальный; особенно нѣтъ у меня présence d'esprit, столь важнаго во всѣхъ почти случаяхъ жизни, а природная застѣнчивость, хотя по возможности скрываемая и подавляемая, отнимаетъ всю возможность гдѣ-нибудь блеснуть или премировать, что, при извѣстой дерзости, такъ часто удается и людямъ посредственнымъ.

Настоящей и особенно сильной протекціи у меня тоже никогда не было. Батюшка былъ сенаторомъ, когда это еще болѣе значило, чѣмъ теперь; но болѣзни и уединенный образъ жизни удалили его отъ всякихъ связей и отъ всякаго вліянія. Одно только мѣсто и одну только почесть получилъ я по прямому ходатайству покровителей: мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, въ 1818 году дано мнѣ было по просьбѣ бывшаго въ связи съ тогдашнимъ министромъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, барона Андрея Яковлевича Бюллера; почесть—званіе камеръ-юнкера—пожаловано мнѣ въ 1823 году по предстательству покойной

герцогини Виртембергской, которую просилъ о томъ нѣкто Шепингъ (Эрнстъ), курляндецъ, пользовавшійся особеннымъ ея расположеніемъ. Затѣмъ въ томъ же 1823 году я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, вѣроятно, потому, что, меня издавна рекомендовалъ съ хорошей стороны тогдашнему директору Дубенскому Семенъ Филипповичъ Мавринъ; говорю, вѣроятно, потому что при самомъ открытіи вакансіи обо мнѣ между ними рѣчи не было. Наконецъ, назначеніе мое въ 1831 году управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, или по крайней мѣрѣ побужденіе къ этому, могу отчасти приписать всегдашнимъ добрымъ обо мнѣ отзывамъ предъ тогдашнимъ предсѣдателемъ княземъ Кочубеемъ, роднаго его племянника Александра Васильевича Кочубея; другихъ связей у меня никогда не было: всѣ мои начальники любили и отличали меня. Начавъ службу въ половинѣ 1817 г., хотя и въ чинѣ титулярнаго совѣтника, но съ обязанностей простаго писца, и при томъ на 17-мъ году отъ роду, я черезъ шесть лѣтъ (въ 1823 году) былъ уже начальникомъ отдѣленія, а меньше чѣмъ черезъ четырнадцать (въ началѣ 1831 г.) управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, камергеромъ и въ трехъ орденахъ; въ 1832 г. пожалованъ дѣйств. статск. совѣтникомъ, а въ 1834 г. статсъ-секретаремъ и съ того же года, т. е. съ небольшимъ послѣ 16-ти лѣтъ службы и 34 лѣтъ отъ роду, назначенъ въ должность государственнаго секретаря—должность, которую занималъ нѣкогда Сперанскій въ апогеѣ своего величія и изъ которой всѣ мои предшественники переходили прямо въ члены Государственнаго Совѣта. Теперь не минуло еще 21-го года моей службы, нѣтъ мнѣ еще 38 лѣтъ отъ роду, а я при этой должности, при званіи статсъ-секретаря, состою уже болѣе года въ чинѣ тайнаго совѣтника и имѣю двѣ звѣзды, пройдя всѣ постепенности орденовъ. И какъ все это сдѣлалось, безъ особенныхъ достоинствъ и безъ связей? Повторяю опять, что этотъ вопросъ для меня неразрѣшимъ.

16-го февраля. Я часто составляю мысленно въ головѣ своей списокъ тѣмъ лицамъ, которымъ считаю себя обязаннымъ, а теперь хочется записать ихъ и здѣсь.

Первое мѣсто въ этомъ ряду послѣ моихъ родителей занимаетъ Семенъ Филипповичъ Мавринъ. Нѣжная любовь и попеченіе обо мнѣ съ самаго дѣтства, безчисленныя одолженія, которыхъ цѣна теперь только вполнѣ мнѣ понятна, радушная готовность къ ходатайству за меня вездѣ и всегда, когда представлялся къ тому случай, наконецъ, его привязанность и неограниченное довѣріе—все это вмѣстѣ стяжало ему священныя права на мою благодарность,—чувство, которое не угаснетъ во мнѣ и къ его дѣтямъ. Примѣры такой безкорыстной истинно родительской любви въ человѣкѣ постороннемъ едва-ли даже и встрѣчаются.

Отто Витгенгеймъ,—кромѣ ласковаго вниманія ко мнѣ, когда я еще былъ почти ребенкомъ, а онъ подвигался уже быстрыми шагами на поприщѣ службы, и многихъ дружественныхъ одолженій, — ревностно способствовалъ мнѣ въ переводѣ курляндскихъ статутовъ,—работѣ, которою начались мои успѣхи. Имѣвъ тогда очень мало времени свободнаго, онъ съ настоящимъ самоотверженіемъ посвящалъ цѣлые дни на самый добросовѣстный просмотръ моихъ трудовъ, и ни тогда, ни послѣ, не напомнилъ мнѣ, ни самыми даже отдаленными намеками, о своихъ одолженіяхъ.

Барону Андрею Яковлевичу Бюллеру я обязанъ полученіемъ перваго моего штатнаго мѣста — переводчика въ общей канцеляріи министерства юстиціи,—на которое въ то время (въ 1818 г.) было очень много сильно покровительствуемыхъ кандидатовъ.

Ходатайству Эрнста Шепинга у покойной герцогини Виртембергской я обязанъ пожалованіемъ меня въ камеръ-юнкеры, — что̀ тогда (въ 1823 г.) было несравненно труднѣе и важнѣе теперешняго.

Мнѣ не было еще 23 лѣтъ, и я занималъ маловажное мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, какъ вдругъ—не знаю до сихъ поръ, какъ это сдѣлалось, Николай Порфиріевичъ Дубенскій предложилъ мнѣ мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, которымъ онъ тогда управлялъ.—Переходъ былъ быстрый и внезапный, который вдругъ поставилъ меня на одну изъ высшихъ ступеней въ министерскомъ устройствѣ, познакомилъ и сблизилъ съ гр. Канкринымъ, далъ возможность чѣмъ-нибудь отличиться, открылъ путь къ наградамъ. Потомъ, во все трехлѣтнее служеніе мое подъ его начальствомъ, онъ осыпалъ меня всегда ласками, отличалъ меня передъ товарищами и пользовался всякимъ случаемъ дѣлать мнѣ добро; отзывами своими обо мнѣ онъ много содѣйствовалъ установленію моей репутаціи. Теперь онъ въ несчастіи, и я почелъ бы за высокое наслажденіе при измѣнившихся обстоятельствахъ быть ему въ чемъ-нибудь полезнымъ.

Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій любилъ и любитъ меня, какъ сына. Его отзывы на мой счетъ подкрѣпили и утвердили то, что началъ Дубенскій, и въ этомъ наиболѣе считаю я себя ему обязаннымъ. И теперь дружба этого почтеннаго старца мнѣ драгоцѣнна, хотя мы рѣдко видимся.

Отношенія мои къ графу Канкрину, къ М. М. Сперанскому и къ покойному князю Кочубею были всегда хорошими отношеніями подчиненнаго къ умнымъ начальникамъ. Всѣ три, а особенно два послѣдніе, исчерпывали до дна весь запасъ моего усердія и небольшихъ способностей, но за то и щедро награждали мои труды. Канкрину и Сперанскому я наиболѣе обязанъ за то доброе обо мнѣ мнѣніе, которое они внушили государю. Кн. Кочубей утвердилъ его.

17-го февраля. Я вступилъ въ такъ называемый большой свѣтъ уже поздно. Родители мои имѣли свой особенный ограниченный кругъ знакомства; здоровье батюшки и наклонность матушки къ уединенной жизни удаляли ихъ отъ всякихъ новыхъ связей. И прежде Лицея и послѣ выпуска оттуда, живя въ родительскомъ домѣ, я естественно держался того же круга и очень помню, что въ невинности моей не подозрѣвалъ даже, чтобы существовалъ еще какой-нибудь отдѣльный высшій кругъ, отверзтый только своимъ и закрытый для профановъ.

Два или три бала зимою во дворцѣ, на которыхъ я былъ тоже по службѣ; одинъ или два обѣда въ крѣпости у тогдашняго камендапта Сукина, стариннаго знакомца моихъ родителей; три или четыре семейныхъ праздниковъ, рожденій и именинъ у моихъ или у меня, гдѣ обѣдало нѣсколько короткихъ друзей и послѣ обѣда изрѣдка танцовали,— вотъ каковы были тогдашнія мои разсѣянія.

Эти воспоминанія болѣе всего относятся къ періоду съ 1827 по 1831 годъ. Я былъ уже тогда женатъ и жилъ въ Коломнѣ, у самой церкви Покрова на площади.

Съ 1831 г., т. е. со времени перехода моего въ Комитетъ министровъ, многое перемѣнилось. Я переѣхалъ ближе къ Зимнему дворцу, въ большую и дорогую квартиру, сталъ выѣзжать въ большой свѣтъ, который сдѣлался уже моимъ свѣтомъ.

Словомъ, мои привычки и образъ жизни совершенно измѣнились: я вступилъ уже болѣе или менѣе на чреду d'un grand seigneur.

Государь издавна меня считаетъ заносчивымъ; теперь можетъ быть меньше прежняго, но все еще это мнѣніе не совсѣмъ въ немъ истребилось. Когда, въ исходѣ 1834 года, меня предлагали въ государственные секретари, онъ отозвался, что подумаетъ еще объ этомъ, но прибавилъ:

— Корфа надобно держать въ рукахъ: онъ заносчивъ.

Это мнѣніе обо мнѣ часто заставляло меня скорбѣть.

Отчего же родилось такое мнѣніе государя? Теперь, повторяя свои дѣйствія до того времени, когда оно мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ (въ 1835 г.), вижу, что отъ причинъ довольно естественныхъ; вижу, что многое въ моихъ поступкахъ могло показаться ему заносчивостью. Они были плодъ или неосторожности или неопытности, или побужденій всегда чистыхъ, но не всегда довольно обдуманныхъ. Но не могу скрыть отъ самого себя, что государю они могли казаться не тѣмъ, что были, а тѣмъ, чѣмъ представлялись.

Я имѣлъ счастье сдѣлаться лично извѣстнымъ государю чрезъ работы во II отдѣленіи собственной канцеляріи по законодательной части, на которыя онъ обращалъ тогда самое заботливое вниманіе. Я первый

разъ представлялся государю въ іюлѣ 1827 года на Елагиномъ острову; съ того времени, послѣ самаго благосклоннаго пріема, онъ не переставалъ меня осыпать ласками и самыми милостивыми привѣтствіями.

Осенью 1833 года случилось, что князь Кочубей, живя въ Царскомъ Селѣ, продержалъ у себя нѣсколько долѣе срока посланный къ его подписанію журналъ Комитета, а оттого и я опоздалъ представленіемъ его государю. По этому случаю кн. Кочубей писалъ мнѣ изъ Царскаго Села 13-го октября:

«Бывъ у его величества, я сознался въ невинномъ упущеніи моемъ по случаю доставленія журнала Комитета министровъ не въ назначенное время. Его величество принять изволилъ милостиво объясненіе мое, и я имѣлъ удовольствіе слышать весьма лестный высочайшій отзывъ на счетъ вашъ; о чемъ вмѣняю въ пріятную для себя обязанность васъ не отлагая увѣдомить». Но въ чемъ именно состоялъ этотъ отзывъ, до меня никогда не дошло: ибо кн. Кочубей ни тогда, ни послѣ, ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ, а самъ я считалъ неумѣстнымъ его разспрашивать.

Въ мартѣ 1834 г. я былъ пожалованъ въ статсъ-секретари. Всѣхъ статсъ-секретарей государь всегда принимаетъ въ своемъ кабинетѣ; но я былъ принятъ, при общемъ представленіи, въ числѣ прочихъ. Впрочемъ, государь, какъ бывало и прежде, благодарилъ меня за труды мои и успѣшное движеніе дѣлъ Комитета въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ началѣ іюня 1834 года кн. Кочубей скончался, и Комитетъ цѣлый мѣсяцъ оставался безъ предсѣдателя.

При жизни кн. Кочубея я многократно представлялъ ему, что канцеляріи Комитета необходимъ свой врачъ, сколько для пользованія недостаточныхъ чиновниковъ, столько и для надзора, когда чиновники менѣе надежные сказываются больными; но князь, не отказывая прямо, всегда отклонялъ это подъ разными предлогами. Послѣ кончины князя, когда не было еще предсѣдателя, я послалъ объ этомъ докладную записку государю, основывая ходатайство мое на примѣрѣ всѣхъ министерскихъ департаментовъ. Но записка возвращена мнѣ 24-го іюня съ собственноручной его величества резолюціей: «обстоятельства сіи не могли не быть извѣстны покойному канцлеру (кн. Кочубею); однако, онъ мнѣ о томъ никогда не говорилъ; потому и не вижу достаточной причины вводить новое».

Въ концѣ августа того же года, когда опредѣленъ уже былъ предсѣдателемъ Комитета гр. Новосильцовъ, я представилъ государю о пособіи одному изъ чиновниковъ канцеляріи Комитета, постигнутаго стеченіемъ разныхъ случайныхъ несчастій и потерь. Въ этомъ непосредственномъ докладѣ я руководствовался какъ многократными прежними примѣрами, такъ и инструкціей управляющаго дѣлами Комитета, поста-

вляющею канцелярію въ прямое его подчиненіе, а его—въ прямое по всѣмъ дѣламъ сношеніе съ государемъ. Но докладная записка моя возвратилась съ высочайшей резолюціей: «Представьте на разсмотрѣніе предсѣдателя». Это и было исполнено, и хотя чиновникъ тотъ, по докладу гр. Новосильцова, получилъ болѣе еще, нежели я ожидалъ, но государь вѣроятно принялъ этотъ случай въ такомъ смыслѣ, что я отступилъ отъ порядка службы.

Какъ бы то ни было, но когда я узналъ мнѣніе государя о моей заносчивости, многое, что̀ прежде мнѣ казалось загадочнымъ, для меня объяснилось. Онъ не бесѣдовалъ со мною, не обращалъ на меня, такъ сказать, никакого вниманія въ публикѣ, для того, чтобы не поддержать или не усилить—моей заносчивости.

4-го декабря 1834 года послѣ присутствія Комитета министровъ и безъ всякаго особаго повода, гр. Чернышевъ сказалъ мнѣ: «Nous avons beaucoup causé aujourd'hui sur vous avec l'Empereur. Dommage que vous n'étiez pas caché dans quelque coin de la chambre pour entendre ce qui s'est dit sur votre compte» [1]).

Дальнѣйшихъ подробностей онъ не прибавилъ, а я не разспрашивалъ, впрочемъ, внутреннее сознаніе говорило мнѣ, что если я навлекъ на себя неудовольствіе государя всѣмъ вышеизложеннымъ, то онъ не можетъ однако не быть сколько-нибудь доволенъ моими трудами и ихъ результатами.

Потомъ, 6-го декабря, въ день именинъ государя, пріѣхавъ во дворецъ къ выходу, я былъ пораженъ совершенно внезапной вѣстью о моемъ перемѣщеніи изъ Комитета въ (Государственный) совѣтъ—перемѣщеніи въ высокой степени мнѣ польстившемъ, но къ которому я такъ мало былъ приготовленъ, что не вѣрилъ, слыша отъ 20-ти, 30-ти человѣкъ, пока не объявилъ мнѣ самъ гр. Новосильцовъ. Никого не просивши, не бывъ ни отъ кого предупрежденъ, я послѣ уже узналъ, что обязанъ этимъ гр. Новосильцову; но что прежде государь долго останавливался и совѣтовался съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ гр. Чернышевымъ (вѣроятно, 4-го декабря). Вечеромъ на балѣ государь подошелъ ко мнѣ и самымъ отрывистымъ тономъ, почти не взглянувъ на меня, сказалъ:

— Поздравляю: мнѣ нужно съ тобой переговорить; заѣзжай ко мнѣ въ воскресенье (это было въ четвергъ).

Въ воскресенье я явился во дворецъ къ обѣднѣ въ комитетскомъ еще мундирѣ. Государь, выходя изъ церкви, подошелъ прямо ко мнѣ и, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ:

[1]) Мы много говорили сегодня о васъ съ императоромъ.—Жаль, что вы не были спрятаны въ какомъ-нибудь углу комнаты, чтобы слышать, что говорилось на вашъ счетъ.

— Ты не успѣлъ еще перемѣнить формы и въ прежнемъ мундирѣ.

— Государь,—сказалъ я,—вашъ указъ завтра только объявится Государственному Совѣту.

Потомъ государь повернулъ меня и, осмотрѣвъ съ головы до ногъ, прибавилъ:

— Знаешь-ли что: мнѣ теперь некогда подробно съ тобой говорить, но пріѣзжай ко мнѣ завтра въ три часа.

Подробности этой первой въ моей жизни аудіенціи въ кабинетѣ государя, къ несчастію, мною тогда не записаны. Она продолжалась около четверти часа, и государь былъ чрезвычайно милостивъ: о заносчивости моей не было и отдаленнаго намека.

Съ этого времени государь вообще сдѣлался ко мнѣ гораздо ласковѣе; сталъ говорить со мной на балахъ, если и не всякій разъ, то по крайней мѣрѣ иногда сталъ принимать не на общихъ представленіяхъ, а въ своемъ кабинетѣ; а я съ моей стороны сдѣлался осторожнѣе: не безпокою его уже ни просьбами, ни безвременными представленіями.

На другой день гр. Новосильцовъ былъ у государя и объявилъ мнѣ, что его величество отзывался ему съ особеннымъ удовольствіемъ обо мнѣ и о нашемъ свиданіи. Графъ сказалъ мнѣ, что особенно радуется перемѣнѣ мыслей государя на счетъ такъ называемой моей заносчивости и что его величество между прочимъ отозвался, что съ удовольствіемъ видитъ, что я сдѣлался солиднѣе.

21-го февраля. До испанской революціи здѣсь былъ испанскимъ посланникомъ Паецъ-де-ла-Кадена, который такъ долго жилъ въ Россіи и такъ сдружился съ нашимъ климатомъ, что всегда почти безошибочно предсказывалъ погоду, не днями и недѣлями, а на цѣлое время года. Это составляло его главную славу въ нашихъ салонахъ. Въ Дрезденѣ, гдѣ онъ теперь живетъ безъ мѣста и безъ дѣла, я встрѣтился съ нимъ въ октябрѣ прошлаго года и, по старой привычкѣ, обратился къ нему съ вопросами о предстоящей погодѣ. Предвѣщаніе его и на этотъ разъ сбылось: онъ предсказалъ мнѣ самую суровую зиму, не только для насъ, но и для всей Европы. На самомъ дѣлѣ Сена, Темза и Рейнъ замерзли, какъ наша Нева; изъ Даніи ходятъ въ Швецію черезъ море пѣшкомъ. Въ Миланѣ было 5° морозу, въ Ліонѣ до 10-ти, въ Женевѣ до 20-ти, и все это, по послѣднимъ извѣстіямъ, продолжалось еще и въ февралѣ. У насъ декабрь, январь и частью февраль были ужасные, и всего не болѣе разу случилась оттепель. Теперь еще дни стоятъ самые ясные, но съ морозомъ въ тѣни отъ 10-ти до 15° и болѣе. Только въ Римѣ и Неаполѣ не было зимы, и всѣ зимніе мѣсяцы продолжалась самая благодатная весна.

22-го февраля. Въ Совѣтѣ хранятся чрезвычайно любопытные акты о первыхъ дняхъ, или, лучше сказать, минутахъ, восшествія на престолъ обожаемаго нашего государя.

Не зная, долго-ли еще пробуду въ Совѣтѣ и вообще, что впередъ будетъ, выпишу здѣсь сущность ихъ изъ журналовъ Совѣта, слѣдственно изъ такихъ источниковъ, которыхъ оффиціальность конечно уже неоспорима.

Не думаю, въ совѣсти моей, чтобы нарушилъ этимъ мои обязанности: во-1-хъ, тутъ только подробности такихъ событій, которыхъ сущность оглашена была самимъ правительствомъ во всемірное извѣстіе; во 2-хъ, тутъ все такъ высоко и велико, что сердце русское радуется, и только мелочныя понятія о канцелярской тайнѣ могли бы оскорбиться снятіемъ покрова съ этихъ дивныхъ дѣлъ и, въ 3-хъ, я записываю это для себя и только исключительно для себя: потому что никто и не подозрѣваетъ, чтобы я велъ свой дневникъ.

Вѣсть о кончинѣ императора Александра достигла въ Петербургъ утромъ 27-го ноября 1825 г. Въ тотъ же день въ два часа по полудни, члены Государственнаго Совѣта собрались въ чрезвычайное собраніе и первымъ долгомъ почли исполнить волю покойнаго государя.

Согласно тому, предсѣдатель (кн. П. В. Лопухинъ) поручилъ правившему должность государственнаго секретаря (А. Н. Оленину) принести въ собраніе хранившійся въ архивѣ, за замкомъ и за печатью предсѣдателя, пакетъ, присланный отъ покойнаго государя, 16-го августа 1823 года, собственноручно имъ надписанный на имя Оленина. Въ этомъ пакетѣ былъ другой, на имя кн. Лопухина, а въ семъ послѣднемъ, запечатанный пакетъ съ собственноручною надписью государя. «Хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины, прежде всякаго другаго дѣйствія, раскрыть въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта».

Во исполненіе сей высочайшей воли, пакетъ, по прочтеніи надписи и по освидѣтельствованіи цѣлости печати, былъ тутъ же вскрытъ Олениным, и въ немъ оказались извѣстные, послѣ того напечатанные, акты о наслѣдіи престола и объ отреченіи великаго князя Константина Павловича.

По выслушаніи членами,—какъ сказано въ журналѣ,—«съ надлежащимъ благоговѣніемъ, съ горестными и умиленными сердцами, послѣдней воли» императора Александра, членъ Совѣта гр. Милорадовичъ (тогдашній петербургскій военный генералъ-губернаторъ) объявилъ собранію, что великій князь Николай Павловичъ торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему манифестомъ, и первый уже «присягнулъ на подданство его величеству государю императору Константину Павловичу».

*

Когда члены Совѣта, вслѣдствіе этого, обратились къ гр. Милорадовичу съ просьбой исходатайствовать у великаго князя дозволеніе Совѣту явиться предъ лицо его высочества, дабы «удостоиться слышать изъ собственныхъ его устъ непреложную его по сему предмету волю», то они приглашены были великимъ княземъ въ бывшія комнаты великаго князя Михаила Павловича, и тутъ онъ всему Совѣту изустно подтвердилъ: «что ни о какомъ другомъ предложеніи слышать не хочетъ, какъ о томъ только, чтобы учинить вѣрноподданническую присягу государю императору Константину Павловичу, какъ то онъ самъ уже учинилъ; что бумаги, нынѣ читанныя въ Совѣтѣ, ему давно извѣстны и не колебали его рѣшимости, а потому, кто истинный сынъ отечества, тотъ немедленно послѣдуетъ его примѣру». Послѣ сего, по усиленной просьбѣ членовъ, его высочество, прочитавъ раскрытыя въ собраніи Совѣта бумаги, поспѣшилъ предложить членамъ идти въ придворную церковь для учиненія надлежащей присяги на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу.

Вслѣдствіе сего, министръ юстиціи донесъ великому князю, что, какъ онъ имѣетъ въ Сенатѣ бумаги, подобныя тѣмъ, которыя хранились въ Совѣтѣ, то уже не будетъ раскрывать ихъ въ Сенатѣ. Потомъ всѣ члены пошли вслѣдъ за великимъ княземъ въ придворную церковь. Во время принесенія ими присяги, великій князь оставался въ церкви. Наконецъ, по его приглашенію, Совѣтъ былъ введенъ въ собственныя комнаты государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ при ней была и вся августѣйшая фамилія.

«Государыня императрица,—продолжаетъ далѣе журналъ,—не смотря на жестокую свою печаль, почла нужнымъ объявить членамъ Совѣта, что бумаги, нынѣ въ собраніи онаго читанныя, ея величеству извѣстны; что все сіе было учинено по добровольному желанію самого цесаревича; но что она должна по всей справедливости согласиться на подвигъ великаго князя Николая Павловича. Въ заключеніе ея величество подтвердила членамъ Совѣта служить вѣрою и правдою».

Все это было записано въ журналѣ, съ котораго списокъ положено представить «государю императору Константину Павловичу».

Спустя двѣ недѣли послѣ этого,—достопамятныя двѣ недѣли, которыя всѣ мы провели въ какомъ-то смутномъ ожиданіи,—13-го декабря члены Совѣта собрались въ секретное засѣданіе, по особымъ повѣсткамъ, въ 8 час. вечера, и были приглашены кн. Лопухинымъ къ ожиданію въ это засѣданіе личнаго присутствія великихъ князей—Николая Павловича вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ, котораго возвращенія въ столицу ожидали въ самомъ скоромъ времени.

Въ 12-мъ часу ночи, первый приказалъ объявить Совѣту, что, какъ Михаилъ Павловичъ еще не скоро, можетъ быть, пріѣдетъ, а дѣло, ко-

торое его высочество имѣетъ объявить, не терпитъ отлагательства, то онъ рѣшился прибыть немедленно въ собраніе Совѣта, что̀ и было вслѣдъ за тѣмъ исполнено.

Отсюда я начну уже говорить подлинными словами журнала, съ сокращеніемъ лишь титуловъ.

«Его высочество, по прибытіи въ Совѣтъ, занявъ мѣсто предсѣдателя и призвавъ благословеніе Божіе, началъ самъ читать манифестъ о принятіи имъ императорскаго сана, вслѣдствіе настоятельныхъ отреченій отъ сего высокаго титула великаго князя Константина Павловича. Совѣтъ, по выслушаніи сего манифеста въ глубокомъ благоговѣніи и по изъявленіи въ молчаніи нелицемѣрной вѣрноподданнической преданности новому своему государю императору, обратилъ опять свое вниманіе на чтеніе его величествомъ всѣхъ подлинныхъ приложеній, объясняющихъ дѣйствія ихъ императорскихъ высочествъ. Послѣ сего государь императоръ повелѣлъ правящему должность государственнаго секретаря прочесть вслухъ отзывъ великаго князя Константина Павловича на имя предсѣдателя Совѣта кн. Лопухина.

«По прочтеніи сего отзыва, его величество изволилъ оный взять къ себѣ обратно, и, вручивъ министру юстиціи читанные его величествомъ манифестъ и всѣ къ нему приложенія, повелѣть соизволилъ немедленно къ исполненію и къ напечатанію оныхъ во всенародное извѣстіе. Послѣ чего его величество, всемилостивѣйше привѣтствовавъ членовъ Совѣта, изволилъ засѣданіе онаго оставить въ исходѣ 1-го часа ночи. Положено: о семъ знаменитомъ событіи записать въ журналъ, для надлежащаго свѣдѣнія и храненія въ актахъ Государственнаго Совѣта; при чемъ положено также сегодня, т. е. 14-го декабря, исполнить вѣрноподданническій обрядъ, произнесеніемъ присяги предъ лицомъ Божіимъ, въ вѣрной и непоколебимой преданности государю императору Николаю Павловичу, что̀ и было членами Совѣта и правящимъ должность государственнаго секретаря исполнено въ дворцовомъ большомъ соборѣ».

На этомъ журналѣ сверху надписано: «утверждаю. Николай». Подписанъ онъ 22-мя членами (5 мѣстъ оставлено въ пробѣлѣ), изъ которыхъ теперь, черезъ 12 лѣтъ, въ живыхъ только 9. Младшимъ былъ тогда М. М. Сперанскій.

Кромѣ этого, государь въ свое царствованіе былъ въ Совѣтѣ еще два раза: 21-го декабря 1829 года, при разсмотрѣніи дѣла о пониженіи банковыхъ процентовъ, и 19-го января 1833 года, при разсужденіяхъ о введеніи въ дѣйствіе Свода законовъ. По послѣднему вопросу государь самъ открылъ засѣданіе, изъясняя, что прежде, нежели приступлено будетъ къ сужденію о предметѣ, для коего Совѣтъ собранъ, онъ

желаетъ изложить ходъ дѣла, поелику сіе относилось къ дѣйствію, собственно отъ него зависѣвшему.

Далѣе государь продолжалъ, что, при самомъ восшествіи на престолъ, онъ счелъ долгомъ обратить вниманіе на разныя части управленія, о коихъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія.

Первый предметъ, къ коему его величество, по важности онаго, устремилъ все вниманіе свое, было правосудіе. Его величество въ самой молодости своей слышалъ о недостаткахъ у насъ въ ономъ, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о неимѣніи полныхъ законовъ, или о смѣшеніи оныхъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко одинъ другому противорѣчащихъ. Сіе побудило его съ первыхъ дней его правленія разсмотрѣть, въ какомъ состояніи находится коммиссія, для составленія законовъ учрежденная. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили его, что труды коммиссіи сей не имѣли никакихъ послѣдствій. Не трудно было открыть, что сіе происходило главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ составленію новыхъ законовъ, а не къ основанію на твердыхъ началахъ старыхъ. Посему, онъ призналъ за благо прежде всего опредѣлить, къ чему по законодательству правительство должно направлять виды свои, и, вслѣдствіе того, обратился къ началамъ, противнымъ тѣмъ, коими прежнія коммиссіи руководствовались, т. е. чтобы не созидать новыхъ законовъ, но собрать и привести въ порядокъ старые».

За симъ государь, означивъ въ главныхъ чертахъ данный имъ для совершенія сего труда планъ учрежденія для онаго въ собственной его канцеляріи особаго (II-го) отдѣленія и личное свое въ этомъ дѣлѣ участіе, упомянулъ еще о помѣщенныхъ въ сводѣ основныхъ законахъ, собственно до него и до августѣйшей его фамиліи относящихся.

Всѣмъ извѣстны,—продолжалъ онъ,—разныя превращенія, въ наслѣдствѣ престола происходившія; блаженныя памяти родитель его установилъ первый на твердыхъ основаніяхъ права наслѣдія и издалъ учрежденіе объ императорской фамиліи, которое, такъ сказать, освятилъ, положивъ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ. Такъ, императоръ Александръ I-й дополнилъ постановленія сіи, когда великій князь Константинъ Павловичъ сочетался бракомъ съ княгинею Ловичъ. Такъ, самъ онъ дополнилъ узаконенія сіи, постановленіемъ о правителѣ государства,— акты, кои также освящены тѣмъ, что тамъ же, гдѣ и первые императора Павла I-го находятся. Государь счелъ нужнымъ сіи основные законы, впрочемъ, уже давно изданные и всѣмъ извѣстные, соединить нынѣ вмѣстѣ.

Достопамятная рѣчь эта, которая въ журналѣ отмѣчена только въ краткихъ очеркахъ, продолжалась около часу. Государь говорилъ,—какъ

всѣ очевидцы единогласно отзываются,—съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. М. М. Сперанскій,—которому государь тутъ же надѣлъ снятую съ самого себя Андреевскую звѣзду,—сказывалъ мнѣ послѣ, что онъ говорилъ, какъ профессоръ.

Это засѣданіе имѣло послѣдствіемъ указъ 27-го января 1833 года и обнародованіе Свода, съ тою силой исключительнаго и общаго закона, которую онъ теперь имѣетъ.

24-го февраля. Сегодня хоронили жену знаменитаго нашего банкира и богача Штиглица. Это тоже можно записать въ число происшествій, потому что на похоронахъ было, я думаю, каретъ полтораста.

Вчерась я обѣдалъ у гр. Новосильцова втроемъ съ М. М. Сперанскимъ. Но тутъ больше имѣлся въ виду не обѣдъ (впрочемъ, славный, какъ всегда у Новосильцева), а переговоръ по дѣлу, всѣхъ насъ теперь много занимающему. Это проектъ учрежденія С.-Петербургской полиціи, огромное, многосложное, но вмѣстѣ и очень незрѣлое твореніе, составленное въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго. Сперва принялись было читать его въ Совѣтѣ отъ доски до доски, но увидѣли, что такъ конца не будетъ и что при томъ дѣло слишкомъ важно, чтобы довольствоваться однимъ поверхностнымъ слушаніемъ скораго и не всегда внятнаго чтенія. Поэтому испросили высочайшее повелѣніе весь проектъ напечатать и разослать къ членамъ для представленія ихъ замѣчаній письменно. Такихъ замѣчаній поступило устрашающее множество, и не на однѣ подробности, а на самыя основанія проекта.

Мы составили изъ нихъ сводъ и начали докладывать въ прошлый понедѣльникъ, но не тутъ-то было. Никто изъ членовъ не захотѣлъ останавливаться на мелочахъ, и всѣ требовали, чтобы прежде рѣшить основные, такъ сказать, жизненные вопросы дѣла, которые Сперанскій хотѣлъ отложить до конца частныхъ замѣчаній. Споры по обыкновенію были безпорядочные и шумные; но такого сильнаго нападенія я давно въ Совѣтѣ не помню. Бѣдный Сперанскій, утомленный нескончаемымъ преніемъ, долженъ былъ уступить, и въ слѣдующее засѣданіе дѣло отъ частностей перейдетъ уже къ общимъ началамъ. Вчерашнее совѣщаніе наше у гр. Новосильцова имѣло предметомъ установленіе этихъ началъ, и Сперанскій частью добровольно, а частью склоняясь на наши убѣжденія, согласился все то, что возбудило споры въ Совѣтѣ, т. е. гораздо болѣе важнѣйшей половины проекта изъ него исключить.

— Уступаю,—сказалъ онъ намъ,—не по убѣжденію въ томъ, чтобы мои предположенія были дурны, но потому, во 1-хъ, что у насъ вообще мало, а въ полиціи и совсѣмъ нѣтъ людей, способныхъ вразумиться въ новыя правила и достойнымъ образомъ исполнять ихъ, и во 2-хъ, чтобы

избѣжать нареканія, если дѣло пойдетъ худо: ибо неуспѣхъ отнесутъ, конечно, не къ исполнителямъ, какъ бы слѣдовало, а къ недостаткамъ самого закона, сколько бы ни былъ онъ хорошъ.

— Вообще,—продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ,—не намъ уже въ наши лѣта писать законы: пишите вы, а наше дѣло будетъ только обсуживать. Я слишкомъ уже старъ и чтобы писать и чтобы отстаивать написанное, а всего тяжче то, что пишешь съ увѣренностью не дожить до плода своихъ трудовъ.

Итакъ этотъ проектъ, надѣлавшій столько тревоги и въ Совѣтѣ и въ публикѣ, въ будущій понедѣльникъ вѣроятно лопнетъ, какъ мыльный пузырь. И слава Богу: тутъ не полиція учреждается для жителей, а нѣкоторымъ образомъ жители предполагаются существующими для полиціи. Весь проектъ въ настоящемъ его видѣ былъ бы источникомъ къ безконечнымъ притѣсненіямъ со стороны даже самыхъ мелкихъ полицейскихъ клевретовъ, а отъ сего къ безконечнымъ неудовольствіямъ и жалобамъ, отголосокъ коихъ, къ несчастію, ложится постепенно и на высшее правительство. Это самое, со всею вѣрноподданническою преданностью и искренностью, говорилъ я на-дняхъ и великому князю Михаилу Павловичу, при бесѣдѣ его со мною объ этомъ злополучномъ проектѣ.

25-го февраля. Вчерась былъ у графини Разумовской раутъ, настоящій лондонскій, тѣсный, удушливый раутъ, гдѣ все кипѣло народомъ отъ первой ступеньки лѣстницы, и гдѣ на-силу можно было пробраться до хозяйки, чтобы отдать ей поклонъ, и потомъ исчезнуть въ толпѣ, или и тотчасъ уѣхать домой, какъ многіе дѣлали. Тутъ были и государь съ императрицею, и великій князь Михаилъ Павловичъ съ супругою. Государь говорилъ со мною очень ласково. Главнымъ предметомъ нашей бесѣды было то, много-ли мы успѣли надѣлать въ Совѣтѣ въ сегодняшнее утро. Я отвѣчалъ, что засѣданія совсѣмъ не было.

— Какъ же во вторникъ гр. Новосильцовъ мнѣ сказалъ, что будетъ, а я считалъ, что непремѣнно и нужно, потому что теперь полицейское дѣло беретъ много времени и спасно, чтобы не остановить текущія дѣла.

Я объяснилъ на это, что полицейскому дѣлу засѣданія до будущаго понедѣльника ни въ какомъ случаѣ быть не могло, потому что М. М. Сперанскій вызвался приготовить по возникшимъ вопросамъ нѣкоторыя объясненія; что текущимъ дѣламъ остановки не будетъ, ибо мы начинаемъ ими каждое засѣданіе, пока соберутся всѣ члены и что такимъ же образомъ было и въ прошлый понедѣльникъ, въ который засѣданіе продолжалось до 4-го часу.

— Да, просидѣли долго,—сказалъ государь,—да ничего не надѣлали.

Впрочемъ, объясненія М. М. уже готовы; онъ былъ у меня сегодня утромъ и ихъ читалъ.

26-го февраля. На-дняхъ умеръ уніатскій митрополитъ Булгакъ [1]).

1-го марта. Опять лѣтопись смерти: на-дняхъ умерли архимандритъ Юрьевскаго монастыря (у Новгорода) Фотій и графъ Медемъ въ Митавѣ. Сынъ простаго дьячка въ Новгородской губерніи, Фотій обязанъ всѣмъ, что онъ былъ, самому себѣ. Жизнь его была жизнь истиннаго отшельника, преисполненная отреченій и добрыхъ дѣлъ: всѣ бѣдные монастыри и церкви новгородскія получали отъ него щедрыя пособія, и онъ явно и тайно благотворилъ тоже многимъ частнымъ лицамъ. И при всемъ томъ онъ былъ почти ненавидимъ въ публикѣ: всѣ его хулили, называли іезуитомъ, тонкимъ пронырой, а когда дѣло шло о доказательствахъ, ихъ ни у кого не было. Я познакомился съ нимъ лично лѣтомъ 1830 г., бывъ съ матушкой въ Новгородѣ на богомольѣ. Пріемъ его всѣмъ и каждому былъ пріемъ высокомѣрнаго прелата, гордаго своимъ саномъ, а можетъ быть и своимъ богатствомъ; но за то и принимаемы были всѣ равно: и женщинъ, и мужчинъ безъ разбора званій, онъ привѣтствовалъ простымъ «ты». Не отъ этого-ли и не жаловали его наши магнаты? Но сквозь эту грубую оболочку просвѣчивали искры свѣтлаго ума, поэзіи, даже чего-то геніальнаго. Тѣ полчаса, которые я съ нимъ провелъ, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Помню и теперь нѣсколько словъ его бесѣды, относящейся къ иноческой жизни.

— Мы (монахи) и денно, и нощно, и всякую минуту нашей жизни,— говорилъ онъ,—уподобляемся воинамъ, борющимся со своими врагами; должны, какъ они, быть на всегдашней стражѣ, если не противъ внѣшнихъ, то противъ опаснѣйшихъ еще внутреннихъ враговъ — нашихъ страстей; и горе изнемогающему! Потому тѣ, которые называютъ насъ

---

[1]) Іосафатъ Булгакъ, бывшій съ 1787 года суффраганомъ и коадъюторомъ епископства пинскаго и туровскаго, въ 1798 году, при преобразованіи устройства уніатской церкви, возведенъ былъ въ епископы брестскіе, а въ 1814 году въ митрополиты греко-уніатскихъ церквей въ Россіи. Онъ былъ воспитанъ въ римской коллегіи пропаганды и тамъ въ 1785 году посвященъ въ уніатскіе священники. Подъ конецъ своей жизни, по старости, онъ былъ почти совсѣмъ устраненъ отъ управленія дѣлами и, живя въ Петербургѣ, пользовался однимъ почетнымъ титуломъ. Онъ умеръ въ глубокой старости. Память его особенно уважается католиками за настоятельное сопротивленіе возсоединенію уніатовъ, которое и совершилось уже, какъ извѣстно, послѣ его смерти.

празднолюбцами, тунеядцами, горько ошибаются. Если бы было истинно такъ, то неужели въ многолюдномъ населеніи Россіи не нашлось бы болѣе охотниковъ къ монашеской жизни?

Тутъ онъ раскрылъ исторію Россійской іерархіи и въ доказательство своихъ словъ указалъ мнѣ, что всѣхъ монашествующихъ обоего пола у насъ не болѣе пяти тысячъ.

— Дай пройти еще одному, двумъ десятилѣтіямъ, — продолжалъ онъ,— и увидишь, что съ увеличеніемъ суеты мірской, никто уже не будетъ искать этой хваленой жизни, обители наши опустѣютъ, и однѣ наши могилы напомнятъ, что были люди, работавшіе Богу молитвою и отреченіемъ. Но лучше-ли будетъ оттого, что на фабрикахъ вашихъ, или въ рядахъ войскъ или въ палатахъ, станетъ лишнихъ 5000 человѣкъ, которые прежде усердно на раменахъ своихъ несли бремя вашихъ прегрѣшеній; что закроютъ эти спасительныя убѣжища труждающихся духомъ, растерзанныхъ бѣдствіями и треволненіями жизни; что желающій обречь себя Богу не найдетъ больше нигдѣ тихаго пристанища отъ житейскаго моря?

Таковы были его мысли, но не могу передать краснорѣчія словъ, которыми онъ выражалъ ихъ въ вдохновенной бесѣдѣ.

Надменное высокомѣріе Фотія проявлялось при всякомъ случаѣ, и только сильнымъ покровительствомъ гр. Аракчеева можно объяснить, какъ выносили его современники. Въ двадцатыхъ годахъ, когда онъ былъ въ апогеѣ своего значенія, на экзаменѣ въ здѣшней духовной академіи, онъ шелъ съ кн. А. Н. Голицынымъ къ завтраку, какъ вдругъ одинъ маленькій чиновникъ, зайдя сбоку, подошелъ подъ его благословеніе; но Фотій отшибъ съ презрѣніемъ поднятую къ нему руку, продолжалъ, не оглянувшись, свой путь. На томъ же экзаменѣ, Сперанскій въ лентѣ и звѣздахъ, подошелъ тоже къ его благословенію.

— Кто ты? Я тебя не знаю,—отвѣчалъ ему, съ тономъ высшаго пренебреженія и отвернувшись, дерзкій архимандритъ.

И Сперанскій, смущенный въ высшей степени, долженъ былъ назвать себя по имени.

— А, ты Сперанскій: ну, Христосъ съ тобою!—И, перекрестивъ его и давъ поцѣловать свою руку, онъ не прибавилъ ни слова въ извиненіе.—Оба эти анекдота разсказывалъ мнѣ очевидецъ, директоръ канцеляріи министра императорскаго двора Панаевъ.

При смерти его присутствовали три дамы: гр. Орлова (которую онъ называлъ всегда: «сестра Анна» или просто «Анна»), Державина, вдова знаменитаго поэта, и старая дѣвица Жадовская. Сверхъ нихъ находился еще тутъ кн. Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), коего родной братъ былъ монахомъ въ томъ же монастырѣ (извѣстный монахъ Аникита).

2-го марта. Сперанскій года два занимался уже съ наслѣдникомъ наукой законодательства и администраціи.

Теперь государь предложилъ гр. Канкрину заниматься съ нимъ финансами и политической экономіей. Такимъ образомъ первые два государственные человѣка наши получили новое, высокое призваніе.

Геній ихъ довершитъ то блестящее по всѣмъ частямъ воспитаніе, которое дано русскому царевичу.

Гр. Канкринъ разсказывалъ мнѣ, что ѣздитъ къ наслѣднику два раза въ недѣлю, и читаетъ ему свои тетради о высшихъ видахъ финансоваго управленія и о финансовой статистикѣ не только Россіи, но и всей Европы,—тетради, которыя онъ теперь же пишетъ по мѣрѣ того, какъ подвигаются его лекціи.

9-го марта. Возобновленіе Зимняго дворца [1]) или по крайней мѣрѣ приготовленія къ возобновленію идутъ очень успѣшно. Кругомъ дворца со всѣхъ сторонъ выросъ цѣлый городъ: это жилье для рабочихъ, складки для матеріаловъ и проч.

На цѣломъ дворцѣ наведена временная деревянная крыша. Вся внутренность и часть наружности уставлена лѣсами и подмостками. При скорости ихъ построенія не могло обойтись и безъ несчастій. На-дняхъ нѣкоторые лѣса обвалились: два человѣка убито до смерти, а шестерыхъ отвезли въ больницу полумертвыми. Къ счастью, что это случилось въ воскресенье и отъ того было не много людей на работѣ.

9-го марта. Сегодня императрица въ первый разъ была въ Артиллерійскомъ училищѣ вмѣстѣ съ государемъ, наслѣдникомъ, съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ и съ двумя старшими великими княгинями. Они пробыли тамъ около часу и осматривали всѣ подробности.

Императрица тутъ же выпросила всевозможныя милости у государя. Состоявшіе подъ наказаніемъ прощены, арестованные выпущены и проч. Всѣхъ воспитанниковъ распустили гулять на два дня.

12-го марта. Вчерась я былъ у в. кн. Михаила Павловича съ нѣкоторыми совѣтскими бумагами, и сидѣлъ у него по обыкновенію предолго. Я высоко цѣню благорасположеніе ко мнѣ этого истинно добраго, благороднаго, благонамѣреннаго человѣка, любящаго Россію столь же пламенно, сколько онъ безусловно преданъ своему брату. Онъ всегда со мной чрезвычайно откровененъ, а я съ нимъ говорю гораздо смѣлѣе и искреннѣе, чѣмъ со всѣми нашими вельможами: положеніе его такъ высоко, такъ отчуждено отъ мелочныхъ интересовъ и соображеній людей

---

[1]) Послѣ пожара.

частныхъ, въ какой бы степени они ни были поставлены, что тутъ от важно можно высказывать разныя истины, которыя передать другому призадумаешься. Вотъ главные моменты нашей вчерашней бесѣды:

Была рѣчь о предсѣдателѣ Совѣта гр. Новосильцовѣ.

— C'est un homme d'esprit, de lumières et tout-à-fait bienintentionné,— сказалъ я,—ce qui lui manque peut être c'est le don de la parole et celui de maîtriser la discussion.

— Dites plutôt,—отвѣчалъ онъ,—le don d e l a p o l i c e; il ne peut pas faire taire ces messieurs et leur inspirer un peu plus de respect pour la charge qui leur est confiée. Aussi voyez combien au milieu de leur bavardage il est difficile de saisir leurs affaires ou bonnement de suivre le fil de la lecture» [1]).

— При всемъ томъ,—продолжалъ онъ,—страшное бы было затрудненіе кѣмъ-нибудь его замѣнить. Я съ этимъ совершенно согласился, но возразилъ, что въ городѣ неоднократно носился слухъ, что займетъ его мѣсто его высочество.

— Никакъ,—отвѣчалъ онъ. Я не довольно знаю дѣла, не довольно опытенъ и не рѣшился бы принять этой важной должности.

— Однако же,—сказалъ я,—сколько важныхъ жизненныхъ для Россіи дѣлъ рѣшено еще въ послѣднее время по указаніямъ и мнѣнію вашего высочества; безъ вашей энергіи, безъ вашей высокой привязанности къ Россіи, было бы, можетъ быть, далеко не то.

Отъ этого натурально перешелъ разговоръ къ проекту новаго образованія С.-Петербургской полиціи, этому вредному дѣлу, отклоненіемъ котораго мы точно обязаны великому князю.

— Не могу не отдать при этомъ случаѣ справедливости Сперанскому,—сказалъ онъ: согласитесь, что и прочесть эту огромную книгу надобно было мѣсяцъ, а каково же написать. И при всемъ томъ, когда мы указали вредъ, могущій отъ нея произойти, онъ avec une abnégation complète de soi même, охотно уступилъ и пожертвовалъ пользѣ общей своимъ огромнымъ трудомъ, можетъ быть, своимъ убѣжденіемъ, безъ споровъ безъ mauvaise humeur. И вспомните, что ему подъ 70 лѣтъ, что слѣдственно для него уже нѣтъ будущности, что это можетъ быть была его лебединая пѣснь. Это отреченіе поставило его еще выше въ моихъ мысляхъ, и я желалъ бы, чтобы онъ увѣрился, что если я вся-

[1]) «Это человѣкъ умный, просвѣщенный и совершенно благонамѣренный»—сказалъ я—«чего ему, быть можетъ, не хватаетъ, это дара слова и способности управлять преніями».

— «Скажите лучше»—отвѣчалъ онъ—«полицейскихъ способностей, онъ не можетъ заставить этихъ господъ молчать и внушить имъ нѣсколько большее уваженіе къ занимаемому имъ посту. Посмотрите, какъ поэтому трудно среди ихъ болтовни уловить суть ихъ дѣлъ или, просто, слѣдить за нитью чтенія».

чески оспаривалъ его работу, по убѣжденію въ ея вредѣ, то ничего не имѣю противъ его лица.

Тутъ онъ сравнилъ Сперанскаго съ гр. Канкринымъ и отдалъ предпочтеніе первому въ томъ, что онъ дѣйствуетъ безъ страстей, тогда какъ послѣдній увлекается упрямствомъ, сердясь и осуждая каждаго, кто не согласится съ его мнѣніемъ, и употребляя даже для убѣжденія косвенныя угрозы: «что объ этомъ предваренъ государь, что противное будетъ ему непріятно и пр.».

— По мнѣ,—продолжалъ онъ,—въ этомъ случаѣ все равно: я дѣйствую по своей совѣсти и по своей присягѣ; говорю, какъ вижу и какъ думаю, не входя ни въ какія постороннія соображенія. Мы поставлены, чтобы говорить государю правду, хотя бы она могла возбудить временно гнѣвъ. Прикажетъ, и наше дѣло слѣпо повиноваться; но пока не прикажетъ, мы должны смѣло и откровенно выговаривать, какъ бы намъ казалось бы полезнымъ, чтобы онъ приказалъ.

Была рѣчь и о знаменитомъ въ свое время проектѣ закона о состояніяхъ, который въ 1830 г. былъ предложенъ Совѣту и отвергнутъ главнѣйше по настояніямъ великаго князя.

— Я дѣйствовалъ противъ этого проекта по мѣрѣ своихъ силъ,—сказалъ онъ, потому что видѣлъ въ немъ готовые элементы революціи. И сообразите обстоятельства: въ іюлѣ 1830 года произошла французская революція, въ сентябрѣ—бельгійская, въ ноябрѣ—варшавская; намъ этотъ проектъ предложенъ былъ въ предшествовавшемъ апрѣлѣ; пока бы его обнародовали и онъ отозвался во всѣхъ частяхъ широкой нашей Россіи, прошло бы нѣсколько мѣсяцевъ, и наконецъ къ исходу года мы тоже бы созрѣли къ мятежу, какъ созрѣла послѣ Франція, Бельгія и Польша. Князь Кочубей и Сперанскій сперва крѣпко сѣтовали на меня за мою оппозицію, но потомъ, думаю, сами убѣдились, что она была не безполезна.

Между разговорами о государственныхъ нашихъ установленіяхъ великій князь сказалъ:

— Крѣпко ошибаются иностранцы въ мысляхъ своихъ о Россіи. Tandis que toutes les nations de l'Europe barbottent dans la théorie des idées libérales, nous jouissons en plein du libéralisme dans son application pratique [1]). Если насъ жмутъ исправники, на которыхъ есть судъ, то тѣхъ жмутъ гораздо больше самовластныя палаты, на которыя нѣтъ расправы. Но гдѣ, скажите, есть такое муниципальное правленіе, какъ у насъ? гдѣ во всѣхъ степеняхъ суда и полиціи есть

---

[1]) Между тѣмъ, какъ всѣ народы Европы копаются въ либеральныхъ теоріяхъ, мы въ полной мѣрѣ пользуемся либерализмомъ въ его практическомъ примѣненіи.

выборные отъ всѣхъ сословій? гдѣ солдатъ, поступившій изъ моихъ крѣпостныхъ людей, можетъ черезъ годъ сдѣлаться мнѣ равнымъ и имѣть самъ крѣпостныхъ людей? Въ Австріи графиню Бубна, жену знаменитаго воина, администратора, писателя, не пускали во всю жизнь ко двору потому, что она была не дворянскаго происхожденія, а мужъ при всѣхъ историческихъ своихъ заслугахъ не могъ передать ей своего состоянія!

Наконецъ, между многимъ другимъ великій князь упомянулъ, сколько онъ благодаренъ за то, что посаженъ въ Совѣтъ.

— Здѣсь только,—сказалъ онъ,—могъ я познакомиться съ людьми и съ игрою страстей,—вещь, отъ которой безъ того всегда отдалило бы меня мое положеніе. Я тутъ узналъ и цѣну людей.

Жаль, что въ Россіи мало знаютъ великаго князя, и что часто самъ онъ скрываетъ себя подъ какимъ-то покровомъ мелочей, особенно во всемъ, относящемся до военной службы.

5-го апрѣля. Умеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, и занемогъ опасно нашъ графъ Новосильцовъ; болѣзнь его еще въ самомъ разгарѣ и нельзя сказать ничего рѣшительнаго. У насъ по статсъ-секретарству новый товарищъ князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ, состоявшій долго при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, въ особой милости, человѣкъ добрый, умный и образованный.

7-го апрѣля. Графу Новосильцову не лучше. Вопросъ, кому исправлять его должность временно до рѣшенія большаго вопроса о томъ: кто совсѣмъ заступитъ его мѣсто?

По общему порядку, въ отсутствіи предсѣдателя Совѣта или въ его болѣзни, должность его занимаетъ, если не послѣдуетъ особаго назначенія, старшій изъ предсѣдателей департаментовъ. Теперь здѣсь на лицо старшій князь Варшавскій, но только на нѣсколько дней, а за нимъ слѣдуетъ графъ Литта, къ которому я и обратился.

10-го апрѣля. Только три дня и сколько происшествій! Съ 7-го числа вечера графу Новосильцову гораздо сдѣлалось хуже; по желанію семейства его исповѣдовали и причащали въ полупамяти; 8-го утромъ посланному моему отвѣчали, что доктора произнесли уже смертный приговоръ и что онъ не переживетъ дня. Въ то же утро я былъ у графа Орлова и, по общему городскому слуху и разнымъ намекамъ государя, мы заключили, что предсѣдателемъ будетъ Сперанскій.

Въ 6 часовъ послѣ обѣда мнѣ дали знать о кончинѣ графа Новосильцова [1]).

Мнѣ хотѣлось, чтобы погребеніе предсѣдателя сдѣлано было со всѣмъ приличіемъ и вмѣстѣ, чтобы Огаревы [2]) не истратили на него послѣднее, что у нихъ есть. Поэтому отъ государя я проѣхалъ прямо къ министру финансовъ, больше за совѣтомъ, что дѣлать, чѣмъ съ просьбой. Но графъ Канкринъ, съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ, пошелъ дальше меня и совѣтовалъ, чтобы Огаревы обратились къ нему письменно съ просьбой о пособіи, а онъ тотчасъ представитъ объ этомъ государю. Но Огаревы на предложеніе мое рѣшительно отказались: покойный во всю жизнь свою никогда ничего не просилъ, и потому они рѣшаются лучше продать или заложить, что можно, чѣмъ просить о пособіи послѣ его смерти.

Сегодня я являлся уже въ полной формѣ къ новому моему предсѣдателю (графу Васильчикову), съ которымъ впрочемъ состою уже семь лѣтъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, сперва въ Комитетѣ министровъ, а потомъ въ Совѣтѣ, гдѣ онъ до сихъ поръ былъ предсѣдателемъ департамента законовъ. Онъ принялъ меня больше чѣмъ ласково, обнималъ, просилъ моего содѣйствія, изъявлялъ свою довѣренность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, которыя въ устахъ этого прямодушнаго и правдиваго человѣка суть не комплименты, а истина.

— Я принялъ это мѣсто съ тяжкимъ сознаніемъ своей малоспособности,—сказалъ онъ мнѣ,—съ увѣренностью, что это бремя разрушитъ послѣдніе остатки моего слабаго здоровья; но принялъ его по двумъ убѣжденіямъ: по ничтожностямъ, которыя видѣлъ около себя въ числѣ кандидатовъ, и потому, что васъ буду имѣть сотрудникомъ. У обоихъ насъ одна цѣль и одно желаніе: слава государя и польза Россіи. Будемъ вмѣстѣ трудиться и поддерживать другъ друга на этомъ тяжкомъ, но славномъ поприщѣ.

Почтенный старецъ былъ растроганъ до слезъ. Умиленіе его сообщилось и мнѣ. Характеристика его личности и его отношеній къ государю и къ публикѣ,—когда-нибудь послѣ при бо̀льшемъ досугѣ.

11-го апрѣля. Сегодня гр. Васильчиковъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ. Я встрѣтилъ его въ аванзалѣ Совѣта въ лентѣ, со всѣми старшими чинами государственной канцеляріи и тутъ его привѣтствовалъ. Засѣданіе по роду дѣлъ было незанимательное, и новому предсѣдателю не было случая показаться.

---

[1]) Дальнѣйшія подробности напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1899 г. № 6, стр. 531—553.

[2]) Сенаторъ Огаревъ былъ женатъ на родной племянницѣ графа Новосильцова.

Я разсказывалъ сегодня гр. Литтѣ отзывъ о немъ государя. Онъ былъ въ восторгѣ и даже расцѣловалъ меня, какъ будто бы тутъ было и какое-нибудь участіе и съ моей стороны.

— Mais, cher Baron, ce que je vous demande comme un signe d'amitié, c'est de raconter cela en ville [1]).

И въ восемьдесятъ четыре года это почти ребяческое тщеславіе, эта просьба къ человѣку, который почти на пятьдесятъ лѣтъ его моложе и въ которомъ онъ не можетъ предполагать необходимой обязанности скрывать, что разсказываетъ онъ именно по его просьбѣ! Впрочемъ, я потѣшу старика.

— Croyez du reste,—продолжалъ онъ,—que ce n'est ni mon nom, ni mon âge, qui ont entraîné ma nomination, mais que c'est principalement ma religion; je suis catholique et catholique en Russie—par le temps qui court c'est pire que juif. Au surplus on a parfaitement raison: il y a des questions où ma croyance me mettrait quelquefois en opposition avec tout le conseil et comme il m'est impossible de légisverser avec ma conscience ou avec leurs vérités qui ont fait ma consolation dès mon enfance, ce tout pourrait finir par des collisions nuisibles aux affaires et par là au bien public. Jaime mieux conserver ma position actuelle et il y a long temps déjà que j'ai renoncé à ambitionner le titre de Président du Conseil» [2]).

8-го мая. Государыня отправилась въ Берлинъ нѣсколькими днями ранѣе государя, потому что въ дорогѣ ночуетъ, а пріѣхать туда они хотятъ вмѣстѣ. Съ нею поѣхала одна великая княгиня Александра Николаевна, которой дѣдушка еще не знаетъ. Сопровождаютъ ее министръ императорскаго двора кн. Волконскій, гр. Бенкендорфъ, докторъ Арендтъ и фрейлины графиня Тизенгаузенъ и Нелидова. Первый ѣдетъ впередъ и съѣзжается съ ними только на ночлегахъ. Съ государемъ поѣхалъ наслѣдникъ; при нихъ: генералъ-адъютанты гр. Орловъ, Адлербергъ и Кавелинъ; флигель-адъютантъ кн. Долгоруковъ;

---

[1]) — Но, дорогой баронъ, что я прошу у васъ, какъ знакъ дружбы, это —разсказать объ этомъ въ городѣ.

[2]) — Вѣрьте впрочемъ,—продолжалъ онъ,—что ни мое имя, ни возрастъ вызвали мое назначеніе, но что это преимущественно моя религія; я католикъ, а католикъ въ Россіи по теперешнему времени хуже, чѣмъ еврей. Впрочемъ совершенно правы: есть вопросы, въ которыхъ мое вѣроисповѣданіе иногда поставили бы меня въ опозицію со всѣмъ Совѣтомъ, и такъ какъ я не могу дѣйствовать противъ моей совѣсти или противъ ихъ истинъ, которыя были моимъ утѣшеніемъ съ дѣтства, все это могло бы кончиться спорами вредными для дѣлъ и поэтому и народному благу. Я предпочитаю сохранить мое теперешнее мѣсто и давно уже отказался мечтать о титулѣ Предсѣдателя Совѣта.

наставникъ наслѣдника Жуковскій; камергеръ Толстой и три товарища наслѣдника по воспитанію, гвардейскіе офицеры: гр. Віельгорскій, Адлербергъ и Паткуль. Прежде всѣхъ отправились два младшихъ великихъ князя: Николай и Михаилъ, которыхъ Прусскій король тоже еще не знаетъ. При нихъ генералъ Философовъ. Примѣчательно, что государь уѣхалъ въ ночь со 2-го на 3-е мая, а до сихъ нѣтъ еще ни слова объ его отъѣздѣ ни въ одной изъ нашихъ газетъ: вѣроятно, оттого, что безъ него и безъ гр. Бенкендорфа некому разрѣшить печатаніе. Если слѣдовать однѣмъ газетамъ, то мы изъ прусскихъ узнаемъ о его пріѣздѣ въ Берлинъ прежде, чѣмъ изъ нашихъ объ его отъѣздѣ.

Нѣтъ, конечно, ничего скучнѣе, какъ переписывать газеты, а между тѣмъ надо согласиться съ тѣмъ, что выборка изъ нихъ составила бы одну изъ любопытнѣйшихъ частей современныхъ записокъ, когда черезъ десятки, черезъ сотни лѣтъ всѣ эти газеты исчезнутъ и всѣ ихъ подробности перейдутъ въ область исторіи. Теперь во всѣхъ нихъ только и рѣчи, что о прибытіи нашего царя съ его семьей въ Берлинъ, о тамошнихъ праздникахъ, маневрахъ и проч. Государь совершилъ свой переѣздъ съ быстротой почти баснословною. Выѣхавъ отсюда въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, онъ въ субботу въ 6-мъ часу послѣ обѣда былъ уже на мѣстѣ. Ему нѣтъ надобности и въ желѣзныхъ дорогахъ!

31-го мая. Вчера въ ночь съ 29-го на 30-е мая мы лишились опять члена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Родофиникина, едва только вступившаго въ Совѣтъ, свѣжаго, крѣпкаго, щеголявшаго всегда своими силами и здоровьемъ, 74 лѣтняго старика, который при этихъ лѣтахъ былъ пободрѣе насъ молодыхъ. Еще въ четвергъ онъ былъ въ Совѣтѣ, еще въ воскресенье гулялъ въ Лѣтнемъ саду, а въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ его уже не стало, отъ аневризма или какой-то подобной болѣзни въ сердцѣ. За отъѣздомъ гр. Нессельроде въ чужіе края онъ управлялъ теперь временно министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ отъ внезапной его смерти сдѣлалась страшная суматоха: при отсутствіи государя они не знаютъ, какъ имъ быть, и не нашлось ничего инаго, какъ вступить въ управленіе министерствомъ его Совѣту впредь до повелѣнія. Родофиникинъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ примѣчательный человѣкъ: родомъ грекъ, неизвѣстнаго происхожденія, пришлецъ въ Россію, онъ сперва служилъ въ военной службѣ, а потомъ однимъ умомъ успѣлъ достигнуть постепенно настоящихъ высокихъ званій. Сдѣлавшись правою рукою гр. Нессельроде, особенно по всѣмъ сношеніямъ съ востокомъ, онъ долгое время управлялъ Азіатскимъ департаментомъ, и конечно во всей Россіи нѣтъ человѣка, который бы такъ подробно зналъ Азію со всѣми ея большими владыками и маленькими князьками. Ловкій, тонкій, необыкновенно пріятный въ обще-

ствѣ, услужливый, привѣтливый, вѣжливый со всѣми безъ низости, онъ былъ любимъ почти всѣми, кто его зналъ, и хотя нѣкоторые почитали его пронырливымъ, интриганомъ, но никто не умѣлъ представить на это доказательствъ; у него остался одинъ только законный сынъ отъ давнишняго брака, который служитъ въ Грузіи. Между тѣмъ, когда теперь пришлось его хоронить, то должно было принять это на себя министерство, потому что, кромѣ дальнихъ и незначущихъ свойственниковъ никого здѣсь нѣтъ.

Поѣздки по Царскосельской желѣзной дорогѣ идутъ съ блистательнымъ, превзошедшимъ всякія надежды и разсчеты успѣхомъ. На-дняхъ открыта и дорога изъ Царскаго въ Павловское, гдѣ выстроенъ на счетъ общества вокзалъ,—чудо вкуса и великолѣпія. Въ послѣднюю недѣлю съ одного воскресенья до другаго включительно собрано около 50.000 р. сер., и въ томъ числѣ въ одно послѣднее воскресенье 12.880 р.! И все это въ погоду, хотя и ясную, но совсѣмъ еще не настоящую лѣтнюю.

Не смотря на довольно дорогія цѣны, ѣдутъ люди всѣхъ классовъ, разумѣется, больше изъ любопытства, чѣмъ по дѣйствительной потребности. И beau monde вашъ пока совсѣмъ еще не устраняетъ себя отъ этого удовольствія. Только малое число трусливыхъ старовѣровъ предпочитаетъ еще тихую ѣзду по пыльному шоссе.

— Разъ, два, счастливо; а потомъ и быть какой-нибудь бѣдѣ; такъ лучше кататься по-старому, хоть тише, да безопаснѣе,—говорятъ они.

Это я слышалъ вчера между прочимъ отъ кн. Голицына и Сперанскаго, которые теперь часто ѣздятъ между Царскимъ и Петербургомъ; одинъ къ царскимъ дѣтямъ, а другой къ своей дочери. Но и ихъ мало кто слушаетъ и—доказательство, что въ послѣднее воскресенье не достало въ Царскомъ, подъ конецъ дня, ни шампанскаго, ни хлѣба, не говоря уже о прочемъ.

3-го іюня. Сегодня были въ Невскомъ похороны Родофиникина, менѣе великолѣпныя по наружности, нежели похороны гр. Новосильцова, но болѣе оживленныя сочувствіемъ. Хоть у насъ не принято, чтобы дамы были на похоронахъ мужчинъ, когда въ остающемся и присутствующемъ при церемоніи семействѣ нѣтъ женскаго пола, однако тутъ была графиня Нессельроде.—Примѣчательно, что покойный при всемъ отмѣнномъ умѣ своемъ и совершенно европейской образованности, былъ очень суевѣренъ. Когда-то, лѣтъ сорокъ тому назадъ, бродячая цыганка предсказала ему всю его будущность, и онъ часто любилъ повторять, что всѣ ея предсказанія сбылись слово въ слово. Между прочимъ она прорицала ему, что онъ получитъ много лентъ и

будетъ жить и здравствовать, пока онѣ будутъ съ лѣваго плеча; но какъ скоро получитъ онъ затѣмъ ленту накрестъ, т. е. съ праваго плеча, то это будетъ предзнаменованіемъ близкой его смерти. Въ концѣ прошлаго года ему дали Владимірскую ленту, которая носится именно съ праваго плеча, и я самъ помню, какъ онъ тогда всѣмъ это разсказывалъ, прибавляя въ шутку, что желалъ бы лучше не получать никакой награды. Въ прошлый четвергъ былъ еще совсѣмъ здоровый въ Совѣтѣ, когда при началѣ засѣданія, сѣли члены за присутственный столъ, онъ сосчиталъ, что всѣхъ ихъ ровно 13-ть и тотчасъ шепнулъ своему сосѣду (А. С. Лавинскому), что видно кому-нибудь изъ нихъ на-дняхъ умереть,—и черезъ три дня его уже не стало.

4-го іюня. Предчувствіе наше сбылось: мы знали, что маневры въ Берлинѣ кончились послѣ 20-го мая; что маневры въ Варшавѣ должны были начаться 15-го іюня. По всему этому догадывались, что государь едва-ли вынесетъ такъ долго скуку непривычнаго бездѣйствія и вѣрно воспользуется свободнымъ до 15-го іюня временемъ, чтобы посмотрѣть на насъ и на оставшуюся здѣсь часть своего семейства. Такъ и случилось. Въ ночь съ 25-го на 26-е число государь вмѣстѣ съ наслѣдникомъ и съ обоими младшими своими сыновьями выѣхалъ изъ Берлина въ Штеттинъ, оттуда 26-го поѣхалъ съ ними на пароходѣ въ Стокгольмъ, куда прибылъ совершеннымъ сюрпризомъ для старика-короля, и наконецъ 3-го іюня утромъ въ 10-ть часовъ воротился къ намъ въ Петергофъ.

8-го іюня. На счетъ свиданія его съ королемъ шведскимъ ходятъ у насъ два сказанія. По одному государь вошелъ къ королю въ свитѣ наслѣдника, и когда наслѣдникъ, представивъ всѣхъ его сопровождавшихъ, обошелъ государя, то король съ удивленіемъ спросилъ, отчего не представляютъ ему этого величественнаго казацкаго генерала (государь былъ въ казачьемъ мундирѣ), котораго онъ не знаетъ. Тогда государь, выступивъ самъ впередъ, сказалъ: «Sire, c'est le père du jeune homme, que vous venez d'accueillir avec tant d'amitié» [1]). Но по другому сказанію, если менѣе поэтическому, то по крайней мѣрѣ достовѣрнѣйшему, потому что мнѣ передалъ его очевидецъ (полковникъ Дюгамель), государь съ наслѣдникомъ вошли къ королю точно вмѣстѣ, но государь представилъ себя тотчасъ самъ, словами: «Sire, vous attendiez le fils et c'est le père qui vous arrive» [2]). Во всякомъ случаѣ это посѣщеніе было самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ для короля, и онъ пораженъ былъ до слезъ: «cette visite consolide à jamais ma dynastie sur le

---

[1]) Государь, это отецъ молодаго человѣка, котораго вы приняли такъ дружелюбно.

[2]) Государь, вы ожидали сына, а пріѣхалъ отецъ.

trône de Suède»[1]),—повторялъ онъ потомъ много разъ. Не сказать-ли послѣ этого, что государь нашъ первый дипломатъ въ мірѣ и что это минутное свиданіе сильнѣе всѣхъ возможныхъ мирныхъ трактатовъ.

11-го іюня. Генералъ Ермоловъ—эта знаменитая и конечно всѣхъ болѣе популярная репутація въ Россіи,—исчезнувъ давно уже съ политическаго поприща, нынче вздумалъ опять явиться вдругъ ко двору и присутствовать нѣсколько мѣсяцевъ въ Совѣтѣ. Какимъ образомъ это сдѣлалось, не знаю, но едва-ли доброю волей; по крайней мѣрѣ онъ ѣдетъ уже опять на-дняхъ въ безсрочный отпускъ въ свою подмосковную и сказывалъ мнѣ, что нарочно избѣгаетъ прощаться съ государемъ, чтобы не подпасть подъ затруднительный вопросъ: «когда онъ думаетъ воротиться опять въ Петербургъ?»—«Я чувствую,—говорилъ онъ мнѣ,—что я здѣсь совсѣмъ лишній человѣкъ: ко двору не гожусь, а въ Совѣтѣ совсѣмъ безполезенъ; et ce n'est pas pour mendier un compliment que je vous le dis[2]). Я отжилъ свой вѣкъ».—Дѣйствительно, въ Совѣтѣ онъ совсѣмъ почти не говоритъ и большую часть времени дремлетъ. Не берусь судить о другихъ достоинствахъ потому, что не довольно коротко его знаю, и могу только отдать справедливость его чрезвычайному дару слова въ разсказахъ и вообще въ разговорахъ. Въ прочихъ отношеніяхъ онъ для меня совершенная загадка, но едва-ли онъ въ уровень со своею репутаціей. На-дняхъ я слышалъ отъ него испытанный имъ надъ самимъ собою примѣчательный опытъ врачующей силы гомеопатіи. Онъ отъ рожденія лишенъ былъ обонянія по крайней мѣрѣ до извѣстной очень сильной степени: «запахи извѣстны мнѣ были,—разсказываетъ онъ,—только по крѣпчайшимъ экстрактамъ; такимъ образомъ я могъ различить розовое масло отъ éxtrait de réséda, но не зналъ ни запаха розы, ни запаха резеды въ естественномъ ихъ положеніи; тухлую говядину, отъ которой всѣ бѣжали изъ комнаты, я ѣлъ за свѣжую. Въ прошлую зиму въ Москвѣ я сталъ лѣчиться гомеопатически у очень искуснаго врача, и вдругъ родилось для меня новое чувство, чувство самаго тонкаго обонянія, такъ что теперь я слышу, если въ другой комнатѣ поставленъ горшокъ съ цвѣтами».

15-го іюня. Настали наши вакаціи, а съ ними нашъ отъѣздъ, на первый разъ въ Кіевъ, а потомъ куда Богъ дастъ, можетъ быть и далѣе на югъ. Я ѣду съ женою и съ сестрою и съ обоими нашими птенцами, разсѣяться, подышать другимъ воздухомъ, посмотрѣть на

---

[1]) Это посѣщеніе на всегда укрѣпитъ мою династію на шведскомъ престолѣ.

[2]) И я говорю это не для того, чтобы вымолить комплиментъ.

нашу Русь святую. Сейчасъ отслужимъ молебенъ, чтобы испросить благословеніе свыше на дальній путь.

13-го числа я обѣдалъ еще у предсѣдателя на прощаньи, и потомъ мы подписали полугодовой отчетъ нашъ государю: дѣлъ за Совѣтомъ не осталось ни одного; за справками и проч.—только восемь; отчетъ блистательный, особенно послѣ непомѣрнаго множества и относительной важности бывшихъ у насъ въ это полугодіе дѣлъ.

У предсѣдателя обѣдалъ опять партизанъ-поэтъ Давыдовъ, столько же любезный въ обществѣ, сколько острый и умный съ перомъ въ рукѣ. Онъ разсказывалъ между прочимъ множество анекдотовъ о славномъ Платовѣ, одинъ другаго забавнѣе. Теперь за уборкой и хлопотами дорожныхъ приготовленій, мнѣ, къ сожалѣнію, некогда ихъ уже записывать; но одинъ всѣхъ смѣшнѣе. Платовъ обѣдалъ съ Карамзинымъ; послѣ обѣда, когда первый, по обыкновенію, былъ уже совсѣмъ навеселѣ, послѣдній вздумалъ спрашивать его объ успѣхахъ просвѣщенія въ Донскомъ войскѣ.

— Я, батюшка,—отвѣчалъ Платовъ,—объ этомъ много не хлопочу, потому что терпѣть не могу ученыхъ: они всѣ или канальи или пьяницы.

Надобно замѣтить, что это говорилъ подгулявшій Платовъ ученому Карамзину.

18-го сентября. Вотъ я опять дома, опять въ кругу своихъ, въ томъ Петербургѣ, который мнѣ иногда такъ надоѣдаетъ, когда я въ немъ и въ который опять такъ хочется назадъ, когда изъ него выѣдешь.

20-го сентября. Смерть князя Лобанова-Ростовскаго возбудила во мнѣ разныя воспоминанія изъ временъ первой молодости. При вступленіи моемъ послѣ выпуска изъ Лицея въ 1817 г. въ министерство юстиціи, министромъ былъ еще Трощинскій, но онъ въ томъ же году смѣненъ княземъ Лобановымъ. Я дежуривалъ при немъ въ числѣ прочихъ младшихъ чиновниковъ департамента по разу въ недѣлю и болѣе. Дежурство это состояло въ томъ, что мы часу въ 8-мъ являлись къ нему въ парадныхъ мундирахъ, докладывали о пріѣзжающихъ, подавали ему получаемыя бумаги и печатали конверты. Потомъ дежурный обѣдалъ всегда за его столомъ, а вечеромъ онъ отпускалъ насъ часу въ 8-мъ или 9-мъ. Можно представить, что все это бывало не очень забавно и что при механической работѣ печатанія и докладыванія князю трудно было ему ознакомиться съ нашими способностями, тѣмъ больше, что за обѣдомъ хотя мы и сидимъ вмѣстѣ, но дежурный долженъ былъ хранить самое глубокое и святое молчаніе, и князь никогда не обращалъ къ нему ни одного слова. При всемъ томъ онъ какъ-то меня по-

любилъ и отличалъ нѣсколько отъ другихъ. Между прочимъ, ему вздумалось поручить мнѣ привести въ порядокъ его библіотеку и составить ей систематическій реестръ. Я обрадовался этому порученію, надѣясь, что оно на долго освободитъ меня отъ скучнаго переписыванія набѣло бумагъ въ департаментѣ,—все, чѣмъ тогда меня занимали. Но не тутъ-то было! Вся библіотека его сіятельства оказалась однимъ небольшимъ шкафомъ съ сотнями тремя книгъ, большею частью такихъ, которыя поднесены ему были отъ авторовъ или переводчиковъ, и моя работа, сколько ни старался я ее протянуть, продолжилась не болѣе трехъ дней. Между тѣмъ, въ это время образовалась новая канцелярія при министрѣ, и все мое честолюбіе устремлено было къ тому, чтобы занять въ ней мѣсто переводчика—какъ нѣчто уже самостоятельное послѣ писарскихъ моихъ обязанностей. Кандидатовъ было много и нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, задали пробныя работы. Мнѣ пришлось перевести какую-то преогромную тетрадь по провіантской части съ нѣмецкаго на русскій языкъ, и незнакомый съ техническими терминами ни на томъ, ни на другомъ языкѣ, тѣмъ меньше знакомый съ предметомъ и сущностью дѣла,—всего 17-ти лѣтъ отъ роду, едва вышедъ изъ школы, я, вѣроятно, Богъ знаетъ, что такое напуталъ. По крайней мѣрѣ, помню какъ теперь, что «Grutze»—крупу, я вездѣ переводилъ безъ справки съ лексикономъ какъ вещь обыкновенную «кашею»; помню по неистощимымъ насмѣшкамъ, къ которымъ подали поводъ эти «кули и пуды каши» моимъ служебнымъ товарищамъ, между которыми я слылъ, по тогдашнему выраженію, «ученымъ» что̀ въ ихъ понятіяхъ составляло почти синонимомъ съ «безтолковымъ и негоднымъ на службу». Несмотря на то, переводъ мой,—по протекціи барона Бюллера,—оказался лучшимъ, и я получилъ желанное мѣсто, на которомъ отъ бездѣлья чуть было не погибъ для службы. Но навыкъ къ занятіямъ, не погасшій еще во мнѣ отъ Лицея, и добрые совѣты тогдашняго близкаго пріятеля нашего семейства Отто Виттенгейма внушили мнѣ мысль заняться чѣмъ-нибудь хоть не совсѣмъ служебнымъ, то по крайней мѣрѣ близкимъ къ обязанностямъ моей должности. Я перевелъ съ латинскаго языка на русскій курляндскіе статуты, законъ, и теперь еще дѣйствующій, но который приводился тогда по дѣламъ въ Сенатѣ въ разныхъ негодныхъ переводахъ, дѣланныхъ мѣстными переводчиками по частямъ.

Эта работа по связи со школьными моими занятіями была мнѣ больше по плечу, нежели «провіантская каша», и я убилъ ею, какъ говорятъ нѣмцы, сразу двухъ мухъ. Одинъ экземпляръ я поднесъ князю, и какъ переводъ, по разсмотрѣніи въ тогдашней коммиссіи составленія законовъ, оказался соотвѣтственнымъ своей цѣли, то его велѣно употреблять въ Сенатѣ, а мнѣ, 18-ти лѣтъ отъ роду, дали Анну 3-ей степени. Другой экземпляръ я представилъ курляндскому

дворянству, и оно прислало мнѣ табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ своего шифра. Сверхъ того, за эту работу я былъ причисленъ къ коммиссіи составленія законовъ, и отсюда началась настоящая моя служебная школа. Но съ княземъ Лобановымъ я все еще не разставался, продолжая числиться по-прежнему у него переводчикомъ. Отъ него же я въ началѣ 1820 года былъ командированъ съ сенаторами на ревизію Подольской губерніи и Бессарабской области и по его же представленіямъ пожалованъ въ 1821 году орденомъ Владиміра 4-й степени, а въ 1823 году—камеръ-юнкеромъ. Окончательно разстались мы уже въ маѣ 1823 года, когда я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментъ податей и сборовъ. Сперва за эту перемѣну службы, столько во всѣхъ отношеніяхъ для меня выгодную, онъ крѣпко на меня сердился, но потомъ, съ перемѣной обстоятельствъ и съ постепеннымъ моимъ возвышеніемъ, этотъ гнѣвъ прошелъ и, наконецъ, по назначеніи меня въ Государственный Совѣтъ,—котораго членомъ онъ оставался до самой своей кончины,—мы жили лучшими друзьями.

24-го сентября. Вчера возвратился изъ деревни нашъ предсѣдатель: свѣжій и румяный, какъ обыкновенно послѣ лѣтняго отдыха, съ ретивостью къ дѣлу и желаніями всего лучшаго. При всемъ томъ онъ горюетъ о томъ, что пролетѣли часы отдохновенія и праздности и что надобно опять приниматься за работу. «Пріѣхавъ назадъ въ городъ,—сказалъ мнѣ,—я совершенно вспомнилъ на опытѣ тѣ чувства, которыя бывали у меня въ ребячествѣ, когда въ воскресенье вечеромъ приходилось ворочаться изъ родительскаго дома въ пенсіонъ».

Вчера я видѣлся тоже съ многими изъ членовъ Государственнаго Совѣта и между прочимъ съ М. М. Сперанскимъ, который купилъ себѣ славный домъ на Сергіевской улицѣ за 240.000 руб. Эти деньги или, лучше сказать, весь домъ достались ему даромъ. Домъ у прежняго владѣльца заложенъ былъ въ банкѣ во 140.000 руб., но гдѣ взять остальную сумму? М. М. выпросилъ у государя, чтобы вмѣсто банка домъ заложить на 37-ти-лѣтнихъ правилахъ въ государственномъ казначействѣ съ выдачей подъ оный всей суммы по купчей крѣпости, т. е. 240.000 руб. Такимъ образомъ, онъ имѣетъ теперь собственный домъ и платитъ за него въ казну въ продолженіе 37 лѣтъ по 15.000 руб. ежегодно, тогда какъ прежде платилъ за наемъ квартиры въ чужомъ домѣ по 14.000 руб.

30-го сентября. Новый нашъ министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ въ нынѣшнемъ году совершилъ большое путешествіе по Россіи, чтобы постепенно ознакомиться и съ бытомъ и потребностями казенныхъ крестьянъ, и съ другими частями ввѣреннаго ему многосложнаго управленія. На-дняхъ мы дѣлились взаимными нашими наблюденіями и впечатлѣніями, и посреди многаго существеннаго, онъ

разсказывалъ мнѣ и множество забавныхъ анекдотовъ. Некогда мнѣ ихъ здѣсь записывать, но одинъ особенно хорошъ, это посѣщеніе чувашей въ Пермской губерніи земскою полиціей. Когда въ чувашскомъ селеніи сдѣлается извѣстно, что ѣдетъ земскій судъ, все селеніе съ женами, дѣтьми и имуществомъ тотчасъ выбирается въ какой-нибудь глухой и отдаленный лѣсъ, какъ отъ нашествія непріятеля. Оттуда они высылаютъ своихъ парламентеровъ для соглашенія съ судомъ о суммѣ, за которую онъ выѣдетъ изъ селенія. Тутъ происходитъ формальный торгъ: судъ требуетъ столько-то; чуваши даютъ столько-то. Наконецъ, ударивъ по рукамъ, судъ выѣзжаетъ съ одного конца селенія, а чуваши возвращаются восвояси съ другаго. Взамѣнъ, однако, и я поподчивалъ Киселева нѣсколькими не менѣе драгоцѣнными анекдотами. Къ одному вновь опредѣленному губернатору является откупщикъ съ ходатайствомъ о его милости и съ предложеніемъ въ благодарность по 10 коп. отъ ведра, при чемъ клянется всѣми святыми, что это останется между ними совершенною тайной и что онъ натурально никому не разскажетъ.

— Нѣтъ, братецъ,—отвѣчалъ губернаторъ, — давай-ка по 20 коп. отъ ведра и разсказывай себѣ, пожалуй, кому хочешь.

28-го октября. Въ пятницу, 21-го октября, М. М. Сперанскій почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но, не смотря на то, въ субботу тотчасъ послѣ обѣда, отправился въ Царское Село, гдѣ въ тотъ же вечеръ сидѣлъ въ театрѣ и пробылъ во дворцѣ до втораго часа, послѣ чего еще цѣлый часъ дожидалъ въ холодныхъ сѣняхъ кареты. Чувствуя уже довольно сильный лихорадочный ознобъ, онъ, при всемъ томъ, на другой день былъ еще у обѣдни и обѣдалъ во дворцѣ. Все это вмѣстѣ увеличило его простуду, и на другой день онъ слегъ въ постель въ сильныхъ лихорадочныхъ припадкахъ, а съ четверга, 27-го, открылось у него воспаленіе въ боку. Вчера, въ этотъ самый четвергъ, выпустили ему утромъ двѣ чашки крови и вечеромъ приставили 15 піавокъ, а сегодня возобновили опять кровопусканіе рожками. Лѣчитъ его en chef неизбѣжный Арендтъ, и сверхъ того день и ночь дежуритъ одинъ врачъ Маргулецъ. Со вчерашняго дня выходятъ и бюллетени по два раза въ день, которые отправляются въ Царское Село къ государю. Нельзя еще сказать, чтобы не было надежды, но опасность велика: ему 68-й годъ, и отъ такой болѣзни рѣдко выздоравливаютъ и молодые люди, или по крайней мѣрѣ выздоравливаютъ очень медленно.

Вчера по случаю этой болѣзни была у насъ большая конференція съ гр. Васильчиковымъ. Оба мы чувствуемъ по полной мѣрѣ неизмѣримую потерю, которою грозитъ Россіи смерть Сперанскаго. Съ огромными свѣдѣніями по всѣмъ частямъ, съ геніальнымъ и быстрымъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, съ перомъ, какого нѣтъ у насъ еще

другаго, этотъ человѣкъ,—сынъ простаго сельскаго священника,—проложилъ себѣ путь отъ низшихъ ступеней гражданскаго общества къ высшимъ его вершинамъ; былъ всесильнымъ любимцемъ Александра, временщикомъ въ полной силѣ слова, потомъ испилъ горькую чашу немилости и паденія и, наконецъ, умѣлъ опять воспрянуть и вознестись выше прежняго. Четыре вещи несомнѣнно ставятъ его въ рядъ первыхъ историческихъ лицъ Россіи и вообще его времени: учрежденіе Государственнаго Совѣта, учрежденіе министерствъ, преобразованіе дѣловаго нашего языка и — выше всего — Сводъ законовъ. Сперанскій будетъ оцѣненъ въ надлежащей мѣрѣ только по смерти, когда начнется для него потомство и угаснутъ зависть и личности. При всемъ изнеможеніи отъ преклонныхъ лѣтъ и частыхъ недуговъ, духъ его въ послѣднее время былъ такъ же бодръ и объемлющъ, какъ и прежде. Съ нимъ угаснетъ предпослѣдній геній въ Россіи,—говорю предпослѣдній, потому что мы имѣемъ еще Канкрина, тоже не вполнѣ оцѣненнаго, но стоящаго выше другихъ, какъ гора надъ равниною. Гдѣ соперники этихъ двухъ орловъ, кто изъ завистниковъ и насмѣшниковъ ихъ, старыхъ и молодыхъ, поравняется съ ихъ полетомъ? Работавъ съ Сперанскимъ съ 1825-го по 1831-й годъ почти ежедневно, возобновивъ съ нимъ самыя тѣсныя сношенія послѣ назначенія меня въ должность государственнаго секретаря,—я могъ вполнѣ и непрерывно слѣдить за энциклопедическимъ его умомъ; но при всемъ томъ нисколько не увлекаюсь никакимъ предубѣжденіемъ или пристрастіемъ въ его пользу, и доказательство: отдавая полную высокую справедливость его уму, я никакъ не могу сказать того же объ его сердцѣ. Я разумѣю здѣсь не частную жизнь, въ которой можно его назвать истинно добрымъ человѣкомъ, ни даже сужденія по дѣламъ, въ которыхъ онъ тоже склоненъ былъ всегда къ добру и человѣколюбію, но то, что называю сердцемъ въ государственномъ или политическомъ отношеніи—характеръ, прямодушіе, правоту, непоколебимость въ избранныхъ однажды правилахъ. Сперанскій не имѣлъ (я говорю уже, къ сожалѣнію, какъ о быломъ и прошедшемъ) ни характера, ни политической, ни даже частной правоты. Участникъ и даже можетъ быть одинъ изъ возбудителей,—по тогдашнему направленію умовъ — филантропическихъ мечтаній Александра, Сперанскій былъ въ то время либераломъ, потому что видѣлъ въ этомъ личную свою пользу, а когда минулъ вѣкъ либерализма, то перешелъ, въ тѣхъ же побужденіяхъ, къ совершенно противоположной системѣ. Онъ былъ либераломъ, пока ему приказано было быть либераломъ, и сдѣлался ультра, когда ему приказали быть ультра. И поэтому я убѣжденъ, что Сперанскій никогда не могъ быть человѣкомъ опаснымъ, сколько ни старались въ томъ увѣрять его ненавистники и люди недальновидные. Чтобы быть опаснымъ, надобно имѣть характеръ и твердую волю, а Сперанскій всегда искалъ болѣе милости, чѣмъ славы.

Съ другой стороны обѣщанія ему ничего не стоили, точно такъ же, какъ комплименты или ласки; но весьма простъ былъ тотъ, кто имъ довѣрялъ или кто строилъ на этомъ шаткомъ основаніи. Обворожительное обхожденіе привлекало ему съ перваго разу всѣ сердца; но когда постепенно открывалось, что оно было «всѣмъ общее, какъ чаша круговая», что подъ оболочкой этихъ гладкихъ словъ не заключалось ничего существеннаго, что это былъ одинъ обманъ ловкаго и привѣтливаго ума, безъ всякаго участія сердца: то естественно, что слѣдовало—охлажденіе. Я не думаю, чтобы Сперанскій имѣлъ хоть одного истиннаго друга и чтобы былъ на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, котораго бы онъ искренно любилъ. Политику и холодъ дѣловой жизни онъ переносилъ и въ свой кабинетъ, гдѣ продолжалъ постоянно играть роль умнаго хитреца, даже въ самыхъ тѣхъ бесѣдахъ, гдѣ,—повидимому и для не знавшихъ его близко—не могло не принимать какого-нибудь участія сердце. Сколькихъ людей обманулъ онъ льстивыми своими обѣщаніями и ласковымъ пріемомъ, благодѣтельствуя истинно только тѣмъ, которые нужны были для его видовъ или когда самыя эти благодѣянія входили въ его виды.

Многое бы могъ я сказать еще о немъ и хорошаго и дурнаго, бывъ ежедневнымъ и наблюдательнымъ свидѣтелемъ его дѣйствій; но теперь, когда онъ еще между нами, какъ-то рука не поднимается. Память всего добра, которое я лично испыталъ отъ него, память всего добра, которое онъ дѣлалъ Россіи, память лучшаго и хорошаго изглаживаетъ во мнѣ въ эту минуту память дурнаго, и я горячо желаю облегченія его страданій, хотя онъ конечно пропалъ уже для Россіи даже въ случаѣ выздоровленія.

Между тѣмъ послѣ всѣхъ сожалѣній, разговоръ нашъ съ гр. Васильчиковымъ, натурально, направленъ былъ къ средствамъ замѣнить по возможности эту важную потерю, а оттуда и къ укомплектованію вообще Совѣта, совсѣмъ одряхлѣвшаго и развалившагося въ своемъ составѣ.

Сперанскій теперь предсѣдателемъ въ департаментѣ законовъ, членомъ въ польскомъ департаментѣ и начальникомъ всѣхъ законодательныхъ трудовъ по II отдѣленію собственной его величества канцеляріи, отъ котораго изданъ былъ Сводъ и гдѣ теперь составляются ежегодныя его продолженія, а сверхъ того особые своды губерній привилегированныхъ—работа столько же важная, сколько и трудная.

Обратясь къ Совѣту, мы признали необходимымъ сдѣлать хоть какой-нибудь временный распорядокъ, чтобы не стали совсѣмъ текущія дѣла: ибо за болѣзнію Сперанскаго въ департаментѣ законовъ остается только два члена, Кушниковъ и Марченко, изъ коихъ первый тоже почти умирающій, а въ польскомъ—только одинъ, кн. Любецкій. Вслѣдствіе того, послѣ долгихъ разсужденій и колебаній, мы придумали сдѣлать двухъ новыхъ членовъ Совѣта: Маврина, о которомъ и прежде было рѣшено,

и графа Гурьева, бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора (брата графини Нессельродъ), человѣка тяжелаго, но блистательнаго ума, по крайней мѣрѣ со свѣдѣніями и все лучшаго, чѣмъ другіе возможные кандидаты. Съ этимъ усиленіемъ мы полагаемъ Маврина поставить въ гражданскій департаментъ, гр. Гурьева и кн. Карла Ливена (бывшаго министра народ. просв., возвратившагося недавно къ намъ послѣ пятилѣтней отлучки) въ департаментъ законовъ, а въ польскій департаментъ командировать временно, до возвращенія отсутствующихъ членовъ, гр. Левашова и адмирала Грейга, оставя ихъ и въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ они теперь. Гр. Васильчиковъ повезетъ это назначеніе на усмотрѣніе государя въ первый свой докладъ.

Послѣ того мы перешли къ предстоящему замѣщенію Сперанскаго по предсѣдательству въ департаментѣ законовъ и по законодательнымъ его трудамъ.

— Надобно же мнѣ и къ этому приготовиться, —сказалъ графъ,—потому что несомнѣнно будетъ рѣчь съ государемъ.

Потомъ онъ своимъ кандидатомъ на это мѣсто назвалъ Д. Я. Дашкова, считая, что, по своимъ наклонностямъ и образу жизни, онъ совершенно сроденъ къ занятіямъ такого рода, а должность министра юстиціи можно замѣстить Блудовымъ.

30-го октября. Графъ Васильчиковъ былъ вчера у государя. Назначеніе въ Совѣтъ новыхъ членовъ отложено до обыкновеннаго къ тому времени, т. е. до 6-го декабря. Затѣмъ князь Ливенъ посаженъ въ департаментъ законовъ, а въ польскій департаментъ командированы временно, съ оставленіемъ и въ прежнихъ, Грейгъ и, вмѣсто Левашова, Вилламовъ. Графа Литту государь никакъ не согласился уволить отъ предсѣдательства въ исаакіевской коммиссіи.

— Это историческій памятникъ,—сказалъ онъ,—который приходитъ уже къ концу, а старикъ тутъ такъ давно, что совѣстно бы было лишить его удовольствія и славы положить послѣдній камень.

23-го ноября. Киселевъ разсказывалъ мнѣ о разговорѣ, который онъ имѣлъ на-дняхъ съ государемъ о Государственномъ Совѣтѣ. Государь жаловался, что Совѣтъ «очень устарѣлъ въ личномъ своемъ составѣ». Киселевъ съ своей стороны нашелъ, что это нисколько не бѣда; что Совѣтъ, по существу своему и по духу нашего правленія, долженъ быть не provocateur, а conservateur, т. е. больше оберегать существующее, нежели допускать какія-либо нововведенія, а если и допускать ихъ, то съ крайнею осмотрительностью въ отношеніи къ главнымъ началамъ и основнымъ идеямъ монархическаго правительства; что для этого лучше годятся старики, естественно привязанные къ прежнему, нежели молодые люди съ живымъ воображеніемъ; что послѣднихъ надобно сажать въ министры и правители, потому что Россія не можетъ

ни оставаться въ неподвижномъ состояніи, ни отставать отъ вѣка, и тогда ужъ ихъ дѣло будетъ выдумывать и созидать, а Совѣту останется только умѣрять ихъ жаръ и свято поддерживать главный фундаментъ. Была также рѣчь о печатаніи вносимыхъ въ Совѣтъ проектовъ. Противъ этой идеи, принятой уже государемъ по представленію графа Васильчикова, Киселевъ сильно возсталъ теперь передъ государемъ: «тогда,—сказалъ онъ,—главная идея d'un conseil conservateur, сама собой рушится. Велики-ли теперь или слабы способности членовъ Государственнаго Совѣта, дальновидны или ограничены они въ своихъ соображеніяхъ; по крайней мѣрѣ при образѣ доклада дѣлъ въ Совѣтѣ не могутъ уже быть никакихъ суфлеровъ, и всѣ замѣчанія идутъ прямо отъ членовъ. Начните только печатать проекты, и вся личность этихъ членовъ исчезнетъ: вмѣсто нихъ будутъ читать проекты столоначальники и секретари и другая молодежь,они станутъ привозить въ Совѣтъ уже не свои мысли и замѣчанія, а внушенныя имъ новымъ поколѣніемъ, которое при всей осторожности и при всѣхъ мѣрахъ правительства—все-таки напоятся идеями Западной Европы. Гдѣ же тогда останется опора монархическихъ понятій, которыя теперь такъ свято стерегутся этими, если не всегда даровитыми, то, по крайней мѣрѣ, старыми и опытными головами?

24-го ноября. Графъ (Васильчиковъ) имѣлъ тоже разговоръ съ государемъ объ устарѣвшемъ составѣ Совѣта и представилъ это дѣло съ другой стороны, нежели Киселевъ. Онъ думаетъ, что молодые члены въ Совѣтѣ не только не вредны, а необходимы; но, чтобы не уронить этого званія и не лишить его цѣны въ глазахъ людей старыхъ, которыхъ послѣ придется сажать въ Совѣтъ, не столько для пользы дѣлъ, сколько изъ личныхъ уваженій, pour leur procurer une retraite honorable,—необходимо въ выборѣ молодежи быть сколько можно осторожнѣе,—словомъ, назначать только такихъ, о которыхъ впередъ можно быть увѣрену, что публика единогласно одобритъ ихъ назначеніе.

Сперанскій не только внѣ всякой опасности, но совсѣмъ уже выздоравливаетъ. Бюллетени прекратились, и думаютъ, что онъ скоро уже начнетъ заниматься дѣлами. Слава Богу, что опасенія наши были напрасны; но на долго-ли это и каковы будутъ его занятія послѣ такой тяжкой болѣзни и послѣ потери въ его лѣта такого множества крови?

Въ архивѣ Государственнаго Совѣта хранится собственноручный рескриптъ государя, на имя покойнаго предсѣдателя князя Кочубея, на пяти (почтовыхъ) страницахъ, который чрезвычайно интересенъ и самъ по себѣ, и по обстоятельствамъ дѣла, предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ ему.

19-го октября 1831 года получено было въ Совѣтѣ представленіе министра финансовъ о необходимости по стѣсненному положенію госу-

дарственнаго казначейства возвысить въ Россіи на 1832 г. нѣкоторые казенные сборы, въ томъ числѣ и таможенныя пошлины на нѣкоторые товары, съ временной прибавкой на всѣ вообще привозные по $12^1/_2$ процентовъ.

Совѣтъ былъ тогда особенно занятъ проектомъ новаго закона о дворянскихъ выборахъ, который велѣно было представить къ 6—7-му декабря. Но министръ финансовъ, ссылаясь на скорый отъѣздъ свой въ Москву (гдѣ тогда государь находился), требовалъ, чтобы указъ о возвышеніи таможенныхъ сборовъ изданъ былъ непремѣнно въ ноябрѣ, чтобы, при краткости времени до новаго года, успѣть сдѣлать нужныя по таможнямъ распоряженія. Совѣтъ собирался по проекту о выборахъ 19-го, 23-го, 26-го и 29-го октября, т. е. въ 10 дней четыре раза. Не смотря на то, въ это же время департаментъ экономіи разсмотрѣлъ помянутое представленіе министра финансовъ, и 31-го октября оно выслушано и въ общемъ собраніи, а 7-го ноября дѣло отправлено къ государю въ Москву, гдѣ и подписанъ 11-го ноября указъ съ приложеніемъ таможенной росписи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она одобрена и представлена была Совѣтомъ. Указъ былъ простой, форменный, а самыя правила и распорядокъ новыхъ сборовъ помѣщены были въ концѣ росписи въ видѣ примѣчаній, и тутъ, между прочимъ, о времени дѣйствія оной постановлено: «что сборъ прибавочныхъ $12^1/_2$ процентовъ долженъ начаться со дня полученія въ таможняхъ указа со всѣхъ товаровъ, въ таможенномъ вѣдомствѣ безъ очистки пошлиною еще находящихся и вновь прибывающихъ».

Указъ съ росписью, по особому высочайшему повелѣнію, напечатанъ былъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 14-го ноября, но отъ Сената здѣсь, въ Петербургѣ, онъ опубликованъ не прежде 20-го числа, хотя полученъ былъ еще 16-го. Между тѣмъ «Московскія Вѣдомости» пришли сюда съ эстафетою 17-го числа, и натурально на другой день обнаружилось среди купцовъ стремленіе къ очисткѣ товаровъ въ здѣшней таможнѣ, чтобы избавиться отъ $12^1/_2$ процентовъ, пока въ ней не былъ еще полученъ указъ. 18-го числа таможня успѣла принять необыкновенное количество денегъ, именно свыше 700.000 р., и только съ наступленіемъ ночи она прекратила по закону свои дѣйствія. Но вечеромъ того же дня директоръ департамента внѣшней торговли (тогда Бибиковъ), опасаясь съ наступленіемъ слѣдующаго дня еще бо̀льшаго стремленія къ очисткѣ товаровъ, предписалъ таможнѣ взимать уже прибавочные проценты, ссылаясь на распоряженіе министра финансовъ въ Москвѣ о взиманіи ихъ процентовъ съ напечатанія указа въ тамошнихъ вѣдомостяхъ.

Между тѣмъ до государя очень скоро дошелъ ропотъ купечества, отозвавшійся во всѣхъ классахъ, на указъ 11-го ноября, въ томъ отношеніи, что онымъ велѣно взимать прибавочныя пошлины съ товаровъ,

находившихся уже во время его изданія въ пакгаузахъ; вслѣдствіе того высочайше повелѣно было министру финансовъ представить Государственному Совѣту: «причины, побудившія къ сему постановленію»—что̀ онъ и исполнилъ не далѣе, какъ 2-го декабря. Объясненіе его было очень обширное, но въ сущности онъ представлялъ, что первоначальное побужденіе къ жалобамъ дано было запоздалымъ распубликованіемъ указа черезъ Сенатъ, а касательно самой мѣры писалъ, что̀ купецъ, заплатившій за товаръ болѣе пошлины, во всякомъ случаѣ выручаетъ свой авансъ съ публики, а тотъ, у кого есть товаръ, очищенный старой пошлиной, имѣетъ даже значительный барышъ: слѣдовательно, во всѣхъ дѣлахъ сего рода сталкиваются два интереса: публики и торгующихъ. Засимъ онъ доказывалъ, что указомъ 11-го ноября охраненъ интересъ публики и, ссылаясь на примѣры прежнихъ тарифовъ и на невозможность соблюденія при чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣрахъ, строгихъ началъ общей уравнительности, замѣчалъ, что и съ достоинствомъ правительства едва-ли совмѣстно внимать въ этомъ случаѣ частнымъ домогательствамъ и отмѣнять законъ, только-что изданный, въ справедливости коего онъ остается, впрочемъ, постоянно убѣжденнымъ; если же признано будетъ полезнымъ принять какую-либо мѣру собственно въ отношеніи тѣхъ купцовъ, которые до 20-го ноября продали товары по опредѣленной цѣнѣ съ принятіемъ платежа пошлинъ на продавца, то сіе легко можетъ быть сдѣлано частнымъ распоряженіемъ, посредствомъ особаго указа на имя его, министра.

Въ Совѣтѣ все это, вслѣдствіе высочайшей воли, разсмотрѣно было не далѣе, какъ на другой день (3-го декабря). Совѣтъ начиналъ журналъ свой оправданіемъ въ пропускѣ означенной мѣры и оправдывался тѣмъ: 1) что представленіе министра получено было въ такое время, когда Совѣтъ занимался по два и по три раза въ недѣлю, со всею внимательностью закономъ о дворянскихъ выборахъ; 2) что министръ особенно спѣшилъ этимъ дѣломъ, требуя изданія указа непремѣнно въ ноябрѣ; 3) что ни въ представленіи его, ни въ сопровождавшихъ оное соображеніяхъ не было упомянуто о распространеніи надбавочныхъ $12^1/_2$ процентовъ на товары, находившіеся уже въ таможняхъ; 4) что разсчетъ министра объ усиленіи доходовъ по сей части на 1832 г. основанъ былъ на годовой сложности безъ причисленія единовременнаго какого-либо сбора съ товаровъ, находившихся уже на-лицо въ таможняхъ; 5) что по всему этому Совѣтъ не обратилъ особеннаго вниманія на примѣчанія къ росписи, гдѣ обыкновенно излагается простой распорядокъ исполненія и нѣкоторыя исключенія изъ общихъ правилъ, не входящія въ составъ закона, для того, чтобы маловажностью предметовъ не затемнять силы истиннаго указа; но гдѣ сверхъ ожиданія оказался предметъ, послужившій поводомъ къ настоящимъ разсужденіямъ, предметъ, по важности своей требовавшій и другаго изложенія и мѣста не

въ примѣчаніяхъ къ росписи, а въ самомъ представленіи, гдѣ помѣщеніе онаго, безъ сомнѣнія, заставило бы Совѣтъ требовать изъясненія побудительныхъ къ такой мѣрѣ причинъ и послужило бы, во всякомъ случаѣ, предметомъ особенныхъ разсужденій.

Засимъ, перейдя къ самому существу дѣла, Совѣтъ въ журналѣ своемъ изложилъ сильныя опроверженія противъ доводовъ министра финансовъ и заключилъ тѣмъ, что подобныя мѣры, противорѣча справедливости и самой пользѣ государства, не должны быть допускаемы и что, на семъ основаніи, отъ $12^1/_2$ процентовъ надлежитъ изъять всѣ тѣ товары, кои, до полученія указа 11-го ноября въ таможняхъ, поступили уже въ вѣдомство оныхъ; о чемъ и положилъ поднести къ высочайшему подписанію указъ такого содержанія, чтобы,—въ видѣ монаршей единственно милости,—отъ платежа сихъ процентовъ избавлены были всѣ вообще привозные товары, поступившіе въ таможенное вѣдомство до дня полученія въ каждой таможнѣ указа 11-го ноября, и чтобы тѣмъ изъ хозяевъ, съ которыхъ такіе проценты были бы уже взысканы, оные возвратить.

Указъ сей подписанъ 7-го декабря, но передъ тѣмъ, 5-го декабря, послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ на имя графа Кочубея:

«Графъ Викторъ Павловичъ! Вамъ, какъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, не только по сему званію, но и по личнымъ вашимъ достоинствамъ облеченному всею моею довѣренностью, извѣстно въ полной мѣрѣ, обращаемое мною вниманіе на представленія сихъ мѣстъ, учрежденныхъ для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ управленія и законодательства. Всякое мнѣніе, всякое замѣчаніе, клонящееся къ охраненію справедливости, или къ пользѣ общей, я принимаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ, какъ несомнѣнный, лучшій знакъ вѣрноподданническаго ко мнѣ и къ престолу моему усердія. Не въ правѣ-ли я надѣяться, что Государственный Совѣтъ, составленный изъ людей, заслужившихъ мое особенное благоволеніе, никогда не ослабнетъ въ усиліяхъ и стараніи избѣгать всего, могущаго навлечь на него нареканіе въ неосмотрительности.

«Къ сожалѣнію, я долженъ отмѣтить случай, въ коемъ сіе справедливое ожиданіе не исполнилось.

«Указъ 11-го ноября сего года и приложенная къ нему роспись, коими возвышается привозная пошлина на нѣкоторые товары, и установляется добавочный таможенный сборъ, были разсмотрѣны въ комитетѣ финансовъ и въ департаментѣ государственной экономіи, и, наконецъ, въ общемъ собраніи Совѣта. Ни въ которомъ изъ сихъ мѣстъ никто изъ членовъ не замѣтилъ, что по буквальному смыслу ст. 2 примѣчанія II къ росписи, добавочный $12^1/_2$ процентный сборъ распространяется и на товары, привезенные раньше обнародованія сего указа, но еще не очищенные пошлиною, на основаніи закономъ дарує-

мой для сего 6-ти мѣсячной отсрочки, и что чрезъ сіе постановленію новому дается обратное дѣйствіе. Никто, конечно, не можетъ подумать, чтобы правительство, извѣстное своимъ уваженіемъ къ справедливости и доброй вѣрѣ, имѣло намѣреніе постановить что-либо противное присвоеннымъ законами правамъ и священнѣйшему изъ всѣхъ праву собственности.

«Но не даетъ-ли поводъ къ сему ложному заключенію вкравшаяся въ приложеніе къ указу 11-го ноября ошибка? Она ускользнула и отъ моего вниманія, потому, что я былъ въ правѣ ожидать тщательнаго разсмотрѣнія проекта Совѣтомъ. Препровожденіемъ онаго въ Государственный Совѣтъ я доказывалъ, что въ семъ дѣлѣ не хотѣлъ совершенно довѣрить одному моему мнѣнію. Сія ошибка должна быть исправлена.

«Но не менѣе того, я считаю себя обязаннымъ изъявить черезъ васъ всѣмъ участвовавшимъ въ сужденіи сего дѣла, особенно же завѣдующимъ въ комитетѣ финансовъ, возбужденное во мнѣ неосмотрительностію ихъ чувство прискорбія и неудовольствія.

«Они сами, какъ мнѣ извѣстно, съ благородною откровенностью признали, что не совершенно вникнули въ смыслъ постановленія. Отдавая полную справедливость столь похвальному ихъ побужденію, я въ немъ вижу новое для себя удостовѣреніе, что никогда уже не буду вынужденъ постановлять на видъ Государственному Совѣту недостатокъ вниманія въ какомъ то ни было дѣлѣ. Члены онаго не престанутъ доказывать усердными трудами, сколь они достойны моего благоволенія.

«Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Николай».

Рескриптъ этотъ, какъ сказывалъ мнѣ неоднократно Д. Н. Блудовъ,—писанъ былъ имъ; но списанъ собственною рукою государя и въ такомъ видѣ и хранится въ Архивѣ Совѣта.

Что же Совѣтъ?—Совѣтъ отвѣчалъ на это журналомъ того числа (7-го декабря) слѣдующаго содержанія:

«Государственный Совѣтъ, выслушавъ съ благоговѣніемъ высочайшую волю, положилъ: изъяснить его императорскому величеству глубокое прискорбіе свое и вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть къ священнымъ стопамъ его величества чувства живѣйшей признательности за милостивыя выраженія, въ коихъ его величеству угодно было справедливое неудовольствіе свое Государственному Совѣту изъявить».

2-го декабря. 28-го ноября былъ балъ у сенатора Бутурлина, а вчера, 1-го декабря, у гр. Левашова,—балы званые, блестящіе и богатые, какъ и всѣ балы нашей знати. Трудно выдумать тутъ что-нибудь новое; но у гр. Левашова есть нѣчто чудесное, принадлежащее впрочемъ не столько къ балу, сколько къ дому: это огромная, безконечная

оранжерея, примыкающая къ бальнымъ заламъ, съ усыпанными краснымъ пескомъ дорожками, освѣщенная тысячью кинкетокъ, которыхъ огонь отражается на апельсинныхъ и лимонныхъ деревьяхъ. Кому надоѣстъ шумъ и жара бала, тотъ можетъ искать тутъ отдыха и уединенія и, когда на дворѣ трещитъ морозъ, наслаждаться всѣми прелестями цвѣтущаго лѣта. Новость нынѣшней зимы состоитъ еще въ томъ, что на всѣхъ званыхъ вечерахъ всѣ кавалеры являются опять въ бѣлыхъ галстукахъ.

5-го декабря. Вчера было торжественное обрученіе герцога Лейхтенбергскаго съ великой княжной Маріей Николаевной въ Эрмитажной церкви. По тѣснотѣ этой крошечной временной церкви, въ нее введены были до церемоніи только члены Государственнаго Совѣта и дипломатическій корпусъ. Дворъ, предшествовавшій царской фамиліи, провели только черезъ церковь въ другую залу, а прочихъ никого и въ церковъ не пустили. Церемонія была столько же великолѣпная, сколько и трогательная. Обрученіе совершалъ «ветхій деньми» и силами петербургскій митрополитъ Серафимъ, а въ молебнѣ благодарственномъ участвовали четыре митрополита, два архіерея и придворное духовенство—всѣ въ богатѣйшихъ ризахъ. Герцогъ былъ въ нашемъ генеральскомъ мундирѣ съ Андреевской лентой; государь въ казачьемъ мундирѣ; малютки Константинъ и Николай въ мундирахъ: первый морскомъ, а послѣдній уланскомъ; младшій Михаилъ въ русской рубашкѣ. Государь самъ поставилъ новообручаемыхъ на устроенное посреди церкви возвышеніе, а императрица размѣняла имъ кольца. Послѣ обученія начались цѣлованія между членами императорскаго дома, при которыхъ трудно было удержаться отъ слезъ. Особенно удивительно было цѣлованіе обѣихъ сестеръ, Маріи и Ольги Николаевенъ, которыя не могли одна отъ другой оторваться. Послѣ церемоніи былъ у великой княжны общій baisemain, при которомъ герцогъ находился возлѣ нея и принималъ поклоны. Въ то же время прочтенъ былъ въ Сенатѣ манифестъ. Вечеромъ вся царская фамилія была въ театрѣ, и не въ обыкновенной своей ложѣ, а въ парадной, гдѣ публика приняла ее съ восторженными рукоплесканіями, крикомъ «ура!» и національнымъ гимномъ. Чтобы сдѣлать изъ этой замѣтки формальную газетную статью, надобно прибавить, что городъ былъ иллюминованъ и—противъ обыкновенія—мѣстами недурно.

18-го декабря. Вчера, 17-го декабря, минулъ годъ со времени бѣдственнаго пожара Зимняго дворца. Какъ теперь возобновленіе его идетъ исполинскими шагами, то государю захотѣлось отпраздновать этотъ день особеннымъ образомъ. Пожаръ начался, какъ извѣстно, съ Фельдмаршалской залы и, вслѣдствіе того приказано было, чтобы къ 17-му числу эта зала непремѣнно возобновлена была въ прежнемъ своемъ

видѣ. Воля царская сильна въ Россіи и все поспѣло ко времени: зала воскресла опять какъ была тому назадъ годъ; не достаетъ только люстръ и окончательной политуры на стѣнахъ. Вчера собралась туда вся царская фамилія съ маленькою свитою, строительная коммиссія и конногвардейцы, которые прошлаго года въ этотъ самый роковой день были тутъ въ караулѣ подъ предводительствомъ того же самаго офицера (моего племянника Мирбаха). Государь, привѣтствовавъ ихъ, сказалъ:

— Прошлаго года, ребята, вы въ этотъ самый день были первыми свидѣтелями начавшагося здѣсь пожара; мнѣ хотѣлось, чтобы вы же были и первыми свидѣтелями возобновленія этой залы въ нашемъ дворцѣ.

Потомъ былъ, въ присутствіи царской фамиліи, благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. — Къ святой недѣлѣ, которая будетъ очень рано (26-го марта), всѣ важнѣйшія части дворца будутъ отдѣланы, и мы будемъ праздновать Пасху въ возобновленной его большой церкви.

Дверь Сперанскаго открылась. Я тотчасъ этимъ воспользовался и сегодня былъ у него. Здоровье его совсѣмъ возстановилось, кромѣ большой слабости и совсѣмъ пропавшаго голоса, который однако современемъ, вѣроятно, тоже воротится. Я не нашелъ, чтобы онъ и въ лицѣ много перемѣнился. Свиданіе наше было самое дружеское, даже трогательное, и мы оба поплакали. Я такъ давно съ нимъ знакомъ, такъ обязанъ ему за благорасположеніе, которымъ онъ всегда меня отличаетъ, такъ привыкъ отдавать справедливость великимъ его качествамъ, и столько считаю его необходимымъ для Россіи при жалостномъ нашемъ безлюдьи, что искренне образовался, увидя его опять возвращеннымъ намъ.

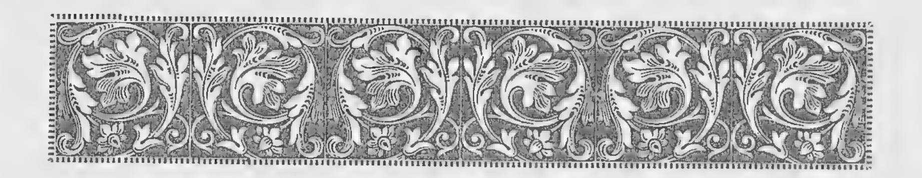
Я сказалъ, что явился къ нему безъ большой надежды быть допущеннымъ по отказу, который на-дняхъ получилъ его стасъ-секретарь Балугьянскій.

— Совсѣмъ другое дѣло,—отвѣчалъ онъ,—съ Балугьянскимъ не связываетъ насъ ничего кромѣ отношеній службы и мнѣ не объ чемъ было бы говорить съ нимъ, кромѣ дѣлъ, которыми мнѣ еще запрещено заниматься, а васъ я принимаю какъ друга, котораго мнѣ давно уже хотѣлось обнять.

Вчера былъ у него государь и сидѣлъ съ полчаса; старикъ разсказываетъ это всѣмъ съ видимымъ чувствомъ и радостію. Даже старый его полу-швейцаръ и полу-камердинеръ, который при немъ уже болѣе 20-ти лѣтъ, не могъ не похвастать мнѣ, при выходѣ, этимъ визитомъ.

— Государь-батюшка сидѣлъ у насъ съ полчаса, и Михаилъ Михаиловичъ такъ уже этимъ былъ доволенъ, такъ доволенъ, что глядя на него и я не могъ нарадоваться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки русскихъ женщинъ.

Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1766—1819). Спб., 1900 г.
Souvenirs des voyages de la princesse Natalie Kourakine. 1816—1830. Moscou, 1903.

«У насъ вообще весьма мало такъ называемыхъ «записокъ», mémoires. Особенно бѣдны мы записками печатными, еще болѣе бѣдны записками вполнѣ напечатанными. Я самъ имѣю нѣсколько списковъ съ разныхъ записокъ, но для изданія ихъ, увы! не пришелъ еще часъ. Обнародывать же съ выпусками какъ-то не хочется, особливо въ наше время. Все думается: авось, наступитъ пора и для нихъ показаться на свѣтъ Божій въ настоящемъ своемъ видѣ».

Это честное, правдивое замѣчаніе знаменитаго профессора московскаго университета О. М. Бодянскаго было сдѣлано 40 лѣтъ назадъ [1]), такимъ же остается оно и для нашихъ дней. Мы и теперь бѣдны записками вполнѣ напечатанными. Онъ все надѣялся «авось наступитъ пора»—пора, однако, не наступала.

Записки русскихъ людей вполнѣ напечатаныя, безъ выпусковъ, появляются только за границею. Тамъ напечатаны полностію, безъ пропусковъ, Memoirs of the princess Dashkow, Mémoires de l'impératrice Catherine II, записки С. Трубецкаго, А. П. Ермолова, Д. В. Давыдова, А. С. Шишкова, фонъ-Визина, бар. Розена, Лопухина, А. И. Кошелева, и др. Въ Россіи за это время, съ 1840 по 1884 годъ, не появилось ни однѣхъ записокъ безъ выпусковъ. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить два изданія «Записокъ Ермолова о 1812 годѣ», которыя появились одновременно, въ 1863 г., за границей и въ Россіи, въ московскихъ «Чтеніяхъ».

---

[1]) Чтенія, 1863 III, Журналъ П. Н. Кречетникова.

*

Этимъ, быть можетъ, объясняется убожество нашей мемуарной литературы, на которое указывалъ покойный Бодянскій. Неужели же все еще «не оу приде часъ»? Мы думаемъ, что если часъ и не пришелъ еще, то онъ очень близокъ. Не такъ давно прошелъ слухъ, что Академія Наукъ готовитъ изданіе Записокъ императрицы Екатерины II. Это, конечно, только слухъ, но онъ подкрѣпляется дѣйствительностью, всѣми видимою—появленіемъ историческихъ трудовъ, касающихся уже не XVIII, а XIX столѣтія, не только императора Александра I, но уже Николая I, и даже Александра II; готовится, наконецъ, что̀ уже совсѣмъ невозможно, исторія императора Александра III. Конечно, это историческіе труды sui generis; читая ихъ, невольно соглашаешься съ почтеннымъ драматургомъ

„Ахъ, выскажу тебѣ я истину одну:
Исторіи Россійской въ старину
Учили насъ, а скоро малолѣтнихъ
Воспитывать начнутъ на всероссійскихъ сплетняхъ“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, если признано возможнымъ обнародованіе исторіи почти нашего времени, то было бы нелогично воспрещеніе Записокъ императрицы Екатерины II, столѣтнюю память смерти которой мы давно уже чествовали.

Въ хронологическомъ перечнѣ послѣдне изданныхъ записокъ русскихъ людей, двѣ женщины стоятъ въ началѣ: княгиня Е. Р. Дашкова и императрица Екатерина II, и двѣ въ концѣ: графиня В. Н. Головина и княгиня Н. И. Куракина. Первыя двѣ писали свои записки, mémoires; вторыя оставили намъ свои воспоминанія, souvenirs. Ни одна изъ этихъ русскихъ женщинъ не писала своихъ записокъ и воспоминаній по-русски, всѣ на французскомъ языкѣ; но только записки Екатерины II и воспоминанія кн. Куракиной изданы правильно, какъ слѣдуетъ, на языкѣ подлинника, на томъ языкѣ, на которомъ писаны; записки же княгини Дашковой изданы въ переводѣ на англійскій языкъ, и воспоминанія графини Головиной на русскій.

О первыхъ двухъ, записки которыхъ изданы за границею, было уже нами упомянуто, насколько то оказывалось возможнымъ, вслѣдствіе запрещенія, наложеннаго цензурой какъ на Memoirs of the princess Dashkow, такъ и на Mémoires de l'imperatrice Catherine II [2]); воспоминанія двухъ послѣднихъ, обозначенныя въ заголовкѣ настоящей статьи,

[1]) Аверкіевъ, „Непогрѣшимые“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, CXXXIX, 313.

[2]) Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй, т. XII, № 978 (II, 224) и № 1059 (II, 333).

изданы въ Россіи и, сколько намъ извѣстно, не подвергались еще критической оцѣнкѣ.

Souvenirs de la comtesse Golovine—написаны на французскомъ языкѣ и никогда полностію изданы не были. Они не составляютъ, однако, тайны ни для кого, серьезно интересующагося историческими показаніями того времени. Воспоминанія графини Головиной хранятся въ спискахъ какъ въ Россіи, такъ и за границею; намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны два списка, которыми мы и пользовались [1]). Отдѣльные эпизоды изъ воспоминаній давно уже напечатаны. Такъ, въ «Revue de la Révolution» [2]) были помѣщены отрывки о большой французской революціи; въ «Revue des Deux Mondes» [3]) была напечатана статья Catherine II d'après des mémoires inédits. Эти отрывки имѣютъ цѣну потому именно, что изданы на языкѣ подлинника.

Въ старину, сравнительно недавнюю, записки какъ кн. Дашковой, такъ и императрицы Екатерины II были изданы безъ перевода на русскій языкъ, удовлетворяющаго только праздное любопытство, незнакомое съ иностранными языками. Въ настоящее время даже русское историческое общество признало ненужнымъ переводъ историческихъ памятниковъ на русскій языкъ и, вопреки § 3 своего устава, обнародываетъ иностранные тексты безъ перевода. Тѣмъ болѣе были мы удивлены, когда, въ 1899 г., въ «Историческомъ Вѣстникѣ» сталъ появляться одинъ переводъ воспоминаній гр. Головиной, безъ текста. Переводчикъ, г. Шумигорскій, оказалъ бы услугу исторической наукѣ изданіемъ французскаго подлинника, съ котораго онъ переводилъ, безъ обнародованія никому не нужнаго перевода, къ тому же сдѣланнаго крайне неумѣло и съ небрежностью, граничащею съ невѣжествомъ.

Souvenirs de la comtesse Golovine обратились въ переводѣ г. Шумигорскаго въ «Записки графини Головиной». Такое смѣшеніе воспоминаній, souvenirs, съ записками, mémoirés, могло произойти только вслѣдствіе небрежнаго отношенія переводчика къ французскому языку, такъ какъ гр. В. Н. Головина, въ концѣ своихъ воспоминаній, категорически заявляетъ: «я пишу не записки, а воспоминанія» (269). Самовольно измѣнивъ заглавіе, г. Шумигорскій довольно наивно удивляется, не находя въ воспоминаніяхъ того, что принадлежитъ запискамъ, и укоряетъ автора, что «біографическія данныя о себѣ самой Головина не сообщаетъ въ запискахъ съ должной полнотой, о нѣкоторыхъ же подробностяхъ своей личной жизни она вовсе не упоминаетъ» (VIII).

Изданіе текста историческихъ матерьяловъ требуетъ, сверхъ общаго

---

[1]) Ibid., № 1245 (II, 497).
[2]) 5 Août 1883.
[3]) XCII, 892.

историческаго образованія, еще спеціальныхъ знаній и извѣстныхъ способностей. Такой текстъ долженъ быть, прежде всего, очищенъ отъ всѣхъ невѣрностей, случайныхъ или умышленныхъ, точнымъ ихъ указаніемъ, и, затѣмъ, каждое слово текста, возбуждающее почему-либо сомнѣніе, подлежитъ подробному разъясненію; словомъ, издатель долженъ исполнить критику текста, послѣ чего изданіе становится достояніемъ исторической науки, ея матерьяломъ, которымъ историкъ, при помощи критики факта, пользуется и для дальнѣйшихъ цѣлей—для опредѣленія руководящей идеи, для раскрытія политическихъ комбинацій, для полноты художественнаго представленія. При изданіи перевода требуется, сверхъ того, безусловная точность съ оригиналомъ. Переводчикъ не имѣетъ права ни искажать факты, ни затемнять смыслъ, ни даже умалять силу впечатлѣнія, производимаго подлиннымъ текстомъ. Трудъ не малый, требовавшій, въ данномъ случаѣ, прежде всего знанія французскаго языка.

«Записки гр. Головиной» въ переводѣ г. Шумигорскаго производятъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ Souvenirs de la comtesse Golovine. Переводчикъ нерѣдко искажаетъ подлинникъ до неузнаваемости; неточность перевода иногда бросается въ глаза и весьма часто успѣшно конкурируетъ съ небрежностью переводчика.

Упоминая о таврическомъ путешествіи Екатерины II, гр. Головина рисуетъ небольшую, но чрезвычайно характерную картинку:

«Князь Потемкинъ приготовилъ для встрѣчи [1]) императрицы многочисленную стражу; государыня отказалась отъ нея. Императоръ Іосифъ, казалось, былъ болѣе чѣмъ удивленъ, что принято такъ мало предосторожностей для безопасности императрицы. Государыня ничего не возразила на его замѣчаніе, но слѣдующее событіе оправдало ея образъ дѣйствій. Вновь присоединенные татары встрѣчали [2]) ее съ восторгомъ. Экипажъ ея величества поднимался на крутую гору, лошади закусили удила, государынѣ угрожала опасность быть выброшенной изъ экипажа. Но мѣстные жители, сбѣжавшіеся встрѣтить [3]) свою повелительницу, бросились къ лошадямъ и успѣли остановить ихъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, другіе ранены, но воздухъ оглашался радостными криками. «Теперь я вижу,—сказалъ императоръ государынѣ,—что вы не нуждаетесь въ охранѣ» (11).

Въ подлинникѣ ни о какой встрѣчѣ, трижды упоминаемой перевод-

---

[1]) Le prince Potemkine avait préparé une garde nombreuse.

[2]) Les Tartares nouvellement conquis (не вновь присоединенные) la reçurent avec enthousiasme.

[3]) Les habitants des villages voisins accourus pour voir passer leur Souveraine.

чикомъ, нѣтъ ни слова, и основной мотивъ разсказа переведенъ г. Шумигорскимъ ошибочно, такъ какъ даже не бывшему въ семинаріи извѣстно, что при путешествіи на лошадяхъ по горамъ опасность угрожаетъ при спускѣ, не при подъемѣ, о чемъ въ подлинникѣ вовсе не говорится [1]) и что въ переводѣ можетъ вызвать одно лишь сомнѣніе въ справедливости всего разсказа. Между тѣмъ здѣсь сообщенъ гр. Головиной фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Въ прекрасно разработанномъ покойнымъ Г. В. Есиповымъ «Путешествіи императрицы Екатерины II въ южную Россію» г. Шумигорскій можетъ прочесть слѣдующее:

«20-го мая 1787 года, предъ спускомъ въ Бахчисарай съ крутой горы, лошади, запряженныя въ тяжелую шестимѣстную карету императрицы, не могли удержаться, рванулись, понесли внизъ и потомъ стали разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали. Карета наѣхала на нихъ и опрокинулась бы, еслибы татары не поддержали ее» [2]).

Въ Парижѣ г. Шумигорскому посчастливилось еще менѣе, чѣмъ въ Бахчисараѣ.

По словамъ графини Головиной, она, «въѣхавъ въ улицу Бакъ, не знала куда направиться; одна добрая женщина указала ей отель Кассини на Вавилонской улицѣ» (181). По переводу г. Шумигорскаго, домъ, въ которомъ поселилась гр. Головина, «былъ окруженъ четырьмя садами, а именно: садомъ иностраннаго посольства, де-Веракъ, де-Монако и садомъ г-жи де-Шатильонъ (199). Площадка сада гр. Головиной возвышалась надъ садомъ иностраннаго посольства и съ нея была видна процессія таинства причастія» (200).

Что это за иностранное посольство? Почему въ немъ совершается процессія таинства причащенія?

Въ подлинникѣ ни о какомъ иностранномъ посольствѣ не упоминается, и оно есть результатъ невѣжества переводчика, надѣющагося на безнаказанное извращеніе текста, еще не изданнаго и потому мало кому извѣстнаго. Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ, на углу rue du Bac и rue de Babylone, противъ извѣстнаго магазина Bon Marché, находится домъ, принадлежащій конгрегаціи des Missions étrangères; въ разговорномъ языкѣ, по-просту, этотъ домъ называется Missions étrangères. Такъ называетъ его и графиня Головина; но г. Шумигорскій, не имѣющій никакого понятія о безцѣнныхъ услугахъ, оказанныхъ иностранными миссіями христіанству и человѣчеству, обращаетъ миссіонеровъ въ посланниковъ!

Г. Шумигорскаго очень затрудняютъ несносныя французскія нарѣ-

---

[1]) La voiture de Sa Majesté se trouvant sur une montagne fort escarpée, les chevaux prirent le mors aux dents, elle allait être renversée, mais etc.

[2]) „Кіевская Старина“, XXX, 416.

чія dessous и dessus, которыя совершенно безотчетно увлекаютъ его то вверхъ, то внизъ. Такъ, въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ, гр. Головина помѣщалась г. Шумигорскимъ то надъ комнатами великой княгини Елизаветы Алексѣевны (75), то подъ ними (76).

При такомъ солидномъ знаніи французскаго языка г. Шумигорскій не затрудняется, однако, переводить даже стихами. Но, Богъ мой, что это за переводъ! Уже послѣ того какъ великій князь Александръ Павловичъ, въ присутствіи своей супруги, сказалъ гр. Головиной: «Zouboff est amoureux de ma femme», Колычевъ, отъ имени Зубова, предложилъ графинѣ Головиной спѣть романсъ, второй куплетъ котораго былъ слѣдующій:

Le sort me fait un crime
De vouloir l'enflammer
Et laisse à sa victime
Le droit fatal d'aimer.

Гр. Головина отказалась пѣть этотъ романсъ, но г. Шумигорскій не отказалъ себѣ въ удовольствіи перевесть этотъ куплетъ слѣдующими стихами:

Судьба совершаетъ преступленіе,
Заставляя меня желать ее воспламенить,
Предоставляетъ своей жертвѣ
Роковое право любить (48).

Такого стихотворнаго перевода устыдился, однако, и самъ г. Шумигорскій на столько, что пародія на Imprécations de Camille переведена имъ уже прозой, не стихами, при чемъ одна строка, не поддававшаяся переводу даже въ прозѣ, совсѣмъ выброшена, какъ, дѣйствительно, очень трудная:

Que ton château sur toi renverse ses murailles (144).

Утомленный въ борьбѣ съ подобными трудностями перевода французскихъ стихотвореній стихами же и прозой, г. Шумигорскій оставляетъ третье французское стихотвореніе (221) совсѣмъ безъ перевода.

Эти трудности особенно замѣтны при переводѣ на русскій языкъ названій иностранныхъ городовъ. Meudon, прославленный знаменитымъ Раблэ, обращается у г. Шумигорскаго въ Мендонъ (207); онъ смѣло пишетъ «Près de Gervait, поле Жерве» (226), Раштадтъ называетъ Кронштадтомъ (228), Брухзаль—Брунзалемъ (253) и т. п. Переводчику вовсе неизвѣстны даже важнѣйшія изслѣдованія о Раштадтскомъ избіеніи; онъ не въ состояніи исправить ошибокъ гр. Головиной [1]) и повторяетъ ихъ съ спокойной совѣстью.

---

[1]) Не въ 1798 г., а 17-го (28-го) апрѣля 1799 г. французскіе представители на Раштадтскомъ мирномъ конгрессѣ, Roberjot и Bonnier, были измѣнниче-

Пока графиня Головина остается въ Россіи, г. Шумигорскій снабжаетъ свой переводъ кое-какими примѣчаніями, хотя и скудными, но все же не лишними; съ переѣздомъ же гр. Головиной за границу примѣчанія переводчика отпадаютъ совершенно, и даже Гуфеландъ, всемірно извѣстный авторъ «Макробіотики», удостоивается только отмѣтки: «Знаменитый врачъ того времени, р. 1762, ум. 1836» (175).

Какъ событія, такъ и лица проходятъ мимо г. Шумигорскаго совершенно безслѣдно, ничего не говоря ни уму, ни сердцу. Онъ ничѣмъ не интересуется, потому что ничего не знаетъ. Онъ небрежно переводитъ и оставляетъ безъ всякаго примѣчанія слѣдующее, напр., «воспоминаніе» графини Головиной:

«Въ Готѣ покойный герцогъ похороненъ, по его волѣ, въ его саду безъ гроба, въ рубашкѣ. Его могила внутри выстлана газономъ и окружена плетнемъ, чтобы земля не коснулась его. Гробъ же его стоитъ въ церкви, находящейся недалеко отъ его могилы. Странныя свойства его души, своеобычная фантазія, тщеславіе, пренебрегающее истиной, которой онъ не признавалъ, даетъ представленіе о фиглярѣ, который своими фокусами не попадаетъ въ цѣль. Предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открылся предъ глазами публики. Мнѣ досадно за герцога, который все же умеръ и съѣденъ червями. Вѣчность существуетъ и для него; его небрежный костюмъ не помѣшаетъ ему войти въ жизнь вѣчную» (229).

О комъ тутъ говорится? О чемъ тутъ идетъ рѣчь? Г. Шумигорскому, казалось бы, лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что фигляровъ много на свѣтѣ—ими хоть прудъ пруди, и этого указанія никоимъ образомъ недостаточно для опредѣленія личности. Гр. Головина хорошо знала, о комъ она писала и о чемъ вспоминала; переводчикъ же, г. Шумигорскій, и не догадывается, что этотъ, по словамъ гр. Головиной, фиглярь игралъ выдающуюся роль въ исторіи Германіи, его знала и высоко цѣнила Екатерина II [1]), его уважалъ Фридрихъ II и всѣ глубоко были опечалены, узнавъ, что 29-го марта 1804 года умеръ герцогъ Саксенъ-Готскій Эрнстъ II. Мало того: г. Шумигорскій и не подозрѣваетъ, что предокъ этого «фигляра», герцогъ Эрнстъ I, переписывался съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и что русское посольство ѣздило отъ царя къ нему въ Готу. Если бы г. Шумигорскій обладалъ

ски умерщвлены; Jean (не Jacques) Debry былъ только раненъ и спасся. Этотъ вопросъ былъ подробно изслѣдованъ проф. Зибелемъ въ статьяхъ: Der Rastadter Gesandtenmord (Hist. Zeitsch., 1874, XXXII), Urkundliches über den Rastadter Gesandtenmord, Berlin, 1876; Graf Lehrbach und der Rastadter Gesandtenmord (Hist. Zeitsch., 1878, XXXIX).

[1]) Сборникъ, XXIII, по указателю.

общимъ историческимъ образованіемъ, онъ прочелъ бы любопытныя данныя объ этомъ фиглярѣ гр. Головиной въ изслѣдованіи А. Трачевскаго «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II», Спб. 1877.

Въ Россіи, г. Шумигорскій интересуется даже дѣтьми упоминаемыхъ гр. Головиной лицъ—«изъ дочерей М. А. Нарышкиной одна умерла въ младенчествѣ, другая—отъ чахотки» (159), говоритъ переводчикъ въ примѣчаніи; за границей, даже особое указаніе гр. Головиной не останавливаетъ г. Шумигорскаго. Такъ, называя аббата Эджеворта, гр. Головина прибавляетъ: «одного имени котораго достаточно, чтобы внушить глубокое уваженіе» (237); но г. Шумигорскому это имя не внушаетъ ровно ничего, такъ какъ онъ не знаетъ, что Edgeworth de Firmont былъ духовникомъ французскаго короля Людовика XVI въ послѣдніе часы его жизни, которые онъ подробно описалъ, и это описаніе было издано въ Петербургѣ, въ видѣ довольно рѣдкой теперь брошюры: Dernières heures de Louis XVI, roi de France et de Navarre, écrites par l'abbé Edgeworth de Firmond, son digne confesseur. St.-Pétersbourg, 1814. Рядомъ съ дѣвочкой, умершей «въ младенчествѣ», г. Шумигорскій вовсе не упоминаетъ о томъ, что аббатъ Эджевортъ умеръ въ Россіи, въ Митавѣ. Иногда переводчикъ только затрудняетъ читателя невѣрнымъ чтеніемъ фамиліи: кто подъ Монтагю (188) узнаетъ англичанку lady Montague, вдову графа Сандуича? Даже Чимарозо, если вѣрить г. Шумигорскому, написалъ комическую оперу Impressario in Augustino (75), а не Impresario in angustie.

Мы отмѣтили ошибку г. Шумигорскаго въ переводѣ перваго же слова, по которой воспоминанія обращены въ записки; предлагаемъ читателямъ оцѣнить переводъ послѣднихъ словъ воспоминаній гр. Головиной:

«Я разсказала массу маленькихъ событій, которыя не могутъ всѣхъ интересовать, но нельзя забывать, что я пишу не мемуары, а воспоминанія, изъ которыхъ тѣ, которыя касаются императрицы, имѣютъ для меня громадную цѣну.

«Нельзя равнодушно слѣдовать по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ проходили на зарѣ жизни. Сердце также имѣетъ тропинки, по которымъ любятъ ходить; тропинками этими являются честныя и чистыя чувства, а предѣлами ихъ является наша могила» (269).

Кому нуженъ такой переводъ текста, не очищеннаго къ тому же критикой? При серьезной работѣ всякій постарается основаться на подлинникѣ, который хотя съ трудомъ, но все же можетъ быть добытъ; подобный же переводъ можетъ интересовать только любителей «всероссійскихъ сплетенъ».

Переводъ воспоминаній гр. Головиной изданъ съ выпусками, кото-

рые такъ претили Бодянскому: «Записки гр. Головиной изданы въ полномъ ихъ видѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, выброшенныхъ» (271) по цензурнымъ условіямъ. Г. Шумигорскій ничѣмъ не отмѣчаетъ пропусковъ; мы замѣтили ихъ только три—всѣ они крайне ничтожны и касаются исключительно императора Павла I. Гр. Головина пишетъ, во-первыхъ, «sa tête était un dédale où la raison s'égarait; во-вторыхъ, что именно гр. Паленъ подготовилъ катастрофу 11-го марта 1801 г. и, въ-третьихъ, что̀ Крюссоль объ этомъ сообщилъ, при чемъ у г. Шумигорскаго поставлены точки (163).

Переводъ воспоминаній гр. Головиной г. Шумигорскій сопровождаетъ предисловіемъ и послѣсловіемъ.

Мы довольно подробно разсмотрѣли переводъ г. Шумигорскаго, такъ какъ придаемъ большое значеніе «Воспоминаніямъ гр. Головиной», особенно въ той части, которая не касается императрицы Екатерины II [1]). Предисловіе и послѣсловіе не имѣютъ сами-по-себѣ значенія и лишь дополняютъ общую характеристику нашихъ историковъ-дилеттантовъ.

Въ предисловіи, дѣлая выводы изъ своего перевода, г. Шумигорскій, какъ историкъ-дилеттантъ, фантазируетъ до извращенія фактовъ, имъ же сообщенныхъ въ переводѣ. Ему, какъ оказывается, нельзя въ этомъ отношеніи довѣрять. Неточности въ переводѣ объясняются слабымъ знаніемъ французскаго языка; повтореніе ошибокъ гр. Головиной свидѣтельствуетъ о его исторической неподготовленности къ подобному труду; но чѣмъ объяснить ту развязную самоувѣренность, съ какою онъ сообщаетъ завѣдомо ложные факты?

Г. Шумигорскій пишетъ въ предисловіи: «Проживъ большую половину жизни и желая возобновить въ памяти подробности о сношеніяхъ своихъ съ любимыми лицами, Головина начала писать свои «Записки» лишь для себя одной, но объ этой ея работѣ узнала императрица Елизавета и пожелала познакомиться съ нею. Начало «Записокъ» (объ екатерининскомъ времени) встрѣтило одобреніе императрицы, и, приглашая Головину продолжать «Записки», она просила ее сообщать ей ихъ и впредь» (XIX). Между тѣмъ сама гр. Головина сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Однажды вечеромъ (осенью 1811 года) императрица Елизавета сказала мнѣ: «Непремѣнно хочу, чтобы вы согласились на то, о чемъ я васъ сейчасъ попрошу: пишите мемуары. Никто не способенъ на это больше васъ, и я обѣщаю вамъ помогать и доставлять вамъ матеріалы». Я сослалась на нѣкоторыя затрудненія, но они были устранены, и пришлось согласиться. Я предпринимала работу, къ которой не чувствовала себя способной, но все-

---

[1]) Бильбасовъ, Ист. Ек. Вт., XII, № 1245 (II, 497).

таки на другой день я принялась за перо. Черезъ нѣсколько дней я показала ихъ начало императрицѣ; она казалась удовлетворенной и приказала мнѣ продолжать» (249). Кто же можетъ довѣрять г. Шумигорскому, когда онъ самъ себѣ не довѣряетъ: въ переводѣ пишетъ одно, а въ предисловіи другое, прямо противоположное?

И вотъ при такомъ-то болѣе чѣмъ невнимательномъ отношеніи къ воспоминаніямъ гр. Головиной, г. Шумигорскій въ предисловіи и въ послѣсловіи взводитъ «напрасный поклепъ на отцовъ іезуитовъ» (VIII, 272) въ томъ, будто они хранятъ подлинныя бумаги гр. Головиной и Свѣчиной, предоставляя намъ довольствоваться лишь списками съ нихъ.

Г. Шумигорскому, какъ стороннику свящ. Морошкина, автора «Іезуитовъ въ Россіи», чуждо точное употребленіе слова іезуитъ, какъ наименованія членовъ Общества Іисуса, вслѣдствіе чего выходитъ путаница. Ему необходимо напомнить, что члены Общества Іисуса, какъ католическаго ордена, всѣ суть католики, но далеко не всѣ католики суть члены Общества Іисуса, суть іезуиты. Г. Шумигорскій очень настойчиво называетъ іезуитомъ графа де Фаллу (XIII, 272), издавшаго бумаги г-жи Свѣчиной, Pensées chrétiennes и ея Lettres, и составившаго Vie de M-me Swetchine [1]). Comte de Falloux былъ министромъ народнаго просвѣщенія; при немъ изданъ знаменитый законъ о свободѣ обученія (sur la liberté de l'enseignement), и, безъ сомнѣнія, для Общества Іисуса было бы большою честію считать его въ числѣ своихъ членовъ, но онъ никогда имъ не былъ, и г. Шумигорскій, конечно, самъ не знаетъ на какомъ основаніи онъ называетъ его іезуитомъ. Равнымъ образомъ и chevalier d'Augard, кавалеръ д'Огардъ (XII), не былъ іезуитомъ, даже въ морошкинскомъ смыслѣ, усвоенномъ г. Шумигорскимъ.

Съ бумагами г-жи Свѣчиной, изданными де Фаллу, г. Шумигорскій незнакомъ; онъ не разъ цитируетъ это изданіе, но всегда со словъ другихъ. Если бы онъ поинтересовался прочесть хотя бы только жизнеописаніе г-жи Свѣчиной, онъ узналъ бы, что всѣ ея бумаги были завѣщаны графу де Фаллу, какъ ея наслѣднику, légataire universel [2]). Графъ де Фаллу умеръ бездѣтнымъ и оставилъ бумаги Свѣчиной своему родственнику виконту де Блоа (vicomte de Blois), который ими теперь и владѣетъ.

По увѣренію г. Шумигорскаго, бумаги гр. Головиной находятся «у достопочтенныхъ отцовъ іезуитовъ» (VIII, 272). Даже извѣстный ученый о. Пирлингъ, первый, напечатавшій отрывокъ изъ воспоминаній гр. Головиной, не могъ убѣдить г. Шумигорскаго (271), что онъ

---

[1]) de Falloux, Oeuvres de M-me Swetchine, 7 v. Paris, 1858.

[2]) Falloux, Vie de M-me Swetchine, préface.

ошибается и что въ «іезуитскихъ архивахъ» нѣтъ бумагъ Головиной. Ея воспоминанія очень интересовали, какъ писалъ намъ нѣкогда о. Пирлингъ, И. С. Гагарина, который всю жизнь искалъ ихъ и умеръ, не отыскавъ. О. Пирлингу болѣе посчастливилось: въ 1883 г. графъ Андрей Мнишекъ сообщилъ ему воспоминанія гр. Головиной, въ 4-хъ тетрадяхъ, и тогда же имъ были напечатаны въ Revue de la Révolution отрывки о большой французской революціи. Гр. А. Мнишекъ имѣетъ экземпляръ графини Фредро, полученный имъ отъ ея сына графа Максимиліана, камеръ-юнкера. Этотъ же списокъ былъ поднесенъ графомъ Фредро, внукомъ гр. Головиной, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и нынѣ хранится въ собственной Его Величества библіотекѣ.

Гдѣ бы, однако, ни былъ подлинникъ воспоминаній графини Головиной, онъ не придастъ г. Шумигорскому бо́льшаго знанія французскаго языка и не измѣнитъ его небрежнаго отношенія къ тексту. Зачѣмъ же г. Шумигорскому такъ желательно видѣть оригиналъ? Что онъ надѣется найти въ немъ, чего не было бы въ спискахъ?

Въ своихъ воспоминаніяхъ графиня Головина «ни словомъ не упоминаетъ о переходѣ своемъ въ латинство» (XIV). Казалось бы, это должно было предостеречь переводчика. Графиня Головина писала не записки, а воспоминанія; если она «ни словомъ» не вспомнила о своемъ переходѣ въ лоно католической церкви, то она, конечно, имѣла на это свои основанія. Она сознавала, что лишь не многіе способны понять «смутную тревогу чего-то жаждущей души», что большинству чужды, непонятны страдальческія исканія вѣчной истины, мученическія стремленія къ высокому, неземному идеалу, та духовная страстность, которая дается въ удѣлъ не многимъ, только избраннымъ, и къ которой толпа всегда остается безучастна и нерѣдко относится съ злобнымъ осужденіемъ, забывъ божественный завѣтъ: «не судите, да не судимы будете».

Г. Шумигорскій не только судитъ, но и осуждаетъ. Упомянувъ о «совращеніи русскихъ женщинъ высшаго общества», объ ихъ «отступничествѣ», онъ видитъ въ этомъ лишь «религіозную горячку» и отмѣчаетъ только, что онѣ «сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ» (XIV). Такое смѣшеніе вѣроисповѣднаго чувства съ вѣрноподданническимъ невольно напоминаетъ, что премудрость «не внидетъ въ душу злохудожну».

Обращаемъ вниманіе на неряшливость изданія: Екатерину II нельзя называть «императрицей Маріей» (45), какъ нельзя называть подлинникъ воспоминаній гр. Головиной «нерукотворнымъ памятникомъ» (XIX); къ главѣ XV нельзя указывать въ примѣчаніи: «Про-

долженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 848» (127); въ концѣ стр. 237 незачѣмъ выбрасывать двѣ строки [1]); и т. д.

Въ «Указателѣ личныхъ именъ» эта неряшливость доведена до того, что недоумѣваешь, зачѣмъ и кому нуженъ такой указатель. Такъ, напримѣръ, подъ именемъ княгини Куракиной, Натальи Ивановны, отмѣчены два совершенно разныхъ лица: кн. Репнина, рожд. Куракина (4) и кн. Куракина, рожд. Головина (123).

Путевыя воспоминанія этой кн. Н. И. Куракиной, рожд. Головиной, вышли на-дняхъ въ свѣтъ. Они составляютъ первый томъ историческаго сборника «Девятнадцатый Вѣкъ», издаваемаго кн. Ѳ. А. Куракинымъ.

Читая Souvenirs des voyages de la princesse Natalie Kourakine, отдыхаешь душой: ни придворныхъ интригъ, ни козней или сплетней высшаго общества, ни скучной злобы дня, ни политическаго шантажа, ни общественной неправды, ничего подобнаго нѣтъ въ путевыхъ воспоминаніяхъ кн. Куракиной. Они вводятъ насъ въ свѣтлый міръ искусства, знакомятъ съ художественною областью и дружатъ съ свободными профессіями.

Три раза путешествовала кн. Куракина по Европѣ, по цѣлымъ мѣсяцамъ жила въ Парижѣ и Вѣнѣ [2]), посѣтила Германію, Швейцарію, Италію, и въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ останавливалась для ночлега, она тщательно записывала все, что̀ видѣла, съ кѣмъ встрѣчалась, что̀ дѣлала. А видѣла она и осматривала, преимущественно, произведенія искусствъ, встрѣчалась и знакомилась особенно охотно съ художниками, артистами, писателями, и посвящала весь день свой на посѣщеніе галлерей, выставокъ, театровъ. Она упоминаетъ также въ своихъ замѣткахъ, но только упоминаетъ, о встрѣчахъ съ коронованными особами и высокопоставленными лицами, съ членами парламентовъ и министрами, своими и чужими, никогда не останавливая на нихъ вниманія читателя.

Княгиня Куракина страстно любила театръ, интересовалась музыкой, много читала. Знаменитая пѣвица Каталани—ея véritable amie (417), она восторгается Марсъ, Тальмой, Лаблашемъ и др. сценическими знаменитостями своего времени; она подкупаетъ парижскихъ ouvreuses, чтобъ спокойно слѣдить за представленіемъ (24, 27); въ частныхъ домахъ для нея устраиваютъ вокальные и музыкальные вечера, на которыхъ она и сама охотно поетъ (47, 74, 152, 186), несмотря на свои 50 лѣтъ. Она музыкантша въ душѣ, и арфа—ея любимый инструментъ: возвра-

---

[1]) „Истор. Вѣстн.“ LXXVIII, 55.

[2]) Однажды она прожила въ Парижѣ 10 мѣсяцевъ (123) и въ Вѣнѣ 9 (354).

щаясь поздно вечеромъ изъ театра, она играетъ на арфѣ слышанные ею мотивы (75, 77, 89, 105, 118, 201). Ее интересуетъ всякая новая пьеса, и въ Парижѣ она проводитъ всѣ вечера въ театрѣ; не понимая ни слова по-нѣмецки (324, 338, 360), она посѣщаетъ въ Вѣнѣ драматическія представленія, и для нея возобновляютъ «Falsche Katalani» (320). Она знакомится съ M-me Récamier, une des plus jolies personnes de Paris (39), съ M-me Staël, произведеніями которой зачитывалась (217); она «пожирала» Compensations dans les destinées humaines, par M. Asaïs (78), бесѣдовала съ такими писателями, какъ Brifaut и Aimé Martin, слушала спеціально для нея устроенное сообщеніе аббата Сикара о глухонѣмыхъ (43,47), со слезами на глазахъ осматривала «домишко» Ж.Ж. Руссо (109,113) и жилище Вольтера (132). Возвращаясь съ придворнаго обѣда, она, княгиня Куракина, принимаетъ у себя, вечеромъ, за чашкой чая, артистовъ, художниковъ, писателей и записываетъ въ своемъ дневникѣ: Il m'est très doux d'avoir l'amitié de tout ce monde, que je préfère bien à toutes les grandes sociétés (196).

Кн. Куракина интересовалась искусствомъ, всякимъ искусствомъ, до литографіи включительно (211), и свои впечатлѣнія въ этомъ отношеніи тщательно отмѣчала въ своихъ путевыхъ замѣткахъ. Предпочитая представителей свободныхъ профессій «всѣмъ высшимъ обществамъ», она не скрыла отъ насъ и своего негодованія на высшее русское общество. Въ Карлсбадѣ, на офиціальномъ обѣдѣ по случаю дня рожденія императора Николая I, посланникъ Д. П. Татищевъ небрежно обошелся съ кн. А. А. Долгорукимъ, бывшимъ министромъ юстиціи; кн. Куракина записала по этому поводу: Parce qu'il a quitté le ministère, on le bafoue. Cela fait mal, très mal, et je suis plus décidée que jamais à renoncer à notre grande société. Il n'y a ni âme, ni coeur, et l'on deviendrait misanthrope, si l'on n'y prenait garde (427).

Наша путешественница объѣзжала Европу въ большой каретѣ, которую она находила «маленькою» и которую наши отцы титуловали дормезомъ. J'y suis comme dans un joli boudoir (354), говоритъ княгиня. Въ эту petite calèche впрягали шестерку лошадей (414) и, тѣмъ не менѣе, въ Гейдельбергѣ, при подъемѣ на гору, лошади стали, карета двинулась подъ гору, и кн. Куракина съ крикомъ выскочила изъ экипажа (371). Въ дурную погоду она оставалась весь день въ каретѣ; въ хорошую, проѣзжая плѣнительными мѣстами, она останавливала лошадей, выходила изъ экипажа и любовалась видами. Въ глухихъ мѣстечкахъ она предпочитала «грязному постоялому двору» свой будуаръ и проводила ночь въ каретѣ.

Путевыя замѣтки кн. Куракиной изданы съ тщательностью, дѣлающею большую честь издателю. Онѣ писаны на французскомъ языкѣ,

на которомъ и изданы, при чемъ корректуру текста держалъ «докторъ словесныхъ наукъ Сорбонскаго университета г. Мальнори», что̀ избавило читателей отъ несноснаго правописанія того времени, съ которымъ они хорошо уже знакомы по подлиннымъ письмамъ въ изданіи «Архива кн. Воронцова». Текстъ, конечно, ни мало не пострадалъ отъ исправленій правописанія; какъ ловкіе обороты автора, такъ и его неудачныя выраженія сохранены вполнѣ.

Такъ, напр., объ одной изъ саксонскихъ принцессъ записано: Elle est laide comme le péché, mais la bonté perce à travers tout cela et semble tirer un voile sur la laideur (345); въ тѣхъ же выраженіяхъ составленъ отзывъ о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ: Plus on le regarde, plus on passe un voile sur sa figure pour ne prendre garde qu'à son esprit et lui trouver une teinte de bonté provenant de son excellent coeur (405).

Неизмѣнено и крайне неудачно сдѣланное самимъ авторомъ заглавіе: Souvenirs des voyages. Кн. Куракина записывала свои впечатлѣнія каждый день, по вечерамъ, и сама называла свои замѣтки дневникомъ: Hier, en mettant mes idées de la journée dans mon journal j'oubliai d'y insérer и т. д. (413). Забывая кое-что даже въ тотъ же день, она, менѣе чѣмъ кто-либо, могла довѣрять своей памяти: j'ai rencontré ce soir un personnage qui me connait, mais je n'ai jamais pu me souvenir ni de son non, ni de sa personne (316), и такія отмѣтки встрѣчаются довольно часто (336, 420). Оно и понятно: она не могла вспомнить, кто и въ какой день посѣтилъ ее, что и когда видѣла она въ томъ или другомъ театрѣ—это отмѣчается ежедневно и немедленно, такъ какъ такія мелочи вспомнить нельзя, а забыть легко. Вотъ почему выраженіе Souvenirs des voyages должно быть признано, какъ заглавіе, крайне неудачнымъ, но, конечно, не подлежало измѣненію.

Еще болѣе неудачно, чѣмъ заглавіе, неподлежащее измѣненію—помѣщеніе примѣчаній въ концѣ книги, что̀, въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, необходимо подлежитъ измѣненію. Искать примѣчаніе въ книгѣ толстой, тяжелой, крайне неудобно и, къ тому же, досадно, когда поиски оказываются безплодными. Читателя должно облегчать, а не затруднять; въ виду облегченія именно и составляются примѣчанія, разъясняющія читателю всѣ мѣста, вызывающія какое-либо недоумѣніе. Такъ, напр., подъ 2-мъ сентября 1817 г., въ Женевѣ, говорится о подаркахъ, полученныхъ авторомъ, о его чествованіи (152); ищете объясненій въ примѣчаніи, но тщетно. Иногда же примѣчаніе можетъ ввести только въ заблужденіе — польскій король Станиславъ-Августъ не «сопровождалъ Екатерину по Крыму» (429).

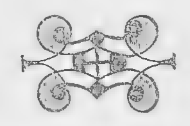
Въ предисловіи справедливо указано, что въ замѣткахъ кн. Куракиной «числа помѣчались старымъ стилемъ» (XXXVIII). Вслѣдствіе

этого она два раза отпраздновала Успеніе Пресвятыя Богородицы—3-го августа, по католическому обряду, въ Ахенѣ (381), и 15-го августа, по православному, въ Брюсселѣ (384), хотя въ примѣчаніяхъ объ этомъ не упомянуто. Въ этомъ отношеніи кн. Куракина, прослушавъ католическую мессу въ Шамуни, записала: Le curé disait la messe, je l'entendis avec la même ferveur presque que si je me trouvais à un e messe grecque; il y a si peu de différence (139).

Не поняли мы также примѣчанія по поводу собачки Munito (73, 374), отгадывающей задуманную карту. Указавъ, что при этомъ два раза вынимался валетъ трефъ, кн. Куракина отмѣтила: on dirait qu'il devinait ma couleur (73), что̀ въ примѣчаніи сопровождается слѣдующимъ разъясненіемъ: «князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ брюнетъ» (432).

Эти мелкія замѣчанія могутъ уже свидѣтельствовать, что дѣльное, умѣло исполненное изданіе Souvenirs des voyages de la princesse Natalie Kourakine не даетъ повода къ замѣчаніямъ болѣе серьезнымъ.

В. Бильбасовъ.

I.

Императрица Екатерина II и графъ Орловъ-Чесменскій.

Письмо графа Алексѣя Орлова къ императрицѣ Екатеринѣ II.

12-го іюля 1795 г.

Всемилостивѣйшая государыня! Еще имѣю счастіе поздравить ваше императорское величество съ прошедшими высокоторжественными праздниками, которые сдѣлали всей Россіи благоденствіе по высокой вашей щедротѣ и милосердію. При семъ прилагаю письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ чужестранца, получивъ оное съ почты, которое надписано на имя вашего величества. Я жъ, распечатавъ мой пакетъ и не нашедъ ни отъ кого никакого отзыву ко мнѣ, за долгъ свой поставляю—представить вамъ и мой пакетъ, въ которомъ и письмо къ вашему величеству, на ваше разсмотрѣніе. А при томъ прошу и молю васъ, отъ неизвѣстныхъ людей, чтобъ вы сами писемъ не распечатывали. Злымъ людямъ нѣтъ предѣловъ; а вы—наше и всей Россіи счастіе. И тако да молю Всевышняго, да защититъ тебя могущею Своею десницею отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ золъ на вѣки нерушимо, и да продлитъ дніе живота вашего для всеобщаго благополучія всѣхъ вѣрноподданныхъ вамъ. Я жъ, повергая себя и все мое семейство ко освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій и преданнѣйшій графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій.

II.

Письмо императрицы Екатерины II графу А. Орлову.

19-го іюля 1795 г.

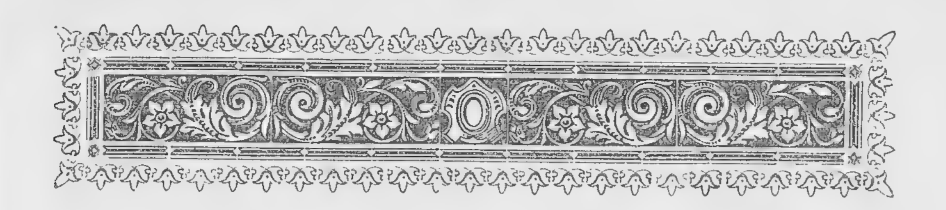
«Графъ Алексѣй Григорьевичъ. Письмо ваше отъ 12-го сего мѣсяца я получила и благодарю васъ какъ за поздравленіе ваше, такъ и за желанія, произносимыя отъ вашего ко мнѣ усердія, въ которомъ я никогда не сомнѣвалась; въ знакъ же моего къ вамъ благоволенія посылаю вамъ табакерку. Вся цѣна ея состоитъ въ изображеніи того памятника, который славу вашу и знаменитыя отечеству заслуги ваши свидѣтельствуетъ. Относительно пакета, отъ васъ доставленнаго, увѣдомляю васъ, что онъ заключалъ въ себѣ просьбу одного иностранца по долговой его претензіи, въ коей онъ уже удовлетворенъ. Пребываю всегда вамъ доброжелательная.

Слѣдующая приписка сдѣлана собственноручно императрицей:

«Я бы въ табакерку насыпала табакъ, ростущій въ моемъ саду, и много нынѣ не нюхаю, но опасалась, что дорогою засохнетъ».

Сообщилъ Александръ Успенскій.

Два письма князя П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову 1821—1824 гг. [1]).

1.

Остафьево, 19-го октября (1821).

За что ты обираешь Пушкина [2])? Въ «Образцовыхъ» [3]) нѣкоторыя его басни стоятъ подъ моимъ именемъ [4]). Люблю читать Крылова, но и проч., которое ты берешь эпиграфомъ, его же и напечатано въ его Мысляхъ въ «Музеумѣ» московскаго Измайлова [5]). Дмит-

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ академику А. Ѳ Бычкову. Въ „Русской Старинѣ" 1892 года, декабрь, стр. 652—662, академикомъ Л. Н. Майковымъ было напечатано письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову, относящееся къ 1818 году.

[2]) Василія Львовича.

[3]) Т. е. въ изданномъ подъ редакціею Воейкова „Новомъ собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ" (Спб. 1821. Двѣ части).

[4]) Во 2-й части упомянутаго изданія (стр. 131—134) были напечатаны съ инціалами князя П. А. Вяземскаго (К. В.) двѣ басни В. Л. Пушкина „Волкъ и Пастухи" и „Павлинъ, Зябликъ и Сорока" (обѣ эти басни, за подписью ихъ автора (В. Пушкинъ), первоначально были помѣщены въ „Трудахъ Общества любителей россійской словесности", ч. III, Москва. 1812, Стихотворенія, стр. 32—34). Басня „Волкъ и Пастухи" внесена ошибочно и въ „Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго" между его стихотвореніями 1821 года (т. III, Спб., 1880, № CXVII, стр. 215—216).

[5]) Такимъ образомъ изъ настоящаго письма князя Вяземскаго обнаруживается, что напечатанная въ четвертой части „Россійскаго Музеума, или Журнала Европейскихъ новостей", издававшагося въ 1815 году въ Москвѣ В. В. Измайловымъ, статья „Мысли и характеры" (стр. 300—309), подписанная буквою N, принадлежитъ перу В. Л. Пушкина. Въ ней (стр. 306) находится слѣдующее мѣсто: „Я читаю басни Крылова съ большимъ удовольствіемъ, а желаю подражать Дмитріеву". Статья эта не вошла въ „Сочиненія В. Л. Пушкина", изд. подъ редакціею В. И. Саитова (Спб. 1893).

*

ріеву [1]) сказалъ о твоемъ намѣреніи и смѣялся съ нимъ твоимъ забавнымъ стихамъ [2]). Какихъ тебѣ еще стиховъ моихъ въ «Сынъ» [3])? У тебя и такъ бездна ихъ [4]), которыхъ ты не печатаешь. Сдѣлай одолженіе, выпроси у Н. И. Греча формуляръ жизни и службы Ив(ана) Ив(ановича) [5]), самимъ авторомъ ему доставленный. То-то зальются на меня своры, когда издастся мое извѣстіе [6]). Я литературную исповѣдь свою не сквозь зубы дѣлаю, а во все горло и духовникамъ нашимъ не въ бровь, а въ самый глазъ. Впрочемъ, надобно же когда-нибудь истинѣ сорваться съ языка. Каковъ Каченовскій въ своемъ 18 № [7])? Теперь недостаетъ только защищать ему моровую язву

---

[1]) Ивану Ивановичу.

[2]) О какомъ намѣреніи Воейкова и какихъ его стихахъ идетъ рѣчь въ письмѣ—неизвѣстно.

[3]) „Сынъ Отечества" издавался въ то время Н. И. Гречемъ и А. Ѳ. Воейковымъ.

[4]) Въ „Сынѣ Отечества" за 1821 годъ напечатано восемь стихотвореній князя Вяземскаго.

[5]) Дмитріева.—Свѣдѣнія, сообщенныя И. И. Дмитріевымъ Н. И. Гречу, были помѣщены послѣднимъ въ его трудѣ „Опытъ краткой исторіи русской словесности" (Спб. 1822), стр. 280—282.

[6]) Т. е. „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева"; оно было помѣщено при шестомъ изданіи стихотвореній И. И. Дмитріева, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1823 году. Многіе находили мнѣніе князя Вяземскаго о значеніи Дмитріева преувеличеннымъ, а отзывъ его въ „Извѣстіи" о заслугахъ и дарованіяхъ Крылова несправедливымъ, даже пристрастнымъ. Въ числѣ обвинителей кн. Вяземскаго былъ, какъ извѣстно, и Пушкинъ (см. его письма къ князю Вяземскому въ Сочиненіяхъ А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, томъ VII (Спб. 1903), стр. 104—105 и 107—108). На отзывъ объ „Извѣстіи", помѣщенный въ № 2 „Литературныхъ Листковъ" 1824 г., князь Вяземскій отвѣчалъ тогда же въ „Сынѣ Отечествѣ" (1824 г., № XIV) небольшою статьею „Нѣсколько вынужденныхъ словъ" (см. Полное собр. сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. I, Спб. 1878, стр. 174—177); въ позднѣйшей „Припискѣ" (1876 г.) къ „Извѣстію" князь Вяземскій также возражалъ противъ правильности заключенія, что въ своей статьѣ о Дмитріевѣ онъ излишне его хвалилъ и какъ бы умышленно старался унизить Крылова (см. тамъ же, стр. 153—166).

[7]) Въ № 18 „Вѣстника Европы" 1821 года было напечатано начало статьи „О свойствахъ царя Іоанна Васильевича", направленной противъ Карамзина. Подъ статьею не стояло подписи автора (Н. С. Арцыбашева), которая явилась въ концѣ статьи, помѣщенной въ № 19 того же журнала. „Не для извиненія пороковъ и не потому, чтобъ они казались намъ менѣе ужасными,—такъ начинается эта статья,—а для объясненія истины, хотимъ сказать нѣсколько словъ о царѣ, котораго и русскіе и чужеземные писатели провозгласили лютѣйшимъ тираномъ, изыскивая, такъ сказать, выраженія къ безславію его памяти. (Въ примѣчаніи ссылка: И(сторія) Г(осударства) Р(оссійскаго) въ продолженіи всего IX тома). Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ истощать свое краснорѣчіе на поношеніе усопшаго; онъ не возстанетъ изъ могилы и не скажетъ: ты ошибаешься, ты судишь неспра-

71-го [1]) года, и вѣрно защититъ, если Карамзинъ дойдетъ до нея. О такой гнусности и шутить не хочется: общее презрѣніе и безъ помощи остроумія прибиваетъ имена такихъ людей къ позорному столбу. Присылай мнѣ 2-й томъ «Образцовыхъ». Александрѣ Андреевнѣ [2]) свидѣтельствую мою сердечную преданность. Напечатаешь-ли стихи Шаликова [3])? Не вводи меня въ лжецы. Спасибо за доставленіе критики. Будь здоровъ и съѣзди перомъ кого-нибудь въ рожу;

На равнинѣ битвы сонъ! [4])

Это никуда не годится и читателей въ сонъ погружаетъ. У насъ, гдѣ истинамъ нельзя входить въ сѣчу, должно по крайней мѣрѣ намъ лично ходить на кулачки, чтобы руки не костенѣли и кровь не остывала. Вяземскій [5]).

2.

1-го мая (1824). Москва.

Я слышу, что между книгопродавцами возникаетъ брань за Бакчисарайскій фонтанъ, что у тебя въ «Инвалидѣ» есть уже статья о претензіяхъ Ширяева съ компаніею на славу покупки манускрипта [6]).

ведливо; ты смотришь на дѣло не съ той стороны, съ какой истина велитъ его разсматривать, ты вѣришь ложнымъ свидѣтелямъ; но священный долгъ безпристрастія предписываетъ историку употреблять съ самою строгою разборчивостію все отрицательное, что ни найдетъ онъ въ памятникахъ временъ прошедшихъ, и запрещаетъ присовокуплять къ древнимъ укоризнамъ собственныя свои слова язвительныя, означающія или явное предубѣжденіе, или желаніе похвалиться силою слога. Дѣеписатель благомыслящій никогда не приметъ на себя отвратительной должности ругателя" (стр. 126—129).—„А кто побьетъ Каченовскаго за „Исторію" Карамзина?—писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 19-го октября 1821 г.—Тутъ, право, не слова, а кошки нужны" („Остафьевскій Архивъ", т. II, Спб. 1899, стр. 217).

[1]) Т. е. 1771 года.

[2]) Женѣ А. Ѳ. Воейкова, рожденной Протасовой.

[3]) Въ № XLII „Сына Отечества" за 1821 г., отъ 14-го октября, напечатано стихотвореніе князя Петра Ивановича Шаликова „Къ незабвенной дачѣ", а въ № XLIII, отъ 21-го октября, его „Посланіе къ князю Петру Андреевичу Вяземскому". „Напоминай Воейкову о напечатаніи стиховъ Шаликова" — писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 19-го октября 1821 года (см. Остафьевскій Архивъ", т. II, стр. 217).

[4]) Стихъ изъ баллады Жуковскаго „Ахиллъ".

[5]) Письмо имѣетъ адресъ: „Милостивому государю моему Александру Ѳедоровичу Воейкову"; оно было отправлено Воейкову черезъ А. И. Тургенева (см. „Остафьевскій Архивъ", т. II, стр. 218).

[6]) Издателемъ „Бахчисарайскаго Фонтана" Пушкина былъ князь П. А. Вяземскій. Въ № XIII „Новостей литературы" 1824 года, составлявшихъ прибавленіе къ „РусскомуИнвалиду" и издававшихся А. Ѳ. Воейковымъ и В. Козло-

Статьи твоей я еще не читалъ, но вотъ на всякій случай мое объясненіе: я имѣлъ дѣло съ однимъ Пономаревымъ, Се́менъ [1]) типографщикъ имѣлъ дѣло съ однимъ Пономаревымъ, и вотъ письменныя оному доказательства. Воспользуйся ими, если въ самомъ дѣлѣ загорится какая-нибудь тяжба: ты можешь въ статьѣ отъ себя сказать, что по случаю возникающихъ споровъ отъ статьи, напечатанной у тебя о покупкѣ манускрипта Пушкина, ты отнесся ко мнѣ, какъ къ издателю Фонтана, чтобы узнать истину, и что я прислалъ къ тебѣ для объясненія всѣхъ недоумѣній росписку мою въ полученіи денегъ отъ Пономарева и росписку изъ типографіи Се́мена въ выдачѣ всѣхъ экземпляровъ тому же Пономареву. Ни въ томъ, ни въ другомъ документѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на другихъ книгопродавцевъ, употребившихъ Пономарева будто коммисіонеромъ. Тамъ они вѣдайся, какъ хотятъ; а дѣло только въ томъ, чтобы статья моя, у тебя напечатанная [2]), хотя и безъ моего имени, не утратила бы вида достовѣрности, который ей по всѣмъ правамъ принадлежатъ. Разумѣется, не зачѣмъ сказывать, что она моя; довольно будетъ, если объявишь, что ты отнесся ко мнѣ, чтобы дознаться правды.—Каково идетъ у насъ здѣсь война [3])? Неужели ты, по праву корсарства, не можешь перепе-

---

вымъ (этотъ № имѣетъ цензурное разрѣшеніе къ печати отъ 9 апрѣля 1824 г.), была помѣщена (стр. 10—12) статья князя П. А. Вяземскаго (безъ его подписи) „О Бакчисарайскомъ фонтанѣ не въ литтературномъ отношеніи“, въ которой сообщалось, что книгопродавецъ Пономаревъ купилъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ за три тысячи рублей и такимъ образомъ за каждый стихъ этой поэмы заплатилъ по пяти рублей. Вскорѣ послѣдовали возраженія, что „Бахчисарайскій фонтанъ“ купленъ книгопродавцемъ А. С. Ширяевымъ, а что Пономаревъ былъ лишь коммиссіонеромъ (см. ниже). Въ самомъ „Русскомъ Инвалидѣ“ и въ „Новостяхъ литературы“ особыхъ статей по этому поводу не появлялось. Въ № 59 „Русскаго Инвалида“ (отъ 8 марта 1824 г.) было напечатано только слѣдующее извѣстіе: „Московскіе книгопродавцы купили (курсивъ нашъ) новую поэму „Бахчисарайскій фонтанъ“, сочиненіе А. С. Пушкина, за 3.000 руб. Итакъ за каждый стихъ заплачено по пяти рублей. Доказательство, что не въ одной Англіи и не одни англичане щедрою рукою платятъ за изящныя произведенія поэзіи“.

[1]) Августъ Ивановичъ Се́менъ содержалъ въ Москвѣ типографію при Медико-хирургической академіи.

[2]) См. стр. 117—118, прим. 1-е.

[3]) Князь П. А. Вяземскій тексту „Бахчисарайскаго фонтана“ предпослалъ свою статью: „Вмѣсто предисловія къ „Бахчисарайскому фонтану“: Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова“. Противъ князя Вяземскаго выступилъ Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (р. 1796 † 1866),—стихотворецъ, авторъ „Мелочей изъ запаса моей памяти“, племянникъ И. И. Дмитріева,—напечатавшій въ № 5 „Вѣстника Европы“ 1824 г. (мартъ) „Второй разговоръ между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана“; статья эта была подписана буквою N. Возгорѣ-

чатать у себя то, что печатаетъ Дамскій Журналъ [1])? Уговори Бирюкова [2])! Не всякій заглядываетъ въ дамскій—,а этотъ—«Вѣстника Европы» открытъ для всѣхъ проходящихъ [3]).—Перепечатай, если можно, мои статьи двѣ и третью, которая на-дняхъ выдетъ и которою заключится мое отраженіе [4]). Я все думалъ прежде, что брань Каченовскаго: ему нельзя не отвѣчать, потому что онъ пользуется какою-то довѣренностью; но, если зналъ бы, что наскочилъ на меня пигмей-Дмитріевъ [5]), то вѣрно отступилъ бы шагъ назадъ, чтобы дать ему возможность упасть въ грязь. Дѣло сдѣлано! Вступитесь въ это дѣло. Меня хвалить и заступаться за меня не должно; но заступайтесь единственно за честь, достоинство характера литтераторскаго, которыя нарушены явно нахальствомъ, надменнымъ невѣжествомъ и холопскимъ поступкомъ Дмитріева.

лась полемика. Князь Вяземскій помѣстилъ въ „Дамскомъ Журналѣ", издававшемся княземъ Шаликовымъ (1824 г., № 7, апрѣль) статью: „О литтературныхъ мистификаціяхъ по случаю напечатаннаго въ 5-й книжкѣ „Вѣстника Европы" втораго и подложнаго разговора между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго фонтана". Со стороны М. А. Дмитріева послѣдовалъ „Отвѣтъ на статью: О литературныхъ мистификаціяхъ" уже за его подписью („Вѣстникъ Европы" 1824 г. № 7, апрѣль). Князь Вяземскій не остался въ долгу, и въ № 8 „Дамскаго Журнала" (апрѣль) явился его „Разборъ Втораго Разговора, напечатаннаго въ 7 № Вѣстника Европы". Дмитріевъ отвѣчалъ въ № 8 „Вѣстника Европы" (апрѣль) статьею „Возраженія на разборъ Втораго разговора". Полемика окончилась въ № 9 „Дамскаго Журнала" (май) статьею князя Вяземскаго „Мое послѣднее слово".

[1]) Еще ранѣе (въ концѣ марта и въ апрѣлѣ) князь Вяземскій просилъ А. И. Тургенева постараться напечатать помѣщенныя въ „Дамскомъ Журналѣ" свои полемическія статьи или въ „Новостяхъ литературы" Воейкова, или въ „Сынѣ Отечества", издававшемся Н. И. Гречемъ (см. „Остафьевскій Архивъ", т. III, Спб. 1899, стр. 18, 31, 34, 36—37). „Да развѣ Воейковъ по праву корсарства своего не можетъ перепечатать у себя напечатанное въ другомъ журналѣ, не прося новаго разрѣшенія отъ цензуры?—писалъ князь Вяземскій Тургеневу 21-го апрѣля—Скажи ему. „Дамскій Журналъ" читаютъ

двѣ-три набожныя лапи,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей, безъ подпоръ,

а „Вѣстникъ Европы" имѣетъ какое-то популярство. Такимъ образомъ выходитъ, что меня бранятъ всенародно, а я отбраниваюсь приватно" (тамъ же, стр. 34).

[2]) Цензоръ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета Александръ Степановичъ Бируковъ, цензуровавшій „Новости литературы", издававшіяся Воейковымъ.—Но петербургская цензура не разрѣшила печатать то, что было дозволено московскою цензурою (см. письмо Тургенева къ князю Вяземскому, отъ 15-го апрѣля 1824 г., въ „Остафьевскомъ Архивѣ", т. III, стр. 32).

[3]) Черточки означаютъ слова, неудобныя для напечатанія.

[4]) См. выше, стр. 118—119, прим. 3-е.

[5]) Князь Вяземскій называлъ М. А. Дмитріева иногда и „лже-Дмитріевымъ".

Выходить въ бой полемическій подъ знаменами Каченовскаго, который воюетъ противъ однихъ изящныхъ писателей нашихъ Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина, есть точно безстыдство непростительное. Дождись онъ лучше другаго случая, если хотѣлъ полаять на меня, но не лай и не кидайся на меня подъ плетью Каченовскаго. Да и къ тому же что за подьяческія уловки и за блистательное невѣжество царствуютъ въ его Второмъ разговорѣ [1])! Онъ не доколупнулся ни одной мысли моей: нѣтъ ни одного взгляда дальновиднаго! Онъ придирался къ однимъ словамъ моимъ и не постигъ ихъ духа. Право, мнѣ хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь разсмотрѣлъ эту тяжбу въ видѣ общей пользы, а именно не личной моей, pour n'en pas faire une dispute de parti [2]). Довольно и такъ размѣнялись мы личностями. Къ тому же всякое заступленіе за меня, послѣ того что я самъ отгрызался, было бы нѣкоторымъ образомъ вспоможеніе. Нѣтъ! желалъ бы исключительно разсмотрѣніе литтературнаго и литтераторскаго дѣла. Потому что, какъ ни говори, а Дмитріевъ еще не литтераторъ, а я хорошъ-ли, иль нѣтъ, отъ того-ли, что на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, но все стою въ числѣ русскихъ литтераторовъ и по тому самому заслуживаю нѣкоторое уваженіе. Вотъ точка, съ которой можно обнять вѣрнымъ взглядомъ все это дѣло.

Сейчасъ Шаликовъ сказывалъ мнѣ, что у него печатается какая-то аппеляція Ширяева [3]). Слѣдовательно, если у тебя ничего о томъ не будетъ, то все можешь сказать отъ себя два слова о положеніи дѣла.

Вотъ тебѣ клюковка для «Инвалида»!

Отвѣтъ двумъ журнальнымъ близнецамъ [4]) на 15-ть

---

[1]) См. выше, стр. 118, прим. 3-е.

[2]) Т. е. чтобы изъ этого не дѣлать партійнаго спора.

[3]) Въ № 9 „Дамскаго Журнала“ (май), стр. 119—123, была помѣщена статья, за подписью И. П—ъ, подъ заглавіемъ „Еще нѣсколько словъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ, не въ литтературномъ отношеніи“. Въ этой статьѣ сообщалось, между прочимъ, слѣдующее: „Бахчисарайскій фонтанъ купленъ не книгопродавцемъ Пономаревымъ, какъ сказано въ XIII № „Новостей Русской Литтературы“, а книгопродавцемъ Ширяевымъ. Первый, имѣя болѣе свободнаго времени отлучаться отъ лавки своей на Никольской улицѣ, гдѣ у него книги продаются, покупаются и мѣняются, былъ только посредникъ между книгопродавцемъ и почтеннымъ издателемъ княземъ П. А. Вяземскимъ, получилъ за посредство 500 руб. и слѣдовательно—не поспоритъ, если на 10 стр. XIII № „Новостей Русской Литтературы“ имя его замѣнится именемъ Ширяева. Ширяевъ выдалъ за рукопись 3.000 руб., принялъ на свой счетъ печатанье, стоившее 500 руб., присовокупя къ тому плату посреднику. Такимъ образомъ каждый стихъ (Бахчисарайскаго фонтана) пришелся книгопродавцу не за пять, а почти за восемь рублей“.

[4]) М. А. Дмитріеву и А. И. Писареву. Даровитый и остроумный водевилистъ Александръ Ивановичъ Писаревъ (р. 1803†1828), недоброжелательно

эпиграммъ, изъ коихъ послѣдняя подъ девизомъ: Finis coronnat opus (судите же о предыдущихъ!) есть слѣдующая:

Мы дѣти можетъ быть незлобіемъ сердецъ,
Когда щадимъ тебя, репейникъ Геликона,
А можетъ быть мы наконецъ
И дѣти Аполлона!

Вы дѣти, хоть въ школярныхъ латахъ,
И вѣкъ останетесь дѣтьми;
Одинъ изъ васъ старикъ въ ребятахъ,
Другой дитя между людьми.
Свое жъ незлобіе сердечно
И Феба—грѣхъ тутъ путать вамъ,
Но дѣти, дѣти вы конечно
Незлобьемъ дѣтскихъ эпиграммъ.

относившійся къ князю Вяземскому (о чемъ см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 338) задѣвалъ его не только въ своихъ многочисленныхъ, остававшихся не напечатанными, эпиграммахъ. Въ своей сатирѣ „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса“ (изданной въ 1859 г. М. Н. Лонгиновымъ) онъ посвятилъ цѣлую строфу князю Вяземскому (см. „Библіографическія Записки“ 1859 г., столб. 618—619). Наконецъ, въ двухъ его водевиляхъ: „Учитель и ученикъ, или въ чужомъ пиру похмѣлье“ (Москва. 1824) и „Хлопотунъ, или дѣло мастера боится“ (Москва. 1825, стр. 68; разрѣшенъ цензурою къ печати 18 сентября 1824 года) находятся куплеты, направленные противъ князя Вяземскаго, называемаго въ нихъ Мишурскимъ. Куплеты въ водевилѣ „Учитель и ученикъ“ (стр. 58) имѣютъ въ виду именно тогдашнюю литературную полемику князя Вяземскаго съ М. А. Дмитріевымъ:

Извѣстный журналистъ Графовъ
Задѣлъ Мишурскаго разборомъ;
Мишурскій, не теряя словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ.
Пошли писатели шумѣть,
Кричатъ, бранятся отъ бездѣлья,
А публикѣ за что жъ терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Этотъ водевиль шелъ въ первый разъ на сценѣ Московскаго театра 24-го апрѣля 1824 года, и въ немъ игралъ знаменитый Щепкинъ (см. „Московскія Вѣдомости“ 1824 г., № 32). Безъ сомнѣнія, на этомъ именно представленіи присутствовалъ князь П. А. Вяземскій вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, Спб. 1882, стр. 339—340). И. А. Шляпкинъ въ своей „Хронологической канвѣ для изученія біографіи Грибоѣдова“ (см. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, Спб. 1889, т. I, стр. XVIII) ошибается, относя разсказъ князя Вяземскаго объ этой выходкѣ противъ него Писарева къ началу января 1824 года.

Разумѣется, имени моего не выставлять. Если цензура залягается, то сократи заглавіе, но оставь журнальные близнецы, потому что оно удачно изображаетъ Дмитріева и Писарева-Кунавина [1]). Пожалуй можно сказать, что это переводъ съ греческаго.

Кланяйся Жуковскому и скажи, чтобы онъ мнѣ скорѣе отвѣчалъ на мои запросы о продажѣ его книгъ [2]).

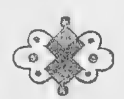
Чтобы доказать вамъ низость и глупость близнецовъ, вотъ одна изъ 15-ти дюжинныхъ эпиграммъ:

Я, вѣря слухамъ, былъ въ надеждѣ,
Что онъ Варшавой проученъ [3]);
Знать ложенъ слухъ! Какъ былъ и прежде,
Все тотъ же неучъ онъ!

И съ такою подлою душою они думаютъ, что могутъ быть возвышенными поэтами и уваженными литтераторами [4]).

Прости. Что твоя нога?

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

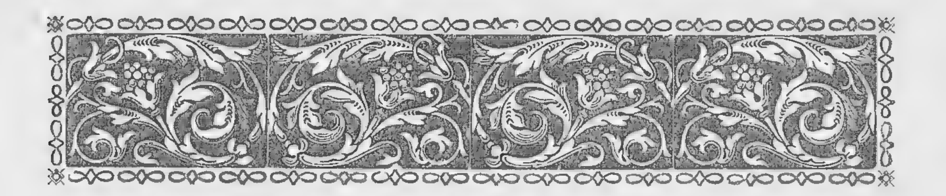
---

[1]) Эта эпиграмма князя Вяземскаго осталась ненапечатанною. Въ 1825 году онъ помѣстилъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ (стр. 289) другую эпиграмму на тѣхъ же лицъ, озаглавленную также „Къ журнальнымъ близнецамъ“ (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. III, Спб. 1880, стр. 388).

[2]) О продажѣ въ Москвѣ экземпляровъ третьяго изданія Стихотвореній Жуковскаго (Спб. 1824) (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, Спб. 1899, стр. 37).

[3]) Намекъ на удаленіе князя Вяземскаго изъ Варшавы и увольненіе его отъ службы, происшедшее въ 1821 году (подробности объ этомъ см. въ Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. II, Спб. 1879, стр. 89—95); въ Варшавѣ князь Вяземскій состоялъ (въ 1817—1821 гг.) при Н. Н. Новосильцовѣ.—„Какая низость припутать тутъ Варшаву!—писалъ князь Вяземскій 1-го мая 1824 г. А. И. Тургеневу, очевидно, по поводу этой эпиграммы.—Съ хорошимъ народцемъ я связался! Это послужитъ мнѣ урокомъ“ (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, Спб. 1899, стр. 38—39).

[4]) „Отошли письмо (печатаемое нынѣ нами) Воейкову; оно не интересное и потому запечатано—писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 1-го мая 1824 года. Пишу ему о спорѣ, возникающемъ между книгопродавцами за „Бахчисарайскій фонтанъ“, источникъ толикихъ браней. Спроси у Воейкова эпиграммы на меня и Грибоѣдова... Впрочемъ, вотъ тебѣ всѣ эпиграммы Дмитріева и Писарева; легко узнать, которыя на меня и которыя на Грибоѣдова. А у Воейкова возьми мой отвѣтъ“ (т. е. „Отвѣтъ двумъ близнецамъ“, приводимый въ печатаемомъ нынѣ письмѣ князя Вяземскаго) (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. III, Спб. 1899, стр. 38).

Названный Димитрій и Адамъ Вишневецкій.

Загадочна исторія Димитрія. Уже современники не могли въ ней разобраться. Съ теченіемъ времени она еще болѣе запуталась. Коренная ошибка состояла въ обширномъ пользованіи извѣстіями изъ вторыхъ и третьихъ рукъ безъ надлежащаго разбора, безъ строгой предварительной оцѣнки. Не мало мѣста удѣлялось также анекдотическому элементу съ удобной оговоркой, что есть же такое, сякое преданіе. А выяснить преданіе, опредѣлить степень его достовѣрности, объ этомъ рѣдко кто заботился.

Въ настоящее время постановка вопроса совершенно измѣнилась. Новѣйшія произведенія о Смутномъ времени отличаются истинно научнымъ характеромъ. Замѣтно у лучшихъ историковъ стремленіе добраться до первоисточниковъ, подвергнуть ихъ тщательной критикѣ и рѣшительно отбросить легендарные наростки.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманіе статьи г. Вацлава-Собѣскаго «первомъ покровителѣ Самозванца» [1]). Въ нихъ приводятся два-три до сихъ поръ неизвѣстныхъ документа изъ богатаго архива Яна Замойскаго, который будетъ вскорѣ издаваться сполна въ Варшавѣ. Только-что упомянутые документы касаются Адама Вишневецкаго съ Димитріемъ.

Родъ князей Вишневецкихъ отличался воинственнымъ духомъ. Они стояли какъ бы на стражѣ польской границы противъ татаръ и казаковъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ староство Черкасское не выходило

---

[1]) Wacław Sobieski, Pierwszy Protektor Samozwanca въ Варшавскомъ журналѣ Tygodnik Illustrowany, 1903, 27—30.

изъ ихъ семейства. Они сроднились съ удальствомъ. У нихъ выработался типъ отчаяннаго наѣздника, колониста-завоевателя. Мечъ и пуля не были для нихъ пустой забавою, ибо заднѣпровскія ихъ владѣнія постоянно возростали. Главнымъ препятствіемъ ихъ расширенія было постоянно грозившее имъ встрѣчное наступленіе московскихъ людей, которые не спускали глазъ съ Украйны.

Князь Адамъ Вишневецкій, первый видный покровитель Димитрія, былъ истымъ представителемъ своего могучаго рода. Воспитанникъ Виленскихъ іезуитовъ, онъ оставался до конца жизни ярымъ православнымъ, былъ братчикомъ во Львовѣ, окружалъ себя попами и дѣлалъ монастырскіе вклады. Набожное настроеніе сочеталось у него съ предпріимчивымъ характеромъ и страстью до военнаго дѣла, а беззавѣтную храбрость часто поджигала горѣлка. Съ русскими онъ не ладилъ и ладить не могъ по очень простой причинѣ. Строго опредѣленной границы на окраинѣ не было, тамъ господствовало кулачное право и примѣнялась теорія захвата. Въ данную минуту, съ той и другой стороны всѣ усилія сосредоточивались около двухъ «городищъ», Прилукъ и Свѣцино, которыя при всей своей маловажности имѣли большое стратегическое значеніе. Уже въ 1602 году, русскіе сдѣлали на Прилуки кровавый набѣгъ, о которомъ кіевскій воевода, князь Острожскій, доносилъ Сигизмунду III, требуя быстраго и сильнаго отпора [1]). Однако жъ на этомъ дѣло не стало, и на сеймѣ 1605 года московскій гонецъ горько жаловался на коварство князей Вишневецкихъ, посягающихъ на Прилуки и Свѣцино [2]). Такимъ образомъ, вопросъ объ обладаніи городищами оставался еще не рѣшеннымъ.

Къ этому-то вельможѣ и явился Димитрій. Скажемъ лучше, онъ былъ, вѣроятно, къ нему подосланъ. Выборъ сдѣланъ слишкомъ удачно, чтобъ не предположить глубокаго разсчета и хорошаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ. Положимъ, что московскіе люди не знали, не вѣдали, какъ тотъ самый Димитрій Вишневецкій, который, измѣнивъ Польшѣ, служилъ Ивану Грозному, пытался потомъ посадить на валашскій престолъ самозванца Гераклида; но имъ было несомнѣнно извѣстно, что Адамъ Вишневецкій прельщался Заднѣпровьемъ, и что столкновенія съ Борисомъ Годуновымъ были для него неизбѣжны.

Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла постороннее, руководствующее вліяніе выступаетъ еще яснѣе. Напомнимъ здѣсь, что Димитрій сперва хотѣлъ было пристроиться въ Острогѣ, но тамъ ему не повезло: князь Константинъ его выпроводилъ, не удостоивъ его своего вниманія. И

---

[1]) Москва, Архивъ министерства юстиціи, Литовская метрика, новыя книги, 55: 1602, 10 іюля, Острожскій Сигизмунду III.

[2]) С.-Петербургъ, Публ. библ., Польская, F, IV, 119, л. 99.

вотъ Димитрій обращается къ сопернику князя Острожскаго: оба князя соперничали изъ-за Черкасскаго староства. Это—послѣдовательное, хорошо разсчитанное стремленіе добыть себѣ высокаго покровителя.

Добраться до него было только первымъ шагомъ. А добрался Димитрій до Вишневецкаго при содѣйствіи игумена-исповѣдника, безъ сомнѣнія мѣстнаго. Такъ положительно увѣряетъ современникъ Забчичъ [1]), такъ повѣствуетъ и всеобщая молва. Все прочее, сцена въ банѣ, духовное завѣщаніе, какая-то романическая связь,—должно быть покуда отстранено безъ всякаго милосердія. Это не что иное, какъ позднѣйшія прибавки, исходящія отъ лицъ, непричастныхъ къ дѣлу и не приводящихъ вѣскихъ доводовъ.

Воздѣйствіе на Вишневецкаго совершилось, какъ теперь достовѣрно извѣстно, инымъ путемъ. Князь не сейчасъ повѣрилъ Димитрію и не положился безъ оглядки на его слово. Онъ долго сомнѣвался въ его царскомъ происхожденіи и только тогда измѣнилъ свое мнѣніе, когда московскіе люди стали сбѣгаться въ Брагимъ и увѣрять, что Димитрій истинный царевичъ. Дружное свидѣтельство около двадцати лицъ, прибывшихъ изъ далека и собравшихся въ томъ же мѣстѣ, указываетъ опять-таки на заранѣе обдуманный планъ, который методически выполняется. Самъ Димитрій увѣрялъ впослѣдствіи варшавскаго нунція Рангони, что у него есть сторонники въ Москвѣ, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, и если онъ такъ торопился выступить въ походъ, то это было именно потому, чтобы ихъ не погубить въ случаѣ преждевременнаго раскрытія всѣхъ подробностей предпріятія.

Московскія свидѣтельства, конечно, не придавали особой правдоподобности разсказамъ Димитрія. Вишневецкій врядъ-ли имъ повѣрилъ по внутреннему убѣжденію. Ему было выгодно повѣрить, имѣть козырь въ рукахъ, а московскія свидѣтельства служили ему оправданіемъ. Ужь если свои люди выдаютъ Димитрія за царевича, то почему же постороннему отъ него отрекаться? Рѣшившись на этотъ шагъ, Вишневецкій энергично принялся за дѣло.

7-го октября 1603 года онъ написалъ письмо къ Яну Замойскому, которое подтверждаетъ все предъидущее:

«Такъ какъ въ домъ мой,—пишетъ Вишневецкій,—явился человѣкъ, который сообщилъ мнѣ, что онъ сынъ Ивана, извѣстнаго тирана великаго княжества Московскаго, и хочетъ требовать помощь отъ его королевскаго величества государя нашего, чтобы могъ добыть столицу своихъ предковъ, то я доношу объ этомъ вамъ, моему чтимому пану, какъ

---

[1]) Вержбовскій, Матеріалы къ исторіи Московскаго государства, вып. III, стр. 15.

стражу и хорошему печальнику Рѣчи Посполитой. Въ виду также того, что вы, мой чтимый панъ, изволите весь нашъ, вамъ преданный домъ, излюбливать и быть милостивымъ паномъ и пріятелемъ, осмѣливаюсь просить совѣтъ, что съ нимъ дѣлать. Въ нескоромъ сообщеніи вамъ о немъ не было другой причины какъ то обстоятельство, что я самъ очень былъ in dubio [1]) о немъ. Теперь же, такъ какъ болѣе двадцати москвичей въ разное недавнее время до него прибѣжало, признавая принадлежность ему того государства jure naturali [2]), то я посылаю testimonii gratia [3]) вамъ, моему чтимому пану, извѣстія изъ Москвы и отъ пана старосты Остерскаго [4]) пару писемъ, изъ которыхъ вы увидите, что съ нимъ дѣлать, и униженно прошу васъ, какъ чтимаго моего пана, меня о томъ увѣдомить».

Замойскій, какъ извѣстно, не пошелъ на удочку. Дважды онъ писалъ Вишневецкому о Димитріи. Одно письмо напечатано [5]), другое находится въ архивѣ Замойскаго. Содержаніе ихъ тождественно. Великій канцлеръ и гетманъ явился здѣсь опытнымъ, прозорливымъ государственнымъ человѣкомъ. Не увлекаясь предвзятой мыслью, онъ хотѣлъ рѣшить задачу оффиціальнымъ путемъ, безъ всякихъ подпольныхъ покушеній и, прежде всего, требовалъ отправленія Димитрія въ Краковъ, къ королю.

Вишневецкій понялъ, что на содѣйствіе Замойскаго полагаться нельзя. Его можно было какъ-нибудь обойти, но короля слѣдовало непремѣнно познакомить съ обстоятельствами дѣла. Вслѣдствіе даннаго ему порученія, Вишневецкій и послалъ Сигизмунду III донесеніе, писанное якобы со словъ самого Димитрія, гдѣ бросаются въ глаза искусственный подборъ фактовъ и даже противорѣчія. Г. Собѣскій подмѣтилъ, что и въ письмѣ, и въ донесеніи встрѣчается характерное выраженіе «jure naturali» на счетъ царственныхъ правъ Димитрія, и это невольно наводитъ на мысль, что Вишневецкій участвовалъ въ составленіи донесенія. Оно дошло въ Краковъ не раньше первыхъ чиселъ ноября. По крайней мѣрѣ, нунцій Рангони выслалъ его въ Римъ только 8-го ноября, хотя онъ очень торопился съ доставкою свѣдѣній. Неизвѣстно, писалъ-ли отъ себя Вишневецкій королю. А было что писать. На немъ лежала прямая обязанность провѣрить показанія Димитрія, подробно разспросить сбѣжавшихся московскихъ людей, удостовѣриться въ ихъ правдивости. О такихъ попыткахъ онъ, кажется, не заботился. Ему

---

[1]) Въ сомнѣніи.
[2]) По природному праву.
[3]) Свидѣтельства ради.
[4]) Михаила Ратомскаго.
[5]) Listy Żołkiewskiego, п. 96, стр. 129.

хотѣлось самому везти Димитрія къ королю. Очевидно, онъ уже дорожилъ своимъ царевичемъ.

Между тѣмъ Димитрій ускользнулъ изъ его рукъ. Дѣло это довольно темное. Сложилось оно такъ. Князь Адамъ познакомилъ Димитрія съ своимъ двоюроднымъ братомъ Константиномъ, перешедшимъ въ католичество и женатымъ на Урсулѣ Мнишекъ. Слѣдствіемъ этого сближенія было сватовство съ Мариною, сестрою Урсулы, вступленіе подъ опеку сендомирскаго воеводы и обѣщаніе уступить ему Сѣверщину. Причина такого поворота, кажется, довольно ясна. Князь Адамъ, какъ православный вельможа, не могъ имѣть вліянія при дворѣ Сигизмунда III, особенно въ виду нерасположенія Замойскаго. Надо было искать другого покровителя. Мнишекъ былъ подходящее лицо, а сватовство съ Мариной еще болѣе скрѣпляло эти узы. Князю Адаму такая сдѣлка не могла нравиться. Хотя онъ и пишетъ королю, что по нездоровью не можетъ самъ пріѣхать и посылаетъ Димитрія съ княземъ Константиномъ [2]), однакожъ онъ, вѣроятно, сожалѣлъ, что Сѣверщина переходила въ другія руки.

Вскорѣ однако же Димитрію пришлось задобривать князя Адама. Отъ его произвола зависѣлъ успѣхъ похода, ибо военныя дѣйствія переносились въ Заднѣпровье и развивались за самыхъ владѣніяхъ Вишневецкихъ или въ ихъ окрестностяхъ. Дважды Димитрій писалъ князю Адаму, обѣщая быть ему всепреданнымъ и навсегда благодарнымъ [1]). Обѣщанія подѣйствовали, и, при торжественномъ въѣздѣ въ Кіевъ, князь Адамъ уже находился при царевичѣ.

Дальнѣйшія сношенія съ Димитріемъ еще не вполнѣ установлены. Неизвѣстно, доставлялъ-ли Вишневецкій подкрѣпленія во время похода или же содѣйствовалъ другимъ образомъ. Послѣ коронаціи, онъ однимъ изъ первыхъ прискакалъ въ Москву и не безъ своекорыстныхъ цѣлей. Вопреки обширнымъ владѣніямъ своего рода, онъ самъ былъ въ долгахъ. 28-го іюля 1604-го года состоялось даже противъ него судебное рѣшеніе. Пора было расплачиваться и прежде всего требовать возмездіе за сдѣланныя въ пользу Димитрія издержки. Но надежды князя, кажется, не вполнѣ сбылись. Золотомъ его въ Кремлѣ не осыпали, и онъ скоро убрался изъ Москвы къ своему же счастью, избѣгнувъ такимъ образомъ майскаго погрома.

Изъ предыдущаго вытекаетъ заключеніе, что у Димитрія была партія въ Москвѣ. Онъ былъ орудіемъ въ ея рукахъ и дѣйствовалъ, вѣроятно, по ея указаніямъ.

---

[1]) Архивъ Замойскаго, записка Сигизмунда III къ Замойскому.

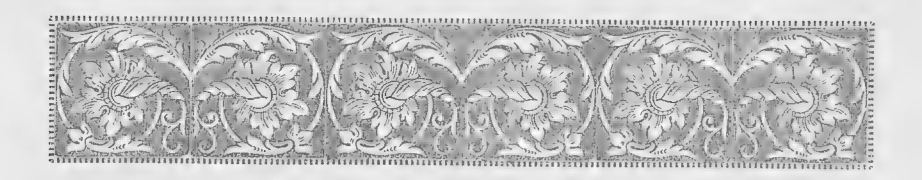
[2]) Архивъ Замойскаго, второе письмо отъ 19-го мая 1604 года

Адамъ Вишневецкій только тогда призналъ царевича и взялся за дѣло, когда убѣдился, что московскіе люди придерживаются Димитрія. Внѣшняя обстановка болѣе подѣйствовала на него, чѣмъ странные разсказы появившагося у него пришельца.

Интересно было бы прослѣдить таинственныя сношенія Димитрія съ московскими людьми до самаго выступленія въ походъ. При настоящей документальной скудости, можно только намекнуть, что слѣдуетъ имѣть въ виду особенно Романовыхъ.

П. Пирлингъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XIII [1]).

Упраздненіе римско-католическихъ монастырей въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ по случаю бывшаго мятежа въ 1863—1864 годахъ.

Упраздненіе замѣшанныхъ въ мятежѣ 1863—1864 годовъ римско-католическихъ монастырей въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ породило множество толковъ; при чемъ одни по невѣдѣнію, другіе — съ цѣлію возбудить неудовольствіе противъ русскаго правительства, обвиняли не только на словахъ, но и въ печати главнаго начальника края графа М. Н. Муравьева въ разныхъ произвольныхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ по этому предмету, направленныхъ будто-бы единственно къ преслѣдованію римско-католической религіи и ея послѣдователей. На сколько обвиненія эти лишены правды, покажетъ прямое изложеніе самыхъ фактовъ. Пусть судитъ по нимъ самъ благосклонный читатель. Но такъ какъ упраздненіе замѣшанныхъ въ мятежѣ римско-католическихъ монастырей основывалось не на произволѣ, а на законѣ 11-го (23-го) іюня 1864 года и производилось по примѣненію къ высочайшему указу 19-го іюля 1832 года, то, предварительно изложенія самыхъ фактовъ, не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о тѣхъ причинахъ, которыя послужили основаніемъ къ сказанному указу, проложившему открытый путь къ свободному возвращенію уніатовъ въ лоно православной церкви и предоставившему защиту православному населенію

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1903 года.

здѣшнихъ губерній отъ враждебныхъ на него дѣйствій полонизма и латинства.

Вотъ что, между прочимъ, было сказано въ этомъ указѣ:

«Мысль о возстановленіи въ римско-католическихъ монастыряхъ строгой жизни и древняго, предписываемаго орденскими уставами, благочинія давно уже занимала наше правительство, какъ это видно изъ пожалованной грамоты 14-го ноября 1783 года на установленіе въ Могилевѣ архіепископства и рескрипта 3-го сентября 1795 года на имя генералъ-губернатора Тутолмина. Мѣстное положеніе римско-католическихъ монастырей служило доказательствомъ, что многіе изъ нихъ основаны были не только безъ всякой пользы, но и во вредъ окружающаго ихъ населенія. Въ Литвѣ, Самогитіи и Инфлянтскихъ уѣздахъ, населенныхъ преимущественно жителями римско-католическаго исповѣданія, причиталось по одному изъ нихъ на 20, на 30 и даже на 40 тысячъ римско-католиковъ, между тѣмъ какъ въ юго-западныхъ губерніяхъ и Бѣлоруссіи, гдѣ почти всѣ жители были православнаго вѣроисповѣданія, по одному монастырю на двѣ тысячи и на тысячу душъ обоего пола, сверхъ приходскихъ церквей, завѣдываемыхъ бѣлымъ духовенствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что монахи этихъ монастырей самымъ положеніемъ ихъ поставлялись въ необходимость вести жизнь праздную, безъ всякаго пособія ближнему и часто служившую въ тягость обществу, или пропагандировать латинство. Излишество римско-католическихъ монастырей оказывалось еще замѣчательнѣе при сравненіи количества ихъ съ числомъ православныхъ обителей, которыхъ было всѣхъ 356 на слишкомъ 35 милліоновъ жителей одного господствующаго исповѣданія, т. е. въ православномъ, какъ одинъ на сто тысячъ, и въ римскомъ, какъ одинъ на 8.500 душъ».

Изъ собранныхъ, по повелѣнію императора Николая I-го, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній открылось: «что главнѣйшая причина упадка монашескихъ обителей, часто возбуждавшая негодованіе въ самомъ римско-католическомъ духовномъ начальствѣ, было самое малое и отъ неизбѣжнаго вліянія обстоятельствъ безпрестанно уменьшавшееся число монашествующихъ, давно уже несоразмѣрное съ числомъ существовавшихъ обителей. Эта несоразмѣрность во многихъ мѣстахъ простиралась до такой степени, что нѣкоторыя монашескія обители не имѣли даже опредѣленнаго самыми снисходительными церковными правилами количества членовъ, которые чрезъ то лишены были всѣхъ выгодъ взаимнаго надзора и наставленія. Собранныя свѣдѣнія указали ясно, что число монастырей было несоразмѣрно ни съ потребностями церкви, ни съ народонаселеніемъ римско-католическаго исповѣданія. Всѣхъ ихъ считалось тогда около 300—на народонаселеніе, едва простиравшееся до двухъ съ половиною милліоновъ душъ, т. е.

по 1-му на 8.500 жителей. Невѣроятно и даже не естественно, чтобы изъ столь тѣснаго круга, при общемъ охлажденіи къ иноческой жизни, можно было избрать для каждой обители достаточное число людей испытанной нравственности и способностей, и чтобы всѣ поступавшіе въ монастыри принимали иноческій санъ по чистому убѣжденію и по призванію. Касательно состава монастырей каноническими правилами постановлено, чтобы въ каждой обители было 10 монаховъ, или, по крайней мѣрѣ, не менѣе 8. На этомъ основаніи папа Бенедиктъ XIV въ 1764 году поручилъ греко-унитскому митрополиту упразднить всѣ некомплектные монастыри. Во второй части изданной имъ по этому поводу буллы, между прочимъ, сказано: «мы извѣстились, что многія обители польской провинціи дошли до крайней нищеты, едва имѣя возможность содержать двухъ или трехъ монаховъ; въ подобныхъ обстоятельствахъ каноническія правила предписываютъ обращать многіе монастыри въ одни, такъ чтобы братство каждой обители состояло изъ 10, или, по крайней мѣрѣ, 8 человѣкъ, и имѣло приличное помѣщеніе».

На основаніи всего вышеизложеннаго, императоръ Николай I-й повелѣлъ объявить римско-католической духовной коллегіи и главнымъ мѣстнымъ начальствамъ западныхъ губерній: 1) объ упраздненіи некомплектныхъ монастырей, какъ лишенныхъ средствъ къ поддержанію порядка и благочинія между монашествомъ, исключивъ изъ этого правила лишь тѣ обители, которыя представляютъ бо̀льшія или меньшія удобства къ помѣщенію монаховъ изъ другихъ упраздненныхъ обителей; 2) объ упраздненіи монастырей, находившихся посреди православныхъ и греко-унитскихъ селеній, монахи которыхъ въ приходахъ чуждаго имъ исповѣданія не могли быть нужны ни для какихъ духовныхъ требъ; 3) монаховъ изъ упраздненныхъ монастырей переводить, по распоряженію римско-католической духовной коллегіи, мѣстныхъ епархіальныхъ и гражданскихъ начальствъ, въ другіе монастыри, того же ордена; 4) монастырскіе костелы, при которыхъ находилось достаточное число прихожанъ, обращать, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства, въ простые приходскіе или филіальные; въ противномъ случаѣ вмѣстѣ съ монастырскими зданіями передавать на общеполезныя заведенія; 5) въ Бѣлоруссіи и южныхъ губерніяхъ, гдѣ прихожане разсѣяны по разнымъ отдаленнымъ селеніямъ, при оставленіи монастырскихъ церквей, поручать губернаторамъ наблюдать, чтобы они строго держались указа 1795 года, на имя бѣлорусскаго генералъ-губернатора Пассека, чтобы на одного священника было на небольшомъ пространствѣ не менѣе ста дворовъ, т. е. жителей, имѣющихъ свои дома или другую недвижимую собственность; 6) въ случаѣ недостатка бѣлаго духовенства на мѣста священниковъ назначать и монаховъ, съ

тѣмъ, чтобы они сохраняли приличные знаки монашеской одежды и наблюдали правила своего ордена, насколько это было совмѣстно съ должностію приходскихъ священниковъ; 7) порядокъ опредѣленія священниковъ къ приходамъ, установленный въ 1831 году для самогитской епархіи и въ мартѣ мѣсяцѣ 1832 года распространенный на всѣ прочія римско-католическія епархіи, принять въ руководство при назначеніи бѣлаго духовенства и монаховъ къ церквямъ упраздненныхъ монастырей, въ которыхъ право ктиторства должно принадлежать правительству; 8) соединенныя съ фундушами упраздненныхъ монастырей обязанности оставить при ихъ церквяхъ, обращаемыхъ въ приходскія, если обязанности эти могутъ быть выполняемы бѣлымъ духовенствомъ, опредѣляемымъ на основаніи указа 1795 года, т. е. при 100 дворахъ однимъ, а при 200 двумя священниками, въ противномъ случаѣ фундушевыя обязанности перевести вмѣстѣ съ монахами въ другія обители; 9) денежные капиталы, принадлежащіе упраздненнымъ монастырямъ, присоединить къ общему вспомогательному капиталу римско-католическаго духовенства и назначить изъ него суммы на удовлетвореніе нуждъ римско-католической церкви, сообразно съ ея правилами и духомъ христіанства; 10) недвижимыя имѣнія и другую собственность упраздняемыхъ монастырей передать въ казну съ тѣмъ, чтобы собираемые съ нихъ доходы обращать на разныя богоугодныя заведенія и въ томъ числѣ на учрежденіе училищъ, взамѣнъ тѣхъ, которыя были содержимы монастырями; 11) о богоугодныхъ заведеніяхъ и училищахъ при упраздняемыхъ монастыряхъ, предоставить сдѣлать распоряженія, по первымъ—мѣстному духовному начальству, и по вторымъ—министру народнаго просвѣщенія, зданія упраздненныхъ монастырей, за исключеніемъ помѣщенія священниковъ при церквяхъ, обращенныхъ въ приходскія, опредѣлить на общественныя заведенія, оставивъ въ каждой епархіи одинъ монастырь для нуждъ самаго духовенства, а именно: для призрѣнія престарѣлыхъ и одержимыхъ неизлѣчимыми болѣзнями священниковъ; 12) для лучшаго устройства благочинія въ обителяхъ, а равно и для учрежденія ближайшаго надзора надъ монашествомъ предоставить полную власть епархіальнымъ епископамъ надъ монастырями, на точномъ основаніи постановленія 1798 г., возложивъ на нихъ отвѣтственность и главное смотрѣніе за управленіемъ фундушами остающихся монастырей.

Послѣ кончины императора Николая I правительственный взглядъ на управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ совершенно измѣнился; законъ этотъ, принесшій много пользы русскому дѣлу, былъ совершенно позабытъ, какъ и многія другія весьма важныя законоположенія въ томъ же духѣ; наступала пора новыхъ вѣяній, пора примиренія съ польскими панами и польскимъ духовенствомъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ,

на которомъ по закону лежала обязанность наблюденія за послѣднимъ, совершенно ослабило свой надзоръ надъ папскимъ воинствомъ. Имѣя въ виду все это, ксендзы и монахи, пользуясь неограниченною свободою, стали пропагандировать латинство и польщизну въ древне-русскомъ краѣ, гдѣ девять десятыхъ народонаселенія не принадлежитъ къ польскому племени, и безпрепятственно строили костелы и каплицы. Правило о предварительномъ сношеніи съ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ при необходимости таковой постройки, строго соблюдавшееся при императорѣ Николаѣ I, было отмѣнено незадолго до вооруженнаго мятежа; нежданно-негаданно министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе, которымъ предоставлялся латинскому духовенству еще бо̀льшій просторъ—de jure, которымъ de facto и безъ того уже римско-католическое духовенство пользовалось въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ къ крайнему вреду православной церкви и ея послѣдователей: «государь императоръ, признавая, что для постройки иновѣрческихъ церквей достаточно разрѣшенія гражданскаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ, высочайше повелѣть соизволилъ исключить изъ подлежащихъ статей Свода законовъ правило, по коему губернскія начальства, по представленіямъ о постройкѣ иновѣрческихъ церквей, обязаны предварительно сноситься съ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ». Таковое высочайшее повелѣніе состоялось 6-го сего января (1862 г.) по совѣту министровъ.

Измѣненіе это сдѣлано было во вредъ русскому дѣлу въ краѣ, гдѣ втихомолку подготовлялся вооруженный мятежъ, въ возможность котораго, не смотря на предостереженія, не хотѣлъ вѣрить даже самъ генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ. По ходу дѣлъ слѣдовало бы ограничить широкій произволъ латинскаго духовенства и зорко слѣдить за нимъ, а тутъ какъ разъ выходило наоборотъ. Когда графъ М. Н. Муравьевъ, въ виду полученныхъ имъ мѣстныхъ свѣдѣній и значительности размноженія костеловъ и каплицъ между 1835—1863 годами, потребовалъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ разъясненія о времени даннаго разрѣшенія на ихъ построеніе, то оказалось, что министерство ровно ничего не вѣдало о нихъ.

Вслѣдствіе подобнаго положенія дѣла, по ходатайству графа М. Н. Муравьева, для упроченія спокойствія въ краѣ состоялось высочайшее повелѣніе отъ 11-го (23) іюня 1864 года, которымъ разрѣшено было генералъ-губернатору закрывать римско-католическіе монастыри за участіе въ мятежныхъ противу правительства дѣйствіяхъ. Это законоположеніе еще болѣе было усилено высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14-го апрѣля 1866 г., предоставлявшимъ генералъ-губернатору право закрывать, по его усмотрѣнію, и монастыри, которые онъ признавалъ особенно вредными въ политическомъ отношеніи. Не смотря на все это, главный начальникъ

края дѣйствовалъ крайне осмотрительно; имъ закрыты были только тѣ монастыри, виновность которыхъ по участію въ мятежѣ была доказана фактически. При упраздненіи заштатныхъ монастырей, въ которыхъ, вопреки папской буллы 1744 года, недоставало положеннаго комплекта иночествующихъ, открыты были весьма назидательныя для насъ дѣйствія латино-польскаго духовенства, показавшія ясно, на что оно способно—для достиженія намѣченной цѣли. Для сохраненія заштатныхъ монастырей, въ которые, по закону, пріемъ новыхъ лицъ не былъ дозволенъ, римско-католическій митрополитъ и епископы сами подавали примѣръ, какъ обходить законъ; съ этою цѣлью, они поручили подставлять въ заштатные монастыри, подъ тѣми же самыми именами вмѣсто умиравшихъ, новыхъ молодыхъ лицъ; законный комплектъ монашествующихъ этимъ способомъ сохранялся, и монастырь, подлежавшій упраздненію, но необходимый для пропаганды латинства и польщизны продолжалъ по-прежнему вредное для русскаго дѣла существованіе. Въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія находятся собственноручныя записки митрополита Жилинскаго и епископа Красинскаго, найденныя при монастырскихъ обыскахъ, изъ которыхъ видно, что они сами присылали подставныхъ лицъ въ женскіе монастыри и поручали дѣлать это и на будущее время. Епископъ Красинскій прислалъ въ женскій монастырь въ Освеяхъ, Дриссенскаго уѣзда, Витебской губерніи, Маріанну Литинскую для замѣщенія ею престарѣлой монахини Нарушевичъ, въ «случаѣ ея смерти». Что подобныя дѣйствія были въ большомъ употребленіи, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ подтвержденіе правдивости сказаннаго можно указать на визитатора монастырей Могилевской епархіи Терасевича, который сдѣлалъ распоряженіе о показываніи въ оффиціальныхъ спискахъ Креславскаго монастыря, подъ именемъ умершей монахини Квинтувны, служки Цяпинской, постриженной впослѣдствіи митрополитомъ Жилинскимъ, въ 1856 году, въ монахини и присланной имъ туда въ подставу на мѣсто умершей. Ни главное, ни мѣстныя начальства, ни министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшительно не знали ничего положительно о томъ, что творилось въ здѣшнихъ римско-католическихъ монастыряхъ; все, повидимому, обстояло благополучно въ краѣ, и мы, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ вооруженнымъ мятежемъ, благодаря только настойчиво-энергичной и честной дѣятельности графа М. Н. Муравьева могли обнаружить зло въ самомъ его корнѣ. Оставалось одно—вырвать этотъ корень; къ чему М. Н. Муравьевъ и приступилъ по усмиреніи вооруженнаго панско-ксендзовскаго мятежа.

Въ 1864 году въ Вильнѣ были упразднены за мятежныя дѣйствія противу нашего правительства—слѣдующіе монастыри: Францисканскій, Бернардиновъ и Креста, въ которыхъ найдены были склады пороха, ору-

жія, обмундированія и гдѣ произносились революціонныя проповѣди и приводились мятежники къ присягѣ. Здѣсь нужно замѣтить, что монастырь Францисканскій еще въ 1861 году, во время враждебныхъ политическихъ демонстрацій, ежедневно при вечернихъ молебствіяхъ оглашался пѣніемъ революціоннаго гимна, въ которомъ преимущественно принимала участіе польская аристократія и чистая публика; полиція не смѣла даже показаться на монастырскомъ дворѣ, гдѣ передъ статуею Богоматери происходило кощунственное пѣніе; скрытый въ воротахъ дома противъ монастыря полицейскій чиновникъ, по распоряженію генералъ-губернатора, записывалъ тайкомъ лицъ, дерзко издѣвавшихся надъ русскою правительственною властію въ краѣ. До какой степени осторожно дѣйствовалъ графъ М. Н. Муравьевъ, упраздняя латино-польскіе монастыри, видно изъ того, что виленскій женскій монастырь Визитокъ, самый зловредный въ краѣ, оставался неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока не попалась въ руки правительства тайная переписка его настоятельницы Констанціи Тыманъ съ французскими епископами и настоятельницею тамошнихъ монастырей Визитокъ, изъ которой обнаружены были разныя клеветы на дѣйствія нашего правительства. Зловредность Виленскаго монастыря не подлежала, впрочемъ, никакому сомнѣнію и до обнаруженія этого факта, такъ какъ, вопреки закона, онъ занимался воспитаніемъ дѣвицъ польскихъ знатныхъ семействъ въ чисто польскомъ духѣ. Закрытіе монастыря Визитокъ въ Вильнѣ совершилось такимъ образомъ.

По порученію главнаго начальника края, данному 14-го ноября 1864 года, состоявшій въ его распоряженіи чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ А. П. Стороженко совмѣстно съ прелатомъ Жилинскимъ, который управлялъ Виленскою епархіею, и Нѣмекшею, при бытности помощника полицеймейстера ротмистра Колесникова, произвели осмотръ Виленскаго римско-католическаго женскаго монастыря Визитокъ, при чемъ оказалось, что въ немъ состояли налицо: 32 монахини, изъ которыхъ 2 присланы были туда на исправленіе, 4 новиціатки и 8 сестеръ-прислужницъ; по штату же монастыря положено было только 16 монахинь; излишнія 16 монахинь и 4 новиціатки находились тамъ съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, а 8 сестеръ-прислужницъ проживали безъ всякаго разрѣшенія. Изъ сообщенныхъ затѣмъ 20-го ноября за № 11762 виленскимъ губернаторомъ С. Ѳ. Панютинымъ свѣдѣній было видно, «что въ монастырь Визитокъ принимались предпочтительно лица изъ аристократическихъ и богатѣйшихъ польскихъ фамилій, которыя приносили туда съ собою большое приданое, иногда до нѣсколькихъ тысячъ рублей; деньги эти поступали въ полную собственность монастыря. Монастырь Визитокъ, по строгой замкнутости своего ордена,

былъ не доступенъ для правительственнаго надзора и, вопреки оффиціальнымъ воспрещеніямъ, при терпимости мѣстнаго начальства, содержалъ пансіонъ, въ которомъ, подъ предлогомъ приготовленія къ монашеской жизни, воспитывались дочери богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ лицъ не только изъ сѣверо-западныхъ губерній, но даже изъ Волыни и Подоліи. Обстоятельства послѣдняго возстанія въ краѣ, дни вообще всѣхъ бывшихъ въ Польшѣ мятежей достаточно пояснили, какимъ духомъ крамолы и вражды ко всему русскому и православному пропитаны женщины изъ шляхты польской. Многія сотни этихъ женщинъ получили это несчастное направленіе при воспитаніи въ римско-католическихъ монастыряхъ, гдѣ съ религіею тѣсно были связаны идеи превратно понятаго патріотизма, или лучше сказать—полонизма. При безспорно огромномъ вліяніи женщины въ семействахъ, идеи эти распространялись не только между молодыми людьми, но даже передавались и дѣтямъ, вмѣстѣ съ молокомъ матери. Поэтому, если нельзя было прямо сказать, что инокини монастыря Визитокъ принимали явное участіе въ бывшихъ здѣсь въ послѣднее время безпорядкахъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что пагубное ихъ вліяніе было вреднѣе даже открытаго сопротивленія, ибо дѣйствовало не только на настоящее поколѣніе, но посѣяло злокачественныя сѣмена и въ будущемъ. Не смотря на очевидный вредъ отъ этого монастыря для русскаго дѣла въ краѣ, все распоряженіе графа М. Н. Муравьева ограничилось порученіемъ губернатору: «выслать проживавшихъ безъ разрѣшенія въ монастырѣ сестеръ-прислужницъ въ тѣ мѣста, откуда тѣ прибыли» (23-го ноября за № 3740).

Когда распоряженіе это объявили монастырю къ исполненію, настоятельница монастыря Визитокъ, Виргинія-Констанція Тыманъ, обратилась съ слѣдующимъ письмомъ къ главному начальнику края: «Объявлена намъ прелатомъ визитаторомъ воля вашего высокопревосходительства, чтобы сестры-прислужницы нашего законнаго общества непремѣнно удалены были. На это все отвѣтить только можемъ молитвами, слезами, умоляя ваше высопревосходительство о милосердіи и сожалѣніи! Въ этомъ воплѣ справедливость вашего высокопревосходительства не можетъ усмотрѣть въ насъ неповиновенія, потому что оно здѣсь вовсе не объявляется, знаемъ, что отъ воли вашего высокопревосходительства зависитъ спокойствіе и ненарушимость нашего законнаго семейства! Между нами, въ настоящей жизни, нѣтъ никакой разницы; сердцемъ и душою со всѣми нашими сестрами равны мы всѣ передъ Богомъ; для свѣта же и людей всѣ мы умерли и совершенно погребены. Дѣло наше до сихъ поръ было: готовиться къ смерти, обращая всѣ силы наши на собственное усовершенствованіе души; всѣмъ нашимъ занятіемъ—молиться за весь свѣтъ! Милостію царя позволено намъ въ

нашемъ уголку исполнять наши законныя правила, на что мы обязались торжественно обѣтами. Взаимная обязанность торжественныхъ нашихъ обѣтовъ соединяетъ насъ съ нашими сестрами до самой смерти. Какимъ же образомъ можемъ мы разорвать эти священныя узы добровольной присяги, когда это безъ согрѣшенія передъ Богомъ быть не можетъ. Умоляемъ, во имя Бога, Творца и Создателя нашего, ваше высокопревосходительство дозволить намъ умереть въ настоящемъ уголку безъ угрызенія совѣсти, въ мирѣ съ нашимъ Богомъ такъ, какъ велятъ намъ наши обѣты, совершенные уже разъ навсегда и не нарушимые ничѣмъ въ совѣсти! Одно слово вашего высокопревосходительства можетъ намъ сдѣлать эту милость, единственную для насъ на этой землѣ. Чрезъ милосердіе и сожалѣніе сохраните насъ. А уже мы не только молитвами нашими, но самъ Богъ ниспошлетъ на васъ свое благоволеніе и сохранитъ тѣмъ отъ всѣхъ бѣдствій на землѣ.

«Милосердія, милосердія! во имя Бога,во имя справедливости вашего высокопревосходительства, во имя великодушія нашего всемилостивѣйшаго царя! Потому что царь, равно какъ и ваше высокопревосходительство, вѣрныхъ и спокойныхъ подданныхъ никогда не захотите карать и губить».

Весьма замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что въ то же самое время, когда писалось это письмо, эта же самая рука разсѣвала разныя клеветы на русское правительство! Цѣлыхъ шесть дней письмо настоятельницы Тыманъ оставалось безъ отвѣта; въ справедливой душѣ Михаила Николаевича происходила, повидимому, тяжелая борьба; понимая всю лживость этихъ клятвъ и обѣщаній и сознавая вполнѣ не только весь вредъ, принесенный краю Визитками въ прошломъ, но и будучи твердо убѣжденъ, что безъ строгаго за ними надзора польскія монахини не измѣнятъ своей вредоносной дѣятельности и въ будущемъ, онъ все-таки рѣшился выждать и 29-го ноября за № 3186 послалъ губернатору разрѣшеніе «оставить въ монастырѣ восемь сестеръ-прислужницъ», секретно же далъ порученіе «слѣдить зорко за монастыремъ Визитокъ». Въ такомъ положеніи оставалось это дѣло до февраля мѣсяца 1865 года, когда виленскій губернаторъ (22-го числа за № 1278) довелъ до свѣдѣнія главнаго начальника края: «что въ пріемныхъ комнатахъ монастыря Визитокъ собираются часто женщины высшаго польскаго общества неизвѣстно съ какою цѣлью, ведутъ тамъ секретные разговоры и, какъ слышно подъ рукою, передаютъ письма изъ-за границы». Вслѣдствіе этого подобныя самовольныя посѣщенія монастыря были воспрещены постороннимъ лицамъ. Въ случаѣ нужды, желающія побывать тамъ посѣтительницы обязаны были предварительно испросить на то разрѣшеніе губернатора; почти одновременно съ этимъ распоряженіемъ сгруппировались факты, которые ясно

обнаружили тайную интригу этого монастыря противу русскаго правительства. Главному начальнику представлено было слѣдующее письмо валанскаго епископа (отъ 24-го февраля), писанное по-латыни и переведенное на французскій языкъ. Вотъ его содержаніе.

«Многоуважаемый и достойнѣйшій администраторъ.

«Не безъ живѣйшей боли въ глубинѣ души узнали мы все то, что выдумываютъ и предпринимаютъ ежедневно въ Польшѣ противу католической вѣры и ея послѣдователей. На-дняхъ, жалобы инокинь ордена св. Франциска Сальскаго, въ вашемъ епархіальномъ городѣ, достигли нашего слуха или, правильнѣе сказать, до нашихъ сердецъ, такъ какъ онѣ опасаются изо дня въ день быть изгнанными изъ своего монастыря и сосланными въ Сибирь.

«Вслѣдствіе того, если посреди такихъ скорбей и столь сильныхъ огорченій, благоугодно будетъ сказаннымъ сестрамъ и съ соизволенія вашего величія, я готовъ, обливаясь слезами, принять по крайней мѣрѣ десять сестеръ въ три монастыря того же ордена, которые находятся въ моей епархіи, гдѣ онѣ воспользуются, согласно съ духомъ святыхъ установленій, радушнымъ и почетнымъ гостепріимствомъ со стороны ихъ сестеръ во Христѣ.

«Мы пишемъ, тѣмъ же числомъ и въ томъ же духѣ, игуменьѣ сказанныхъ монахинь, дабы, зная наши обѣщанія, она могла бы все устроить къ счастливому разрѣшенію вопроса.

«Да пріидетъ благій Господь въ помощь благочестивымъ сестрамъ и утѣшитъ ихъ въ жестокой скорби, которою онѣ опечалены.

«Въ этой надеждѣ желаю вамъ, достойнѣйшій администраторъ и отецъ, всѣхъ благъ, вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга и братъ (м. п.) І. П. епископъ Валанскій».

Письмо это, заадресованное на имя высланнаго изъ края еще въ 1863 году въ Вятку за политическую неблагонадежность епископа Красинскаго, было представлено главному начальнику края и послужило къ открытію тайной переписки монахинь Визитокъ. Стало, наконецъ, очевиднымъ, что этотъ монастырь, призывая Господа Бога, во свидѣтельство святости своей жизни, велъ тайную переписку съ за-границею черезъ особыхъ лицъ и жаловался на разныя небывалыя притѣсненія русскаго правительства. Медлить поэтому было нечего... Графъ М. Н. Муравьевъ поручилъ коммиссіи съ визитаторомъ римско-католическихъ монастырей Нѣмекшею во главѣ отправиться къ Визиткамъ и потребовать отъ настоятельницы монастыря заграничную переписку; въ случаѣ же ея запирательства произвести обыскъ. Когда командированныя къ Визиткамъ лица прибыли къ монастырскимъ воротамъ и дали звонокъ привратницѣ, она побѣжала увѣдомить настоятельницу о неожиданномъ посѣщеніи и, возвратившись отъ нея, за-

явила, что безъ разрѣшенія высшей духовной власти входъ въ монастырь постороннимъ лицамъ воспрещенъ. Такъ какъ медлить въ пустыхъ переговорахъ коммиссіи не приходилось, то визитаторъ прелатъ Нѣмекша повторилъ приказаніе привратницѣ о пропускѣ въ монастырь, а находившійся тутъ полицеймейстеръ объявилъ, что, при дальнѣйшей медленности, ворота будутъ отперты и безъ ея содѣйствія.. Привратницѣ не оставалось ничего болѣе, какъ исполнить приказаніе. Когда члены коммиссіи пояснили настоятельницѣ монастыря цѣль своего посѣщенія, она немного попризадумалась и затѣмъ, желая избѣжать обыска, передала полицеймейстеру шесть писемъ, въ которыхъ предлагалось всѣмъ сестрамъ переселиться во Францію, гдѣ имъ былъ обѣщанъ радушный пріемъ. Письма эти были: 1) отъ епископства Орлеанскаго, 2) Анны-Маріи Балине, 3) епископства Валанскаго, 4) монастыря въ Реймсѣ; 5) епископства въ Аннеси; 6) монастыря въ Аннеси.

Такимъ образомъ становилось яснымъ, что монахини Визитки, опасаясь отвѣтственности за свое прошлое, намѣрены были сами удалиться за границу и для достиженія этой цѣли пустили въ ходъ всѣ пружины. Дѣйствительно дѣло скоро обнаружилось. Одновременно съ открытіемъ заграничной переписки настоятельницы монастыря Визитокъ министерство внутреннихъ дѣлъ увѣдомило главнаго начальника края [1]), «что, по повелѣнію государя, министръ иностранныхъ дѣлъ передалъ ему полученную изъ Парижа депешу, которою баронъ Будбергъ сообщалъ, что находившійся въ Парижѣ нунцій, узнавъ, что Виленскій монастырь Визитокъ, единственный того ордена въ означенномъ городѣ, секуляризованъ, обратился къ барону съ просьбою объ исходатайствованіи отправленія монахинь во Францію, гдѣ настоятельница Визитокъ въ Реймсѣ изъявила желаніе принять ихъ. Не встрѣчая, съ своей стороны, препятствія къ разрѣшенію виленскимъ Визиткамъ переселиться во Францію, для поступленія въ Реймскій монастырь ихъ ордена въ случаѣ, еслибы штатный монастырь Визитокъ въ Вильнѣ, единственный у насъ сего ордена, былъ упраздненъ, но, не находя его въ числѣ монастырей, объ упраздненіи которыхъ графъ М. Н. Муравьевъ сообщилъ министерству, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ его сообщить ему о томъ, имѣла-ли дошедшая до нунція въ Парижѣ вѣсть о секуляризаціи означеннаго монастыря какое-либо основаніе; дѣйствительно ли оный упраздненъ и не находитъ ли онъ какого-либо препятствія къ удовлетворенію ходатайства нунція. Дѣло это въ Петербургѣ считали, повидимому, столь важнымъ, что въ день полученія въ Вильнѣ съ почты означеннаго запроса пришла изъ С.-Петербурга 26-го февраля отъ министра

---

[1]) Отношеніе за № 366.

слѣдующая депеша: «По желанію вице-канцлера, испрашиваю отзыва по телеграфу на вопросъ о монастырѣ Визитокъ». Отвѣтная телеграмма главнаго начальника края заключалась въ слѣдующемъ: «По имѣющимся въ виду письмамъ французскихъ епископовъ къ настоятельницѣ монастыря Визитокъ, по сообщенному мнѣ вашимъ превосходительствомъ ходатайству нунція, Визитки будутъ отправлены въ Реймсъ; подробности сообщаются почтою. О срокѣ высылки увѣдомлю. Генералъ Муравьевъ».

Въ виду такого положенія, не желая долѣе медлить, главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края предложилъ [1]) виленскому губернатору: «1) объявить Визиткамъ, чтобы онѣ немедленно приготовились къ выѣзду за границу, и назначить для сборовъ кратчайшій, по возможности, срокъ, обративъ при этомъ случаѣ особенное вниманіе на настоятельницу, которая изобличается въ секретной перепискѣ съ заграницею; 2) доставить списки монахинь, какъ тѣхъ, которыя пожелаютъ отправиться за границу, для выдачи имъ на проѣздъ паспортовъ и денежнаго пособія, такъ и тѣхъ, которыя по старости или по другимъ причинамъ захотятъ здѣсь остаться, для размѣщенія таковыхъ по другимъ монастырямъ; 3) находящуюся въ услуженіи монастырскую прислугу, по удовлетвореніи слѣдовавшимъ ей содержаніемъ изъ штатной монастырской суммы, выслать въ тѣ общества, къ которому каждая приписана; 4) монастырскій костелъ, какъ не имѣющій прихода, закрыть, передавъ костельное имущество въ другой костелъ, по усмотрѣнію прелата Немекши, затѣмъ монастырскія зданія принять временно въ вѣдѣніе полиціи, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. О срокѣ высылки Визитокъ, имѣющихъ быть отправленными подъ надзоромъ полиціи до прусской границы, увѣдомить, представивъ вмѣстѣ и разсчеты издержекъ на проѣздъ монахинь до границы».

На слѣдующій день, т. е. 28-го февраля, графъ М. Н. Муравьевъ извѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ упраздненію монастыря Визитокъ и къ высылкѣ ихъ, согласно ходатайства нунція во Францію, съ назначеніемъ путевыхъ издержекъ до границы и по 25 рублей каждой монахинѣ на дальнѣйшее слѣдованіе изъ штатной суммы монастыря.

Въ просьбѣ настоятельницы не было отказано; вмѣстѣ съ Визитками пожелали ѣхать безвозвратно за границу четыре монахини ордена Кармелитокъ босыхъ, отъ которыхъ и отобрана была подписка о невозвращеніи ихъ въ Россію.

Выѣздъ монахинь Визитокъ за границу назначенъ былъ первона-

[1]) 27-го февраля за № 870.

чально, по ихъ желанію, на 7 число марта; но такъ какъ въ Вильн пошли тотчасъ же разные толки да пересуды и начался сборъ денегъ въ ихъ пользу, которыхъ набрали въ двое сутокъ нѣсколько тысячъ, то для предупрежденія какихъ-либо безпорядковъ, которые неминуемо, навлекли бы разныя непріятности на лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, графъ М. Н. Муравьевъ далъ предложеніе виленскому губернатору о негласномъ отправленіи ихъ за границу 5-го марта; на дорогу имъ было отпущено 2717 рублей 58 коп. Распоряженіе о высылкѣ монахинь было подписано главнымъ начальникомъ края во второмъ часу по полуночи со втораго на третье марта. Не желая тревожить губернатора ночью, я поручилъ дежурному писарю вручить на другой день конвертъ старшему полицеймейстеру въ восьмомъ часу утра, когда онъ по заведенному порядку поѣдетъ послѣ утренняго доклада изъ дворца къ губернатору и попросить его отъ моего имени передать лично конвертъ С. Ѳ. Панютину, какъ очень нужный. Двое сутокъ оставались еще до отъѣзда монахинь, и мнѣ казалось, что времени было весьма достаточно какъ для распоряженія о выдачѣ имъ прогоновъ, такъ и для предупрежденія ихъ о сокращенномъ срокѣ отъѣзда, который къ тому же имѣлъ содержаться въ тайнѣ; на повѣрку вышло другое. На слѣдующій день въ восьмомъ часу утра, пришедши въ канцелярію для провѣрки исполненія даннаго мною писарю приказанія, я встрѣтилъ во дворцѣ виленскаго губернатора С. Ѳ. Панютина, который, возвращаясь изъ монастыря Визитокъ, заѣхалъ къ главному начальнику края съ докладомъ. Поздоровавшись съ нимъ, я обратился къ нему съ вопросомъ.

— Получили-ли вы, Степанъ Ѳедоровичъ, спѣшную бумагу, подписанную ночью о высылкѣ Визитокъ не 7-го марта, какъ было прежде предположено, а 5-го числа утромъ, и объ отпускѣ имъ изъ казначейства денегъ на дорогу?

— Нѣтъ не получилъ,—отвѣтилъ мнѣ губернаторъ

Объявивши ему, что конвертъ повезъ къ нему старшій полицеймейстеръ полковникъ Саранчевъ, я вошелъ за нимъ въ кабинетъ къ Михаилу Николаевичу, куда насъ пригласилъ дежурный адъютантъ.

— Здравствуйте, господа,—обратился къ намъ нашъ начальникъ.

Подавши руку Степану Ѳедоровичу, онъ спросилъ у него:

— Получили предложеніе о Визиткахъ и сдѣлали распоряженіе?

— Еще не получилъ; конвертъ повезъ ко мнѣ полиціймейстеръ...

— Полицеймейстеръ только-что ушелъ отъ меня, а бумага подписана мною вчера вечеромъ....

— Во второмъ часу по полуночи, ваше высокопревосходительство,— отвѣтилъ я ему. Не желая безпокоить Степана Ѳедоровича, такъ какъ времени еще остается довольно, я приказалъ писарю передать ее

утромъ полицеймейстеру, который бываетъ ежедневно съ докладомъ у его превосходительства около 8 часовъ.

— Видите... Спѣшная бумага, а васъ не хотятъ безпокоить,—обратился онъ къ губернатору. На службѣ нѣтъ и не можетъ быть безпокойствъ,—продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ,—прошу васъ этого впредь не дѣлать и отправлять бумаги немедленно, по ихъ подписаніи.

Мнѣ оставалось принять это къ свѣдѣнію и исполненію. Это было единственное замѣчаніе, которое я получилъ отъ графа Н. М. Муравьева, не смотря на то, что полтора года состоялъ безотлучно при немъ.

4-го марта сообщивъ ковенскому губернатору о предстоящемъ 5-го числа, въ 5 часовъ утра, выѣздѣ Визитокъ безвозвратно за границу, въ сопровожденіи жандармскаго офицера и прелата Нѣмекши, Михаилъ Николаевичъ поручилъ ему сдѣлать распоряженіе о недопущеніи никакихъ имъ встрѣчъ.

Наступило и 5-е марта; выѣздъ Визитокъ изъ Вильны совершился тихо.

Въ 4-мъ часу утра всѣ монахини собрались въ корридорѣ, тускло освѣщенномъ ночникомъ; тамъ ожидали ихъ прелатъ Нѣмекша, старшій полицеймейстеръ полковникъ Саранчевъ, жандармскій офицеръ, назначенный вмѣстѣ съ прелатомъ сопутствовать имъ до границы, и другіе служащіе. Поверхъ своей зимней одежды Визитки имѣли на себѣ орденское одѣяніе, а поперекъ груди надѣты у нихъ были большія деревянныя распятія. Все имущество монахинь, заблаговременно упакованное, было скоро уложено по телѣгамъ и отправлено на вокзалъ; оставалось уѣзжающимъ сказать свое послѣднее прости тихому пристанищу, въ которомъ, по собственной ихъ винѣ, не удалось имъ окончить земное свое странствованіе; но, нужно отдать имъ полную справедливость въ томъ, что онѣ съумѣли выдержать себя; ни одинъ мускулъ лица у нихъ не дрогнулъ, хотя старыя прислужницы, прощаясь съ ними, обливались слезами. Опускаясь послѣдовательно одна за другою на колѣни, онѣ безмолвно цѣловали порогъ покидаемаго ими жилища и направлялись затѣмъ къ выходу, подлѣ котораго ожидали ихъ экипажи. На станціи желѣзной дороги, не смотря на ранній часъ утра, поджидалъ ихъ неутомимый губернаторъ С. Ѳ. Панютинъ, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго и совершился отъѣздъ Визитокъ за границу. Сопровождавшій ихъ до Гумбинена прелатъ Нѣмекша прислалъ оттуда 5-го марта слѣдующую телеграмму губернатору: «Le depart des soeurs jusqu'au soir. Nous les benissons de tout notre coeur».

Возвратясь затѣмъ на другой день въ Вильну, онъ разсказалъ про негостепріимную встрѣчу монахинь пруссаками въ Гумбиненѣ, которые приводили на станцію своихъ женъ и дѣтей, чтобы показать имъ

польскихъ монахинь, одѣтыхъ въ орденское платье съ распятіемъ на груди; во время ихъ молитвы—нѣмцы пѣли пѣсни, трунили надъ ними, спрашивая у нихъ, не скрываютъ-ли они въ крестахъ кинжалы?

По отъѣздѣ визитокъ изъ Вильны монастырскія зданія вмѣстѣ съ костеломъ были переданы въ православное духовное вѣдомство для устройства дѣвичьяго монастыря во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины, который до того времени предполагалось устроить въ зданіяхъ пофранцисканскаго монастыря, на Трокской улицѣ.

По просьбѣ главнаго начальника края, митрополитъ московскій Филаретъ командировалъ изъ Москвы двухъ инокинь Флавіану и Антонію для переговоровъ по устройству обители, съ предназначеніемъ первой—игуменьею а второй— казначеею.

Когда нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда визитокъ за границу назначенная по распоряженію главнаго начальника края коммиссія стала подробно осматривать монастырскія зданія, которыя, какъ оказалось, были сильно запущены и содержались очень грязно, то въ одномъ изъ монастырскихъ подваловъ открытъ былъ задѣланный кирпичемъ подземный ходъ черезъ переулокъ, ведшій къ упраздненному въ 1830 годахъ помиссіонарскому мужскому монастырю, а въ другомъ подвалѣ найдены были разныя орудія пытокъ, рогатки на шею, желѣзные наручники, ржавыя цѣпи и разный хламъ.

Въ упраздненныхъ зданіяхъ повизитскаго монастыря въ Вильнѣ устроена была въ 1865 году женская православная обитель во имя св. равноапостольныя Маріи Магдалины.

Изъ существовавшихъ въ Вильнѣ до послѣдняго мятежа римско-католическихъ монастырей при графѣ М. Н. Муравьевѣ были упразднены еще слѣдующіе: мужской монастырь 1-го класса ордена францисканскихъ, на Трокской улицѣ, на дворѣ котораго передъ статуею Богоматери виленская аристократія собиралась на вечернее пѣніе революціоннаго гимна вмѣстѣ съ толпою горожанъ; мужской первоклассный монастырь ордена Бернардиновъ, на Зарѣчьѣ; Крестовый у военнаго госпиталя на Антоколѣ и два заштатныхъ женскихъ монастыря св. Михаила, рядомъ съ Бернардинами и малыхъ Босоногихъ, за полицейскимъ переулкомъ; мужскіе монастыри были упразднены за доказанное ихъ участіе въ мятежѣ, а заштатные по ничтожному комплекту монахинь, примѣняясь къ папской буллѣ Бенедикта XIV. Вообще при графѣ М. Н. Муравьевѣ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ было закрыто 24 штатныхъ и 3 заштатныхъ монастыря.

Когда вѣсть о предстоявшемъ закрытіи монастыря Визитокъ и о высылкѣ монахинь за границу разнеслась по Вильнѣ, среди высшаго польскаго общества поднялась неописанная суматоха, такъ какъ Визитки были очень близки его сердцу. Не смотря на строгія правила

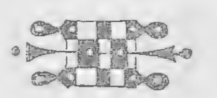
этого монастыря, туда поступали исключительно вдовы и престарѣлыя дѣвы, изъ лучшихъ польскихъ и зажиточныхъ фамилій, фанатичекъ по вѣрѣ и по польскому патріотизму; монастырь Визитокъ считался очень богатымъ; при своемъ поступленіи туда каждая новиціатка дѣлала значительный денежный вкладъ въ монастырскую казну и сохраняла за собою до самой своей смерти принадлежавшій ей капиталъ; при томъ монастырь Визитокъ, кромѣ штатной своей суммы на содержаніе получалъ еще ежегодно, по повелѣнію императора Павла 1-го, по три тысячи рублей серебромъ изъ поіезуитскаго фундуша на воспитаніе свѣтскихъ дѣвицъ.

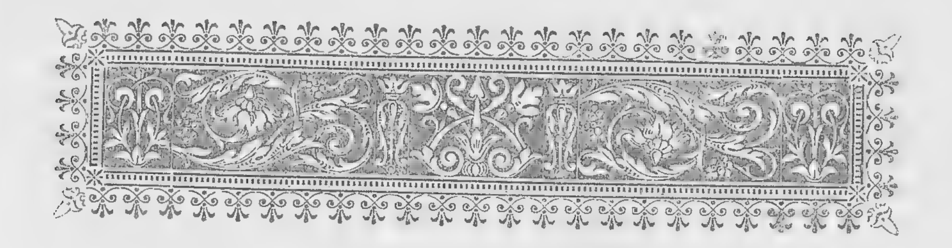
Хоть впослѣдствіи и было имъ воспрещено заниматься воспитаніемъ дѣвицъ, но монахини продолжали по-прежнему вести это дѣло, пользуясь недоступностію правительственнаго контроля, не дерзавшаго проникать во внутрь монастырской ограды. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего и удивительнаго; если въ именномъ высочайшемъ указѣ 16-го іюня 1835 года, которымъ признано было необходимымъ распространить правительственный надзоръ за воспитаніемъ во всѣхъ женскихъ римско-католическихъ монастыряхъ, министерство обѣщало «взять всѣ мѣры, дабы сей надзоръ не былъ стѣснителенъ для монастырей и оставался всегда въ границахъ благовиднаго наблюденія», то можно сказать съ положительностію, что во время предшествовавшее вооруженному мятежу 1856—1863, когда польскимъ тенденціямъ была предоставлена полнѣйшая свобобода въ Сѣверо-Западномъ краѣ, правительственный надзоръ за римско-католическими монастырями былъ не только чисто фиктивный, но можно смѣло сказать, что его не существовало вовсе.

Изъ цѣлой общины монахинь Визитокъ только двѣ монахини— Любомирская и Квинто заявили желаніе остаться у своихъ родственниковъ, сумасшедшая монахиня Сулистровская была переведена въ заведеніе умалишенныхъ, а всѣ остальныя пожелали выѣхать за границу, безъ возврата въ Россію, въ чемъ и выдали подписки; при этомъ имъ позволено было взять съ собою всѣ ихъ частные капиталы и все движимое имущество, а для прислуги имъ дорогою онѣ могли выбрать по своему усмотрѣнію одну изъ прислужницъ.

При нихъ ѣхали прислужница Комаръ и ксендзъ Ѳома Валентиновъ Любовицкій, о которомъ ходатайствовала настоятельница монастыря Визитокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго[1]).

I.

Въ семинарской библіотекѣ города Б—ва рано утромъ, 26-го марта 184... года, происходилъ между педагогами бурсы чрезвычайно оживленный разговоръ, обратившійся, съ приходомъ профессоровъ духовнаго сана, въ горячій споръ. Раздавались, преимущественно, два голоса—громкій, крикливый, принадлежавшій профессору Нобилеву, преподавателю философіи, и тонкій, писклывый—отца Ивана Синички, профессора герменевтики. Когда говорилъ философъ, рѣзко отчеканивая каждое свое слово, духов-

[1]) Василій Петровичъ Лободовскій началъ свою службу 26-го октября 1842 года въ Харьковскомъ губернскомъ правленіи писцомъ 2-го разряда и 16-го марта 1845 года переведенъ въ Курское губернское правленіе, въ которомъ оставался только до 29-го сентября того же года.

Выдержавъ экзаменъ и сдавъ пробную лекцію, Василій Петровичъ 29-го августа 1852 года былъ принятъ во 2-й кадетскій корпусъ учителемъ русскаго языка и словесности. Спустя пять лѣтъ, будучи уже въ чинѣ коллежскаго асессора, онъ былъ переведенъ (10-го мая 1857 г.) въ Сибирскій кадетскій корпусъ. Въ декабрѣ (9-го) 1860 года В. П. былъ произведенъ въ надворные совѣтники, 9-го февраля 1861 года утвержденъ наставникомъ-наблюдателемъ по предмету русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и 9-го декабря 1864 года произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

По преобразованіи корпуса въ Сибирскую военную гимназію В. П. Лободовскій перечисленъ въ томъ же заведеніи штатнымъ преподавателемъ и 9-го декабря 1868 года произведенъ въ статскіе совѣтники.

Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ отставкѣ и скончался 20-го февраля 1900 года.

Желая быть въ своихъ очеркахъ вполнѣ безпристрастнымъ и не стѣсняться характеристикою событій, В. П. ведетъ свой разсказъ, не называя настоящихъ фамилій, но съ ручательствомъ за достовѣрность всего разсказаннаго.

Ред.

ныя особы тихонько покашливали, уныло созерцая свои бороды и выражая не то удивленіе, не то сожалѣніе, а скорѣе, безотчетный страхъ; свѣтскіе же педагоги, послѣ каждаго возгласа философа, неистово гоготали, по временамъ приговаривая:

— Ну, и бестія же! молодецъ, право, молодецъ! Не даромъ товарищи зовутъ его геніемъ: это ужъ не въ первый разъ онъ такъ рѣжетъ нашего брата!

Отецъ Иванъ Синичка, маленькій, худенькій, смотря чрезъ старыя неуклюжія очки и поминутно ерзая на стулѣ, привскакивалъ съ мѣста и тоненькой фистулой произносилъ:

— Позвольте же, господа, позвольте! это не такъ. Намъ такъ смотрѣть на это дѣло не подобаетъ! Это продерзость мальчишки... понимаете? заносчиваго мальчишки... вотъ какъ на это смотрѣть надлежитъ!

Онъ съ достоинствомъ поворачивалъ голову въ сторону духовныхъ педагоговъ, которые съ недоумѣніемъ вопросительно взирали на свѣтскихъ.

Въ то время, когда все это, предъ началомъ классовъ, происходило въ семинарской библіотекѣ,—по лѣстницѣ архіерейскаго дома подымался блѣдный, высокаго роста и суроваго вида монахъ, съ большимъ крестомъ на груди. Это былъ отецъ архимандритъ, ректоръ семинаріи.

На площадкѣ лѣстницы, предъ входомъ въ покои владыки, онъ остановился у окна, досталъ изъ кармана большой бѣлый гребень, тщательно расчесалъ имъ длинную клинообразную бороду и, спрятавъ гребень, долго смотрѣлъ въ окно, повидимому, обдумывая что-то и нервно шевеля губами. Наконецъ, онъ тихонько пріотворилъ дверь и велѣлъ послушнику доложить о немъ владыкѣ.

— Что такъ рано, отецъ Іезекіиль? Взойди сюда!—послышался изъ отдаленной комнаты дребезжащій, но сильный старческій голосъ владыки.

Отвѣсивъ смиренно земной поклонъ и принявъ благословеніе, отецъ Іезекіиль такъ неудачно повелъ докладъ, что его высокопреосвященство, по обыкновенію, вспылилъ.

— Да что ты мямлешь... исключить... продерзость... безчиніе... Вѣдь, ты же самъ ввелъ обычай, чтобы ученики, не стѣсняясь, дѣлали возраженія учителямъ на лекціяхъ?

— Это сдѣлано, высокопреосвященнѣйшій владыко, по настоянію профессора философіи Нобилева, въ видахъ поднятія умственнаго развитія учащихся.

— Ну, такъ что же? Да кто этотъ Перепелкинъ? Не тотъ-ли это, котораго въ прошломъ году на экзаменѣ я назвалъ либеральнымъ

философомъ за то, что онъ—между нами будь сказано—жестоко таки срѣзалъ тебя на твоемъ странномъ—чтобъ не сказать болѣе—возраженіи?

— Тотъ самый, ваше высокопреосвященство,—отвѣчалъ отецъ ректоръ, сильно сконфузясь и кашляя въ руку.

— И который еще,—сталъ припоминать владыко,—прямо съ улицы былъ принятъ въ философскій классъ?

— Онъ самый, высокопреосвященнѣйшій владыко.

— Ну, такъ говори же толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Отецъ Варсонофій прочелъ греческій текстъ и... и для вящшаго уразумѣнія...

— Да брось это вящшее!—нетерпѣливо затопалъ ногами владыка.

— И для вящшаго уразумѣнія,—упорно продолжалъ отецъ ректоръ,—сталъ разлагать какой-то неправильный глаголъ.

— Ну, твой Варсонофій дуракъ, ему-ли разлагать неправильные греческіе глаголы, когда онъ ничего не смыслитъ въ языкахъ!—сердито вставилъ владыка.—Что жъ Перепелкинъ?

— А Перепелкинъ какъ захохочетъ!—Во-первыхъ, говоритъ, вы неправильно прочли текстъ; во-вторыхъ, въ текстѣ есть опечатка, которой вы не замѣтили; въ третьихъ, начало глагола совсѣмъ не то, какъ вы объясняете, и пошелъ, пошелъ, пошелъ!...

— Зачѣмъ же Варсонофій позволилъ ему много говорить и не выгналъ его вонъ изъ класса?

— Отецъ Варсонофій, въ горячности, назвалъ его дуракомъ, а онъ съ великою продерзостію ему въ отвѣтъ:—«Если дуракомъ, говоритъ, называть того, кто правильно понимаетъ вещи, то какъ же величать тѣхъ, кто ихъ не понимаетъ, и даже не въ состояніи понимать?» Послѣ классовъ я велѣлъ отцу эконому отвести его въ карцеръ, но онъ и здѣсь говорилъ дерзости.

Владыка шагалъ по комнатѣ, изрѣдка пропуская сквозь зубы: гм! гм! Но при послѣднихъ словахъ онъ сурово вскрикнулъ:

— Дураки всѣ! Перепелкина немедленно исключить, а Варсонофію перемѣни предметъ, а не то и самого.

Владыка не докончилъ фразы и сердито отпустилъ отца ректора.

Перепелкинъ, надъ которымъ стряслась такая бѣда, былъ на видъ небольшой, худенькій, черненькій бурсачокъ, уже оканчивающій курсъ богословъ, хотя казался чуть не второклассникомъ. При переходѣ изъ философскаго въ богословскій классъ, ему только одному изъ 35 человѣкъ было 18 лѣтъ, между тѣмъ, какъ прочіе почти всѣ были въ возрастѣ отъ 20 до 24 лѣтъ. Онъ былъ первымъ всегда, и по всѣмъ предметамъ, охотно помогалъ товарищамъ и въ писаніи сочиненій на данныя темы, и въ объясненіи уроковъ, любилъ возражать учителямъ,

за что и прослылъ между товарищами за генія; но это не мѣшало духовнымъ педагогамъ, вслѣдствіе отсталости своей, не любящимъ ученика съ такими свойствами, называть его дуракомъ за каждый любознательный вопросъ, или возраженіе, что сильно оскорбляло самолюбиваго юношу, и онъ, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно говорилъ:

— Вотъ проповѣдуютъ смиренномудріе, а сами никакъ не могутъ обойтись безъ бранныхъ кличекъ и обидныхъ словъ.

Гораздъ онъ былъ и на выдумки, за что особенно любили его товарищи. Въ сороковыхъ годахъ въ Б—ую бурсу не проникли еще ни Лермонтовъ, ни Гоголь. Даже Пушкинъ многимъ былъ извѣстенъ только по наслышкѣ. Перепелкинъ узналъ, что у помѣщика Б., въ разстояніи полуторы версты отъ города, есть сочиненія этихъ писателей, слышалъ также, что у него вообще хорошая библіотека, которой завѣдуетъ крѣпостной человѣкъ Левко, случайный его знакомецъ и даже обязанный ему чѣмъ-то. Левко, или Лёвка, какъ звали его господа, сообщилъ ему, подъ большимъ секретомъ, что по ночамъ, съ 11 до 4 часовъ, онъ могъ бы пускать его въ барскую библіотеку, но съ условіемъ, чтобъ онъ объ этомъ—сохрани Богъ—не проговорился. Мальчикъ, еще первый годъ въ философскомъ классѣ, когда ему было только 15 лѣтъ съ небольшимъ, ухитрялся какъ-то исчезать по ночамъ изъ бурсы, успѣлъ не разъ прочесть глубоко заинтересовавшихъ его писателей и даже кое-что списалъ. Но секрета не сдержалъ. Постоянно декламируя стихи изъ Пушкина, Лермонтова и разсказывая смѣшныя сцены изъ Гоголя, котораго сильно полюбилъ, онъ возбудилъ въ товарищахъ такое любопытство, что тѣ заставили таки его сознаться, гдѣ и какъ ему удалось познакомиться съ такими хорошими вещами. Съ тѣхъ поръ стали назойливо приставать къ нему многіе, чтобъ онъ и имъ, каждому порознь, предоставилъ возможность продѣлать то же самое. Но Лёвко перепугался и сначала былъ рѣшительно неумолимъ, и только послѣ долгихъ переговоровъ сдался, наконецъ, на такой рискованный планъ Перепелкина: въ два праздника сряду, когда господа непремѣнно должны были уѣзжать въ городъ на балы, дававшіеся по какому-то торжественному случаю, партія семинаристовъ въ десять человѣкъ, съ Перепелкинымъ во главѣ, явится въ библіотеку, разошьютъ книги, перепишутъ, что нужно, и всякій разъ, предъ выходомъ, приведутъ книги въ такой видъ, въ какомъ онѣ были.

Но какъ улизнуть изъ бурсы такой оравѣ? Пробовали подкупить криваго сторожа, но тотъ и деньги взялъ, и водку выпилъ, а отъ сдѣлки сурово и наотрѣзъ отказался; даже пригрозилъ доложить его высокопреподобію, отцу архимандриту, если будутъ настаивать. Перепелкинъ далъ совѣтъ спуститься по веревкѣ со втораго этажа на глухой семи-

нарскій дворъ, обратно товарищи поднимутъ по веревкѣ же, но на доскѣ. Операція какъ нельзя лучше удалась, и Перепелкинъ еще болѣе возвысился во мнѣніи товарищей, изъ которыхъ многіе и раньше обожали его за веселый нравъ, находчивость, а главное, за его обязательную услужливость всѣмъ немощнымъ по наукѣ. Такая любовь къ нему выразилась даже оригинальнымъ образомъ во время одной изъ этихъ ночныхъ экспедицій. Чтобы незамѣтно попасть въ библіотеку помѣщика, большой партіи надо было осторожно, съ согласія раньше подкупленнаго сторожа, пройти чрезъ садъ, мимо котораго, позади господской усадьбы, протекала рѣчушка, мелкая въ сухое время, но сильно, хотя и не надолго, вздувавшаяся послѣ дождей, такъ что въ бродъ она не для всѣхъ была удобна. Перепелкинъ же плавать не умѣлъ, а ростомъ былъ меньше другихъ. Всѣ эти обстоятельства бурсаки приняли въ соображеніе, взвѣсили и, послѣ серьезнаго обсужденія ихъ, переправили своего атамана на широчайшей спинѣ высокорослаго богослова Семенова.

II.

Отецъ Іезекіиль возвращался отъ владыки гораздо бодрѣе, чѣмъ шелъ къ нему. Онъ широко шагалъ, быстро перебирая чотки. Не любилъ онъ Перепелкина, мало того, даже ненавидѣлъ его, что давно уже подмѣтили не только товарищи послѣдняго, но даже и всѣ преподаватели. Да и какъ было любить такого сорванца-занозу, который его, отца ректора, десять лѣтъ, безъ всякихъ приготовленій, безмятежно читавшаго богословіе, вынуждалъ теперь по ночамъ готовиться къ лекціямъ, и все-таки не удовлетворялся стройнымъ систематическимъ изложеніемъ ихъ и вѣчно надоѣдалъ возраженіями и указаніями какихъ-то противорѣчій. И вспомнилъ отецъ Іезекіиль, что, по милости же его самого, Перепелкинъ прямо былъ принятъ въ философскій классъ, съ улицы, какъ выразился сейчасъ его высокопреосвященство.

Тогда владыку удивляло, что мальчикъ 15 лѣтъ и такой «несуразный» на видъ, прямо изъ деревни, не пройдя никакой школы, просится въ философскій классъ? Но отецъ Іезекіиль настоялъ, чтобы мальчика допустили къ экзамену. Онъ поразилъ на экзаменѣ всѣхъ преподавателей бойкими и смѣлыми отвѣтами; особенное же удивленіе возбудили два сочиненія, написанныя имъ на данныя темы, на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

Все это быстро пронеслось въ головѣ отца ректора, пока онъ подхо-

дилъ къ семинаріи. Навстрѣчу ему показался отецъ инспекторъ,— «скорбная голова», какъ его давно прозвалъ профессоръ философіи Нобилевъ. Онъ же былъ и виновникъ всей этой исторіи.

Облобызавъ, по обычаю, другъ другу руки, обѣ власти пошли тихонько чрезъ семинарскій дворъ, повидимому, занятыя однѣми и тѣми же мыслями.

— Зазнался, больно зазнался! — изрекъ отъ избытка сердца отецъ Іезекіиль, сообщивъ вкратцѣ резолюцію преосвященнаго.

— Я, ваше высокопреподобіе, даже такого мнѣнія, если позволите сказать,—зашепелявилъ отецъ инспекторъ:—что его подбиваютъ на пакости товарищи.

— Вы думаете?—глубокомысленно спросилъ отецъ ректоръ. Кто же это?

— Смоквинъ, Неглигентовъ и, пожалуй, не безъ участія тутъ, конечно, косвеннаго и... профессора Нобилева,—смиренно вымолвилъ отецъ инспекторъ, Варсонофій.

Отецъ Іезекіиль долго молчалъ и, уже поднявшись на лѣстницу, ведущую въ его квартиру, пристально взглянулъ въ глаза собесѣдника и опять повторилъ вопросъ: «Вы думаете?».

— Кхе! кхе! кхе!—раскашлялся отецъ Варсонофій.

— Да,—многозначительно заключилъ отецъ ректоръ, не дожидаясь отвѣта инспектора,—это надо принять къ свѣдѣнію. Нобилевъ давно уже всѣхъ и все пересмѣялъ въ городѣ и всѣмъ надавалъ кличекъ.

При послѣднихъ словахъ, сказанныхъ ректоромъ какъ-то особенно, въ растяжку, отецъ инспекторъ опять сильно раскашлялся и поспѣшно сталъ откланиваться его высокопреподобію, который не безъ лукавой ироніи прямо взглянулъ ему въ глаза.

Вѣсть объ исключеніи Перепелкина съ быстротою молніи облетѣла всѣ углы бурсацкіе и вызвала громкое неудовольствіе противъ начальства и великое сожалѣніе о такомъ товарищѣ, рѣдкомъ по доброжелательству и готовности помочь всякому. Многіе плакали, или свирѣпо злились, ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, виновника бѣды, а нѣкоторые даже отказались отъ скуднаго бурсацкаго обѣда, который, противъ обыкновенія, прошелъ въ самомъ суровомъ молчаніи со стороны учащихся всѣхъ классовъ. Послѣ обѣда, въ дортуарахъ, молодежь опять заволновалась.

— Какъ же это такъ,—слышалось со всѣхъ сторонъ:—посылаютъ учить насъ человѣка скудоумнаго, совершенно не понимающаго дѣла, который на каждомъ шагу дѣлаетъ промахи, а какъ поправитъ грубую его ошибку знающій ученикъ, его исключаютъ, совершенно не принимая въ соображеніе, что предметъ для насъ очень важный и неправильно понятый текстъ ввелъ бы всѣхъ насъ въ заблужденіе. Гдѣ же спра-

ведливость? Да и гдѣ же, наконецъ, казалось бы, и учиться правдѣ, какъ не въ такихъ заведеніяхъ?

Перепелкинъ, когда ему сообщили, черезъ дверь въ карцеръ, о резолюціи преосвященнаго, нервно зарыдалъ. Прежде всего ему пришла на мысль мать, страстно его любившая, какъ первенца и единственнаго сына въ большой семьѣ, состоявшей изъ восьми дочерей. Ея горячая любовь къ нему и была причиной того, что его не отдали по десятому году, какъ обыкновенно дѣлалось, въ бурсу, а продержали дома до 15-ти лѣтъ. Отецъ и мать повезли, было, его своевременно въ уѣздный городъ, чтобы тамъ отдать въ духовное училище, но на дорогѣ встрѣтили возвращавшагося оттуда своего благочиннаго, который, взглянувъ пристально на тщедушнаго мальчика, спросилъ иронически:

— Выдержитъ-ли онъ еженедѣльную порку?

— Какъ еженедѣльную?—вскрикнула матушка, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— А такъ ужъ тамъ заведено,—отвѣчалъ спокойно и со смѣхомъ отецъ благочинный,—моего Ванюшку отъ Рождества до вакацій разъ двадцать выпороли, хотя онъ и хорошо учится.

— Ну, попе, вертай назадъ!—рѣшительнымъ тономъ скомандовала энергичная матушка.

— Какъ назадъ?—завопилъ отецъ Савва, супругъ ея, совершенно ошеломленный такимъ необычайнымъ и вовсе непредвидѣннымъ оборотомъ дѣла. Что я стану съ нимъ дома дѣлать?—взмолился онъ заунывнымъ голосомъ, выражая на своемъ умномъ лицѣ весь ужасъ новаго неожиданнаго положенія.

— А такъ-таки, вертай и вертай, а не то—я руки на себя наложу, если ты поѣдешь дальше, чтобъ отдать мое дитя въ эту бойню. А дѣлать съ нимъ будешь то, что̀ и доселѣ дѣлалъ: учи его самъ. Вѣдь, тебя же всѣ считаютъ ученымъ, ну, и готовь его въ старшіе классы, пусть хоть тѣломъ поокрѣпнетъ дѣтище.

— А ты какъ думаешь, черномазый?—благодушно спросилъ мальчика отецъ благочинный, пристально всматриваясь въ его недоумѣвающее лицо.

Мальчуганъ выпучилъ черные глазенки и, казалось, былъ въ большомъ затрудненіи, какъ рѣшить такой мудреный вопросъ.

— А мы, мама,—сказалъ онъ, наконецъ,—все-таки поѣдемъ въ городъ, остановимся у тети Саши, гдѣ мальчики живутъ, и если они скажутъ, что ихъ шибко дерутъ,—мы драла домой во весь духъ.

Эту мысль одобрилъ и отецъ благочинный, очень расхохотавшійся, когда матушка заупрямилась было подвергнуть его даже такому испытанію.

Въ городѣ не только мальчики, но старъ и младъ—всѣ подтвердили,

что прежде пороли исправно, но все-таки милосердно, больше для острастки, чтобъ не баловались ребята; нынче же, съ прiѣздомъ новаго смотрителя духовнаго училища, порка производится, особенно по субботамъ, самая жестокая. Сверхъ того, при допросахъ, достается еще волосамъ, щекамъ и зубамъ.

Эти разсказы такъ подѣйствовали на нашего мальчугана, что онъ даже не рѣшился побѣгать съ сверстниками въ саду.

— Насъ, вѣдь,—разсказывалъ остроглазый школяръ Миша,—бьютъ особенно за то, что, въ перемѣну, мы бѣгаемъ по корридору и возимся въ классѣ, чтобы согрѣться, а то замерзнешь, потому что зимой не топятъ печекъ.

Семья поспѣшно собралась домой. Батюшка всю дорогу обдумывалъ планъ обученія сынишки. Всего болѣе затруднялъ его греческій языкъ, котораго спряженія какъ-то не давались ему и въ школѣ, и потому онъ всю дорогу раздумывалъ, гдѣ бы достать грамматику, въ которой бы ясно и толково все это излагалось. А мысль была уже та, чтобы готовить сынка прямо въ реторику, а если Богъ поможетъ, такъ и въ философію.

Матушку занимало другое. Она никакъ не могла переварить мысли, какъ это могутъ быть такіе изверги, которые мучаютъ дѣтей за то, что они возятся въ классѣ и не ходятъ, а бѣгаютъ въ корридорѣ, чтобы согрѣться.

— Попе, да развѣ и теперь казна не отпускаетъ на отопленіе?

— Какъ, поди, не отпускаетъ!—процѣдилъ сквозь зубы, занятый своими серьезными мыслями, отецъ.

Многое въ этомъ родѣ припомнилось заключенному въ карцерѣ Перепелкину, и онъ даже пожалѣлъ, что не прошелъ этой суровой школы, которая, быть можетъ, пріучила бы его къ воздержности въ словахъ.

— Ты здѣсь еще, Перепелкинъ?—спросилъ кто-то, тихонько стукнувъ въ дверь карцера.

— Здѣсь, Иванъ Семеновичъ!—отозвался Перепелкинъ на голосъ профессора философіи Нобилева.

— Ты, дружище, когда тебя выпустятъ изъ карцера, соберись къ отцу, выпроси у него деньжатъ, да я своихъ прибавлю немного, и затѣмъ, отправляйся—гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ съ обозами—прямо въ Питеръ. Тамъ разыщешь одного вельможу, любителя и покровителя духовныхъ, и разскажешь ему все откровенно: онъ тебя выручитъ изъ бѣды, а то могутъ отдать въ солдаты, если будетъ прописано, что исключенъ за дерзость. Хотя объ этомъ еще будетъ у насъ разговоръ съ начальствомъ.

И, дѣйствительно, на другой день произошелъ бурный разговоръ по поводу этого дѣла.

Профессоръ Нобилевъ былъ умный, начитанный и, вмѣстѣ съ тѣмъ очень гуманный человѣкъ, но, къ несчастью, по мѣстному выраженію, любилъ сильно запускать за галстухъ, и въ пьяномъ видѣ былъ грубъ, заносчивъ и дерзокъ со всѣми, а ужъ не приведи Богъ съ монахами, которыхъ терпѣть не могъ. Про него ходили слухи, что, еще въ академіи, онъ, подвыпивши, спустилъ кубаремъ какую-то монашествующую власть по ступенькамъ лѣстницы за то, что эта власть несправедливо дерзнула при всѣхъ товарищахъ назвать его неучемъ. И только заступничество извѣстнаго Иннокентія-проповѣдника спасло его отъ неминуемой гибели. Въ качествѣ профессора, онъ былъ любимъ учениками, прежде всего за свою простоту и доступность, но еще болѣе за то, что умѣлъ не только возбудить, но и постоянно поддерживать въ нихъ любовь къ наукѣ. Кромѣ его никто не умѣлъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ убѣдительно говорить о нравственныхъ принципахъ, обязательныхъ для человѣка и тѣсно связанныхъ съ наукой. Товарищи-педагоги недолюбливали его, а многіе даже боялись его, особенно, когда онъ являлся, будучи уже на второмъ взводѣ, какъ обыкновенно измѣрялась его слабость. Въ этихъ случаяхъ, онъ, не стѣсняясь, всѣмъ говорилъ колкости.

И вотъ на другой день, послѣ рѣшенія участи Перепелкина, Нобилевъ шумно вошелъ въ сборную учительскую, примыкавшую къ библіотекѣ. Всѣ замѣтили, что онъ на второмъ взводѣ. Небрежно поздоровавшись съ коллегами, онъ сейчасъ же грубо отнесся къ особамъ духовнаго сана.

— Что, преподобные отцы, многихъ мы приведемъ на путь истины, поступая такъ разбойнически? При всемъ умственномъ убожествѣ своемъ, мы тоже беремся учить другихъ тому, чего сами не знаемъ,—говорилъ подвыпившій философъ.

Отецъ Иванъ Синичка незамѣтно выскользнулъ изъ комнаты и, по долгу совѣсти, немедленно сообщилъ отцу инспектору о начинающемся безчинствѣ; инспекторъ же, по долгу службы, немедленно доложилъ о томъ отцу ректору. И вотъ они, всѣ трое, тихонько вошли въ библіотеку съ другаго хода и остановились у дверей учительской.

— Настави, направи, учили апостолы,—продолжалъ резонировать желчный философъ,—а мы ни наставить, ни направить не умѣемъ, неспособны, а умѣемъ только ругаться, а иногда драться, хотя и беремся за дѣло, котораго не смыслимъ, чѣмъ, разумѣется, и вводимъ въ соблазнъ молодежь. Вотъ какое воспитаніе! Потому-то и выходятъ отсюда не рѣдко мерзавцы!

— А!—сказалъ онъ, обведя всѣхъ глазами,—Синичка ужъ улетѣла, чтобъ христіанскій слухъ не оскорбить нечестивыми рѣчами! А можетъ быть и съ цѣлью предупредить начальство.

При этихъ словахъ онъ съ азартомъ отворилъ дверь въ библіотеку и сильно прихлопнулъ подслушивавшаго отца ректора, который, съ достоинствомъ потерши себѣ лобъ и переносицу, принялъ осанистую, хотя и смиренную позу, и взволнованнымъ голосомъ возопилъ:

— Чаша терпѣнія переполнилась! Васъ всѣхъ, господа, други и братья во Христѣ, призываю во свидѣтели неблагопотребнаго поведенія профессора Нобилева. Посему прошу васъ, милостивый государь,—обратился онъ къ послѣднему,—не безпокоиться заходить въ классъ, а немедленно удалиться отсюда и дома дожидаться резолюціи архипастыря.

Про владыку говорили, что онъ умѣетъ и распечь и обласкать, даже какою-нибудь существенною помощію искупить грубую выходку. Такъ, однажды, онъ раскричался у себя на деревенскаго попа, что у того и сапоги скверные, и ряса грязная, и волоса лохматые, да расходился владыка такъ, что началъ толкать и поворачивать бѣднягу въ разныя стороны, съ укоризнами и смѣхомъ. Священникъ, перепуганный, переконфуженный, потерялъ, наконецъ, терпѣніе и говоритъ ему дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Владыко, да неужели жъ ты совершенно забылъ злосчастный свой дьяческій домъ, изъ котораго вышелъ, и вообще жалкое, нищенское положеніе бо̀льшей части сельскихъ священно-и церковнослужителей? Вѣдь, у меня десять душъ дѣтей, малъ-мала меньше, а работникъ-то дома и въ полѣ я одинъ—попадьѣ только бы въ пору съ ребятами справиться—съ прихода же я и ста рублей въ годъ не получаю!

Выговоривъ все это раздраженнымъ голосомъ, бѣдный священникъ разрыдался. Не выдержалъ владыка и самъ прослезился.

— Ну, перестань, отче, да разскажи мнѣ основательно всю свою убогую жизнь.

— Что тутъ разсказывать, владыко! Бываетъ такая нужда, что руки наложилъ бы на себя, если бы не жаль было дѣтей малыхъ. А тутъ еще притѣсненія и обиды отъ управляющаго-нѣмца, да пріятеля его становаго. Пришелъ просить у вашего высокопреосвященства другаго мѣста.

Сердобольный владыка и денегъ своихъ далъ попу на хозяйственныя дѣла, да еще самъ выбралъ изъ своего гардероба двѣ ряски для него попроще, а въ скоромъ времени и на лучшій приходъ перевелъ его.

На утро келейникъ доложилъ владыкѣ, что пришелъ отецъ ректоръ.

— Зови! отвѣчалъ преосвященный.

— Знаешь-ли, что мнѣ пришло на мысль,—весело заговорилъ владыка, широко благословляя отца архимандрита,—не лучше-ли, вмѣсто исключенія дерзкаго мальчишки, выпороть его хорошенько, лишивши на время, для этой цѣли, стихаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и права произносить проповѣдки? Вѣдь онъ, хоть малъ и невзраченъ, а любитъ такъ, какъ я припоминаю, ораторствовать и—надо правду ска-

зать—умненькія вещи всегда говоритъ, которыя какъ-то долго остаются въ головѣ. Какъ думаешь?

Ободренный ласковой рѣчью владыки, отецъ ректоръ смѣло началъ:

— Еще произошелъ случай, сугубой важности, высокопреосвященнѣйшій владыко, требующій совмѣстнаго обсужденія съ проступкомъ Перепелкина. Профессоръ Нобилевъ, ежедневно предаваясь пьянству, и прежде поносныя рѣчи и хулу изрыгалъ на начальство, а нынѣ, якобы въ защиту невиннаго Перепелкина, съ самыми неблагопотребными укоризнами сталъ относиться ко всѣмъ служащимъ и, по словамъ отца Ивана Синички, просто во всеуслышаніе непристойно порицалъ всѣхъ начальниковъ и сослуживцевъ въ учительской комнатѣ, куда и я былъ привлеченъ шумомъ, проходя въ это время по корридору. Такъ какъ онъ и кричалъ, и стучалъ, и дверь съ азартомъ отворялъ, то я предложилъ ему немедленно отправиться домой и ожидать резолюціи вашего высокопреосвященства.

— Да что это такое дѣлается у васъ?—въ задумчивости отъ недоумѣнія, но на этотъ разъ совершенно спокойно говорилъ владыка. Я ужъ и не придумаю сразу, какъ тутъ быть. Ты знаешь, что Нобилева всѣ въ городѣ считаютъ умнѣйшимъ и наилучшимъ профессоромъ въ семинаріи, каковъ онъ дѣйствительно и есть. Но и оставить все это безъ послѣдствій тоже нельзя.

Отецъ Іезекіиль поминутно, во все время, пока говорилъ владыка, переминался съ ноги на ногу, какъ-бы одержимый какимъ-то безпокойствомъ и, видимо, пылалъ непреодолимымъ желаніемъ изрещи нѣчто, не совсѣмъ поддающееся слову.

— Отецъ Варсонофій думаетъ, и я раздѣляю его мнѣніе,—не безъ робости заговорилъ онъ, откашлявшись въ руку,—что Перепелкинъ дѣлаетъ выходки противъ учителей по наущенію Нобилева. Впрочемъ, и ранѣе всѣмъ было извѣстно, что Нобилевъ вездѣ, не стѣсняясь мѣстомъ или обществомъ, весьма неуважительно всегда говорилъ про семинарскій педагогическій персоналъ и всѣхъ надѣлилъ кличками и просмѣялъ.

Владыко еще серьезнѣе задумался и такъ и отпустилъ отца Іезекіиля, ничего не сказавъ.

На другой день послѣдовала письменная резолюція: Перепелкина исключить и немедленно удалить изъ заведенія. Магистру Нобилеву оставить профессорскую должность и проситься смотрителемъ духовнаго училища въ К—въ.

III.

Въ іюнѣ Перепелкинъ собрался въ путь по направленію къ Петербургу. Подъ вечеръ 15-го числа, усталый, подходилъ онъ къ г. М. Его обогнала тройка взмыленныхъ лошадей и съ огромнѣйшей таратайки, въ которой сидѣло двое, раздался громовой окрикъ:

— Что за человѣкъ?

— Семинаристъ!—отвѣчалъ Перепелкинъ.

— Пашпортъ!—заревѣлъ усастый господинъ, колоссальныхъ размѣровъ, въ форменной одеждѣ.

Перепелкинъ быстро свернулъ съ дороги къ ракитамъ, чтобы снять съ плечъ сумку и достать билетъ, но въ это время форменный усачъ неистово заоралъ: «лови, держи бродягу!»

Высокій бѣлокурый молодой человѣкъ, спутникъ форменнаго господина, въ одинъ мигъ скрутилъ ему назадъ руки. Ведя его къ таратайкѣ, онъ ему шепнулъ:

— Ради Бога молчите, ни слова не говорите отъ себя безъ спроса, какъ будто въ ротъ воды набрали,—тогда все обойдется благополучно.

Усачъ разразился площадной бранью и, обдавъ Перепелкина спиртуознымъ запахомъ, поднялъ его одной рукой на таратайку и пихнулъ ногой въ передокъ, подъ сидѣнье кучера, котораго началъ угощать фухтелями въ загривокъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не разогналъ лошадей такъ, что потомъ ужъ и сдержать не могъ и чуть не вывалилъ всѣхъ при поворотѣ въ подгородную слободу. Перепелкина сильно трясло и колотило. Къ счастію, черезъ нѣсколько минутъ они уже были въ квартирѣ становаго.

— Запереть его на ночь въ холодную!—скомандовалъ усастый господинъ,—онъ же становой приставъ 2-го участка: завтра въ 8 часовъ къ допросу. Да смотрѣть, чтобъ не ушелъ!

Перепелкинъ, съ усталости, уснулъ, какъ убитый. На другой день онъ былъ разбуженъ какимъ-то равномѣрнымъ хлопаньемъ, похожимъ на то, какъ будто что-то, по близости къ нему, выколачивали. Онъ выглянулъ въ маленькое окошечко съ желѣзнымъ переплетомъ.

Шагахъ въ пятнадцати, наискосокъ отъ него, сидѣлъ на крыльцѣ становой, въ халатѣ, съ раскрытой, обросшей волосами грудью, внимательно читая какую-то бумагу и куря изъ длиннаго чубука.

Предъ нимъ кого-то наказывали розгами въ двѣ руки.

Наказаніе продолжалось долго, но наказываемый не проронилъ ни одного звука.

— Крѣпче его!—прикрикнулъ становой, не отрывая глазъ отъ бумаги.

Удары посыпались чаще и сильнѣе, но какъ-будто падали на бездушный предметъ: истязуемый ничѣмъ не заявлялъ о своихъ страданіяхъ.

Наконецъ, становой махнулъ рукой. Экзекуція прекратилась.

Съ земли поднялся красивый молодой мужичокъ, подобралъ свои порты и немедленно скрылся.

Изъ небольшой группы, стоявшей шагахъ въ двухъ вправо отъ становаго, выдѣлилась молоденькая лѣтъ 16—17, миловидная дѣвушка и повалилась въ ноги начальству.

— Я, баринъ, ваше благородіе, совсѣмъ не къ нимъ сказала:—наплевать! Вотъ-те Христосъ! Побей меня Богъ, коли къ нимъ.

— Врешь, ракалія!—сказало начальство совершенно спокойно и какъ-будто даже благодушно. Липа!Липа! позвать мнѣ барышню!—крикнулъ онъ, не отрывая глазъ отъ бумаги и все пыхтя изъ длиннаго чубука.

Явилась длинная и тонкая, какъ жердь, Липа, дочь его.

— Какъ тебѣ разсказывала Леля про нее?—спросилъ становой свою дочь, кивнувъ головой по направленію къ подсудимой.

— О, это—страшно дерзкая мерзавка!—затараторила Липа. Леля говоритъ—смотрю, идетъ съ должности мужъ. Я кричу, говоритъ:—Лизка, Лизка! скорѣй накрывай на столъ, баринъ идетъ! Она побѣжала на кухню. Вотъ ужъ мужъ пришелъ, раздѣлся и даже сѣлъ застолъ, а Лизки нѣтъ, какъ нѣтъ! Я на кухню, говоритъ Леля, да еще бѣгомъ черезъ весь дворъ. И что жъ вы думаете?—слышу, Лизка кричитъ, заигрывая съ кучеромъ:—А и пускай ждутъ! наплевать!—Это она кухаркѣ говоритъ, а та торопитъ ее нести кушанье.

Начальство, не отрывая глазъ отъ бумаги и продолжая курить, мотнуло головой.

Лизку схватили и повалили. Она взвизгнула. Засвистали розги, раздался пронзительный крикъ. Перепелкинъ заткнулъ уши и отошелъ отъ окна. Когда онъ опять подошелъ къ окну, Лизу вела мимо его помѣщенія какая-то старушонка, вся въ слезахъ. Наказанная, закрывъ лицо руками, едва-едва тащила ноги, истерически всхлипывая.

Начальство все такъ же спокойно читало бумагу и пыхтѣло изъ трубки.

Къ нему приблизился худой, мизерно одѣтый мужичокъ. На видъ ему было лѣтъ подъ 50.

— Ты что же, лодарь, недоимку не вносишь?—сказалъ становой опять таки совершенно спокойно и едва на мигъ оторвавъ глаза отъ бумаги, а ротъ—отъ чубука, и, не дожидаясь отвѣта, мотнулъ головой.

Мужичекъ спокойно и безпрекословно повалился на землю. Во все время экзекуціи не издалъ ни одного звука.

Затѣмъ оставались еще два субъекта несомнѣнно цыганской породы: безобразная, черная, какъ головешка, старуха издоровенный человѣчина, такого же цвѣта, въ плисовой поддевкѣ.

Что они говорили начальству, трудно было разобрать. Пока они объясняли дѣло и перекорялись между собой, становой, не перебивая ихъ, все смотрѣлъ въ бумагу и курилъ трубку.

Наконецъ, онъ всталъ, закатилъ двѣ оплеухи здоровенныя плисовой поддевкѣ, харкнулъ прямо въ лицо старухѣ и ушелъ, не сказавъ имъ ни слова.

Тѣмъ и кончился нелицепріятный судъ земской власти.

Перепелкинъ думалъ, что про него забыли, но вскорѣ къ нему вошелъ вчерашній его знакомецъ, скрутившій ему наканунѣ руки назадъ, и объявилъ, что онъ можетъ продолжать свой путь, такъ какъ арестъ его произошелъ по недоразумѣнію, или, лучше сказать, шепнулъ онъ на ухо и оглядываясь, потому что начальство было зѣло пьяно.

— Да вы зайдите-ка ко мнѣ,—крикнуло еще трезвое начальство проходившему мимо оконъ Перепелкину: мы васъ чайкомъ согрѣемъ послѣ холодной-то. Я, вѣдь, батенька, и самъ изъ голышниковъ,—продолжалъ онъ, съ раскатистымъ смѣхомъ,—ну, и покалякаемъ.

Перепелкинъ зашелъ.

— Вы какого же класса будете и куда пробираетесь?—спросилъ становой, усадивъ путника возлѣ себя на стулъ и приказавъ подать ему чаю.

— Те, те, те!—залепеталъ онъ, когда Перепелкинъ сказалъ, что идетъ въ Петербургъ для поступленія тамъ въ университетъ: это, батенька, еще журавли въ небѣ, а я вамъ дамъ сейчасъ, коли хотите, синицу въ руки, только не выпустите ее. Мой родной братъ Виталій ректоромъ въ N. академіи. Хотите поступить въ академію, братъ приметъ васъ по моему письму безъ всякихъ разговоровъ, а пожелаете въ университетъ, поможетъ вамъ другая особа, которая на-дняхъ ѣдетъ туда и которая Христомъ-Богомъ умоляла меня подыскать ей образованнаго человѣка, для сопровожденія ея въ пути въ качествѣ чтеца. Видите-ли, она давно больна глазами и ѣдетъ туда полѣчиться у извѣстнаго тамошняго профессора-окулиста. Одинъ семинаристъ и далъ, было, слово сопутствовать ей туда и оттуда, но вчера сообщилъ, что не можетъ ѣхать по непредвидѣннымъ домашнимъ обстоятельствамъ. Такъ вотъ, батенька мой, какой случай! Я и вамъ сдѣлаю добро, да и барынѣ-старушкѣ, очень мнѣ нужной, какъ нельзя лучше услужу. Сейчасъ послѣ завтрака и махнемъ туда. Эй, Липа! прикажи готовить завтракъ, да послать разсыльнаго за лошадьми!

Такъ распоряжался судьбой путника юноши усастый господинъ, и Перепелкинъ подумалъ, подумалъ да и принялъ безпрекословно его предложеніе.

— Сколько я могу судить,—сказалъ становой за завтракомъ Перепелкину,—вы такой же мечтатель, какъ и братъ мой Виталій. Онъ тоже

все возмущается разными неправдами людскими и все желалъ бы перестроить на свой ладъ. Я, батенька, о такихъ пустякахъ не думаю и вамъ не совѣтую, лучше будетъ.

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ: о такихъ вещахъ нельзя не думать,—замѣтилъ Перепелкинъ.

Становой опрокинулъ большую рюмку водки въ ротъ и, крякнувъ, продолжалъ.

— Почему не думать, но надо жить своимъ умомъ, а не книжнымъ. Это было правиломъ моего отца. Онъ былъ кремень, мать кроткая голубица. Я въ отца и, благодаря Бога, прозябаю: братъ же въ мать, и если бы не поступилъ въ монахи, то давно заклевали бы его куры.

— Моя должность собачья,—горячился онъ, осушая третью рюмку: рѣдко, кто просиживаетъ на такомъ мѣстѣ лѣтъ 5—6, а я, слава Богу, изворачиваюсь тутъ уже 15-й годъ. Вотъ взгляните-ка, какія кипы бумагъ лежатъ въ письмоводительской комнатѣ,—это все строжайшія предписанія немедленно разслѣдовать, разыскать, описать, взыскать, арестовать, донести, встрѣчать, провожать особъ, и не простыя предписанія, а съ угрозами, въ случаѣ неисполненія, строжайшихъ выговоровъ со внесеніемъ въ формуляръ, посылки нарочнаго на твой счетъ, преданія суду, удаленія отъ должности и проч. И понятно, всякій губернскій тузъ можетъ тебя упечь ни за что, ни про что, такъ что всякъ часъ будь на чеку.

Перепелкинъ хотѣлъ, было, что-то возразить, но бѣлокурый знакомецъ его—онъ же письмоводитель становаго,—дернулъ его за рукавъ.

— А какія бываютъ, батенька мой, оказіи!—заговорилъ онъ, придвигая къ себѣ графинъ съ водкой, отодвинутый отъ него подальше предусмотрительной Липой: вотъ теперь почти вся семья моя ушла пѣшкомъ на богомолье, и такъ третій годъ ужъ дѣлаетъ... и будетъ дѣлать всегда. Видите-ли, проѣзжала особа, графъ-ли, князь-ли, было велѣно встрѣчать и провожать. Два перегона сдѣлали благополучно; онъ исправника отпустилъ, на третьемъ и четверти версты не сдѣлали, одна пристяжная запнулась и оборвала постромку. Мнѣ бы скакать впередъ, а, я съ дуру, заслышавъ крикъ, назадъ бросился. Ямщики и самъ смотритель уже прибѣжали, суетятся и трясутся, какъ въ лихорадкѣ. Особа, съ пѣной у рта, ругаетъ всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ. «А ты, куда смотрѣлъ?»—вскинулся онъ на меня.

— Да я тутъ, ваше сіятельство, ни при чемъ,—осмѣлился я сказать.

— Молчать, болванъ!—завизжалъ онъ паскуднымъ голосомъ, грозясь на меня изъ экипажа кулакомъ.

— Ну, тутъ, видимо, Богъ меня спасъ. Становой набожно перекрестился. «Вѣрите-ли,—продолжалъ онъ,—я остервенился, какъ лютый звѣрь, и сдѣлалъ уже шагъ, чтобъ долбануть его по башкѣ вотъ этимъ,—

онъ сжалъ и разжалъ внушительныхъ размѣровъ длань,—вѣдь только мокренько бы стало, потому, гниль, плюгашъ, но вдругъ хлынула у меня кровь изъ носа, чего никогда у меня во всю жизнь не было. Ясно, Провидѣніе спасло меня и мою семью. Движеніе мое не было замѣчено.

Онъ опять набожно перекрестился и залпомъ выпилъ одну за другой двѣ рюмки, не смотря на всѣ нѣмые протесты со стороны Липы.

— Жена,—продолжалъ онъ, дала обѣтъ ежегодно пѣшкомъ ходить на богомолье; съ ней ходитъ и семья. Вотъ и теперь 5 дней, какъ они ушли къ угоднику Божію, верстъ за полтораста отсюда. Ну, вы теперь погуляйте хоть въ саду, а я маленько сосну, а тамъ и махнемъ.

Село Разбѣжное, куда, послѣ двухъ-часоваго отдыха, направились становой съ Перепелкинымъ, принадлежало богатой помѣщицѣ, вдовѣ генералъ-маіора Бланквиста, убитаго въ турецкую войну 1828 года. Оно было расположено на большой возвышенности, съ трехъ сторонъ окруженной лѣсомъ. Церковь, стоявшая на горѣ, видна была, какъ на ладони, съ большой дороги верстъ за двадцать.

— Вотъ туда мы ѣдемъ,—показалъ на церковь становой, приказавъ свернуть на проселочную дорогу и въ ту же минуту уснулъ.

День былъ солнечный. Видъ во всѣ стороны открывался широкій, но однообразный. Въ воздухѣ ни шелеста, ни звука. Перепелкинъ предался мечтамъ. Еще вчера, до арестованія его пьянымъ становымъ, положеніе его представлялось ему крайне непредвидѣннымъ и безотраднымъ; нынѣ же, повидимому, все должно измѣниться къ лучшему. По милости судьбы или слѣпаго случая, онъ стоитъ на распутьи двухъ дорогъ, изъ которыхъ выбирай любую. Университетъ давно соблазнялъ его, но не въ такой степени, чтобъ онъ теперь сразу отдалъ ему предпочтеніе предъ академіей. Съ одной стороны, отецъ его былъ сильно пораженъ и опечаленъ тѣмъ, что сыну его преграждена дорога въ академію, къ которой отецъ Савва питалъ благоговѣйное почтеніе, и съ поступленіемъ въ которую сына онъ соединялъ завѣтныя и самыя вожделѣнныя мечты; съ другой, и у самого Савоньки почему-то образовалось мнѣніе, что въ академіи преподаются науки основательнѣе, чѣмъ въ университетѣ.

— Что жъ мнѣ помѣшаетъ, по окончаніи курса въ академіи, выйти въ свѣтское званіе и вступить на педагогическое поприще, тѣмъ болѣе, что и академія не нашего района?—думалъ онъ.

На 7-й верстѣ проселка, въ селѣ Пружанахъ, перемѣнили лошадей и живо примчались въ Разбѣжное.

Домъ помѣщицы тоже стоялъ на горѣ, близъ церкви, въ великолѣпномъ паркѣ, спускавшемся до огромнаго пруда, прославленнаго на всю губернію крупными и необыкновенно вкусными карасями.

Становой объяснилъ Перепелкину, что помѣщица вдова бездѣтная и что при ней живутъ родная ея племянница, Клавдія Дмитріевна, дѣвица, круглая сирота, и родная сестра покойнаго мужа, фрейлейнъ Амалія Бланквистъ.

Всѣ онѣ были въ саду, куда и повелъ ихъ лакей. Онѣ шли навстрѣчу пріѣхавшимъ—хозяйка впереди съ большимъ зеленымъ зонтомъ надъ глазами. Когда становой отрекомендовалъ ей Перепелкина, какъ изъявившаго желаніе сопутствовать ей въ качествѣ чтеца, она поцѣловала въ лобъ земскую власть и тутъ же крикнула лакею:

— Скажи приказчику, чтобъ онъ сегодня же отправилъ Степану Ивановичу телку отъ холмогорки.

— Онъ, вѣдь,—выражаясь вульгарно,—хапуга у насъ,—обратилась она въ шутливомъ тонѣ къ Перепелкину—и ничего даромъ не сдѣлаетъ.

Степанъ Ивановичъ расшаркался и облобызалъ ручку благодѣтельницы безъ всякаго непріятнаго чувства.

— Мое положеніе безвыходное,—продолжала она:—безъ книгъ я обойтись не могу, а самой читать нельзя. Онѣ же вонъ,—указала она на спутницъ,—или смѣшатъ меня своимъ чтеніемъ, или приводятъ въ досаду. Вотъ и сейчасъ изъ-за смѣха не могли дочитать любопытнаго извѣстія о случившемся недавно на Окѣ несчастіи съ людьми. Одна читаетъ,—указывала она на фрейлейнъ Бланквистъ,—ледика опрокинюлась, а другая, племянница моя, Клодочка,—готка опгокинулась. Э л ь она выговариваетъ какъ г. Тутъ поневолѣ или расхохочешься, или разсердишься.

— Такъ у насъ всегда и бываетъ,—продолжала она опять черезъ минуту,—а потому не удивляйтесь, что за такой сюрпризъ, какъ привозъ мнѣ настоящаго лектора, я сейчасъ же подарила Степану Ивановичу, любезному нашему становому, прелестную телку, которою не дальше, какъ три дня тому назадъ, онъ такъ залюбовался, что, вопреки своей природѣ, званію и чину, пришелъ въ паѳосъ, объясняя мнѣ ея высокія достоинства.

Степанъ Ивановичъ раскатистымъ, хотя, замѣтно, сдержаннымъ хохотомъ поддерживалъ веселое настроеніе своей благодѣтельницы.

— У меня есть и серьезное чтеніе,—возобновила она разговоръ на эту же тему, послѣ того, какъ отдали приказаніе накрывать на столъ,—но Клодочка его не долюбливаетъ, а фрейлейнъ Амалія немилосердно коверкаетъ и перевираетъ слова. Это почти еще нетронутыя критическія статьи Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ запискахъ». Вы, вѣдь, конечно, знакомы съ ними?

— Да,—процѣдилъ сквозь зубы Перепелкинъ, раскраснѣвшись, потому что о Бѣлинскомъ онъ и не слыхивалъ, а «Отечественныхъ Записокъ» и въ рукахъ не держалъ.

— Я сказала: почти не тронутыя, потому что пробовали таки, но тутъ вышелъ смѣшной казусъ...

— Ахъ, ma tante, не газсказывайте!—заговорила, зардѣвшись, Клодочка и убѣжала.

— Видите-ли, на прошлой недѣлѣ гостили у насъ два новоиспеченныхъ прапорщика, закончившихъ первые четыре класса въ здѣшнемъ корпусѣ: двоюродный мой племянникъ и сынъ директора корпуса. Въ это же время пріѣхалъ рекомендованный мнѣ Степаномъ Ивановичемъ въ чтецы семинаристъ. Вотъ мы всѣ вечеромъ и усѣлись на террасѣ послушать его. Онъ бойко и толково прочелъ, къ общему нашему удовольствію, небольшой легкій разсказецъ изъ «Отечественныхъ записокъ». Замѣтивъ общій интересъ, я и подсунула ему статью Бѣлинскаго, котораго нашъ архіерей называетъ антихристомъ, за то, что онъ будто бы развѣнчалъ Державина, какъ выражается владыка. Семинаристъ, взглянувъ на статью, посмотрѣлъ на меня вопросительно, а на остальную публику съ какой-то недовѣрчивой улыбкой. Онъ откашлялся и началъ чтеніе, перемѣнивъ темпъ изъ скораго, какимъ былъ читанъ разсказъ, на медленно важный, торжественный, какъ будто совершалъ какое-то священнодѣйствіе, и надо отдать полную справедливость—читалъ необыкновенно хорошо. Я заслушалась. Но каково было мое удивленіе, когда, взглянувъ на другихъ, я увидѣла слѣдующую картину: Клодочка, прислонившись щечкой къ олеандрѣ, спитъ, какъ убитая; спитъ и сынъ директора, откинувши голову на спинку кресла; племянникъ же мой, пока еще борется со сномъ и-нѣтъ-нѣтъ-да и клюнетъ носомъ въ розы, которыя стояли предъ нимъ въ большой вазѣ. Амалія неизвѣстно когда выпорхнула отсюда незамѣтно. Я не могла не расхохотаться при видѣ такой сцены. Разсмѣялся и семинаристъ, замѣтивъ тихонько, что такія вещи и не по вкусу военнымъ.

— Да, у нихъ вкусъ другой,—замѣтилъ и Степанъ Ивановичъ, подойдя къ закускѣ и смакуя прекрасную англійскую водку, рекомендованную ему хозяйкой дома. Они не книжники, а люди практичные, продолжалъ онъ, постепенно оживляясь отъ сердечно излюбленной имъ влаги. Я, извольте видѣть, былъ приглашенъ къ нимъ какъ-то лѣтомъ въ лагерь, для производства слѣдствія по случаю скоропостижной смерти солдатика. Кончить дѣло въ одинъ день не успѣлъ и долженъ былъ тамъ заночевать. Мнѣ отвели помѣщеніе въ маленькомъ баракѣ. Я, не раздѣваясь, бросился на койку и тотчасъ же уснулъ, по обыкновенію. Проснувшись, слышу разговоръ какъ будто близко отъ меня, но никакъ не могу себѣ представить, гдѣ бы это могли быть тутъ люди, потому что весь мой баракъ сажени двѣ въ квадратѣ. Но помѣрѣ того, какъ я приходилъ въ себя, голоса становились слышнѣе и яснѣе, и голоса, несомнѣнно, ребячьи:

— Что пѣхотный полковой командиръ,—говорилъ одинъ.—Онъ развѣ лѣтъ въ двадцать наживетъ состояніе тысячи въ двѣ душъ крестьянъ.

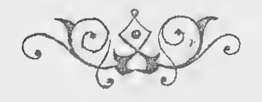
— Конечно,—отвѣчалъ другой,—не чета кавалерійскому, которому не трудно и въ десять лѣтъ сдѣлаться владѣльцемъ имѣнія тысячи въ три душъ. Или, вотъ, артиллеристы тоже... большія деньги наживаютъ. да и на большихъ еще деньгахъ всегда и женятся.

— Ну, нѣтъ, господа,—замѣчалъ третій. Ужъ если завидовать кому, такъ это инженерамъ: иному такъ посчастливится, что лѣтъ черезъ десять оставляетъ службу милліонеромъ, да еще увѣшанный орденами.

— Что говорить!—отвѣчалъ первый,—инженерамъ всегда и вездѣ лафа на казенныхъ постройкахъ, да, вѣдь, математики-то проклятой требуется много для того, чтобы кончить курсъ въ инженерномъ корпусѣ. Вотъ, вѣдь, что.

— И на эту тему они разсуждали почти до разсвѣта,—говорилъ становой. Утромъ я узналъ, что это были кадеты четвертаго класса, запоздавшіе изъ отпуска и заключенные на ночь въ карцеръ, который отдѣлялся отъ моего помѣщенія только двумя перегородками. Вотъ эти юнцы не вашему брату чета,—заключилъ онъ, съ укоризной обращаясь Перепелкину и бросая умильные взгляды изъ-за обѣденнаго стола на англійскую водку, оставшуюся на закусочномъ столѣ: вы, вѣдь, какъ заведете споры о разныхъ тонкостяхъ богословскихъ, философскихъ реторическихъ, грамматическихъ и проч., то просто затыкай уши, или бѣги вонъ. Шубы все-таки не сошьешь изъ этихъ тонкостей, да и сытъ не будешь!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Высочайшее разрѣшеніе Г. Р. Державину съѣздить на одинъ день въ Царское Село.

23-го декабря 1800 г.

Среди распоряженій императора Павла Петровича было и запрещеніе негласнаго въѣзда и выѣзда изъ столицы. Насколько широко это послѣднее повелѣніе распространялось, видно, между прочимъ, изъ приводимаго здѣсь письма Гавріила Романовича Державина къ генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову.

«Милостивый государь мой Петръ Хрисанфовичъ!»—писалъ Державинъ 21-го декабря 1800 г.—«За нужное съ моей стороны нахожу осмотрѣть подъ вѣдѣніемъ моимъ состоящую Царско-Сельскую бумагодѣлательную мельницу для заготовленія ассигнаціонныхъ листовъ: вслѣдствіе чего покорнѣйше прошу ваше превосходительство испросить мнѣ у государя императора высочайшее позволеніе съѣздить на одинъ день въ Царское Село. Пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію всегда вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга».

23-го декабря Обольяниновъ доложилъ его императорскому величеству о ходатайствѣ Державина и въ тотъ же день сообщилъ Гавріилу Романовичу о высочайшемъ дозволеніи однодневной отлучки.

Сообщ. Н. А. Мурзановъ.

Къ біографіи А. А. Фета (Шеншина).

Въ біографіи Аѳанасія Аѳанасьевича Фета разсказывается, что отецъ поэта, Аѳанасій Неофитовичъ Шеншинъ, во время своего пребыванія въ Германіи въ 1819 году, женился въ Дармштадтѣ на г-жѣ Шарлоттѣ Фетъ. Первымъ плодомъ этого брака былъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, который до 14-ти лѣтъ своего возраста и писался по отцу Шеншинымъ, но потомъ долго носилъ фамилію своей матери, такъ какъ обнаружилось, что лютеранское благословеніе на бракъ не имѣло у насъ законной силы, а православное вѣнчаніе было совершено послѣ его рожденія.

А. А. Фетъ въ «Раннихъ годахъ моей жизни» говоритъ, что родной братъ его матери, сынъ дармштадтскаго оберъ-кригсъ-коммиссара Карла Беккеръ, носилъ въ Россіи имя Эрнста Карловича, точно такъ же, какъ и мать до присоединенія къ православной церкви — Шарлоты Карловны.

Далѣе, въ главѣ X («Школьная жизнь»), Фетъ вспоминаетъ слѣдующій случай: «Однажды отецъ безъ дальнѣйшихъ объясненій написалъ мнѣ, что отнынѣ я долженъ носить фамилію Фетъ, при чемъ самое письмо ко мнѣ было адресовано: Аѳанасію Аѳанасьевичу Фету».

Прошло много лѣтъ. Высочайшимъ указомъ 26-го декабря 1873 г., Аѳанасію Аѳанасьевичу присвоена фамилія Шеншина, со всѣми связанными съ нею правами.

Возобновивъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ переписку съ товарищемъ-сослуживцемъ по орденскому кирасирскому полку Ксенофонтомъ Ѳедосѣевичемъ Гевеліоти[1]), А. А. писалъ: «Въ настоящую радост-

---

[1]) К. Ѳ. Гевеліоти происходилъ изъ дворянъ Таврической губ., родился 1823 г. Вступилъ въ службу въ кирасирскій военнаго ордена полкъ юнке-

ную для меня минуту.... не изумляйся, увидѣвъ незнакомую тебѣ подпись. Объясню въ двухъ словахъ. Жизнь моя самый сложный романъ, который, Богъ дастъ, сообщу хоть въ главныхъ чертахъ, но довольно въ настоящую минуту сказать, что я вынужденъ былъ съ университета носить чужое имя Фета, подъ которымъ пишу и печатаю и по сей день, а теперь мнѣ уже 6 лѣтъ возвращена по высочайшему повелѣнію моя настоящая фамилія Шеншинъ [1]).

Было ли имя Фетъ чужимъ Аѳанасію Аѳанасьевичу, родившемуся 23-го ноября 1820 года, т. е. при жизни мужа, неразведенной съ нимъ, Шарлотты Карловны, можно выяснить по приводимой ниже сего выпискѣ изъ письма г-на Беккеръ отъ 7-го октября 1820 года къ А. Н. Шеншину. Письмо это попало въ томъ году въ число перлюстрованныхъ московскимъ почтъ-директоромъ.

А. Григоровичъ.

Переводъ выписки изъ письма военнаго коммисара Беккера изъ Дармштадта отъ 7-го октября 1820 года къ предводителю дворянства А. Шеншину въ Мценскъ.

Письмо ваше и Шарлотты, любезной моей дочери, отъ 31-го сентября получилъ я въ воскресенье ввечеру, въ 10-мъ часу, 1-го октября. Они, такъ какъ и два письма къ Фету и г-жѣ Грейсъ, найдены Эрнстомъ въ незапертой вашей комнатѣ. Я долженъ сказать вамъ, что крайне жалѣю о такомъ поступкѣ вашемъ, который запрещаютъ законы божескіе и человѣческіе, а христіанская религія полагаетъ въ числѣ величайшихъ грѣховъ. Добрый и благородный человѣкъ, если онъ въ здравомъ разсудкѣ, не сдѣлалъ бы того. Вы увезли дочь мою и при томъ беременную. Не подлый-ли это поступокъ? Кто далъ вамъ право нарушать насильственнымъ образомъ существующія божескія

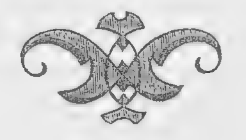
ромъ 16-го апрѣля 1842 г. и въ 1844 г. произведенъ въ корнеты; по прошенію уволенъ отъ службы 10-го февраля 1851 г. и скончался въ 1880 г. Съ поэтомъ его связывали товарищескія отношенія по службѣ въ полку. Фетъ принятъ въ кирасирскій военнаго ордена полкъ унтеръ-офицеромъ 21-го апрѣля 1845 года и въ 1853 г. въ чинѣ штабсъ-ротмистра прикомандированъ къ лейбъ-гвардіи уланскому его величества полку.

[1]) Письмо къ Коршу Аѳанасій Аѳанасьевичъ заканчиваетъ слѣдующимъ шуточнымъ четырехстишіемъ:

„Смущаюсь я не разъ одинъ,
Какъ мнѣ писать въ дѣлахъ текущихъ:
Я между плачущихъ - Шеншинъ,
И Фетъ я только средь поющихъ“.

распоряженія и семейственныя связи? Вы учинили сію чрезвычайную несправедливость противъ невинныхъ и добрыхъ людей, которые, свято уважая божескіе законы и семейственныя связи, не могли согласиться на ваше буйное и безстыдное желаніе разрушить оныя. Они полагали свое благополучіе не въ большомъ свѣтѣ между испорченными людьми, а въ маломъ кругу честныхъ членовъ семейства. Чѣмъ мы васъ оскорбили, что вы безъ всякой причины такъ жестоко нарушили счастіе нашей жизни? Мы приняли васъ какъ больнаго иностранца въ свой домъ съ искренностію и любовью и поступали какъ съ стариннымъ другомъ, не предполагая, что согрѣваемъ въ груди своей ядовитую змѣю, которая вмѣсто благодарности уязвитъ насъ жестоко и неизлѣчимо. Если вы вѣруете въ Бога, который наказываетъ за зло, то должны страшиться себя самого и трепетать, что не можете поправить зла, причиненнаго невиннымъ людямъ. Вы пишете ко мнѣ, что не смѣете извинять себя, а между тѣмъ просите моего благословенія на союзъ, не достойный этого. Чрезъ то показываете вы, что чувствуете великость и мерзость вашего поступка. Крайне жалкое положеніе доброй, бѣдной и любимой моей дочери Шарлотты заслуживаетъ, конечно, великихъ уваженій, которыя сохраняю я въ отеческомъ сердцѣ. Но вы, государь мой, что можете чувствовать къ ней, несчастной женщинѣ? Мы, напротивъ, сохранимъ навѣки къ ней чистѣйшую любовь и почтеніе за превосходныя ея качества, ибо вынужденное преступленіе не можетъ ихъ уничтожить однимъ ударомъ. Всѣ, знающіе съ малолѣтства сію и всѣми любимую женщину, утверждаютъ, что употребленіемъ ужаснѣйшихъ и непонятнѣйшихъ средствъ прельщенія лишена она разсудка и до того доведена, что безъ предварительнаго развода оставила своего обожаемаго мужа Фета и горячо любимое дитя, бросила престарѣлаго и больнаго отца своего, къ которому была привязана узами природы, любви и благодарности столько, что часто жертвовала своимъ здоровьемъ, сохраняя и услаждая жизнь его, наконецъ, покинула отцовскій домъ, мѣсто рожденія, для того, чтобъ ѣхать въ дальнія страны съ постороннимъ человѣкомъ, котораго знала она только нѣсколько мѣсяцевъ. Люди, наблюдавшіе за поступками вашими, называютъ васъ человѣкомъ распутнымъ, закоренѣлымъ въ порокахъ, обольстителемъ, нарушителемъ брачнаго союза и неблагодарнымъ. Если вы думаете, что не нужно вамъ согласія моего на бракъ съ Шарлоттою, если вы не исполните обѣщанія, мнѣ письменно даннаго, то не остается мнѣ инаго дѣлать, какъ принесть на васъ жалобу присутственнымъ мѣстамъ россійскаго государства съ пожертвованіемъ даже всего нашего имущества. Нашъ великій герцогъ охотно подкрѣпитъ нашу просьбу письмомъ своимъ къ императору Александру и къ матери его, вдовствующей императрицѣ, а принцесса Вельгельмина Луиза къ сестрѣ своей, императрицѣ Елиса-

ветѣ Алексѣевнѣ. Мы увѣрены, что россійское правительство не оставитъ безъ наказанія такой дерзости, въ чужихъ краяхъ учиненной, и для великой націи столь поносной. Не почтайте сего за безразсудную угрозу, а за обдуманное намѣреніе—единственное средство къ защитѣ и спасенію бѣдной моей дочери. Весь Дармштадтъ, всѣ члены двора знаютъ и почитаютъ мою Шарлотту, теперь столь несчастную, образцомъ добродѣтели и благочестія. Имъ всѣмъ извѣстно, что сія добрая дочь жертвовала всѣми удовольствіями молодости и даже здоровьемъ для бѣднаго отца своего, котораго прихоти сносила съ ангельскимъ терпѣніемъ. Вы обязаны сохраненіемъ своей жизни Шарлоттѣ и нашей къ ней любви. Въ противномъ случаѣ сидѣли-бъ вы теперь въ тюрьмѣ и размышляли-бъ о великости вашего преступленія. Богъ отвратилъ сіе, и какъ судите (?), сколь близко бываетъ справедливое наказаніе отъ дурныхъ дѣлъ и что если мѣра грѣховъ исполнится, то хитрости всей Азіи и всѣ крестьяне Орловской губерніи не могутъ защитить преступника отъ наказанія, особливо когда будетъ то угодно Богу. Ибо если онъ допускаетъ, что невинные оскорбляются, то вѣрно накажетъ и виновнаго. Но старайтесь понять сіе, ибо оно можетъ послужить къ будущей вашей пользѣ.

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

и ея переписка съ разными лицами.

IX [1]).

Переговоры между державами по поводу турецкихъ дѣлъ.—Мнѣніе Ливенъ объ этихъ переговорахъ.—Возвращеніе ея въ Парижъ.—Назначеніе Гизо министромъ иностранныхъ дѣлъ.—Намѣреніе англійской королевы посѣтить Францію.

Въ то время какъ княгиня Ливенъ пріѣхала въ Англію, политика англійскаго кабинета, руководимая Лордомъ Пальмерстономъ, была особенно враждебна Франціи, и между тѣмъ какъ министерство Тьера прилагало всевозможныя усилія къ тому, чтобы столкновеніе, возникшее между султаномъ и египетскимъ пашою, разрѣшилось мирнымъ путемъ, лордъ Пальмерстонъ, не желавшій, чтобы это произошло помимо него, принялъ рѣшительно сторону Махмуда. По его мнѣнію, Мехметъ-Али долженъ былъ прежде всего сложить оружіе и признать своего сюзерена. Къ его взгляду присоединились не только Австрія и Пруссія, но и Россія. Не желая поддержать правительство Людовика-Филиппа, императоръ Николай, не смотря на соперничество, издавна существовавшее между Россіей и Англіей въ восточномъ вопросѣ, принялъ сторону враждебную Франціи и согласился слѣдовать политикѣ Англіи. Русскому посланнику, Бруннову, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшему въ Лондонъ, было при-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г.

казано дѣйствовать въ этомъ вопросѣ согласно съ лордомъ Пальмерстономъ, который, убѣдившись окончательно въ томъ, что Франція не раздѣляетъ его взглядовъ, рѣшилъ обойтись безъ нея.

Переговоры, которые происходили въ Лондонѣ по поводу турецкихъ дѣлъ, держались въ величайшей тайнѣ; тѣмъ не менѣе Гизо догадывался о нихъ и предупредилъ свое правительство. Впрочемъ, онъ былъ далекъ отъ мысли, что державы заключатъ какое-либо соглашеніе безъ участія Франціи, и предполагалъ, что дипломаты, придя къ какому-либо соглашенію, сообщатъ ему объ этомъ и предложатъ присоединиться къ ихъ рѣшенію.

Тьеръ раздѣлялъ, въ этомъ случаѣ, заблужденіе посланника и также не допускалъ возможности соглашенія между Россіей и Англіей. Возлагая надежды на военныя силы паши и не допуская мысли, что Англія рѣшится поддержать требованія султана силою оружія, онъ былъ убѣжденъ, что султанъ подчинится всѣмъ послѣдствіямъ нанесеннаго ему пораженія.

Дворцовая революція, происшедшая въ это время въ Константинополѣ и повлекшая за собою паденіе великаго визиря Хозрева-паши, непримиримаго врага Мехмета-Али, давала надежду на скорое и миролюбивое рѣшеніе вопроса, какъ вдругъ въ дипломатическомъ мірѣ узнали, что въ іюлѣ (1839 г.) въ Лондонѣ была подписана конвенція, въ силу которой Англія, Россія, Австрія и Пруссія «обязались оказать Портѣ поддержку для того, чтобы побороть пашу и, въ случаѣ надобности, защитить отъ него Константинополь».

Извѣстіе о заключеніи конвенціи вызвало во Франціи страшное негодованіе, которое еще болѣе усилилось, когда англичане, въ исполненіе договора, бомбардировали Бейрейтъ, взяли Сенъ-Жанъ д'Акръ и нанесли египтянамъ пораженіе въ Сиріи.

Война между Англіей и Франціей казалась неизбѣжной.

Во время этихъ событій Ливенъ, какъ мы уже знаемъ, была въ Лондонѣ. Она видѣлась ежедневно съ Гизо. Не касаясь политики, Ливенъ описывала своей пріятельницѣ, г-жѣ Аппони [1]), только лондонскія удовольствія и развлеченія.

«Здѣсь всѣ страшно веселятся,—писала она въ исходѣ іюля 1839 г.,—и конца этому не предвидится. Говорятъ, будто засѣданія парламента продолжатся до 10-го августа. Я этого не выдержу и думаю переселиться на дачу Сутерланда, близъ Лондона, гдѣ я буду достаточно близко, чтобы люди мнѣ преданные могли навѣщать меня ежедневно.

«Я видѣла королеву нѣсколько разъ за обѣдомъ и на концертахъ.

---

[1]) Гр. Аппони былъ въ 1839 г. австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ и сынъ его былъ женихомъ дочери А. Бенкендорфа.

Она нравится мнѣ точно такъ же, какъ и ея разговоръ, простой, вполнѣ умѣстный, и приличный для двадцатилѣтней женщины и королевы.

«Въ сущности, я буду очень довольна вернуться въ Парижъ, такъ какъ, не смотря на все душевное удовлетвореніе, какое я здѣсь испытываю, лондонская жизнь слишкомъ утомительна, и это удовольствіе для меня не подходящее. Привычка поздно засиживаться, и жара много портятъ удовольствіе. Каждый день эти проклятые званые обѣды, которые начинаются въ половинѣ девятаго; это несносно. Я очень похудѣла, мнѣ нуженъ отдыхъ. На будущей недѣлѣ, кажется, будетъ меньше приглашеній, и я этимъ воспользуюсь чтобы отдохнуть.

«Парламентъ будетъ распущенъ 10—11-го августа, и я поѣду погостить къ лорду Грею вмѣстѣ съ Пальмерстонами, Кланрикедами и др. А тамъ увидимъ; далеко я не поѣду, но мнѣ необходимо быть за городомъ. Впрочемъ, я живу тутъ среди прекраснаго сада, между двумя парками и въ великолѣпнѣйшемъ дворцѣ. Это очаровательно. Я похожа на заколдованную царевну, такъ какъ живу въ этомъ домѣ совершенно одна. Я скучала о Парижѣ. Судя по газетамъ, тамъ происходитъ сильное броженіе умовъ. Я увѣрена, что вашъ мужъ вспоминаетъ меня и мою несчастную страсть къ событіямъ.

«Я была больна; я не поправилась до сихъ поръ, я лѣчусь, глотаю лѣкарства и поэтому не знаю никакихъ новостей. Я разсчитываю уѣхать въ началѣ будущаго мѣсяца».

Какъ мы видимъ, въ этихъ письмахъ не упоминается ни слова о кризисѣ, который переживалъ осенью 1839 года политическій міръ. Только въ одномъ письмѣ, отъ 1-го августа, княгиня писала:

«Здѣсь (въ Англіи), несомнѣнно, не желаютъ войны, во Франціи ея не боятся! Да хранитъ насъ отъ нея Господь!»

24-го августа, она присовокупляла:

«Политика, какою я ее вижу послѣднія шесть недѣль, ужасная вещь. Впрочемъ, здѣсь замѣчаются нѣкоторые признаки улучшившихся отношеній къ Франціи, по крайней мѣрѣ всѣ очень любезны съ посланникомъ, выражаютъ большое желаніе, чтобы былъ заключенъ миръ, словомъ, съ внѣшней стороны все обстоитъ благополучно, но я предполагаю, что это такъ только съ внѣшней стороны».

Княгиня, по обыкновенію, не ошибалась. Умы успокоивались. Австрія и Пруссія сожалѣли объ оскорбленіи, нанесенномъ Франціи, и выражали желаніе загладить его. Когда, въ началѣ сентября 1839 г. Ливенъ уѣхала изъ Лондона въ Англію, всѣ, повидимому, серьезно желали мира.

Тѣмъ не менѣе княгиня сильно тревожилась при мысли, что въ случаѣ войны, въ которой Россія была бы союзницей Англіи, она, какъ русская подданная, была бы вынуждена покинуть Францію.

12-го сентября послѣ бесѣды съ русскимъ посланникомъ Киселе-

вымъ и австрійскимъ посланникомъ, графомъ Аппони, которые посѣтили ее, Ливенъ писала Гизо изъ Парижа:

«Мои посланники не вѣрятъ въ возможность войны. Они очень сдержанны, очень спокойны; оба держатъ себя превосходно. По-прежнему очень хвалятъ короля и не жалуются на Тьера. Аппони говоритъ только, что онъ очень горячъ, и что если бы всѣ походили на него, то давно уже была бы война. Впрочемъ, онъ не приписываетъ ему желанія воевать. Словомъ, на словахъ все идетъ хорошо. Бульверъ [1]) страшно труситъ, и мнѣ кажется, что ему частенько приходится имѣть весьма бурныя объясненія. Онъ старается оправдать Напира [2]) и объяснить его поступки. Мои посланники откровеннѣе. Они говорятъ прямо, что это дѣло постыдное. Правда, они ненавидятъ лорда Пальмерстона».

24-го сентября Ливенъ, не увѣренная въ томъ, будетъ война или нѣтъ, все еще волновалась по поводу того, что ей пришлось бы, быть можетъ уѣхать изъ Парижа.

«Вы говорите,—писала она Гизо,—что кризисъ разрѣшится черезъ мѣсяцъ; что-то будетъ, Боже мой! Не подавайте мнѣ надежды, что мнѣ можно будетъ остаться въ Парижѣ или во Франціи. Это немыслимо. Я не могу быть единственной русской, которая останется въ непріязненной странѣ. Подумайте, какой ужасъ, если начнется война! А я считаю болѣе вѣроятнымъ, что она будетъ. Это будетъ естественный ходъ событій, созданный конвенціей и тѣмъ положеніемъ, которое приняла согласно съ этимъ Франція. Война, въ особенности, вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ Тьера. Если онъ не одержитъ нравственной побѣды, добившись измѣненія договора, то ему придется начать войну. Другаго выхода нѣтъ. Возможно-ли надѣяться на первое? Я этого не думаю. Дѣло зашло слишкомъ далеко, и вы [3]) высказали слишкомъ много угрозъ. А державы подумаютъ, что имъ выгоднѣе начать войну тотчасъ, такъ какъ въ настоящее время вы еще не готовы. Черезъ полгода вы были бы слишкомъ хорошо подготовлены. Это дѣло было ведено очень худо. Виноваты, отчасти обѣ стороны. Но дѣло не въ томъ.

«Между тѣмъ, можно-ли воевать изъ-за нѣсколькихъ пашалыковъ? Право, это было бы безуміемъ, но вѣдь люди безумны».

Гизо смотрѣлъ на дѣло спокойнѣе. Онъ не раздѣлялъ опасеній своего друга; не вѣрилъ въ возможность войны и высказывалъ въ своихъ письмахъ надежду на мирный исходъ столкновенія, хотя въ концѣ сентября положеніе дѣлъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ было еще чрезвычайно

---

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ.

[2]) Англійскій адмиралъ Напиръ, бомбардировалъ Бейрейтъ, не получивъ на это разрѣшенія своего правительства.

[3]) т. е. французское правительство.

натянуто, какъ видно изъ слѣдующаго его письма отъ 25-го сентября 1840 г.

«Вы видите какъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ стараются поссорить насъ, Тьера и меня. Личная вражда здѣсь усиливается. Всѣ убѣждены, что Тьеръ хочетъ войны. Я энергично отрицаю это. Но на этомъ настаиваютъ, скрывая подъ этимъ свое собственное упорство. Это создаетъ чрезвычайно опасное и щекотливое положеніе. Я говорю опасное, хотя въ сущности мой взглядъ не измѣнился. Я не вѣрю въ возможность войны и не желаю ея. По моему мнѣнію, она была бы нелѣпостью, какъ всякое безпричинное явленіе есть безсмыслица. Я же никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы Бейрейтъ или Дамаскъ были достаточнымъ поводомъ для войны».

Это письмо было однимъ изъ послѣднихъ, которыя Ливенъ получила отъ Гизо изъ Лондона. Въ тотъ моментъ когда онъ писалъ его, кабинетъ Тьера палъ подъ бременемъ ошибокъ, совершенныхъ первымъ министромъ во время кризиса, вызваннаго осложненіемъ дѣлъ на востокѣ; ему пришлось выйти въ отставку вслѣдствіе серьезнаго разногласія во мнѣніи съ королемъ, касательно вооруженій, которыя Людовикъ-Филиппъ считалъ достаточными, а Тьеръ хотѣлъ увеличить. Въ исходѣ октября кабинетъ подалъ въ отставку и Гизо, вызванный въ Парижъ, принялъ, въ министерствѣ Сульта, портфель иностранныхъ дѣлъ, съ твердымъ намѣреніемъ содѣйствовать энергично упроченію мира.

Возвращеніе Гизо въ Парижъ было большою радостью для княгини Ливенъ и еще болѣе скрѣпило узы, которыя ихъ связывали. Идя въ палату, возвращаясь оттуда и еще разъ вечеромъ Гизо заходилъ въ отель Талейранъ, отдыхалъ тамъ за пріятной бесѣдой или приказывалъ принести себѣ къ княгинѣ бумаги, требовавшія немедленнаго просмотра либо подписи.

Въ обществѣ этой женщины выдающагося ума, которая съ 1812 г. видѣла вблизи столькихъ людей, была свидѣтельницею столькихъ событій и обладала въ высокой степени тѣмъ «нѣчто», которое дается привычкою вращаться въ высшемъ свѣтѣ, Гизо-министръ находилъ то, что онъ, человѣкъ скромнаго происхожденія не имѣлъ въ своей семьѣ, то, что онъ, профессоръ и писатель, не встрѣтилъ въ книгахъ, что, какъ глава партіи, онъ не могъ пріобрѣсти въ парламентской борьбѣ. Онъ довершилъ въ ея обществѣ и въ ея салонѣ свое политическое воспитаніе. Поэтому можно думать, что Гизо, въ значительной степени былъ обязанъ своими отношеніями къ Ливенъ тѣмъ новымъ качествамъ, которыя сдѣлали, въ эту эпоху, изъ могучаго оратора искуснаго дипломата и безподобнаго редактора депешъ и дипломатическихъ писемъ.

Съ другой стороны, близость княгини къ Гизо и ихъ частыя свиданія создали Ливенъ, въ эту эпоху, въ Парижѣ, почти оффиціальное

положеніе, хотя королевская семья, повидимому, не особенно симпатизировала ей. Лордъ Мальмсбери замѣтилъ однажды, вечеромъ, когда онъ видѣлъ ее, въ интимномъ кругу въ Тюильри, гдѣ она сидѣла между королевой и сестрой короля, что онѣ обѣ относились къ ней довольно холодно и держали себя гораздо болѣе непринужденно, когда она уѣхала. Также точно держала себя съ нею королева Викторія, когда ей была представлена бывшая посланница.

Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что многіе считали Ливенъ опасной интриганкой, и молодая королева, точно такъ же какъ французскія принцессы, опасалась быть можетъ, что она истолкуетъ и передастъ, ихъ слова превратно.

Защитники княгини указываютъ на ея честное отношеніе къ ея двумъ знаменитымъ друзьямъ, лорду Грею и Гизо; таково же было, вѣроятно, мнѣніе короля Людовика-Филиппа, который, находя, что Ливенъ могла быть, въ случаѣ надобности, полезной и надежной посредницей, оказывалъ ей то вниманіе, къ которому ее давно пріучили.

Осенью 1843 г. Францію посѣтила королева Викторія. Это было одно изъ выдающихся событій царствованія Людовика-Филиппа и апогеемъ славы кабинета Гизо, который употребилъ все свое стараніе, чтобы загладить воспоминаніе о недоразумѣніяхъ, которыя возникли между Франціей и Англіей въ 1839—1840 гг.

Европа все еще относилась къ правительству Людовика-Филиппа недоброжелательно. Въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ продолжали смотрѣть на короля, какъ на похитителя престола, и выражали это тѣмъ или другимъ путемъ. Императоръ Николай показывалъ это при всякомъ удобномъ случаѣ. Король прусскій посѣтилъ Лондонъ, не заѣхавъ по пути въ Парижъ.

Франція могла разсчитывать только на одну Англію, да и то не знала, въ какой степени это возможно. Таковы были обстоятельства, при которыхъ молодая королева Викторія рѣшилась неожиданно посѣтить королевскую семью въ «Eu» [1]).

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ (1840 г.) она сообщила объ этомъ намѣреніи своимъ министрамъ, лорду Эбердину и сэру Роберту Пилю, которые одобрили его, но королева просила ихъ держать это въ тайнѣ, до конца парламентской сессіи, во избѣжаніе происковъ, которые могли бы помѣшать выполненію этого плана. Тайна была строго соблюдена, такъ что король Людовикъ-Филиппъ узналъ о намѣреніи королевы только въ исходѣ августа. Это извѣстіе преисполнило его радости.

Посѣщеніе англійской королевы вводило его, такъ сказать, въ семью

---

[1]) Главный городъ кантона Нижней Сены, въ 20 километрахъ отъ Діепа, съ красивымъ королевскимъ замкомъ.

европейскихъ державъ, и, хотя онъ не могъ разсчитывать, что ея примѣръ найдетъ послѣдователей, но онъ былъ увѣренъ, что это придастъ ему болѣе силы, значенія и вліянія.

Король поспѣшилъ сообщить это радостное извѣстіе Гизо, который отдыхалъ въ Val-Richer отъ утомленія только-что окончившейся парламентской сессіи.

26-го августа Людовикъ-Филиппъ писалъ ему: «совѣтую вамъ пріѣхать, самое позднее, въ четвергъ, чтобы мы могли условиться и хорошенько поговорить обо всемъ».

Въ этотъ моментъ княгиня Ливенъ жила въ окрестностяхъ Версаля, въ Босежурѣ, куда она переѣхала на лѣто. Тутъ она узнала о предстоявшемъ посѣщеніи королевы Викторіи. Понимая, насколько это событіе могло упрочить значеніе министерства, душою котораго былъ ея знаменитый другъ, она была внѣ себя отъ радости, и, пользуясь своими сношеніями съ дипломатами, аккредитованными при французскомъ дворѣ, спѣшила передать ему о впечатлѣніи, которое произвело на нихъ это извѣстіе.

Первое ихъ чувство была досада. За исключеніемъ Киселева, который находился съ княгиней Ливенъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ, дипломаты, почти всѣ, громко высказывали свое неудовольствіе.

Представитель Австріи, графъ Аппони, едва могъ скрыть свое недоброжелательство.

30-го августа Ливенъ заѣхала къ нему; онъ встрѣтилъ ее словами:

— Такъ она ѣдетъ сюда, эта маленькая королева! это капризъ маленькой дѣвочки! король не сдѣлалъ бы этого!

— Почему же, если бы ему захотѣлось это?—возразила задѣтая за живое княгиня Ливенъ.

— Онъ бы этого не захотѣлъ.

— Возможно. Тѣмъ не менѣе это крупное событіе, которое произведетъ вездѣ большое впечатлѣніе.

— Не думаю,—возразилъ австрійскій посланникъ. Всѣ скажутъ, что это капризъ ребенка.

— Капризъ, на который изъявили согласіе министры, а они не дѣти.

— Да, но они очень робки и дрожатъ передъ нею.

— Во всякомъ случаѣ, короля посѣтитъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ монарховъ Европы, и который обыкновенно никуда не передвигается. Это большой прецедентъ.

Графъ Аппони пожалъ плечами и замѣтилъ, смѣясь:

— Король жестоко ошибается, если онъ полагаетъ, что изъ-за этого

прочіе монархи измѣнятъ свое отношеніе къ нему. Ни одинъ изъ нихъ не пріѣдетъ.

— Но послѣ посѣщенія королевы король легче обойдется безъ этого. Однако, какъ это васъ волнуетъ,—продолжала Ливенъ. Правы были тѣ, кои мнѣ говорили, что господа дипломаты недовольны.

Графъ Аппони покраснѣлъ и постарался умалить впечатлѣніе, которое произвели его послѣднія слова.

— Не скажу, чтобы я былъ недоволенъ. Мы такъ хороши съ Англіей, мы такъ увѣрены въ ней, что мы будемъ очень довольны этимъ посѣщеніемъ.

«Какъ онъ глупъ,—писала Ливенъ, передавая Гизо этотъ разговоръ. Несомнѣнно, что Европа будетъ очень недовольна, и это доказываетъ, что всѣ безъ исключенія континентальныя державы относятся къ здѣшнему правительству недоброжелательно. Относитесь бережно къ Англіи, это вашъ лучшій козырь».

Отъ австрійскаго посланника Ливенъ заѣхала въ англійское посольство; тамъ настроеніе было совершенно иное.

«Я видѣла Коулея[1]) и его жену; они на седьмомъ небѣ. Въ письмахъ, полученныхъ изъ Лондона вчера, отъ Генри Грэвиля, говорится, что королева проведетъ въ «Еu» всего одинъ день и что она непремѣнно будетъ въ Парижѣ».

«По правдѣ сказать, чѣмъ больше я думаю объ этомъ событіи, тѣмъ болѣе нахожу, что оно имѣетъ огромное значеніе. Радуйтесь этому, но, смотрите, не возгордитесь. Примите какъ слѣдуетъ королеву, ухаживайте за принцемъ; не бойтесь пересолить».

Дѣлая визиты, Ливенъ посѣтила въ тотъ же день и бывшаго министра, графа Моле, который все еще не могъ помириться съ постигшей его неудачей и съ тѣми людьми, которые были виновниками его паденія. Къ числу ихъ принадлежалъ Гизо, поэтому княгиня ожидала, что онъ будетъ недоволенъ событіемъ, которое должно было упрочить положеніе его соперника. Этотъ разъ она ошиблась. Графъ Моле былъ патріотъ. Онъ считалъ это событіе благопріятнымъ для своего отечества и радовался ему.

«Я никого не застала у Моле,—писала Ливенъ Гизо. Сначала мы говорили о томъ, о семъ. Я твердо рѣшила не заговаривать объ англійской королевѣ, чтобы посмотрѣть, хватитъ-ли у него безтактности не упомянуть о единственной вещи, которая болѣе всего занимала его. Наконецъ, я упомянула о герцогѣ д'Оссуна, съ которымъ я только-что видѣлась передъ тѣмъ. Моле спросилъ меня, говорилъ-ли онъ мнѣ о путешествіи королевы.

---

[1]) Cowley—англійскій посланникъ въ Парижѣ.

Я отвѣчала «нѣтъ», это была истинная правда; тогда онъ сказалъ мнѣ:

— Что касается меня, то я въ восторгѣ отъ этого путешествія, это превосходно. И я радуюсь этому событію вдвойнѣ, потому что это злитъ нѣкоторыхъ людей. Это даже очень смѣшно.

— Какъ? про кого вы говорите?

— О, во-первыхъ, Сенъ-Жерменское предмѣстье. Они готовы лопнуть съ досады; объ этомъ негодуютъ на всѣхъ языкахъ. Вчера, на вечерѣ у Аппони, это было неподражаемо. Бѣдные дипломаты! когда я говорилъ кому-либо изъ нихъ (а я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать каждому): «говорятъ, что къ намъ ѣдетъ англійская королева?»—мнѣ отвѣчали: «Читали вы статью въ «National»?

— Нѣтъ, я его никогда не читаю.

«Это великое событіе»,—вотъ единственно, что я могъ добиться отъ отъ нихъ, и они склоняли голову съ виноватымъ видомъ. По правдѣ сказать, это слишкомъ откровенно; всѣ говорили на одинъ ладъ. Очевидно, это пораженіе, но они выказываютъ это слишкомъ явно.

— Помните, графъ, что вы сказали мнѣ по секрету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Вы сказали: дипломатическій корпусъ глупъ.

— О да, это правда! Ну, такъ я скажу вамъ, что единственный порядочный человѣкъ у Аппони былъ герцогъ Ноальскій. Онъ сказалъ мнѣ: «это очень важное событіе, это утвердитъ династію, и я понимаю, что король и всѣ тѣ, кто ему преданъ, гордятся и радуются этому».

Между тѣмъ, Ливенъ узнала, что русскій посланникъ, Киселевъ, котораго она считала единомысленнымъ съ нею, не отставалъ отъ своихъ коллегъ по дипломатическому корпусу, и когда одинъ изъ нихъ предложилъ пари, что королева въ послѣдній моментъ одумается и не пріѣдетъ въ Англію, то Киселевъ имѣлъ неосторожность присоединиться къ этому мнѣнію. Узнавъ объ этомъ, Ливенъ тотчасъ пригласила его заѣхать къ ней, чтобы дать ему понять, что онъ поступилъ неосторожно.

«Киселевъ заѣзжалъ вчера ко мнѣ въ Босежуръ, передъ моимъ отъѣздомъ,—писала она Гизо. Мнѣ хотѣлось сказать ему, что дипломатическій корпусъ ведетъ себя глупо, и дать ему, такимъ образомъ, понять, что ему слѣдовало бы говорить и поступать иначе. Онъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ держалъ пари, о чемъ онъ искренно сожалѣетъ. Я успокоила его и сказала, что на это не обратятъ вниманія. Но ему слѣдуетъ быть осторожнѣе въ словахъ.

«Онъ утверждаетъ, и я ему вѣрю, что, говоря о путешествіи королевы, онъ всѣмъ говоритъ: что «это очень большое событіе», и когда ему возражаютъ, что это «капризъ дѣвочки», то онъ отвѣчаетъ: «маленькая дѣвочка, которая царствуетъ и является въ сопровожденіи

своихъ линейныхъ судовъ и министровъ—это уже правительство, это сама Англія». Я похвалила его и совѣтовала ему продолжать въ томъ же духѣ. Я серьезно хотѣла оказать услугу Киселеву и увѣрена, что мнѣ удастся это сдѣлать, доказывая, что всѣ его коллеги дураки».

X.

Приготовленіе короля Людовика-Филиппа къ принятію англійской королевы.—Пріѣздъ ея.—Переписка Ливенъ съ императрицей.—Ея политическое положеніе.—Переворотъ во Франціи.—Императоръ Наполеонъ III.—Послѣдніе годы жизни княгини Ливенъ.—Ея кончина и характеристика.

Между тѣмъ въ «Eu», подъ личнымъ надзоромъ короля, шли дѣятельныя приготовленія къ пріему высокихъ посѣтителей, которому хотѣли придать блескъ, достойный французской короны.

Людовикъ-Филиппъ,съ которымъ жили въ «Eu» королева и его дочери, принцесса Луиза, бывшая въ замужествѣ за королемъ бельгійскимъ, и Клементина за принцемъ Августомъ Кобургскимъ, поспѣшилъ вызвать своихъ сыновей: герцога Омальскаго, принца Жуанвильскаго и герцога Монпансье.

Отсутствовалъ одинъ только герцогъ Немурскій, командовавшій въ то время войсками въ Бретани, гдѣ происходили большіе маневры, которые король не счелъ возможнымъ прерывать.

Людовикъ лично слѣдилъ за всѣмъ, приказалъ прислать изъ Парижа пушки и инвалидовъ, кои должны были состоять при нихъ, «столовое серебро и фарфоровую посуду».

За неимѣніемъ достаточнаго помѣщенія, онъ велѣлъ построить въ зàмковомъ паркѣ деревянные бараки, въ которыхъ было поставлено до шестидесяти кроватей, присланныхъ изъ Нейли.

— Это будетъ въ родѣ того лагеря, который взялъ Абдель-Каберъ [1],—говорилъ король.

«Я только-что ушелъ отъ короля,—писалъ Гизо 31-го августа. Онъ водилъ меня по лагерю, отъ котораго онъ въ восторгѣ, какъ будто это дѣйствительно лагерь Абдель-Кабера и какъ будто онъ взялъ его самъ. Онъ чрезвычайно моложавъ, вполнѣ доволенъ предстоящимъ событіемъ, въ восторгѣ отъ того, что онъ можетъ хорошо устроить и показать свой дворецъ и дѣйствовать въ интересахъ своего престола. Онъ предполагаетъ имѣть продолжительный и вполнѣ откровенный разговоръ съ

---

[1]) Абдель-Каберъ, князь кабиловъ, долго боролся съ французами и въ 1847 г. сдался Ламорисьеру и герцогу Омальскому.

лордомъ Эбердиномъ. Само собою разумѣется, съ королевой онъ не скажетъ ни слова о политикѣ, если она сама къ тому его не вызоветъ.

«Королева будетъ здѣсь въ субботу, конечно, если позволятъ вѣтеръ и погода, которые въ настоящую минуту превосходны.

«Содѣйствіе небесъ необходимо, такъ какъ въ здѣшнюю гавань нельзя войти, когда захочешь.

«Принцъ Жуанвильскій отправился вчера въ Шербургъ, гдѣ онъ будетъ ожидать королеву, которая пріѣдетъ завтра днемъ, и остановится только для того, чтобы осмотрѣть гавань и взять лоцмана.

«Здѣсь всѣ убѣждены, что она не поѣдетъ въ Парижъ. Думаютъ, что она проведетъ здѣсь три дня. Въ первый день будетъ большой завтракъ въ лѣсу; на другой день спектакль.

«Большая коляска, въ которой король повезетъ королеву изъ гавани, очень хороша и отдѣлана съ большимъ вкусомъ. Въ ней есть мѣсто для обѣихъ королевскихъ семей, въ полномъ составѣ.

«Королева помѣстится въ нижнемъ этажѣ, въ покояхъ бельгійской королевской четы, гдѣ масса любопытныхъ портретовъ. Въ ея комнату ставятъ очень большую англійскую кровать.

«Ковры сняты. Король спрашивалъ меня, слѣдуетъ-ли, по моему мнѣнію, положить ихъ. «Я отвѣчалъ отрицательно. Теперь тепло, и къ тому же паркетъ очень хорошъ, несравненно лучше англійскаго паркета.

«Завтра пріѣзжаютъ герцогъ Омальскій и герцогъ Монпансье, которые помѣстятся въ баракахъ. Герцогъ Немурскій не возвратится изъ Бретани. Король нашелъ неудобнымъ отозвать его изъ лагеря, оставивъ десять тысячъ солдатъ въ ожиданіи и праздности, и вызвавъ этимъ неудовольствіе всего населенія. По-моему, онъ поступилъ правильно.

«Королеву сопровождаютъ лэди Каннингъ и миссъ Лидсъ. Лордъ Эбердинъ помѣстится въ тѣхъ комнатахъ, которыя я занимаю обыкновенно. Мнѣ отведено рядомъ съ нимъ болѣе маленькое и простое, но вполнѣ достаточное помѣщеніе. Городъ переполненъ пріѣзжими; въ особенности наѣхало много англичанъ изъ Діеппа, Гавра и Булона, даже изъ Саугамптона и Брайтона.

«Маленькій кабинетикъ, гдѣ есть мѣсто только, чтобы поставить кровать и стулъ, отдается за 25 франковъ въ день. Королю пришлось нанять въ городѣ сорокъ комнатъ.

«Между тѣмъ, приблизительно все уже готово, и если бы королева пріѣхала завтра, то ее могли бы принять вполнѣ приличнымъ образомъ.

«Изъ Лондона выписали «God save the queen» [1]), и полковая му-

[1]) Англійскій національный гимнъ.

*

зыка разучиваетъ его, а также саксонскій маршъ принца Альберта.

«Поѣдетъ-ли королева въ Парижъ? Вотъ вопросъ, — писалъ Гизо 1-го сентября. Этого никто не знаетъ.

«Себастіани, пріѣхавшій вчера изъ Лондона, говоритъ утвердительно. Королева Бельгійская упорно отрицаетъ это. Во всякомъ случаѣ, король предложитъ ей поѣхать и будетъ настаивать на этомъ. Мы рѣшили это съ нимъ сообща. Но мы дрожимъ при этой мысли. Крики уличныхъ мальчишекъ, выстрѣлъ какого-нибудь негодяя — все возможно въ наше время. Говоря объ этомъ вчера, мы пришли съ королемъ, въ концѣ концовъ, въ большое смущеніе, но все-таки остались при прежнемъ рѣшеніи.

«Надобно предложить поѣздку и настаивать на ней приличнымъ образомъ. Если она не пожелаетъ ѣхать, отлично; если пожелаетъ, то мы сдѣлаемъ видъ, какъ будто ничего не боимся, и все будетъ хорошо.

«Если она выразитъ желаніе быть въ Парижѣ, король предложитъ ей помѣститься въ Тюильри, или въ Сенъ-Клу, по ея выбору.

«Въ Тюильри ей можно будетъ отвести покои герцогини Немурской и смежныя съ ними—королевы Бельгійской. Это будетъ прекрасно. Но Сенъ-Клу лучше, красивѣе, веселѣе и надежнѣе. Какъ она захочетъ.

«Я въ восторгѣ, что она пріѣдетъ, но буду очень счастливъ, когда она уѣдетъ.

«Королева очень любезна, такъ какъ очень хочетъ быть любезной. Она сказала принцамъ, что она давно уже рѣшила вступить прежде всего на французское судно и посѣтить первымъ королевскій дворецъ.

«Короля и его приближенныхъ волнуетъ еще одинъ вопросъ: выѣдетъ-ли король въ море навстрѣчу королевѣ. Онъ хочетъ выѣхать на рейдъ и, по-моему, вполнѣ правъ. Окружающіе сильно возстаютъ противъ этого и просятъ меня воспротивиться этому. Вчера меня умоляла о томъ Бельгійская королева. Всѣ боятся какой-нибудь случайности. Входъ въ гавань здѣсь труденъ и возможенъ не во всякое время дня. Можетъ случиться, что король съ королевой Викторіей не будутъ въ состояніи войти въ гавань. Это можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ. Тѣмъ не менѣе, я вполнѣ согласенъ съ королемъ. Хорошо быть осторожнымъ и бояться насмѣшить людей, но если всего бояться, то ничего нельзя дѣлать.

«Королева Бельгійская настаиваетъ на томъ, чтобы королеву не уговаривали ѣхать въ Парижъ. Ей хотѣлось бы побывать тамъ, но это невозможно. Она обѣщала не удаляться отъ берега. Если бы она по-

ѣхала далѣе, вглубь страны, то въ Англіи сочли бы нужнымъ назначить регентство».

Въ томъ же письмѣ Гизо описываетъ подробно помѣщеніе, приготовленное для августѣйшихъ посѣтителей.

«Комнаты, приготовленныя для королевы, убраны хорошо: въ залѣ прекрасной работы мебель, обитая розовой матеріей съ цвѣтами. Для принца Альберта хорошій кабинетъ съ обтянутой пунцовымъ бархатомъ мебелью. Спальня, не помню какого именно цвѣта,—большая и заставлена мебелью. Въ ней стоитъ, противъ камина, огромная желтая кровать.

«Во всѣхъ комнатахъ множество портретовъ. Напротивъ кровати королевы, вправо отъ камина, портретъ отца императора Наполеона и Лафайета. Налѣво—три принца Бурбонскаго дома. За спальней королевы ея кабинетъ, небольшой, но хорошенькій. Много разныхъ мелочей, придающихъ уютность, и о которыхъ король позаботился самъ. Вчера онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва по поводу того, что дверные замки плохо прилажены.

«Какъ только завидятъ флотилію королевы, будетъ сдѣлано три пушечныхъ выстрѣла. Мы облачимся въ мундиры, сядемъ въ экипажи а когда вернемся, т. е. въ которомъ часу, одному Богу извѣстно.

«Въ Лондонѣ дипломатическій корпусъ также не хотѣлъ вѣрить въ то, что королева поѣдетъ во Францію. Тамъ также держали пари; Брунновъ—такъ же точно, какъ Киселевъ».

Насколько мы знаемъ княгиню Ливенъ, не подлежитъ сомнѣнію, что эти разсказы должны были живо интересовать ее. Они давали ей, кромѣ того, пищу для ея бесѣдъ и для корреспонденціи, которую она поддерживала со многими членами дипломатическаго корпуса. Но одна маленькая подробность, сообщенная Гизо, повергла ее въ отчаяніе.

Онъ писалъ ей о намѣреніи Людовика встрѣтить королеву Викторію въ морѣ.

Узнавъ объ этомъ, Ливенъ была страшно взволнована и убѣждала его отговорить отъ этого короля, такъ какъ это могло угрожать опасностью и королю, и ея другу.

«Прошу васъ»,—умоляла она его въ письмѣ отъ 2-го сентября,—«не оказывать никакихъ любезностей на морѣ. Отговорите короля выѣзжать ей навстрѣчу.

«Тамъ, гдѣ есть малѣйшая вѣроятность подвергнуться большой бѣдѣ, рисковать не слѣдуетъ. Пусть король остается на берегу, и главное, чтобы вы не выѣзжали въ море. Ваше письмо бросило меня въ дрожь. Послѣдуйте моему совѣту. Если королева еще не пріѣдетъ, когда

вы прочтете эти строки, послѣдуйте моему совѣту: умоляю васъ, послушайтесь меня!»

Когда этотъ совѣтъ былъ полученъ Гизо, королева Викторія уже прибыла въ «Eu».

Вечеромъ 2-го сентября Гизо писалъ Ливенъ:

«Сейчасъ вернулся въ свою комнату. Вамъ первой сообщаю видѣнное. Въ четверть шестаго выстрѣлы изъ пушекъ возвѣстили намъ о приближеніи королевы. Въ три четверти шестаго король, принцы, лордъ Коулэй, адмиралъ Маккау и я сѣли въ королевскую шлюпку, чтобы ѣхать навстрѣчу королевѣ. Мы отъѣхали отъ берега съ полмили. Море и небо были великолѣпны, берегъ былъ усѣянъ всѣмъ окрестнымъ населеніемъ. Наши шесть парусныхъ судовъ были разукрашены флагами. Французы и англичане привѣтствовали другъ друга весело и шумно. Грохотъ орудій едва покрывалъ крики матросовъ.

«Мы причалили къ яхтѣ. Взошли на нее. Король былъ взволнованъ, королева также, онъ обнялъ ее. Она сказала мнѣ:

— Мнѣ весьма пріятно встрѣтить васъ тутъ.

«Она сошла въ королевскую шлюпку вмѣстѣ съ принцемъ Альбертомъ. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ берегу, крики толпы и грохотъ орудій усиливались. Королева сошла на берегъ съ такимъ сіяющимъ лицомъ, какого я никогда не видалъ; на ея лицѣ выражалось смущеніе, нѣкоторое удивленіе, и въ особенности большое удовольствіе, по поводу оказаннаго ей пріема.

«Въ королевской палаткѣ было много объятій и рукопожатій. Затѣмъ всѣ сѣли въ коляски и двинулись въ путь. Кричали столько же: «да здравствуетъ англійская королева», сколько: «да здравствуетъ король!» Все было какъ слѣдуетъ, только одни изъ воротъ парка, черезъ которыя король хотѣлъ въѣхать, оказались слишкомъ узки для осьмерки лошадей. Пришлось проѣхать чрезъ главныя ворота и нѣсколько сократить путь.

«Когда пріѣхали во дворецъ, войска, выстроенныя во дворѣ, сдѣлали на караулъ. Вся англійская свита очень, очень довольна. Мы сѣли за столъ четверть девятаго и только сейчасъ разошлись.

«Я говорилъ прежде всего съ лордомъ Эбердиномъ.

— Прошу васъ,—сказалъ онъ,—принять это за вѣрный признакъ нашей политики и по дѣламъ съ Испаніей, и по всѣмъ прочимъ дѣламъ.

«Мы коснулись всѣхъ вопросовъ и рѣшили, что мы обсудимъ ихъ основательно вмѣстѣ. Я, съ своей стороны, буду дѣйствовать открыто и полагаю, что онъ будетъ дѣйствовать также. Брунновъ и Нейманъ [1])

---

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ Австріи.

чуть не сдѣлали ему оффиціальный выговоръ по поводу этого путешествія. Онъ немного разсерженъ и подсмѣивается надъ ними.

«Въ Парижъ королева не поѣдетъ. Она пробудетъ здѣсь до четверга. Въ четвергъ, 7-го, въ два часа, она должна быть въ Брейтонѣ. Завтра отдыхъ.

«Въ понедѣльникъ прогулка и завтракъ въ лѣсу, во вторникъ концертъ, въ среду спектакль.

«Эбердинъ бесѣдовалъ вчера съ королемъ,—сообщалъ Гизо 4-го сентября,—т. е. король говорилъ съ нимъ цѣлый часъ. Эбердинъ былъ очень, очень пораженъ имъ, его умомъ, обиліемъ его мыслей, твердостью сужденій, легкостью и живостью его рѣчи.

«Когда онъ вышелъ отъ короля, мы сѣли съ нимъ въ коляску. Эбердинъ видимо былъ чрезвычайно озабоченъ; быть можетъ, нѣсколько смущенъ, какъ человѣкъ, которому нужно опомниться, прійти въ себя отъ быстрой ходьбы по полямъ и лѣсамъ.

— Король говорилъ со мною весьма серьезно,—сказалъ онъ.

«И этому можно повѣрить, такъ какъ, возвратясь съ прогулки, я нашелъ короля также сильно озабоченнымъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ на Эбердина. Когда я вернулся, онъ тотчасъ позвалъ меня къ себѣ, чтобы спросить о томъ».

Ливенъ въ своихъ письмахъ обсуждала со своимъ другомъ текущія событія и съ удивительнымъ пониманіемъ французскихъ интересовъ давала ему совѣты. Она прекрасно понимала, что Франціи нечего было ожидать отъ Россіи, и что императоръ Николай никогда не будетъ доброжелателенъ къ «похитителю престола», царствовавшему во Франціи.

Поэтому она была всецѣло за союзъ Франціи съ Англіей и всѣми силами защищала Тюильрійскій кабинетъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ руководилъ Гизо. Она не могла ничего сдѣлать, чтобы измѣнить недоброжелательство Петербурга, и только старалась вліять на русскаго посланника въ Парижѣ, чтобы уменьшить послѣдствія его недоброжелательнаго отношенія, которое приводило ее въ отчаяніе. Также точно она старалась повліять на Австрію и Пруссію.

Однажды ее посѣтили австрійскій посланникъ, графъ Аппони, и прусскій посланникъ, графъ Арнимъ.

«Они пріѣхали рано,—писала она Гизо;—я была въ лѣсу съ Погенполемъ, который сопровождаетъ меня обыкновенно на прогулку и обѣдаетъ со мною. Мы еще успѣли поболтать до обѣда. Аппони безподобенъ. Онъ говоритъ:

— Теперь уже нельзя будетъ сказать, что это былъ капризъ маленькой дѣвочки, такъ какъ она не пріѣдетъ въ Парижъ.

«А самъ же говорилъ это, три дня тому назадъ.

«Они узнали, что королева не поѣдетъ въ Парижъ отъ меня, такъ какъ въ городѣ ее еще ожидаютъ.

«Оба посланника сказали мнѣ:

— Это еще болѣе лестно, такъ какъ этимъ оказано вниманіе королю лично.

«Словомъ, они совершенно измѣнили тонъ».

Въ описываемую эпоху княгиня Ливенъ, повидимому, позабыла всѣ причины неудовольствія, которыя она имѣла противъ императора Николая и, хотя изъ ея переписки не видно, какая была причина совершившейся перемѣны, но несомнѣнно, что, начиная съ 1843 г., она состояла корреспондентшей русскаго двора и сообщала императрицѣ всѣ новости политическаго характера, какія ей удавалось получить, препровождая ихъ въ письмахъ на имя графини Нессельроде; императрица за завтракомъ передавала ихъ своему августѣйшему супругу, который, прослушавъ письмо, нерѣдко уносилъ его съ собою, чтобы перечитать еще разъ и воспользоваться сообщенными въ немъ свѣдѣніями.

О сношеніяхъ княгини съ ея дворомъ въ Парижѣ было извѣстно правительству и дипломатическому корпусу. Она не скрывала этой переписки, напротивъ, она умышленно говорила о ней, дѣлала это открыто, стараясь показать, что она не заслуживала названія шпіонки, которое ей давали ея недоброжелатели.

«Она хотѣла, чтобы ея салонъ, въ которомъ первое мѣсто принадлежало, разумѣется, Гизо, былъ открытъ для иностранныхъ и французскихъ политическихъ дѣятелей, находившихся въ Парижѣ постоянно или проѣздомъ, которые могли сообщить ей какія-либо новости дня, безъ которыхъ она не могла обойтись». Герцогъ де-Брогли, который дѣлаетъ это замѣчаніе [1]), присовокупляетъ: «Не смотря на благоволеніе, коимъ она меня удостоивала, разговоръ со мною казался ей интереснѣе въ тѣ дни, когда я видался съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и могъ сообщить ей какія-либо новости, которыя она не могла получить инымъ путемъ».

Такимъ образомъ объясняется вліяніе, которое она имѣла во Франціи со времени своего сближенія съ Гизо. Во время іюльской монархіи она была рѣшительной сторонницей англо-французскаго союза. Ей было извѣстно недовѣріе, которое императоръ Николай питалъ къ Людовику-Филиппу. Она знала, что его предубѣжденіе не удастся побѣдить, и чтобы Франція не пострадала отъ этого, она склоняла ее къ союзу съ Англіей.

Со временемъ, когда Людовикъ-Филиппъ лишился престола, и императоромъ сталъ Наполеонъ III, она измѣнила тактику. Въ 1852 г. она

[1]) Въ своемъ сочиненіи: „Un bienfait de la monarchie“.

старалась сблизить Петербургскій кабинетъ съ Парижскимъ и была искренне огорчена, понявъ, что всѣ ея старанія въ этомъ отношеніи были безплодны и что ей приходилось отказаться отъ своей мечты.

Но въ 1844 году, при министерствѣ Гизо, она старалась, съ одной стороны, дѣйствовать въ интересахъ своего отечества, съ другой употребила все свое вліяніе, которое она еще сохранила на государственныхъ дѣятелей Англіи, чтобы доказать имъ необходимость жить въ дружескомъ отношеніи съ Франціей, и такимъ образомъ она содѣйствовала дѣлу мира.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же, 1844 года, императоръ Николай посѣтилъ Англію. Страстно желая знать всѣ подробности этой поѣздки, княгиня просила своихъ лондонскихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ сообщить ей всѣ малѣйшія подробности, которыя она передавала, по мѣрѣ ихъ полученія, Гизо, Баранту и другимъ лицамъ, не забывая сообщить ихъ и императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ числѣ ея корреспондентовъ былъ первый министръ Англіи, лордъ Эбердинъ. Она была въ восторгѣ, когда услышала отъ него и могла передать всѣмъ и каждому, что «посѣщеніе императоромъ Лондона удалось какъ нельзя лучше, что всѣ классы общества были въ восторгѣ отъ него и что онъ человѣкъ замѣчательный».

Передавая эти отзывы своимъ французскимъ знакомымъ, Ливенъ особенно подчеркивала слѣдующую многознаменательную фразу лорда Эбердина: «Нашимъ парижскимъ друзьямъ нѣтъ повода сожалѣть объ этомъ посѣщеніи, такъ какъ, мнѣ думается, оно принесетъ пользу всѣмъ намъ».

Въ эту эпоху лордъ Эбердинъ былъ для княгини надежнымъ другомъ и драгоцѣннымъ корреспондентомъ. Въ началѣ ихъ знакомства, въ 1833 г., она отзывалась о немъ иначе. Она находила, что его взгляды «низки и подлы» (pensées baises et lâches) потому, что онъ отзывался въ то время недоброжелательно о русской политикѣ. Но теперь, когда она сама дѣйствовала исключительно въ интересахъ этой политики и была безпристрастнѣе, она была признательна лорду Эбердину за то, что онъ относился доброжелательно къ Гизо и способствовалъ дружественному соглашенію, установившемуся между Англіей и Франціей.

Она любила всякаго, кто относился сочувственно къ Гизо. Нравиться ему было самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы понравиться княгинѣ; ея расположеніе къ нему, съ теченіемъ времени, еще болѣе усилилось, и если справедливо, что ни одна женщина, ни въ какой странѣ, никогда не пользовалась въ такой степени дружбою и довѣріемъ выдающихся и замѣчательныхъ людей своего времени, то съ другой стороны несомнѣнно, что изъ числа этихъ лицъ никто не внушалъ ей такой глу-

бокой привязавности, какую Ливенъ питала къ преданному спутнику ея жизни.

Къ этой эпохѣ относится письмо княгини Ливенъ къ ея другу, лэди Гренвиль, въ которомъ она передаетъ ей, со свойственнымъ ей остроуміемъ и живостью, о встрѣчѣ, происшедшей у нея между Тьеромъ, главою оппозиціи, и Гизо, первымъ министромъ.

Въ сочиненіи Тьера «О консульствѣ и имперіи» вкралась ошибка по отношенію къ вдовствующей императрицѣ, которую Ливенъ такъ любила. Она просила автора пріѣхать къ ней, чтобы побесѣдовать объ этомъ. Онъ явился. Она приказала никого не принимать.

— Почему? Неужели же вы не примите и г. Гизо?

— Да, ради васъ.

Но онъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы Гизо былъ принятъ, если онъ явится.

— Прекрасно.

Она позвонила и сказала: «Я принимаю только г. Гизо».

Онъ явился въ обычный часъ и замѣтно вздрогнулъ, увидавъ своего противника.

«Они не встрѣчались уже четыре съ половиною года,—писала Ливенъ лэди Гренвиль,—произошло маленькое замѣшательство. Я расхохоталась; они оба послѣдовали моему примѣру и бесѣдовали часа полтора самымъ пріятнымъ образомъ о всевозможныхъ предметахъ: о положеніи министерства, о парламентѣ, о настоящемъ, о будущемъ, рѣшая, что Франціей можетъ управлять только Тьеръ или Гизо, Гизо или Тьеръ, и все это говорилось совершенно свободно, безъ всякаго стѣсненія. Очевидно, это доставляло удовольствіе обоимъ, а мнѣ было очень забавно слышать ихъ.

Тьеръ спросилъ Гизо:

— Вы рѣшили остаться министромъ?

— Да, положительно,—отвѣчалъ Гизо, и разговоръ продолжался.

«Они были согласны во всемъ, за исключеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ. Гизо утверждалъ, что можно было поддержать миръ, Тьеръ говорилъ, что въ концѣ концовъ это будетъ невозможно».

Добродушіе, выказанное княгинею въ этомъ случаѣ, не вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что говоритъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ герцогиня Деказъ (Decazes), которая, познакомившись съ Ливенъ въ Лондонѣ, въ 1820 г., посѣщала ее въ Парижѣ:

«Она была всегда серьезна,—пишетъ герцогиня;—я видѣла на ея лицѣ улыбку, но никогда не видѣла, чтобы она смѣялась», и прибавляетъ: «впрочемъ, она не стѣсняла веселья другихъ. Въ то время какъ другіе весело болтали, она бесѣдовала въ полголоса съ людьми серьезными. Она предпочитала бесѣду вдвоемъ общему разговору и, если ей случа-

лось принять участіе въ немъ, то касалась вопросовъ, которые интересовали ее въ ту минуту».

Однажды, вечеромъ, въ Парижѣ герцогиня заѣхала къ Ливенъ. Въ залѣ было человѣкъ двѣнадцать, съ коими княгиня оживленно бесѣдовала. Герцогиня подумала, что они обсуждали какой-нибудь серьезный вопросъ, подошла, прислушалась и была глубоко изумлена, услыхавъ, что княгиня говорила... о преимуществѣ прежнихъ фижмъ надъ современными юбками. «Она очень искусно описывала ту и другую, и этотъ предметъ разговора, такъ мало гармонировавшій съ важными событіями, которыя волновали въ то время политическій міръ, былъ избранъ ею именно потому, чтобы не говорить о другихъ вещахъ».

Рисуя портретъ княгини, герцогиня Деказъ отмѣчаетъ такъ называемые ею «аристократическіе предразсудки» Ливенъ и замѣчаетъ, что княгиня понимала аристократичность не такъ, какъ ее понимаютъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, а такъ, какъ ее понимали въ Англіи. «Быть герцогомъ Ноальскимъ или герцогомъ де-Монтебелло было въ ея глазахъ равносильно. Но если у васъ не было титула, если вы не были ни министромъ, ни депутатомъ, то вы были, въ ея глазахъ, ничѣмъ, полнымъ ничтожествомъ».

Въ доказательство этого герцогиня приводитъ слѣдующій анекдотъ.

Княгиня собиралась на воды въ Германію, гдѣ она должна была имѣть свиданіе съ русскимъ императоромъ. Не желая путешествовать одна, она искала себѣ спутника; г. Дюмонъ, бывшій министръ (это было въ царствованіе Людовика-Филиппа), предложилъ ей своего зятя г. Труберта (Trubert). Княгиня согласилась и осталась очень довольна его вниманіемъ и предупредительностью во время продолжительнаго путешествія, которое они совершили съ нимъ въ экипажѣ съ глазу на глазъ. Тѣмъ не менѣе, пріѣхавъ къ мѣсту назначенія, она сказала ему очень бойко и безъ малѣйшаго стѣсненія:

— Ваше положеніе, милостивый государь, не позволяетъ мнѣ представить васъ знакомымъ моего круга, поэтому я полагаю, что намъ слѣдуетъ проститься.

Они болѣе не встрѣчались. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, остается на отвѣтственности герцогини Деказъ.

Не смотря на эти недостатки, друзья не измѣняли княгинѣ Ливенъ. Въ концѣ царствованія Людовика-Филиппа она могла похвастать тѣмъ, что сохранила еще почти всѣхъ знакомыхъ, которыхъ она пріобрѣла въ молодости, и что въ ея салонѣ можно было встрѣтить всѣхъ тѣхъ, съ коими она сошлась по пріѣздѣ въ Англію въ 1812 г. и которыхъ не похитила смерть. Въ Парижѣ, гдѣ она жила восемь мѣсяцевъ въ году, въ Лондонѣ, куда она часто ѣздила, на водахъ въ Германіи, въ помѣстьяхъ во Франціи и Англіи, куда ее приглашали, она встрѣчалась

съ своими друзьями и была такъ же рада встрѣтить въ нихъ по-прежнему преданныхъ ей людей, какъ и они были рады ея неизмѣнной памяти о нихъ. И вездѣ, у нея въ домѣ и въ обществѣ, всѣ относились къ ней съ почтеніемъ, подобавшимъ королевѣ. И это дѣлалось не ради ея молодости или красоты; ей было въ то время шестьдесятъ три года, лицо ея было изборождено морщинами и казалось еще старѣе отъ тяжелаго кружевнаго чепца, который покрывалъ ея сѣдые волосы, и отъ ея обычнаго туалета: чернаго бархатнаго платья, украшеннаго фрейлинскимъ шифромъ.

Ее посѣщали охотно потому, что она была другомъ перваго министра, котораго можно было встрѣтить у нея каждый день и въ особенности потому, что всѣхъ прельщала очаровательная любезность ея обхожденія, и потому, что она являлась интересной представительницею вымиравшаго прошлаго, въ которомъ она блистала и занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Она знала всю исторію послѣднихъ лѣтъ, всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, и сама была живымъ воспоминаніемъ.

Насталъ 1848 годъ, положившій конецъ іюльской монархіи. Слѣпая и ожесточенная оппозиція расшатывала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе престолъ, который еще не утвердился прочно; кризисъ былъ близокъ и событія принимали зловѣщій характеръ.

«Я понимаю, что г-жа Ливенъ находится какъ въ лихорадкѣ,—писала 4-го февраля барону де-Барантъ герцогиня Саганъ. Я помню, какъ въ одинъ изъ припадковъ ипохондріи, которыми она часто страдала, она выражала желаніе, чтобы произошло какое-нибудь чрезвычайное событіе, какое-нибудь осложненіе, которое доставило бы ей развлеченіе. Европа 1848 г. доставитъ ей хорошее развлеченіе!»

Герцогиня Саганъ ошибалась. Княгиня Ливенъ была слишкомъ близко заинтересована въ кризисѣ, чтобы взглянуть на него, этотъ разъ, какъ на развлеченіе. Надвигавшаяся буря грозила снести правительство, которымъ около восьми лѣтъ руководилъ Гизо, и Ливенъ не даромъ, содрогалась видя нападки, коимъ подвергался ея другъ.

Вскорѣ событія пошли стремительно къ развязкѣ. Какъ только въ Парижѣ начались волненія, Ливенъ, какъ и всѣ застигнутыя катастрофою врасплохъ, не считая себя въ безопасности въ своемъ домѣ, искала убѣжища у князя Аренберга, а затѣмъ у графа Сентъ-Оклеръ (Saint-Auclaire). Гизо заходилъ къ ней нѣсколько разъ въ день изъ министерства или изъ палатъ и сообщалъ ей новости. Въ промежуткѣ между этими посѣщеніями онъ посылалъ ей записочки, чтобы сообщить ей о ходѣ событій и успокоить ее. Уступая просьбамъ своихъ друзей, онъ провелъ у одного изъ нихъ ночь съ 23-го на 24-е февраля. Всю эту ночь княгиня волновалась за него, такъ же какъ и за себя.

24-го февраля къ княгинѣ пріѣхалъ графъ Аппони, австрійскій по-

сланникъ, и предложилъ ей переѣхать къ нему въ домъ, который находился подъ охраною австрійскаго флага и, слѣдовательно, былъ неприкосновененъ. Она согласилась на это только тогда, когда узнала, что Гизо уѣхалъ въ Англію и что они не могли болѣе видѣться.

Нѣсколько дней спустя она подъ чужимъ именемъ (г-жи Робертсъ) также бѣжала въ Англію и обѣдала съ Гизо, у кого же?—у лорда Пальмерстона, и оба противника пожимали другъ другу руки.

Наскучивъ жизнью въ Лондонѣ, Ливенъ переѣхала весною въ Ричмондъ, гдѣ она жила уединенно, грустила и не знала, что предпринять.

«Я не могу рѣшиться основаться въ Англіи,—писала она де-Баранту изъ Ричмонда 29-го мая 1848 г.,—это мнѣ не улыбается. А между тѣмъ у меня нѣтъ надежды, чтобы я могла скоро вернуться во Францію или чтобы я даже хотѣла этого, такъ какъ ваша страна навела на меня какой-то ужасъ. Между тѣмъ лондонскій дымъ и вообще лондонская жизнь такъ мнѣ ненавистны, что я бѣжала сюда и останусь здѣсь; сюда ко мнѣ можетъ пріѣхать всякій, кто захочетъ. Я буду ѣздить иногда въ Лондонъ, чтобы повидать друзей. Я отдыхаю, но мнѣ скучно».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ настроеніе княгини и ея планы измѣнились. Она собиралась вмѣстѣ съ Гизо возвратиться въ Парижъ и наняла свою прежнюю парижскую квартиру, въ улицѣ Saint-Florentin, но они рѣшили провести еще нѣкоторое время въ Брайтонѣ, гдѣ они жили въ то время.

Старикъ Меттернихъ, подобно Гизо ставшій жертвою революціи и вынужденный покинуть свою страну, также жилъ въ Брайтонѣ со своей женою.

«Я была вмѣстѣ съ мужемъ у княгини Ливенъ,—писала г-жа Меттернихъ въ своемъ дневникѣ. Мы встрѣтили у нея Гизо, который полагаетъ, что Людовикъ-Наполеонъ можетъ возстановить порядокъ».

Въ январѣ мѣсяцѣ 1849 г. она писала: «Мы часто видимъ княгиню Ливенъ. Она сообщаетъ намъ всѣ парижскія новости. Она все болѣе и болѣе принимаетъ сторону Наполеона. Гизо говоритъ очаровательно. Но онъ заблуждается. Онъ убѣжденъ, что одной, хорошо сказанной, увлекательной рѣчи было бы достаточно, чтобы спасти міръ. Нѣтъ надобности прибавлять, что онъ считаетъ себя, вѣроятно, тѣмъ ораторомъ, который можетъ совершить это чудо».

Любопытно, въ какомъ тонѣ отзывалась въ это время о Меттернихахъ княгиня Ливенъ.

«Я видала супруговъ Меттернихъ [1]),—писала она де-Баранту,—она толста, вульгарна, добра, держитъ себя просто, естественно; онъ спокоенъ, самодоволенъ, безконечно много говоритъ, но очень неподвиженъ, тяжеловѣсенъ, очень скученъ, когда онъ говоритъ о самомъ себѣ и своей

---

¹) Письмо къ Баранту отъ 19-го января 1849 г.

непогрѣшимости, и очарователенъ, когда онъ говоритъ о прошломъ и въ особенности объ императорѣ Наполеонѣ».

Въ этомъ же письмѣ, адресованномъ де-Баранту, княгиня сообщаетъ, что она собирается въ Парижъ. Но холера, которой она ужасно боялась, заставила ее отложить поѣздку; только въ концѣ октября она вернулась въ Парижъ, гдѣ извѣстіе о возвращеніи княгини и Гизо вскорѣ привлекло въ ея салонъ его обычныхъ посѣтителей. Хотя Гизо не былъ болѣе у власти и было очевидно, что онъ не займетъ болѣе оффиціальнаго положенія, тѣмъ не менѣе княгиня Ливенъ сохранила свое значеніе въ дипломатическомъ мірѣ. Всѣмъ было извѣстно, что она оставалась личной корреспондентшей императора Николая. «Она посылаетъ свои донесенія императрицѣ»,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ Меттернихъ.

Избраніе принца Людовика-Наполеона президентомъ республики и переворотъ 2-го декабря 1852 г. потребовали отъ княгини Ливенъ еще болѣе ловкости и такта. Всѣ ея друзья, съ Гизо во главѣ, были въ числѣ побѣжденныхъ; не смотря на это, княгиня, старавшаяся всегда получать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, на другой же день послѣ переворота открыла свой салонъ побѣдителямъ. Чтобы принимать ихъ, не лишаясь своихъ прежнихъ друзей, нужно было имѣть много ловкости и умѣнья, на что̀ способны весьма немногія женщины. Ливенъ оказалась на высотѣ этой задачи. Побѣдители и побѣжденные одинаково ухаживали за ней и миролюбиво бесѣдовали въ ея салонѣ. На ея воскресные пріемы съѣзжались всѣ знаменитости политическаго и дипломатическаго міра Парижа. Бесѣда шла свободно и непринужденно. Гизо пріѣзжалъ первымъ, уѣзжалъ послѣднимъ. Что касается княгини, то она часто недомогала и бо̀льшею частію весь вечеръ не вставала съ дивана. Но, прислушиваясь, со своего мѣста, внимательно къ тому, что говорилось, и вставляя свои мѣткія замѣчанія, она доказывала, что ея умъ былъ попрежнему свѣжъ и отзывчивъ.

Ливенъ, съ самаго избранія принца Людовика-Наполеона президентомъ, какъ бы предугадала выдающуюся роль, которая была предназначена ему судьбою, и поставила себѣ задачею способствовать сближенію Франціи и Россіи. Графъ Морни, одинъ изъ самыхъ преданныхъ сторонниковъ принца, желалъ этого сближенія такъ же горячо, какъ и она. Онъ сдѣлался завсегдатаемъ княгини, льстилъ ей, ублажалъ ее и придавалъ ея мнѣнію величайшую цѣну.

Одно лицо, приближенное къ императрицѣ Евгеніи, разсказываетъ, что незадолго до ея брака съ Людовикомъ-Наполеономъ, когда она была уже втайнѣ его невѣстою, Морни настоялъ на томъ, чтобы она посѣтила княгиню Ливенъ.

— Ее надобно привлечь къ вамъ,—говорилъ онъ. Никто не можетъ такъ расположить въ вашу пользу европейскіе дворы, какъ она.

Будущая императрица послѣдовала его совѣту и долго послѣ того вспоминала «высокую, худощавую, сухую и чопорную старуху». Въ то время княгиня уже утратила свою прежнюю, очаровательную грацію. Она разсыпалась въ любезностяхъ, и m-lle Монтихо могла понять, что особа, принявшая ее такъ почтительно, знала, какая высокая судьба ожидала ее. При этомъ свиданіи присутствовалъ герцогъ Брогли. «Я не могу забыть,—разсказываетъ онъ,—что въ этомъ салонѣ мнѣ пришлось послѣдній разъ привѣтствовать красавицу иностранку, которую я знавалъ нѣкогда въ Мадридѣ, въ мою бытность тамъ секретаремъ посольства и которой было суждено вступить со временемъ на престолъ. Объ этомъ, въ то время, уже всѣ говорили, и всѣ взоры были обращены на нее, хотя она не была еще оффиціально объявлена невѣстою принца. Но когда я увидѣлъ, что хозяйка дома помѣстилась на низенькомъ стулѣ подлѣ дивана, на который она усадила юную красавицу, то я понялъ, что выборъ принца сдѣланъ и что мнѣ слѣдуетъ какъ можно скорѣе засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, чтобы не затеряться въ толпѣ царедворцевъ, которые, вѣроятно, сдѣлали то же самое наблюденіе».

Въ тотъ же день, 22-го января 1853 г., графъ Сентъ-Оклеръ писалъ барону де-Баранту: «Наша будущая императрица была въ воскресенье у княгини Ливенъ, нисколько не стѣснялась занять первое мѣсто, пройти первая въ двери, и все это она дѣлала, какъ говорятъ, весьма свободно».

Къ сожалѣнію, надежды княгини Ливенъ на сближеніе ея двора съ французскимъ правительствомъ не оправдались. Напротивъ, возникли разныя недоразумѣнія, которыя привели вслѣдъ за тѣмъ къ Крымской войнѣ. Дипломатическія сношенія между державами ухудшались, и конференція, созванная въ Вѣнѣ для улаженія недоразумѣній, не привела къ желаемому результату.

Княгиня Ливенъ оказалась въ этомъ случаѣ не особенно проницательной, и совѣты, которые она посылала императору, не были внушены пониманіемъ истиннаго положенія тогдашняго французскаго правительства.

Побѣжденные думаютъ обыкновенно, что ниспровергнутое ими правительство не будетъ прочно и долговѣчно. Весьма естественно, поэтому, что княгиня Ливенъ, подчиняясь вліянію политическихъ дѣятелей, которые играли столь видную роль въ іюльской монархіи, а теперь обратились въ ничто, слыша постоянно вокругъ себя, что императорское правительство было слабо и не имѣло корней въ странѣ и что оно было слишкомъ непрочно, чтобы выдержать продолжительную войну съ иностранной державою и потому скорѣе готово усту-

пить, чѣмъ взяться за оружіе,—въ концѣ концовъ повѣрила этому и въ этомъ смыслѣ писала своему двору, совѣтуя ему быть твердымъ и неуступчивымъ.

«Наполеонъ не обнажитъ меча»,—писала она, основываясь на словахъ русской колоніи въ Парижѣ.

Русскій посланникъ, графъ Киселевъ, высказывалъ совершенно противоположное мнѣніе, которое онъ защищалъ въ своихъ донесеніяхъ, приводя свои соображенія и стараясь убѣдить своего монарха въ вѣроятности войны. Колеблясь между этими двумя противорѣчивыми мнѣніями, императоръ Николай остановился на томъ, которое болѣе всего льстило его самолюбію. Русскому посланнику въ Парижѣ было выражено порицаніе; онъ не посмѣлъ болѣе ничего говорить. Русская политика стала еще высокомѣрнѣе, и въ концѣ концовъ началась война, оправдавшая слова императрицы Евгеніи, что «эта война была дѣломъ посланницъ».

Ливенъ была глубоко огорчена, увидавъ, что результатъ не оправдалъ ея ожиданій и что она была вынуждена уѣхать изъ Парижа. Состояніе ея здоровья, ея привычки, вкусы, словомъ, все дѣлало это перемѣщеніе для нея въ высшей степени тягостнымъ. Подобно большинству своихъ соотечественниковъ, жившихъ во Франціи, она переѣхала въ Брюссель. Это было въ исходѣ февраля 1854 г.

«Она уѣхала весьма опечаленная,—разсказываетъ Сентъ-Оклеръ. Она написала мнѣ на прощанье нѣсколько горестныхъ строкъ. Ея салонъ былъ нашимъ послѣднимъ убѣжищемъ для политическихъ бесѣдъ».

Живя въ Брюсселѣ, Ливенъ слѣдила съ тревогой за ходомъ войны, окончанія коей она страстно желала. Въ исходѣ 1854 года она сдѣлала попытку получить у Наполеона III разрѣшеніе вернуться въ Парижъ.

Но какъ только англійское правительство узнало о томъ, неизвѣстно почему, оно взволновалось, лордъ Коулэй отправился къ графу Валевскому, Ливенъ была принесена въ жертву «дружескому согласію», существовавшему между державами и ей было запрещено являться во Францію. Она подчинилась этому рѣшенію, не жалуясь, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя просила своихъ друзей довести до свѣдѣнія Наполеона, что здоровье не позволяетъ ей провести зиму въ Брюсселѣ, что она желаетъ отправиться въ Ниццу и что ей необходимо посовѣтоваться въ Парижѣ со своими врачами. Не позволятъ-ли ей остановиться тамъ на нѣсколько дней?

Разрѣшеніе на этотъ разъ было получено, и Ливенъ, въ самомъ началѣ 1855 г., была уже въ Парижѣ, гдѣ и провела послѣдніе годы жизни, окруженная заботами Гизо и своего сына Павла. Доктора объявили, что она не можетъ вынести путешествія, и она осталась спокойно у себя.

Французское правительство закрыло глаза на ея пребываніе, и Ливенъ, мало-по-малу, съ большой осторожностью и тактомъ вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ, стала принимать своихъ друзей; ея салонъ пріобрѣлъ снова политическое значеніе, и хотя у нея собиралось не такъ много, какъ прежде, но все же достаточно, чтобы она не испытывала скуки.

Она горячо интересовалась заключеніемъ мира, положившаго конецъ крымской кампаніи.

Лордъ Голландъ писалъ изъ Парижа за нѣсколько дней до созыва конференціи: «тутъ идутъ всевозможныя интриги, Брунновъ, Морни и Ливенъ совѣщаются цѣлыми часами».

Съ другой стороны, Ливенъ писала Гревилю, что она предвидѣла при заключеніи мира большое затрудненіе, что враги были слишкомъ требовательны, что они не принимали во вниманіе положеніе царя по отношенію къ его народу.

Англія, которая, какъ извѣстно, хотѣла продолженія войны, не простила Ливенъ ея вмѣшательства, и лордъ Коулэй отвергалъ всѣ ея попытки сойтись съ нимъ.

Она дожила до подписанія мира, но вскорѣ послѣ этого бронхитъ унесъ ее въ нѣсколько дней.

Она сохранила до конца жизни свои умственныя способности и встрѣтила смерть съ твердостью духа. Она давно уже страшилась болѣзни и смерти, но наканунѣ ея она успокоилась, въ особенности послѣ того, какъ она пріобщилась, «сидя на кровати, сосредоточенная, серьезная и печальная».

Въ тотъ же день, узнавъ, что одинъ изъ ея близкихъ друзей, Мейендорфъ, пріѣхалъ въ Парижъ, она писала ему: «какъ я рада и какъ я горюю! Вы пріѣхали, а я уѣзжаю такъ далеко! Навѣстите меня, можетъ быть, еще не будетъ поздно».

Онъ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Она приняла его съ глазу на глазъ на одну минутку.

— Я думала, что я умру сегодня вечеромъ,—призналась она.

Гизо въ письмѣ къ своему другу, барону де-Баранту, трогательно описалъ послѣднія минуты жизни княгини Ливенъ.

«Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ была тяжела, у нея не было силы откашлять мокроту. Въ этомъ была вся бѣда. Въ понедѣльникъ (27-го января 1857 г.) утромъ я нашелъ ее гораздо слабѣе, лицо ея еще болѣе измѣнилось, но она была все такъ же спокойна, говорила мало, но заботилась о малѣйшей бездѣлицѣ, не исключая меню обѣда для ея племянника Бенкендорфа и племянницы, пріѣхавшихъ наканунѣ изъ Штутгарта. Около полудня она сказала Олифу (своему врачу): «жаль будетъ, если я не умру этотъ разъ, я чувствую себя совсѣмъ готовой».

Вечеромъ, около десяти часовъ, она сдѣлала знакъ, чтобы я подошелъ, и сказала мнѣ:

— Я задыхаюсь..... вѣеръ!

«Я подалъ его, она попробовала обмахиваться. Ей поставили на грудь горчичникъ. Почувствовавъ, что онъ жжетъ, она показала знакомъ, что хочетъ писать. Ей подали карандашъ и бумагу. Она написала очень четко: «How long must it remain» (какъ долго должна я его держать). А нѣсколько минутъ спустя, она сказала мнѣ:

— Уйдите, уйдите всѣ, я хочу спать!

«Мы вышли—ея сынъ, племянникъ и я.

«Черезъ часъ за нами пришли. Она скончалась.

«Я убѣжденъ, что она чувствовала приближеніе смерти и не хотѣла, чтобы мы видѣли, какъ она умираетъ.

«Черезъ часъ послѣ ея смерти, ея сынъ передалъ мнѣ запечатанное письмо, написанное ею наканунѣ карандашемъ:

«Благодарю васъ за двадцать лѣтъ привязанности, любви и счастья,—писала она. Не забывайте меня. Прощайте, прощайте. Не отказывайтесь отъ моей кареты по вечерамъ».

Въ ея духовномъ завѣщаніи было поясненіе этихъ словъ. Она часто говорила Гизо: «я не жалѣю, что вы не богаты, это мнѣ нравится. Но я не могу помириться съ тѣмъ, что у васъ нѣтъ кареты». Она завѣщала ему 8.000 франковъ ежегодно и карету.

Передъ смертью она выразила желаніе, чтобы ея тѣло было перевезено въ Курляндію и погребено рядомъ съ ея сыновьями, скончавшимися въ 1835 г., въ семейномъ склепѣ, въ ихъ родовомъ имѣніи, близъ Митавы.

Она была положена въ гробъ, согласно ея волѣ, въ ея черномъ, бархатномъ платьѣ и княжеской коронѣ, съ распятіемъ изъ слоновой кости, въ рукахъ,—символъ успокоенія, которое она обрѣла, наконецъ, послѣ ея тревожной жизни.

«Вотъ еще одна кончина, которая искренно опечалила меня,—писалъ де-Барантъ своей сестрѣ, узнавъ о смерти княгини Ливенъ,—она оставитъ пустоту, которую нечѣмъ будетъ заполнить. Хотя я и не былъ въ числѣ наиболѣе близкихъ друзей княгини, но я находилъ большое удовольствіе въ ея обществѣ; я сходился съ нею въ мысляхъ и во взглядахъ; это была личность высокаго ума и благороднаго характера, на которую можно было положиться».

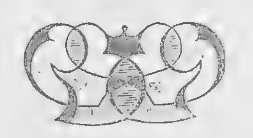
Такъ сошла въ могилу, оплакиваемая друзьями, эта типичная женщина-политикъ, одаренная страстной волей, большой настойчивостью, развитымъ умомъ и удивительнымъ умѣньемъ быть совѣтницей и вдохновительницей близкихъ людей, способная быть для нихъ преданнымъ другомъ и, въ свою очередь, глубоко любимая ими.

Каковы бы ни были ея увлеченія и недостатки, создавшія ей немало враговъ, все же эта «дипломатическая Сибилла», какъ ее называли въ шутку, представляла выдающееся явленіе въ тотъ вѣкъ, когда политика оживлялась вмѣшательствомъ женщинъ, когда Европа была обширнымъ салономъ, въ которомъ женщины чувствовали себя въ своей сферѣ, и когда политика часто смѣшивалась съ интригой и всегда пользовалась ею.

Княгиня Ливенъ была воплощеніемъ женщины-политика и дипломата, обладавшей несравненнымъ даромъ выспросить, слушать, вести разговоръ, руководить имъ съ извѣстной цѣлью, не давая ему впадать въ скабрезный тонъ; она умѣла поддержать любопытство, привлечь и удержать государственныхъ людей. Гизо,—человѣкъ кабинетный,—даже упрекалъ ее въ томъ, что она не любила чтенія и уединенныхъ занятій, что она любила только бесѣду съ живыми людьми. Мало того, въ Лондонѣ, точно такъ же, какъ въ Парижѣ, она принимала преимущественно государственныхъ людей и дипломатовъ и весьма рѣдко—литераторовъ, если они не занимались политикой.

Біографъ княгини Ливенъ, Эрнестъ Доде, интересной книгой котораго мы широко пользовались при составленіи настоящей статьи, полагаетъ, что Бальзакъ олицетворилъ княгиню Ливенъ въ образѣ нѣкоторыхъ своихъ героинь.

В. В. Тимощукъ.

Указъ императора Александра графу Штейнгелю по поводу неповиновенія крестьянъ Выборгской губерніи [1]).

15-го апрѣля 1820 г.

Донесеніе ваше отъ 12-го (24-го) апрѣля о неповиновеніи, оказанномъ крестьянами Сальминскаго погоста, ни мало меня не удивило. Сихъ послѣдствій ожидать надлежало отъ положенія, въ коемъ сіи люди находились, и о коемъ я васъ лично извѣщалъ въ послѣднее мое пребываніе въ Финляндіи

Я полагалъ, что, вслѣдствіе моихъ съ вами объясненій, вы отправитесь сами на мѣсто еще прошлою осенью, дабы лично удостовѣриться въ чинимыхъ притѣсненіяхъ симъ поселянамъ и принять надлежащія мѣры къ огражденію оныхъ отъ злоупотребленій, коихъ неоднократно были они жертвою. Но, къ сожалѣнію моему, вами сего учинено не было.

Нынѣ полагаю я необходимымъ присутствіе ваше на мѣстѣ происшествія.

Обстоятельства довольно важны. Съ одной стороны, мѣстное начальство жалуется на усильное неповиновеніе крестьянъ, коего терпимость можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Съ другой, извѣстно мнѣ, по личному моему проѣзду чрезъ сей край, что поселяне сіи озлоблены разными частыми притѣсненіями земскихъ чиновниковъ, коихъ даже и разумѣть не могутъ по различію нарѣчія, ими употребляемаго. Сіи же чиновники, вѣроятно, расположены къ мщенію за принесенныя на нихъ жалобы отъ поселянъ и легко статься можетъ, что и все происшествіе увеличено ими въ семъ намѣреніи. Между тѣмъ уже военная сила требуется, и вами отряжены на мѣсто батальонъ и казачья команда. Послѣдствія могутъ быть самыя плачевныя и даже совершенно противныя строгой справедливости.

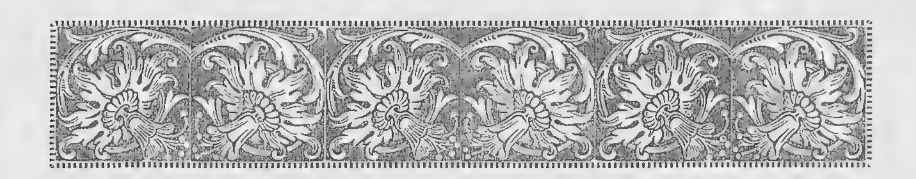
Личная моя довѣренность къ достоинствамъ и правиламъ вашимъ заставляетъ меня желать, чтобы вы ускорили поѣздку вашу въ Сальминскій погостъ. Вамъ оба языка извѣстны, равномѣрно какъ и законныя постановленія. Нетрудно вамъ будетъ лично вникнуть въ настоящее существо дѣла, выслушавъ жалобы крестьянъ и вразумя въ надлежащихъ ихъ обязанностяхъ; слѣдуетъ вамъ въ точности изыскать, отчего возникло неповиновеніе, отъ недоразумѣнія или отъ притѣсненія чиновниковъ.

До вашего пріѣзда запретите всякое военное дѣйствіе; водворя же спокойствіе и устройство въ семъ краѣ и изыскавъ по сущей справедливости виновныхъ, донесите мнѣ о всѣхъ обстоятельствахъ въ подробности.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

---

[1]) Весь черновикъ указа писанъ собственноручно императоромъ Александромъ I.

Петербургская жизнь въ 1825—1827 гг.

(По письмамъ англичанки) [1].

Въ 1825 г. полномочнымъ посломъ при русскомъ дворѣ, на время отсутствія изъ Россіи англійскаго посланника, отозваннаго по болѣзни, былъ назначенъ сэръ Эдвардъ Дисброо, ранѣе этого бывшій въ Петербургѣ короткое время въ 1814 г., куда онъ сопровождалъ лорда Каткарта.

«Сегодня утромъ,—писалъ Дисброо 5-го (17-го) апрѣля 1825 г. своимъ друзьямъ въ Англію,—я дѣлалъ оффиціальные визиты принцу и принцессѣ Оранскимъ и великимъ князьямъ Михаилу и Николаю, которые приняли меня каждый отдѣльно. Остается представиться вдовствующей государынѣ, которая нездорова и поэтому не принимаетъ. Императоръ уѣхалъ сегодня въ Варшаву.

«Въ Петербургѣ за послѣднія десять лѣтъ произошли большія перемѣны. Во многихъ большихъ домахъ, гдѣ я бывалъ прежде и гдѣ съѣзжались обѣдать безъ зова, разъ въ недѣлю, прекратились пріемы. Изъ старыхъ знакомыхъ я встрѣтилъ герцогиню Серра Капріола, мужъ которой скончался года полтора тому назадъ. Ихъ домъ былъ здѣсь однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ. Она живетъ теперь скромно и принимаетъ всего человѣкъ тридцать своихъ старыхъ знакомыхъ и друзей. Ея дочь, г-жа Апраксина, молодая, очаровательная женщина, умерла.

«Княгиня Б. никого не принимаетъ, по случаю кончины одной изъ ея дочерей; другая ея дочь, княгиня Зинаида Волконская, переселилась въ Москву. Головины умерли, оба семейства Голицыныхъ уѣхали. Княгиня Куракина сошла съ ума; ея домъ запертъ.

[1]) Изъ соч. Old days in diplomacy. Recollections of a closed century. Bythe daughter of Sir Edvard Cromwel Disbrowe. London. 1903.

«Изъ дипломатовъ Ла-Ферроне хочетъ привезти сюда будущую зиму свою жену. Супруга австрійскаго посланника Лебцельтерна очень умна и любезна; г-жа Лудольфъ, жена неаполитанскаго посланника, и г-жа Гуерьеро, супруга португальскаго посла, дѣлаютъ пріемы, также какъ графиня Лаваль и графиня де-Мэстръ и нѣкоторыя другія дамы дипломатическаго корпуса».

Два мѣсяца спустя по полученіи этого письма, супруга Дисброо послѣдовала за нимъ въ Петербургъ; сообщая свои впечатлѣнія лондонскимъ друзьямъ и роднымъ, она писала 13-го (25-го) іюля 1825 г.:

«Вчера я очень устала. Мнѣ пришлось встать въ шесть часовъ утра, чтобы сопровождать моихъ кавалеровъ [1]) въ Царское Село, гдѣ они представлялись царской фамиліи.

«Проѣхавъ въ экипажѣ двадцать двѣ версты, мы прибыли благополучно во дворецъ; я отправилась къ г-жѣ Лонгиновой, а мои кавалеры пошли переодѣться для представленія.

«Такъ какъ въ этой роскошной странѣ всякій, состоящій при дворѣ, имѣетъ съ семьей помѣщеніе во дворцѣ, то Лонгиновы помѣщались въ особомъ павильонѣ, небольшомъ деревянномъ домикѣ возлѣ дворца. Для всѣхъ лицъ, кои должны были представляться, были приготовлены помѣщенія и экипажи. Все было обставлено роскошно. Лордъ Блумфильдъ, состоявшій весьма долго при особѣ нашего короля, говоритъ, что онъ никогда не видалъ ничего роскошнѣе здѣшней придворной жизни. Такъ, напр., для дипломатическаго корпуса и всѣхъ иностранцевъ, приглашенныхъ на праздникъ въ Петергофъ, будетъ отведено готовое помѣщеніе, столъ и экипажи на всѣ три дня празднества».

«Я слышала, что на Петергофскихъ празднествахъ весьма многіе, какъ мужчины, такъ и дамы, пріѣзжающіе взглянуть на праздникъ и коимъ не удается найти помѣщеніе, совершаютъ свой туалетъ въ экипажахъ. Я хочу поучиться въ этой странѣ, какъ приспособляться къ обстоятельствамъ.

«Г-жа Лонгинова говорила мнѣ, что многія русскія дамы тратятъ на платья отъ 400—500 ф. ст. въ годъ и что это считается умѣреннымъ; франтихи тратятъ гораздо больше. А княгиня Софія Волконская сказала мнѣ, что у нея было прошлую зиму всего четыре платья, но она держитъ себя очень независимо, и имѣетъ свои собственные взгляды, рѣшается ходить одна безъ лакея, ѣздитъ только на парѣ лошадей, не хочетъ бывать при дворѣ, словомъ, ее находятъ «очень странной». Ея дочь, княжна Алина, прелестная дѣвушка, отлично воспитана, не много страдаетъ отъ странностей своей матери. Г-жа Лебцельтернъ, рожденная графиня Лаваль, русская, но замужемъ за здѣшнимъ австрійскимъ

---

[1]) Мужа и брата, Кеннеди.

посланникомъ; она говоритъ по-англійски, какъ природная англичанка, и прекрасная музыкантша. Ея отецъ французъ, а ея мать очень богатая русская дама. Мы обѣдали у нея на-дняхъ; угощенье было роскошное, мороженое подавалось въ вазахъ изо льда; онѣ казались сдѣланными изъ литаго стекла и были очень красивой формы. Говорятъ, будто ихъ нетрудно дѣлать».

20-го іюля (1-го августа) Дисброо съ супругою и ея братомъ отправились въ Петергофъ, на праздникъ по случаю тезоименитства вдовствующей императрицы.

Для нихъ было отведено помѣщеніе въ Англійскомъ дворцѣ.

«Комнаты были обширны, со множествомъ зеркалъ, но въ нихъ стояло весьма мало мебели». Англичанъ поразило, какъ мало заботятся о прислугѣ.

«Для нашихъ слугъ ничего не было приготовлено, кромѣ помѣщенія. Впрочемъ, Парнеръ (служанка англичанка) никогда не бываетъ требовательна и провела, не ропща, двѣ ночи на диванѣ безъ простынь, покрываясь однимъ одѣяломъ.

«Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петергофъ, мы отправились на смотръ,—записала г-жа Дисброо,—въ экипажѣ, называемомъ линейкою, въ которой помѣщается восемь человѣкъ; она похожа на два дивана, составленныхъ спиною; въ линейкахъ дозволяется ѣздить по всему парку, такъ какъ колеса у нихъ такъ широки, что они не оставляютъ на дорожкахъ колеи. Помѣщеніе, столъ, прислуга, линейки,—все было отъ двора, вообще, дипломатическому корпусу былъ оказанъ прекрасный пріемъ; его не чествуютъ такъ ни въ одной странѣ.

«Я въ восторгѣ отъ оказаннаго мнѣ пріема. Графиня Литта ввела меня въ зало и оставила одну съ ихъ величествами. Императоръ Александръ поцѣловалъ мою руку, и я сдѣлала видъ, что цѣлую его въ щеку, по русскому обычаю. Императрица Елисавета не позволила мнѣ поцѣловать ея руку, но обняла меня, и оба они были такъ привѣтливы, такъ милостивы, что мнѣ было жаль уйти отъ нихъ. Вдовствующая императрица вошла въ ту комнату, гдѣ я стояла, и говорила со мною нѣкоторое время; это удивительная для своихъ лѣтъ женщина, она держится такъ прямо, какъ молодая дѣвушка, и очень хороша собою. Мое платье, сшитое здѣсь, было очень просто, тюлевое, на бѣломъ атласномъ чехлѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, съ которымъ я справлялась какъ нельзя лучше и ни разу не споткнулась. Гофмейстеру, графу Соллогубу, было поручено заботиться о дипломатахъ, руководить нами и слѣдить за тѣмъ, чтобы намъ было оказано всевозможное вниманіе. Въ пять часовъ намъ былъ поданъ великолѣпный обѣдъ. Мы сѣли за столъ втроемъ. Въ семь часовъ за нами пріѣхали придворныя кареты, и мы поѣхали въ паркъ, гдѣ собралось до ста тридцати тысячъ чело-

вѣкъ. Императрица говорила моему мужу, что въ тотъ день въ Петергофъ съѣхалось до 4.000 экипажей. Само собою разумѣется, что для такого множества людей невозможно было отвести помѣщеніе, и было очень любопытно видѣть, какъ публика расположилась бивуаками: экипажи всевозможнаго вида и фасона были превращены въ уборныя и спальныя. Въ одномъ экипажѣ совершала свой туалетъ хорошенькая женщина, въ другомъ обѣдали; тутъ сидѣла группа сѣдовласыхъ, сумрачныхъ финновъ, далѣе—толпа нѣмецкихъ колонистовъ, татаръ, калмыковъ, евреевъ; всюду стояли лошади, телѣги, лежали мужчины, женщины, дѣти, образуя самыя живописныя группы. Люди всѣхъ званій были допущены на гулянье, и было очень оригинально видѣть, какъ придворныя дамы, всѣ въ бриллiантахъ, императоръ, великіе князья и княгини, князья и графы расхаживали среди толпы простонародья; длиннобородые мужики и женщины въ деревенскихъ платьяхъ смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ и почтеніемъ, и держали себя такъ смирно и прилично, какъ будто они вѣкъ свой бывали во дворцѣ и на балахъ. Они стояли совсѣмъ близко отъ императорской фамиліи; и никто не толкался, не шумѣлъ; по-истинѣ, зрѣлище было достойное удивленія. Я думаю, что подобный праздникъ возможенъ только въ Россіи, гдѣ народъ очень тихъ и пріученъ къ порядку».

«Мы начали эту недѣлю баломъ у Ла-Ферроне,—писала г-жа Дисброо 18-го (30-го) ноября 1825 г. Я сопровождала Алину Волконскую и оставалась на балу до половины четвертаго. Было очень весело, общество было избранное, блестящее.

«Ла-Ферроне говоритъ, что слѣдовало бы именнымъ указомъ запретить котильонъ, но, я думаю, этого никогда не будетъ, такъ какъ это здѣсь одинъ изъ излюбленныхъ танцевъ. Онъ продолжается иногда часа два и, я думаю, можетъ очень наскучить, если танцовать его каждый вечеръ.

«Придумали новую фигуру: завязать кавалеру глаза, чтобы онъ выбралъ даму съ завязанными глазами, но, такъ какъ для этого кавалерамъ накидывали на голову большой платокъ, то было попорчено не мало тупеевъ [1]), и поэтому фигура не понравилась.

«Нашъ знакомый, гр. Апраксинъ, страшно негодовалъ на нее. Говорятъ, будто онъ краситъ себѣ брови и усы.

«Вы не можете себѣ представить, какъ дѣвицы здѣсь наряжаются и при этомъ носятъ такое сочетаніе цвѣтовъ: желтое платье, отдѣланное голубыми или пунцовыми цвѣтами, или голубое платье, съ розовой отдѣлкой и т. п., и всегда много драгоцѣнныхъ камней. Послѣ Алины Волконской, моя первая любимица Саша Алопеусъ, дочь русскаго по-

---

[1]) Особая прическа.

сланника въ Берлинѣ, которая проводитъ эту зиму въ Петербургѣ. Госпожа Алопеусъ [1]) была, вѣроятно, хороша, какъ ангелъ, она и теперь еще самая красивая женщина, какихъ я знаю. Графиня Моденъ и ея дочери очень любимы въ обществѣ; онѣ очень милыя, а графиня извѣстна своею добротою».

Это письмо еще не было отослано, какъ въ Петербургѣ было получено печальное извѣстіе о кончинѣ императора Александра.

«Не удивляйтесь мрачному тону моего письма,—писала г-жа Дисброо 2-го (14-го) декабря 1825 г. Иначе писать невозможно, среди царствующаго здѣсь горя и всеобщаго унынія.

«Г. Лоо (Law), англійскій священникъ, произнесъ въ воскресенье прочувствованную рѣчь, въ которой высказалъ самыя горячія похвалы покойному монарху. Церковь была задрапирована чернымъ, что̀ производило самое скорбное впечатлѣніе.

«Княжны Софія и Алина Волконскія ѣдутъ въ Таганрогъ къ своему отцу, князю Петру Волконскому. Онъ пишетъ: «Все кончено; императора нѣтъ на свѣтѣ, моя карьера окончена; я служилъ этому ангелу и не могу служить другому монарху. Богу извѣстно, что я служилъ ему не только какъ императору, но и какъ другу».

«Вдовствующая императрица очень довольна торжественнымъ богослуженіемъ, отслуженнымъ въ англійской церкви, по случаю кончины императора. «Поблагодарите отъ меня добрыхъ англичанъ»,—сказала она. Съ тѣхъ поръ, какъ получено печальное извѣстіе, городъ словно вымеръ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что народъ искренно горюетъ».

При восшествіи на престолъ императора Николая, изъ Англіи, какъ извѣстно, былъ посланъ привѣтствовать новаго императора герцогъ Веллингтонъ. Пріѣздъ его вызывалъ въ Петербургѣ всеобщее удовольствіе. Любопытно, что въ то время это былъ единственный русскій фельдмаршалъ. Ему были оказаны всевозможныя почести. Помѣщеніе для него было отведено въ томъ домѣ, гдѣ жилъ и скончался старикъ Гурьевъ, на набережной; для встрѣчи его были посланы на границу офицеръ и фельдъегеръ, и ему была приготовлена въ подарокъ великолѣпная соболья шуба, стоимостью въ 6.000 рублей.

Французскій посланникъ далъ въ честь герцога роскошный обѣдъ; приглашенныхъ было свыше пятидесяти человѣкъ, весь дипломатическій корпусъ и многія высокопоставленныя лица; но Веллингтону вскорѣ такъ надоѣли ежедневные смотры, на которыхъ онъ долженъ былъ присутствовать, что онъ рѣшилъ значительно сократить свое пребываніе въ Петербургѣ. Его путь былъ настоящимъ тріумфомъ; ему оказы-

---

[1]) Во второмъ бракѣ за княземъ Лопухинымъ.

вали въ каждомъ городѣ воинскія почести; вездѣ предполагались празднества, но онъ присутствовалъ на нихъ только въ Берлинѣ.

Въ числѣ всевозможныхъ подарковъ, приготовленныхъ для него, была пара пистолетовъ, тульскаго издѣлія, осыпанныхъ бриліантами, стоимостью въ 6.000 ф. стерл.[1]).

«Русскіе не привыкли видѣть главнокомандующаго въ статскомъ платьѣ; по ихъ понятіямъ онъ долженъ бы быть всякій разъ въ полной формѣ. За обѣдомъ, даннымъ въ честь герцога французскимъ посланникомъ Ла-Ферроне, хозяйка дома шла къ столу подъ руку съ герцогомъ и съ лордомъ Странгфордомъ, такъ какъ иначе онъ долженъ былъ бы идти впереди».

Похороны императора Александра были назначены 2-го (14-го) марта.

«Мы, дамы дипломатическаго корпуса,—писала г-жа Дисброо [2]),—получили особое приглашеніе быть въ 9-ть часовъ въ церкви и оставаться до окончанія церемоніи. Я страшно боюсь озябнуть, такъ какъ, само собою разумѣется, мы не можемъ быть въ шубахъ и намъ придется стоять нѣкоторое время подъ колоннадою. Платье, въ которомъ мы должны быть, очень теплое, двойная вуаль на головѣ очень пріятна, и фланелевый шлейфъ замѣнитъ намъ плащъ, пока мы будемъ ожидать. Весь дипломатическій корпусъ соберется въ домѣ французскаго посольства, откуда мы поѣдемъ въ соборъ въ сопровожденіи отряда кавалеріи. Отдано строгое приказаніе, чтобы наши дома охранялись какъ слѣдуетъ, во избѣжаніе какихъ-либо безпорядковъ.

«Герцогъ Веллингтонъ скоро уѣзжаетъ. Это время я была очень занята изготовленіемъ для Сомерсета и Блэя моделей русскихъ экипажей; въ настоящую минуту передо мною стоятъ на столѣ двѣ телѣги, двѣ коляски, запряженныя четверкою лошадей, четверо дрожекъ и шесть саней. Это такія же точно модели, какія я послала своимъ дѣтямъ, но онѣ, повидимому, забавляютъ и взрослыхъ».

«Прошлую субботу [3]) мы были на церемоніи перевезенія тѣла покойнаго императора въ Казанскій соборъ. Мы собрались въ церковь рано и пробыли тамъ отъ половины одиннадцатаго до трехъ. Погода была холодная, была сильная снѣжная мятель.

«Печальная колесница была золотая, съ высокимъ катафалкомъ. Когда гробъ внесли въ церковь, то генералъ-адъютанты не могли поднять его на катафалкъ; его подняли двадцать человѣкъ старыхъ солдатъ.

«Вдовствующая императрица вошла первая. За гробомъ слѣдовали государь съ государыней, герцогъ Веллингтонъ и чины, несшіе регаліи.

---

[1]) Письмо г-жи Дисброо 27-го февраля (11-го марта) 1826 г.

[2]) Письмо отъ 19-го февраля (3-го марта), 1826 г.

[3]) Письмо отъ г-жи Дисброо 8-го (20-го) марта 1826 г.

Церковь при полномъ освѣщеніи была красивѣе, чѣмъ можно было предполагать, но всѣ присутствующіе страдали отъ холода; предполагали, что хотя въ церкви не было печей, но что отъ толпы будетъ душно. Между тѣмъ толпа не была впущена.

Послѣ похоронъ императора Александра, Дисброо оставался еще довольно долго въ Россіи, присутствовалъ на коронаціи Николая I-го и при торжественномъ поднесеніи ему лордомъ Гертфордомъ ордена Подвязки, которое состоялось въ Александровскомъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ, 27-го іюня (9-го іюля) 1827 г. Лордъ Гертфордъ и его свита были приглашены послѣ церемоніи вдовствующей императрицей въ Павловскъ къ обѣду. Такое же приглашеніе получили и Дисброо съ женою.

«Въ началѣ,—писала г-жа Дисброо 28-го іюня (10-го іюля) 1827 г.,—когда я выразила желаніе ѣхать въ Царское Село, чтобы видѣть церемонію поднесенія ордена, мужъ мой сказалъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи и что мнѣ неудобно быть въ числѣ зрителей, когда они приглашены принять оффиціальное участіе въ церемоніи. Представьте же себѣ мое удивленіе, когда въ субботу я получила спеціальное приглашеніе отъ вдовствующей императрицы. А у меня не было приготовлено платья! Что дѣлать? Но милая г-жа Turin сдѣлала для меня чудеса и въ воскресенье утромъ, въ половинѣ восьмаго, у меня уже было четыре новыхъ платья (для присутствія на церемоніи и обѣдѣ), ибо, по обыкновенію, никто не зналъ—нужно-ли будетъ имѣть платье со шлейфомъ или безъ шлейфа, поэтому то и другое должно быть готово.

«Ни императоръ, ни императрица не обѣдали въ Павловскѣ. Государынѣ запрещено малѣйшее утомленіе. Такимъ образомъ, изъ царской фамиліи за обѣдомъ присутствовали только трое: вдовствующая императрица и великій князь Михаилъ Павловичъ съ великой княгиней Еленой Павловной. За столомъ сидѣло сто двадцать человѣкъ, всѣ фрейлины были на-лицо. Обѣдъ былъ роскошный, и весь столъ былъ убранъ васильками, что̀ было очень оригинально и красиво.

«Лордъ Гертфордъ сидѣлъ рядомъ съ императрицей, возлѣ него герольдмейстеръ ордена, который только кивалъ головою и улыбался, но не понималъ ни слова изъ того, что̀ говорилось, даже когда великая княгиня Елена Павловна обращалась къ нему по-англійски. Мы разошлись тотчасъ послѣ обѣда, получивъ отъ ея величества приглашеніе провести съ нею вечеръ въ Розовомъ павильонѣ. Я играла за ея столомъ въ мушку, и она очень любезно и весело объясняла лорду Гертфорду правила этой игры. Молодежь играла въ petits jeux и страшно веселилась.

«Императрицу очень потѣшали громкіе взрывы хохота, который они не могли сдержать. Её особенно забавляли Францискъ Сеймуръ и морякъ Меррей. Наши молодые люди говорятъ, что они никогда не видали,

чтобы барышни играли въ игры съ такимъ увлеченіемъ. За ужиномъ императрица не сидѣла, но ходила около столовъ и разговаривала съ гостями.

«На слѣдующій день я получила отъ императрицы Александры Өеодоровны приглашеніе быть у нея. Она приняла меня на балконѣ, угощала клубникой со сливками и была чрезвычайно любезна и милостива. Въ часъ дня состоялась церемонія поднесенія ордена Подвязки; посторонняя публика не была допущена и могла только видѣть, какъ участвующіе въ церемоніи вышли изъ золоченыхъ каретъ и шли по колоннадѣ. Даже обѣ императрицы не участвовали въ церемоніалѣ; но къ одной изъ дверей была придѣлана занавѣсь, сквозь которую онѣ и дѣти смотрѣли на шествіе.

«Императрица говорила мнѣ, что, къ ея величайшему смущенію, маленькая Ольга Николаевна подъ конецъ церемоніи просунула головку сквозь дырку, которую она продѣлала въ занавѣси. Мой мужъ замѣтилъ ея хорошенькое личико, выглядывавшее изъ-за занавѣси, и такъ загляделся на нее, что чуть не забылъ въ должный моментъ сдѣлать поклонъ. Лордъ Гертфордъ былъ одѣтъ великолѣпно, такъ же, какъ и всѣ остальные участники церемоніи.

«Во главѣ процессіи шли Гертфордъ и герольдмейстеръ ордена, сэръ Нейлоръ; за ними слѣдовалъ лордъ Гилль съ орденомъ на подушкѣ, лордъ Сеймуръ съ мечемъ, капитанъ Мейвель, несшій шляпу императора, капитанъ Сеймуръ съ плащемъ, ассистенты съ печатями и, наконецъ, два пажа, несшіе шляпу лорда Гертфорда и корону.

«Погода была прекрасная, и толпа зрителей, собравшаяся около дворца, была въ свѣтлыхъ, яркихъ платьяхъ, такъ что зрѣлище было великолѣпное.

«Чины англійскаго посольства обѣдали у министра двора, князя Петра Волконскаго».

Нѣсколько дней спустя, Дисброо были снова приглашены къ обѣду въ Царское Село. За столомъ сидѣли императоръ и вдовствующая императрица, но императрица Александра Өеодоровна появилась только послѣ обѣда. Тогда же вошли и дѣти, самая младшая великая княжна сдѣлала хорошенькій реверансъ и какъ будто понимала, какъ надобно держать себя; замѣтивъ, что фрейлины стояли, сложивъ руки, она сдѣлала то же самое и стояла все время пресерьезно».

Молодой Сеймуръ получилъ отъ императора перстень съ алмазомъ.

Лордъ Гертфордъ оставилъ 10.000 руб. на заведенія императрицы Маріи.

Осенью 1827 г. Дисброо оставилъ Россію и былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ къ Виртембергскому двору.

«Какъ бы вы думали, съ кѣмъ мнѣ тяжелѣе всего разстаться,

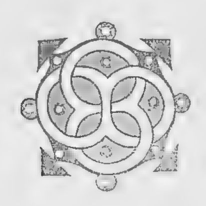
уѣзжая отсюда?—писала г-жа Дисброо роднымъ 12-го (24-го) сентября 1827 года. Съ императоромъ и императрицей? Они были такъ милостивы ко мнѣ, что я искренно привязалась къ нимъ и не могу помириться съ мыслію, что я, быть можетъ, никогда не увижу ихъ.

«Я всегда буду вспоминать объ императорѣ, какъ о самомъ нѣжномъ супругѣ, и объ императрицѣ, какъ о самой очаровательной, любезной женщинѣ; если бы вы видѣли ее на-дняхъ въ маскарадѣ! Она была такъ хороша собою, такъ счастлива и весела!

«Мы откланялись имъ въ воскресенье, и они обошлись съ нами такъ милостиво, что я позабыла совершенно объ этикетѣ и чувствовала, какъ будто я разстаюсь съ самыми близкими родными, а потому вела себя очень неприлично.

«Императоръ и великій князь Михаилъ (Павловичъ) и принцъ прусскій сдѣлали намъ честь и посѣтили насъ послѣ прощальной аудіенціи»,—писалъ тогда же самъ Дисброо,—«и, такъ какъ я уже не былъ посломъ, то честь, оказанная мнѣ этимъ посѣщеніемъ, была еще больше, ибо это было необычно».

Черезъ нѣсколько дней Дисброо и его супруга уѣхали изъ Петербурга.

Возвращеніе Тарнопольской области Австріи.

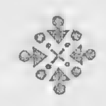
Высочайшій рескриптъ сенатору Тейльсу.

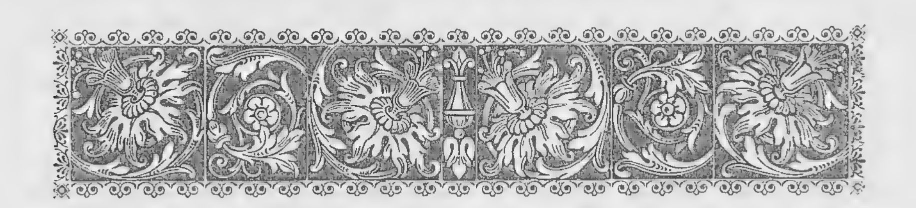
26-го іюня 1815 г.

Игнатій Антоновичъ! Коллежскій секретарь Крамеръ, присланный ко мнѣ съ донесеніями вашими отъ 18-го мая, достигъ меня на пути къ арміи. Многочисленныя занятія мои теперь токмо дозволяютъ мнѣ отправить его къ вамъ обратно съ разрѣшеніями, коихъ вы испрашиваете относительно до ввѣренной управленію вашему Тарнопольской области. По силѣ первой статьи трактата, заключеннаго между мною и австрійскимъ императоромъ и при семъ къ вамъ препровождаемаго, доставшіеся намъ въ 1809 году уѣзды: Злочевской, Баржезанской, Тарнопольской и Залащицкой имѣютъ быть возвращены Австріи въ теченіе шести недѣль, со дня размѣна ратификаціи; границы же въ сей части Галиціи возстановляются по-прежнему такъ, какъ оныя стояли до 1809 года. Сколь не согласенъ я съ вами въ пользѣ, каковую бы ощутила казна наша отъ сохраненія нами еще до 1-го января будущаго года управленія надъ симъ краемъ; но постановленія, нынѣ подписанныя, содѣлывая (?) сіе невозможнымъ, я возлагаю на васъ исполненіе сей статьи и повелѣваю вамъ приступить немедленно къ сдачѣ показанныхъ четырехъ уѣздовъ коммиссару, который для принятія оныхъ, со стороны австрійскаго правительства назначенъ будетъ, стараясь какъ наискорѣе привести дѣло сіе къ надлежащему окончанію.

Для меня пріятно при семъ случаѣ отдать полную справедливость трудамъ, понесеннымъ вами, и отличному усердію, вами изъявленному во все время управленія вашего Тарнопольскою областію. Желая ознаменовать на самомъ опытѣ мое къ вамъ благоволеніе, повелѣлъ я, сходственно съ представленіемъ вашимъ, наградить чиновниковъ, признанныхъ отъ васъ того достойными.

Пребываю вамъ благосклонный.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XVIII [1]).

Бесѣды митрополита Филарета.—Стихотворенія Гнѣдича.—Продажа иностранныхъ книгъ.—Кончина князя Ширинскаго-Шихматова и назначеніе А. С. Норова министромъ народнаго просвѣщенія.—Молитва всеискупающая.—Разсказъ попугая.—Логика или наука о законахъ мышленія.—Книга Устванп.—О цитированіи изъ иностранныхъ запрещенныхъ книгъ.—Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа.—Мелочи изъ запаса моей памяти М. Дмитріева.—Брошюра „Паденіе Турціи".—Разсказы пестрой птички.—Русскія пословицы и поговорки Ѳ. Буслаева. —Очерки современной Турціи.—Статья о хозяйственныхъ орудіяхъ на Нью-Іоркской выставкѣ. —Два слова о письмахъ графа Ростопчина, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ".—Великорусскія пѣсни въ Саратовской губерніи.—Руководство къ познанію новой исторіи Смарагдова.—Закрытіе Комитета 2-го апрѣля.

18-го февраля 1853 года князь Ширинскій-Шихматовъ изъяснилъ въ докладѣ государю, что московскій военный генералъ-губернаторъ препроводилъ къ тамошнему попечителю, для напечатанія, съ соблюденіемъ цензурныхъ правилъ, бесѣду московскаго митрополита Филарета, въ день 50-ти лѣтія Екатерининскаго училища благородныхъ дѣвицъ. Генералъ-адъютантъ Назимовъ считалъ неудобнымъ подвергнуть эту бесѣду разсмотрѣнію Московскаго цензурнаго комитета. Министръ народнаго просвѣщенія не находилъ никакого препятствія къ напечатанію бесѣды, но какъ нѣкоторыя мѣста относятся тутъ къ государю и къ императрицѣ, то онъ и представлялъ бесѣду митрополита Филарета на высочайшее благоусмотрѣніе. На этомъ докладѣ послѣдовала 18-го февраля высочайшая резолюція: «Можно».

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1903 г.

Разсматривая стихотворенія Гнѣдича, назначенныя къ печатанію новымъ изданіемъ, цензоръ Крыловъ представилъ выписку сомнительныхъ пьесъ и мѣстъ, а при этомъ замѣтилъ вообще, что Гнѣдичъ, какъ эллинистъ, напитанный духомъ классическихъ твореній, переносилъ въ собственныя произведенія такія идеи, которымъ было свойственно восхищаться древнимъ грекамъ, выше всего цѣнившимъ республиканскія добродѣтели. Такимъ образомъ, онъ очень часто увлекался къ прославленію вольности и свободы, называя даже иногда свободу—святою, Гомера—пророкомъ о древнихъ царяхъ и греческихъ тираннахъ, выражался съ особою жестокостью, озлобленіемъ, и въ уста перуанца, проклинающаго испанское порабощеніе, вложилъ такія слова, въ которыхъ заключается собственно хула на Бога христіанскаго. Мѣстъ этихъ нельзя исключить, не вредя составу пьесъ, въ которыхъ они находятся. Между тѣмъ вся совокупность этихъ мѣстъ не служитъ доказательствомъ какого-либо непозволительнаго направленія стихотвореній вообще; благородствомъ мыслей и заслугами въ литературѣ авторъ оставилъ по себѣ безукоризненную память дѣятеля на поприщѣ русской поэзіи. Стихотворенія Гнѣдича читаются теперь немногими, а еще меньшимъ числомъ любителей поэзіи дочитываются. По всему этому Крыловъ полагалъ возможнымъ дозволить новое изданіе стихотвореній Гнѣдича вполнѣ, съ исключеніемъ только стихотвореній: «Къ кающейся грѣшницѣ» и «Эпиграмма», по его мнѣнію довольно неумѣстныхъ, такъ какъ въ послѣдней заключается острота надъ помѣщикомъ, разорившимъ своихъ крестьянъ благотворительнымъ учрежденіемъ, а въ первомъ—шутка надъ покаяніемъ дамы. С.-Петербургскій попечитель признавалъ возможнымъ исключить одну только первую изъ числа означенныхъ пьесъ.

14-го марта 1852 года князь Ширинскій-Шихматовъ въ докладѣ государю изъяснялъ, что статсъ-секретарь у принятія прошеній препроводилъ къ нему, по высочайшему повелѣнію, прошеніе двухъ с.-петербургскихъ книгопродавцевъ, Беллизара и Гауера, и повѣреннаго трехъ московскихъ книгопродавцевъ: Урбена, Готье и Рено, въ которомъ они, описывая затруднительное положеніе торговли иностранными книгами, просятъ воспретить производство этой торговли людямъ, не могущимъ представить доказательствъ доброй нравственности и нѣкоторой степени образованія, съ назначеніемъ синдика изъ книгопродавцевъ, который давалъ-бы той торговлѣ направленіе, согласное съ видами правительства; при томъ освободить отъ платежа взимаемой нынѣ пошлины если не всѣ вообще, привозимыя изъ-за границы книги, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ книгъ, которыя не будутъ освобождены отъ платежа пошлины, брать ее въ цензурѣ, а не въ таможняхъ взимая съ сихъ послѣднихъ пошлину только за переплетъ.

Князь Ширинскій-Шихматовъ находилъ это ходатайство неосновательнымъ и неудобоисполнимымъ. Первое ограниченіе онъ признавалъ лишь за желаніе устранить изъ книжной торговли природныхъ русскихъ; выдачу книгъ изъ таможенъ считалъ нисколько не стѣснительною для книгопродавцевъ, ибо она производится всегда безъ замедленія; равно признавалъ и пошлину для нихъ вовсе не затруднительною, потому что они прибавляютъ пошлинныя деньги къ продажной цѣнѣ книгъ; а на пошлину за запрещенныя книги также не могутъ жаловаться, такъ какъ, при высылкѣ ихъ за границу, пошлина возвращается каждому по принадлежности, и т. д. Принимая все это во вниманіе, а также и то, что изъ 14-ти с.-петербургскихъ и 5-ти московскихъ книгопродавцевъ въ прошеніи приняли участіе только 5, и что ни рижскіе, ни ревельскіе, ни дерптскіе, ни митавскіе, ни виленскіе, ни кіевскіе, ни одесскіе книгопродавцы вовсе не домогаются отмѣны пошлины съ привозимыхъ изъ-за границы книгъ и не просятъ ни о какомъ другомъ измѣненіи существующаго нынѣ порядка, министръ полагалъ, что прошеніе Беллизара и Гауера не заслуживаетъ вниманія. Это мнѣніе получило высочайшее утвержденіе.

Что касается выдачи иностранныхъ запрещенныхъ книгъ, въ видѣ исключенія, привилегированнымъ личностямъ, то она была, въ этотъ періодъ времени, крайне незначительна.

Въ заключеніе настоящаго обзора дѣятельности цензурнаго вѣдомства за этотъ періодъ времени, слѣдуетъ упомянуть, что въ это время пересматривался, но не получилъ окончательнаго утвержденія, цензурный уставъ, во всѣхъ его частяхъ, а 19-го іюля 1850 года высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о томъ, что въ цензоры должны быть опредѣляемы только чиновники, получившіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или инымъ способомъ пріобрѣтшіе основательныя свѣдѣнія въ наукахъ, если они при томъ достаточно ознакомлены съ историческимъ развитіемъ и современнымъ движеніемъ отечественной или иностранной словесности, смотря по назначенію каждаго, и въ продолженіе занятія этой должности не нести, вмѣстѣ съ нею, никакихъ другихъ обязанностей. Вмѣстѣ съ этимъ увеличенъ вообще штатъ цензурнаго вѣдомства, на который ассигновано 104.324 р. 92 к. въ годъ.

9-го мая 1853 года князь Ширинскій-Шихматовъ умеръ, послѣ непродолжительной болѣзни, и мѣсто его заступилъ бывшій его товарищъ, тайный совѣтникъ Норовъ, управлявшій министерствомъ съ 6-го апрѣля, и утвержденный въ званіи министра 11-го апрѣля 1854 года. Оставшись въ этомъ званіи уже до конца царствованія императора Николая I, новый министръ не ознаменовалъ своего управленія ничѣмъ особенно примѣчательнымъ по цензурному вѣдомству.

Обзоръ этого періода мы начнемъ, какъ и предыдущій, сообщеніями Комитета 2-го апрѣля.

28-го мая 1853 г. генералъ Анненковъ писалъ, что въ числѣ книгъ, изданныхъ въ 1851 и въ 1852 годахъ въ Казани на восточныхъ языкахъ, находятся: а) «Молитва всеискупающая» и стихи алкорана о единствѣ Бога, на арабскомъ языкѣ, съ описаніемъ, на татарскомъ языкѣ, пользы, получаемой отъ этой молитвы; б) «Разсказъ попугая», на турецко-татарскомъ языкѣ. Первая изъ этихъ книгъ сопровождается разсказомъ о томъ, какъ одинъ безнравственный человѣкъ, занимавшійся при жизни воровствомъ, разбоемъ и предававшійся пьянству и другимъ порокамъ, успѣлъ передъ смертью прочесть эту молитву, и все ему было прощено, и что и другіе, если также будутъ поступать, то и имъ простятся грѣхи. Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что подобное ученіе, къ какому бы оно исповѣданію ни относилось, не только не принесетъ никакой пользы для нравственности вѣрующимъ въ оное, но, напротивъ, можетъ отклонить отъ всякаго стремленія къ своему исправленію тѣхъ, кои предаются порокамъ и даже покушаются на злодѣяніе, такъ какъ, по толкованію молитвы, одного прочтенія ея въ предсмертный часъ достаточно для искупленія грѣховъ цѣлой жизни. Во второй книгѣ «Разсказъ попугая» помѣщенъ разсказъ о плотникѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ, которые, придя въ Константинополь, притворились набожными монахами, и когда христіанскіе монахи, повѣривъ имъ, поручили ихъ надзору одинъ изъ своихъ храмовъ, то они украли оттуда драгоцѣнный образъ, а народъ увѣрили, что ликъ святаго, оскорбившись ихъ ненабожностью, ушелъ на небо жаловаться Іисусу Христу. Этотъ разсказъ по нелѣпости своей и нѣкоторой ироніи надъ вѣрованіями церкви въ св. иконы вовсе не слѣдовало пропускать въ печать, почему Комитетъ и испрашивалъ разрѣшенія государя на сообщеніе этихъ замѣчаній Норову, для поставленія въ виду лицъ, цензуровавшихъ тѣ книги, неосмотрительность ихъ, и предостереженіе на будущее время.

На журналѣ Комитета послѣдовала 25-го мая высочайшая резолюція: «Справедливо».

20-го іюня 1853 года статсъ-секретарь баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ 1852 году вышла въ печати, въ Москвѣ, «Логика или наука о законахъ мышленія», профессора Тульской семинаріи, протоіерея Смирнова, и Комитетъ 2-го апрѣля, встрѣтивъ въ изложеніи этой книги, мѣстами весьма нелѣпомъ, нѣкоторыя неумѣстныя выраженія, спрашивалъ черезъ синодальнаго оберъ-прокурора, графа Протасова, мнѣніе по этому предмету Св. Синода. Изъ числа замѣченныхъ Комитетомъ мѣстъ сочинитель, для объясненія понятія о недѣлимой или численной разности предметовъ, приводитъ слѣдующій примѣръ: «Разли-

чіе между Александромъ I, россійскимъ императоромъ, и Наполеономъ французскимъ, есть различіе численное или недѣлимое». Въ другомъ мѣстѣ, желая объяснить неправильныя дѣленія, авторъ говоритъ, что таково было бы, напримѣръ, дѣленіе людей по рогамъ и духовныхъ существъ по цвѣту, тогда какъ первые не имѣютъ роговъ, а вторые цвѣта. Св. Синодъ, разсмотрѣвъ указанныя Комитетомъ мѣста, нашелъ первое неприличнымъ, а второе несообразнымъ съ свойствомъ самаго даже неправильнаго дѣленія. Впрочемъ, послѣднее мѣсто подлежитъ, по мнѣнію Св. Синода, собственно критикѣ, равно какъ и другія, замѣчаемыя въ книгахъ погрѣшности противъ науки и языка. Комитетъ полагалъ эти замѣчанія и заключеніе Св. Синода сообщить Норову, для поставленія на видъ цензору невнимательность его при пропускѣ перваго изъ вышеприписанныхъ мѣстъ.

На журналѣ Комитета послѣдовала 17-го іюня высочайшая резолюція: «Исполнить».

20-го іюня 1853 года баронъ Корфъ писалъ, что въ 1851 году напечатана въ Казани, на турецкомъ языкѣ, книга подъ заглавіемъ «Уствани», содержащая въ себѣ сущность вѣрованія суннитовъ, и тутъ, между прочимъ, сказано: «Тотъ, кто называетъ нынѣшнихъ властителей справедливыми, есть отступникъ отъ вѣры (гяуръ)». Комитетъ 2-го апрѣля, находя выраженіе это предосудительнымъ и могущимъ имѣть вредное вліяніе, полагалъ предоставить Норову учинить распоряженіе, чтобы изъ будущихъ изданій книги «Уствани» слова эти были исключены.

На журналѣ Комитета послѣдовала 17-го іюня высочайшая резолюція: «Справедливо».

21-го ноября 1853 года Анненковъ писалъ, что оберъ-пасторъ Беркгольцъ, въ брошюрѣ своей: «Kirchliche Reise-Erinerungen aus dem Sommer 1852», даетъ очень благонамѣренный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ политическимъ устройствомъ евангелической церкви за границей; но, при разсужденіяхъ о дѣлѣ реформаціи въ XVI вѣкѣ, ссылается на одно мѣсто изъ сочиненія Прудона: «La revolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre», въ Россіи безусловно запрещеннаго, хотя выписанное изъ Прудона мѣсто также не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и пасторъ Беркгольцъ могъ сдѣлать эту выписку въ бытность его за границей; но, имѣя въ виду послѣдовавшую, въ 1849 году, высочайшую волю, чтобъ не позволять у насъ никакихъ критикъ, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны, на книги и сочиненія запрещенныя, Комитетъ 2-го апрѣля полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія сообразить, не слѣдуетъ-ли сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, или даже ввести въ законъ, чтобы, примѣняясь къ упомянутой высочайшей волѣ, не было въ книгахъ, у насъ издаваемыхъ, допускаемо никакихъ ссылокъ или выписокъ изъ

*

такихъ книгъ иностранныхъ, которыя подвергнуты въ Россіи безусловному запрещенію.

На журналѣ послѣдовала 19-го ноября высочайшая резолюція: «Справедливо».

Годъ спустя (26-го ноября 1854 года) Норовъ сообщилъ Комитету, что главное управленіе цензуры разсуждало: 1) что въ издаваемыхъ въ Россіи книгахъ ссылки на безусловно запрещенныя иностранныя книги и выписки изъ нихъ, если въ самыхъ ссылкахъ и выпискахъ нѣтъ ничего предосудительнаго, не могутъ имѣть никакого вреднаго вліянія на читателей и, слѣдовательно, запрещать ихъ не приноситъ пользы; 2) что совершенно предупредить дѣланіе ссылокъ на безусловно запрещенныя иностранныя книги и выписокъ изъ нихъ нѣтъ практической возможности, потому что указанія вообще на новыя книги часто дѣлаются прежде разсмотрѣнія цензурою самыхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя впослѣдствіи только подвергаются запрещенію, и такія указанія въ особенности часто берутся изъ иностранныхъ періодическихъ изданій, которыя почти исключительно присылаются по почтѣ и одобряются почтовою цензурою; 3) что возложеніе на цензоровъ обязанности исключать изъ разсматриваемыхъ ими рукописей и предназначаемыхъ къ новому изданію книгъ всѣ ссылки на безусловно запрещенныя иностранныя книги и выписки изъ нихъ составило бы трудъ, свыше всякой мѣры обременительный и большею частью безуспѣшный; ибо они должны были бы, при каждой ссылкѣ, при каждой выпискѣ, каковыхъ бываетъ весьма много, обращаться для справокъ къ каталогамъ запрещенныхъ иностранныхъ книгъ, число каковыхъ, издаваемыхъ дополнительно каждый мѣсяцъ, весьма значительно и должно безпрерывно умножаться; а какъ книгамъ, позволеннымъ цензурою, еще вовсе не издано каталоговъ, то цензоры, не найдя искомыхъ книгъ въ реестрахъ книгамъ запрещеннымъ, будутъ недоумѣвать, принадлежатъ-ли онѣ къ позволеннымъ или еще неизвѣстнымъ цензурѣ. Это затрудненіе увеличится еще, если принять въ соображеніе, что иностранной цензурѣ извѣстна только часть иностранныхъ книгъ, а между тѣмъ встрѣченныя цензоромъ ссылки и выписки могутъ относиться къ такимъ запрещеннымъ книгамъ, которыя вовсе не ввозятся въ Россію; цензоры же, занимающіеся чтеніемъ произведеній русской литературы, могутъ быть весьма мало ознакомлены съ подобными произведеніями заграничными. Необходимымъ слѣдствіемъ такого недоумѣнія и крайне затруднительнаго положенія цензора, угрожаемаго безпрерывною опасностью впасть въ нарушеніе обязанности, будетъ: или безотчетное исключеніе изъ рукописей и книгъ всѣхъ вообще ссылокъ и выписокъ изъ иностранныхъ писателей, не представляющихъ даже ничего предосудительнаго, или тяжкая отвѣтственность за пропускъ ихъ;

4) что предполагаемая мѣра произвела бы не только замѣшательство въ цензурныхъ учрежденіяхъ, но и подѣйствовала бы вредно на самую литературу, замедляя изданіе въ свѣтъ книгъ и отсѣкая въ нихъ многое, возвышающее достоинство, полноту и занимательность изданія; 5) что по внутренней цензурѣ существуетъ уже два высочайшихъ повелѣнія, изъ которыхъ одно, послѣдовавшее въ 1848 году, достаточно ограждаетъ въ этомъ отношеніи журналы, какъ изданія, наиболѣе распространенныя въ публикѣ и потому болѣе другихъ подлежащія строгости цензуры, ибо онымъ пояснено, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить о ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ; а другое воспрещаетъ вообще критики (разборы) запрещенныхъ книгъ. Эти высочайшія повелѣнія, сверхъ общей обязанности цензоровъ не допускать въ печать ничего неодобрительнаго въ цензурномъ отношеніи, обезпечиваютъ совершенно безвредность выписокъ и ссылокъ, сколько таковыя нынѣ еще допускаются. По этимъ соображеніямъ, главное управленіе, не находя возможнымъ изданія по этому предмету какого-либо новаго постановленія или частнаго распоряженія, полагало бы ограничиться нынѣ существующими уже по этому предмету высочайшими повелѣніями 1848 и 1849 годовъ.

Комитетъ 2-го апрѣля согласился съ этимъ заключеніемъ и представилъ его на высочайшее воззрѣніе.—На докладѣ его послѣдовала 1-го декабря высочайшая резолюція: «Исполнить».

13-го марта 1854 года Анненковъ сообщилъ, что въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ Виленской губерніи на 1854 годъ», содержащемъ сочиненіе: «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа», Комитетъ 2-го апрѣля нашелъ такія мысли и выраженія, которыя вообще нельзя признать умѣстными и приличными, особенно же въ книгѣ, изданной (какъ настоящая) учрежденнымъ отъ правительства мѣстомъ, т. е. Виленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ—и съ разрѣшенія начальства. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ: «Великій князь Витовтъ», авторъ, безъ мѣры восхваляя Витовта, говоритъ: «но при всемъ томъ Витовтъ, истинный герой своего вѣка, возвелъ Литву до такой степени могущества мудрою политикой и стремленіемъ всей своей жизни пріуготовилъ ей такое прекрасное будущее, что ежели бы Провидѣнію угодно было продлить дни его, Литва съ западною Русью навсегда оградила бы свою самостоятельность, могущество и, быть можетъ, надолго перевѣсъ надъ сосѣдственными государствами». Кромѣ того, въ отдѣлѣ народныхъ литовскихъ пѣсенъ обратили на себя вниманіе Комитета три слѣдующія:

I.

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Я думаю, что мелю не одна,
А мелю одна,
Пою одна,
Одна обращаю жернова.
Зачѣмъ ты попалъ,
Молодой юноша,
На меня, бѣдную дѣвицу?
Вѣдь ты видѣлъ,
Сердечный юноша,
Что я не сижу во дворѣ,
Но по колѣна
Въ грязи;
По плечи
Въ водѣ;
Тяжки дни мои.

II.

Кто хочетъ жить среди горя,
Проливать тяжкія слезы,
Пусть ѣдетъ и сдѣлается
Женою барщинника.
Пойдетъ на барщину
Въ красный дворъ,
Гдѣ ее въ слезахъ
Поставятъ за жернова,
Возвратится съ барщины
Назадъ изъ двора,
Неся милыя слова
И горькія слезы... и т. д.

III.

Миленькая Литува (Литва)
Дорогая свобода,
Ты скрылась въ пространствѣ небесъ,
Гдѣ жъ тебя искать?
Развѣ только на лонѣ смерти.
Пусть смотритъ, куда хочетъ, несчастный!
Взгляни на востокъ,
Взгляни на западъ:
Бѣдность, принужденіе и притѣсненіе,
Потъ отъ труда, кровь отъ ударовъ
Залили пространную землю!
Миленькая Литува,
Дорогая свобода,
Сойди съ неба—сжалься!

Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что изъ этихъ пѣсенъ первыя двѣ могутъ возбуждать враждебныя чувства между сословіями края, а вышеприведенныя выраженія въ статьѣ о Витовтѣ, и въ особенности 3-я пѣсня, вредны въ политическомъ отношеніи, возбуждая сожалѣніе о несохранившейся самостоятельности Литвы и оплакивая потерю ея свободы. Поэтому Комитетъ полагалъ предоставить министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ сдѣлать соотвѣтствующее взысканіе, какъ съ Виленскаго статистическаго комитета, такъ и съ цензора, разсматривавшаго сборникъ.

На журналѣ Комитета послѣдовала 12-го марта высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо».

14-го апрѣля 1854 года, статсъ-секретарь баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ сочиненіи М. Дмитріева: «Мелочи изъ запаса моей памяти», напечатанномъ въ VI № «Москвитянина», находятся между прочимъ разныя подробности о паденіи Сперанскаго. Между тѣмъ изъ дѣлъ Комитета 2-го апрѣля видно, что въ 1848 году, по случаю включенныхъ въ «Воспоминанія Булгарина» разсказовъ о Сперанскомъ, замѣчена была уже неумѣстность въ печати намековъ на его удаленіе и вообще на подробности такого дѣла, которое, бывъ правительствомъ до нынѣ всегда оставляемо подъ покровомъ тайны, слишкомъ еще близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало, безъ особаго призванія и, вѣроятно, безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова. Основываясь и нынѣ на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ, Комитетъ находилъ, что если изложенныя теперь въ «Москвитянинѣ» подробности и представляютъ, такъ сказать, фактическій разсказъ, то, однако же, и въ этой формѣ, неприлично и не должно допускать оглашенія, чрезъ печать, таких и столь близкихъ къ намъ событій, коихъ причины или побужденія правительство, съ своей стороны, признало за благо оставить въ тайнѣ. Вслѣдствіе того, Комитетъ полагалъ сдѣлать соотвѣтственное въ этомъ смыслѣ по цензурѣ вразумленіе, для надлежащаго на будущее время руководства.

На журналѣ Комитета послѣдовала 11-го апрѣля высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо».

18-го апрѣля 1854 года по поводу брошюры: «Паденіе Турціи», содержащей въ себѣ: 1) Пророчество, найденное на гробѣ Константина Великаго, 2) Предсказанія султана Солимана и арабскаго астролога Муста-Эддына, 3) Предсказанія Мартына Задека, баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ прежнее время подобныя статьи, какъ не содержащія въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры, проходили незамѣтно, и ни цензурное вѣдомство, ни Комитетъ 2-го апрѣля не останавливали на нихъ вниманія; но недоумѣвая, можно-ли и должно-ли по видамъ правительства статьи такого рода пропускать въ печать и

при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, Комитетъ подвергалъ упомянутую брошюру на благоусмотрѣніе государя, испрашивая съ тѣмъ вмѣстѣ высочайшихъ по этому предмету указаній, для общаго по цензурному вѣдомству руководства.

На журналѣ Комитета послѣдовала высочайшая резолюція: «Лучше избѣгать, ибо пользы отъ сего нѣтъ».

20-го іюня 1854 года баронъ Корфъ писалъ, что какъ въ одномъ изъ разсказовъ дѣтской книги: «Разсказы пестрой птички», переведенной съ нѣмецкаго,—подъ названіемъ: «Прекрасная Симпльда и морской царевичъ», повѣствуется о деревенской дѣвушкѣ, обольщенной морскимъ царевичемъ, то Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что такой предметъ разсказа въ книгѣ, назначенной для дѣтскаго возраста, не говоря уже о совершенной, конечно, безполезности онаго, не можетъ даже быть признанъ и приличнымъ; а сопровожденіе волшебныхъ приключеній религіозными обрядами звона колоколовъ, погребенія и молитвы предъ алтаремъ можетъ причинить смѣшеніе понятій въ дѣтскомъ воображеніи, «стоны же изъ могилы» могутъ навести оное на суевѣрные и нелѣпые страхи, всегда столь трудно потомъ истребляемые. По всему этому, Комитетъ и признавалъ не безполезнымъ поставить въ виду Комитета учебныхъ руководствъ (одобрившаго эту книгу къ печати) вышеизложенныя замѣчанія, предостеречь оный, что слѣдуетъ обращать болѣе вниманія на содержаніе и изложеніе книгъ, предназначаемыхъ для дѣтскаго возраста.

На журналѣ Комитета послѣдовала 17-го іюня высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо.

24-го мая 1854 года баронъ Корфъ писалъ, что въ книгѣ: «Русскія пословицы и поговорки, собранныя и объясненныя Ѳ. Буслаевымъ»,— трудѣ, во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія, являются, къ сожалѣнію, слѣдующія совершенно неумѣстныя въ печати пословицы: «Дѣти отца бьютъ, въ запасъ пасутъ.—Мила жена, какъ къ вѣнцу ведутъ, да какъ вонъ несутъ.—Слава Богу! батюшку съ матушкой схоронилъ, какъ съ поля убралъ», вслѣдствіе чего Комитетъ 2-го апрѣля полагалъ, что не безполезно было бы обратить вниманіе Норова на допущеніе въ сборникѣ Буслаева этихъ трехъ пословицъ, предоставя ему, Норову, вмѣнить цензурнымъ комитетамъ въ обязанность, чтобы они не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ, которыя, едва-ли имѣя какое-нибудь общее распространеніе, столь противны патріархальному чувству нашего народа, и которыя если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь отдѣльной мѣстности, не можетъ, конечно, быть пользы оглашать и вводить, чрезъ печать, какъ-бы въ общее употребленіе.

На журналѣ Комитета послѣдовала 20-го мая высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо, отнюдь не слѣдовало пропускать».

21-го іюля 1854 года баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ статьѣ «Очерки современной Турціи», помѣщенной въ «Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и заимствованной изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», излагаются слѣдующія правила мусульманскаго ученія: «Постоянная борьба съ невѣрными, постоянное преслѣдованіе ихъ силою меча, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ истреблены до одного, или покуда исламъ не будетъ распространенъ во всѣ концы міра, составляетъ священнѣйшую обязанность для мусульманъ». «Въ случаѣ войны противъ невѣрныхъ, каждый мусульманинъ, способный носить оружіе, долженъ стать подъ знамена ислама». «Всѣ мѣры, клонящіяся къ истребленію враговъ вѣры, дозволены для мусульманина во время войны». Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что если этому и учитъ Коранъ и такое ученіе могло быть указано безъ вреда въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», то отнюдь не слѣдовало какъ бы поддерживать и освящать подобныя правила повтореніемъ ихъ, безъ всякаго возраженія или замѣчанія со стороны редакціи въ правительственномъ изданіи такого края (Таврической губерніи), гдѣ большая часть населенія принадлежитъ къ исламизму; еще менѣе же слѣдовало допускать это при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ. По этимъ уваженіямъ, Комитетъ полагалъ сообщить о томъ министру внутреннихъ дѣлъ для поставленія такой неосмотрительности на видъ редакціи и цензору «Таврическихъ Вѣдомостей».

На докладѣ Комитета послѣдовала 17-го іюля высочайшая резолюція: «Совершенно справедливо».

По справкѣ въ цензурномъ комитетѣ оказалось, что статья эта была, прежде печати, процензирована министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но Норовъ не сообщилъ объ этомъ Комитету 2-го апрѣля и удовольствовался сообщеніемъ настоящаго высочайшаго повелѣнія къ свѣдѣнію одесскому попечителю.

21-го же іюля 1854 года баронъ Корфъ писалъ, что въ статьѣ о хозяйственныхъ орудіяхъ на Нью-Іоркской выставкѣ, напечатанной въ майской книгѣ «Трудовъ императорскаго вольнаго экономическаго общества», авторъ, упоминая о новыхъ примѣненіяхъ электричества и гальванизма, говоритъ между прочимъ: «сюда, кажется, должно причислить весьма интересное открытіе, сдѣланное здѣсь Новакомъ, уроженцемъ изъ Славоніи, и заключающееся въ томъ, что можно переносить, въ самое короткое время, на цинковую доску все печатное типографическою чернью, какъ бы книга или картина ни была стара. Потомъ, цинковая доска даетъ оттиски, какъ обыкновенные литографическіе камни, но въ болѣе изобильномъ количествѣ. Это открытіе, кромѣ мно-

жества техническихъ приспособленій, мнѣ кажется такого свойства, что можетъ подорвать всякій банковый и ассигнаціонный кредитъ. Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что цензоръ, при пропускѣ этой статьи, поступилъ бы гораздо осторожнѣе, исключивъ послѣднія слова, чтобы не наводить черезъ журнальную статью на мысль преступной попытки. Поэтому Комитетъ полагалъ сдѣлать строгое внушеніе цензору, разсматривавшему ту статью.

На докладѣ Комитета послѣдовала 17-го іюля высочайшая резолюція: «Справедливо».

12-го августа 1854 года баронъ Корфъ писалъ Норову: «Во 2-й іюльской книжкѣ «Москвитянина» напечатаны «Два слова о письмахъ графа Ѳ. В. Растопчина, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Тихонравовымъ. Въ этихъ «двухъ словахъ», подписанныхъ М. П., т. е. Михаилъ Погодинъ, разсказывается, что онъ эти самыя письма получилъ года три тому назадъ отъ сына графа Растопчина и приготовилъ ихъ къ печати съ своимъ предисловіемъ, но не могъ ихъ издать, и они остались въ его бумагахъ. За симъ г. Погодинъ продолжаетъ: «Тихонравовъ, которому я сообщилъ о нихъ свѣдѣніе, среди разговоровъ о старой нашей литературѣ, обратился ко мнѣ съ просьбой, назадъ тому мѣсяца два, о позволеніи помѣстить нѣсколько извѣстій изъ нихъ о сельскомъ хозяйствѣ, для пополненія статьи его о графѣ Растопчинѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ эти письма, кои не могъ я напечатать въ Москвѣ, напечатанными въ Петербургѣ! Маневръ ловкій, смѣлый, англійскій. Флагъ покрываетъ грузъ. C'est une bonne prise! Надо отдать честь г. Тихонравову, который умѣлъ найти дорогу къ оригиналамъ и напечатать ихъ въ Петербургѣ! Но вотъ въ чемъ дѣло: письма имъ искажены и изуродованы, и, читая ихъ, не получаешь понятія о подлинникѣ. Г. Тихонравовъ, напечатавъ письма въ такомъ видѣ, съ пересыпкою пошлыхъ и пустыхъ разсужденій, посягнулъ, въ своемъ библіографическомъ азартѣ, на честь одного изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ новой русской исторіи и подалъ о немъ самое превратное понятіе. Это есть литературно-историческое преступленіе». Я не вхожу и не считаю себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе ни справедливости дѣлаемыхъ здѣсь г. Тихонравову упрековъ, ни степени основанія, какое имѣлъ г. Погодинъ назвать его поступокъ англійскимъ маневромъ (при принятомъ нынѣ понятіи этого выраженія), хорошимъ призомъ и проч. Но по кругу дѣйствія, возложенному высочайшимъ довѣріемъ на Комитетъ 2-го апрѣля, я нахожу прямою своею обязанностью замѣтить, что эти упреки, выходящіе изъ предѣловъ того, что принадлежитъ собственно къ дозволенной литературной критикѣ и полемикѣ, бывъ сдѣланы гласно черезъ печать и передъ всею публикою, не могутъ, и по сущности ихъ, и по

формѣ, не быть почтены за оскорбленіе Тихонравова, а въ этомъ отношеніи законы наши совершенно положительны: цензурный уставъ запрещаетъ пропускать въ печать такія сочиненія, въ которыхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями, а Уложеніе 1845 года подвергаетъ извѣстнымъ, соразмѣрнымъ степени виновности, наказаніямъ, какъ цензора, нарушившаго это правило, такъ и того, кто составилъ и распространилъ хотя и не заключающее въ себѣ прямой клеветы, но ругательное или явно оскорбительное для чести частнаго лица сочиненіе. Вслѣдствіе того, я полагалъ бы, обративъ на помѣщенную въ «Москвитянинѣ» статью г. Погодина вниманіе министра народнаго просвѣщенія, предоставить дѣло сіе, въ дальнѣйшемъ онаго ходѣ, его дѣйствію и распоряженію». Вслѣдствіе того, сдѣлано замѣчаніе московскому цензору Ржевскому.

17-го сентября 1854 года баронъ Корфъ, по поводу «Великорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ въ Саратовской губерніи» и напечатанныхъ въ № 34-мъ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», писалъ Норову, что онѣ представляютъ, почти всѣ, самую преступную и печальную сторону семейнаго быта, именно тоску и отчаяніе мужей, которымъ опостылѣли ихъ жены и которые ищутъ себѣ удовольствій и утѣшеній внѣ семейной жизни. Не обращаясь къ вопросу, точно-ли всѣ эти пѣсни суть народныя и не принадлежатъ-ли, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, къ произведеніямъ собственнаго вымысла напечатавшаго ихъ, Комитетъ 2-го апрѣля находилъ, что если и нѣтъ достаточной причины подвергать цензора, за пропускъ ихъ въ печать, отвѣтственности, то не излишнимъ, однако же, было бы предостеречь какъ его, такъ и вообще цензурное вѣдомство, на будущее время, что народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны подлежать столько же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; а потому не слѣдуетъ пропускать такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ; желательно, напротивъ, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и не обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати, въ особенности, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

На докладѣ Комитета послѣдовала 14-го сентября высочайшая резолюція: «До такой степени скверно, что заслуживаетъ строгаго взысканія съ цензора, да и губернатору выговоръ за небреженіе. Хочу знать, кто цензоръ; посадить на мѣсяцъ на гауптвахту».

Вслѣдъ за тѣмъ, 21-го сентября, баронъ Корфъ увѣдомилъ Норова конфиденціальнымъ письмомъ, что на докладной запискѣ его, Корфа, коею доведено было до свѣдѣнія государя, что вышеозначенныя пѣсни пропустилъ въ печать директоръ училищъ Саратовской

губерніи, Мейеръ, послѣдовала, 19-го сентября, высочайшая резолюція: «министру народнаго просвѣщенія донести, можетъ-ли онъ, по сему образчику своей глупости, или нерадѣнія, быть еще достойнымъ такого довѣрія».

Министръ народнаго просвѣщенія, въ докладѣ 25-го сентября, изъяснилъ, что Мейеръ имѣетъ за собою неоспоримыя отличныя заслуги по службѣ, но, не смотря на то, по важности упущеній, замѣченныхъ нынѣ въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», онъ, министръ, устранилъ Мейера отъ цензурной обязанности, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы, вслѣдъ за объявленіемъ ему ареста, даровать ему всемилостивѣйшее прощеніе; что же касается до обращенія губернскихъ вѣдомостей къ прямому ихъ назначенію газетъ мѣстныхъ, безъ всякаго литературнаго характера, то онъ, министръ, войдетъ о томъ въ соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

На этомъ докладѣ послѣдовала 26-го сентября высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Вслѣдствіе же ходатайства министра финансовъ, Брока, высочайше разрѣшено не объявлять предсѣдателю Саратовской казенной палаты, статскому совѣтнику Гану (управлявшему Саратовской губерніею), выговора за помѣщеніе въ тамошнихъ вѣдомостяхъ безнравственныхъ пѣсенъ. Наконецъ, вопросъ о составѣ и программѣ губернскихъ вѣдомостей разрѣшенъ не ранѣе февраля 1855 года, когда высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета министровъ положено: «въ части неоффиціальной могутъ быть помѣщаемы относящіяся до мѣстности свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, историческіе, археологическіе, статистическіе, этнографическіе и проч., о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ губерніи и т. д. Сообщаемыя же въ неоффиціальной части извѣстія, свѣдѣнія и матеріалы не должны облекаться въ формы такихъ литературныхъ статей, въ которыхъ обыкновенно имѣетъ мѣсто вымыселъ или не принадлежащая къ самому предмету обстановка, каковы: повѣсти, разсказы и т. п.».

19-го декабря 1854 года баронъ Корфъ писалъ Норову, что въ «Руководствѣ къ познанію новой исторіи», Смарагдова, напечатанномъ 4-мъ изданіемъ, Комитетъ 2-го апрѣля остановился на слѣдующихъ мысляхъ и выраженіяхъ: идея политическаго равновѣсія представляется какъ «главное правило практической политики, состоящее въ томъ, чтобы совокупными силами слабѣйшихъ державъ отнять у сильнаго государства возможность вредить чьей-либо самостоятельности».—«Морскія державы по необходимости сдѣлались охранительницами политическаго равновѣсія: онѣ знаютъ, что переусиленіе какой-нибудь одной державы угрожаетъ главнымъ условіямъ ихъ собственнаго существованія, мореплаванію и торговлѣ».—«Человѣку суждено достигнуть цѣли

только путемъ опыта и заблужденія». «Революція возбудила дремавшія силы Англіи, породила таланты и героическіе характеры, которые наполнили и море и сушу славою своихъ подвиговъ». О французской революціи говорится, что «характеръ ея—чисто политическій, борьба философскихъ правъ времени противъ права историческаго, теоріи противъ опыта» и проч. По порученію Комитета 2-го апрѣля, баронъ Корфъ просилъ увѣдомить: можно-ли считать полезнымъ и умѣстнымъ включеніе подобныхъ мыслей въ руководство, предназначенное для среднихъ учебныхъ заведеній, и не должно-ли независимо отъ внушенія самому преподавателю (что̀ не входитъ въ кругъ дѣйствій Комитета) сдѣлать, за пропускъ этихъ мыслей въ печать, замѣчаніе цензору? На это министръ Норовъ отвѣчалъ (28-го декабря), что всѣ пять замѣченныхъ Комитетомъ мѣстъ неумѣстны въ учебной книгѣ, иныя по примѣнимости къ нынѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, другія—по поводу, который они могутъ дать ученикамъ къ превратному понятію мысли, выраженной не съ дурною цѣлью. Мѣста 1-е и 2-е находятся въ прежнемъ изданіи этой книги, чрезъ это явствуетъ, что сочинитель не имѣлъ цѣлью примѣнить ихъ къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ; въ 3-мъ мѣстѣ мысль, отдѣльно взятая, совершенно ложна, но, въ связи съ предыдущимъ, гдѣ сказано, что просвѣщеніе сбрасываетъ съ себя оковы схоластики, обнаруживается, что тутъ идетъ рѣчь о заблужденіяхъ схоластиковъ; въ 4-мъ мѣстѣ авторъ безъ сомнѣнія хотѣлъ сказать, что ужасы революціи возбудили дремавшія силы тѣхъ государственныхъ людей, которые стремились упрочить порядокъ, и доказательствомъ того служитъ явное порицаніе Кромвеля, высказанное предъ тѣмъ, но авторъ выразился превратно; въ 5-мъ случаѣ такое же, дающее поводъ къ двусмысленности мѣсто, ибо слѣдующее за тѣмъ выраженіе: «борьба утопическихъ мечтаній противъ дѣйствительности» показываетъ, что авторъ не имѣлъ дурныхъ намѣреній. Почему онъ, министръ, согласно съ мнѣніемъ Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, поставилъ на видъ цензору означенной книги быть впредь осмотрительнѣе, а по опредѣленію главнаго правленія училищъ, руководство Смарагдова положено, по его посредственности, вывести изъ употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ и замѣнить другимъ.

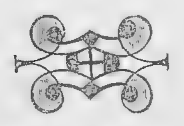
Въ концѣ 1854 года Норовъ вошелъ къ государю съ докладомъ, въ которомъ излагалъ неудобства существующаго порядка высшей цензуры. 28-го декабря 1854 года статсъ-секретарь Танѣевъ, возвращая министру его докладную записку (въ дѣлѣ не находящуюся), присовокупилъ, что на ней послѣдовала 27-го декабря слѣдующая высочайшая резолюція: «Полагаю не измѣнять существующаго порядка, но васъ назначить членомъ Комитета 2-го апрѣля, чѣмъ большая часть нынѣшнихъ неудобствъ отстранится». Понятно, что вслѣдствіе того,

первоначально данный Комитету 2-го апрѣля характеръ существенно измѣнился и что сношенія съ нимъ министерства народнаго просвѣщенія должны были сократиться такъ, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія императора Николая ихъ уже встрѣчается всего только одно, да и то заключало въ себѣ новое законоположеніе, увеличивавшее кругъ дѣятельности общаго цензурнаго вѣдомства и уменьшавшее таковое же Комитета 2-го апрѣля. Упомянутое законоположеніе (23-го января 1855 г.) состояло въ томъ, чтобы впредь Комитетъ принималъ къ своему разсмотрѣнію сочиненія на восточныхъ и на еврейскомъ языкахъ (вмѣсто предоставленія сего переводчикамъ по найму), собственно по тѣмъ замѣчаніямъ и соображеніямъ, которыя будутъ вносимы въ Комитетъ министромъ народнаго просвѣщенія, въ качествѣ его члена.

Хотя въ кругъ настоящаго труда не входитъ изложеніе событій царствованія императора Александра II-го, но для полноты свѣдѣній, необходимо указать на исходъ дѣятельности Комитета 2-го апрѣля.

Сперва въ апрѣлѣ 1855 года, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря барона Корфа, состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Комитетъ вносилъ на высочайшее благоусмотрѣніе лишь дѣла наиболѣе серьезныя или же такія, при обсужденіи которыхъ произойдутъ между членами разногласія; по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ заключенія свои приводилъ въ исполненіе собственною властію. Потомъ, въ концѣ того же, 1855 года, также по докладу барона Корфа, дѣятельность Комитета 2-го апрѣля и самое существованіе его окончательно прекращены.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу записокъ Н. Г. Залѣсова.

Въ запискахъ Н. Г. Залѣсова, помѣщенныхъ въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины», по поводу представленія государю императору генерала Романовскаго и депутаціи изъ Туркестанской области, сказано слѣдующее: «Бекчуринъ этотъ, будучи знакомъ со всѣми депутаціями, вскорѣ узналъ отъ нихъ (а можетъ и самъ ихъ научилъ), чтобы онѣ заявили государю о недовольствѣ на Романовскаго, но что слова ихъ передали наоборотъ, о чемъ какъ переводчикъ, такъ и самъ Романовскій знали заранѣе, ибо послѣднему они и прежде заявляли, что принесутъ жалобу на русское управленіе. Такого сообщенія было достаточно для Крыжановскаго, успѣвшаго довести о томъ до свѣдѣнія наслѣдника. Дѣйствительно, вскорѣ депутаты были потребованы къ его высочеству и черезъ Бекчурина заявили жалобы. Наслѣдникъ доложилъ объ этомъ государю. Романовскій былъ выставленъ обманщикомъ, и участь его была рѣшена».

Изъ этого видно: что Романовскій обвиняется во лжи, что онъ зналъ заранѣе о приносимой на него жалобѣ, и что переводчикъ умышленно перевелъ неправильно заявленіе депутаціи.

Романовскій былъ не въ ладахъ съ округомъ, и всѣ это знали. Интрига противъ Романовскаго велась очень усердно, и не мудрено, если нѣкоторые малые чины переусердствовали.

Изъ фразы, цитируемой выше, самъ авторъ записокъ не высокаго мнѣнія о Бекчуринѣ, такъ какъ онъ допускаетъ, что онъ самъ могъ подговорить своихъ соплеменниковъ на подобное заявленіе.

Если авторъ, хорошо знавшій Бекчурина, допускаетъ возможность подговора Бекчуринымъ своихъ соплеменниковъ, то отчего не допустить возможности неправильнаго перевода заявленій Бекчуринымъ при представленіи наслѣднику?

Насколько мнѣ извѣстно изъ писемъ по этому поводу отъ лица, интересовавшагося этимъ дѣломъ, и который, по обстановкѣ своей, могъ знать все это болѣе подробно, дѣло произошло такимъ образомъ:

При первомъ представленіи депутаціи наслѣднику, въ присутствіи Романовскаго, находившійся при этомъ К. заподозрилъ неправильность перевода, о чемъ и доложилъ наслѣднику, который, въ виду этого, потребовалъ къ себѣ вторично эту депутацію на другой день, но безъ Романовскаго.

Объ этомъ писалось мнѣ 4-го апрѣля, а вотъ выдержка изъ письма отъ 5-го апрѣля:

«Я бы долженъ былъ по-настоящему разорвать первый листъ и начать письмо сызнова и все потому, что никогда человѣкъ не можетъ добиться правды, слушая разсказ изъ однихъ устъ и отъ одной стороны. Я сегодня былъ у Сеидъ-Азиса [1]), который видѣлъ меня у великаго князя, а потому, вѣроятно, не побоится мнѣ высказать всю правду о случаѣ съ депутаціей у Александра Александровича. Дѣло было такъ: Александръ Александровичъ обратился съ вопросомъ къ одному киргизу, числящемуся маіоромъ нашей службы уже довольно давно. Сеидъ-Азисъ сказалъ мнѣ, что киргизскій языкъ очень безтолковъ, да и говорятъ-то они безтолково, и при этомъ привелъ, какъ образецъ безтолковости, все то, что этотъ киргизъ сказалъ Александру Александровичу. Тутъ было и величіе бѣлаго царя, и богатство края, и счастіе быть подданными нашими и, наконецъ, большая похвала Черняеву, и признаніе въ томъ, что они никогда не видали Романовскаго и не знаютъ его.

«Къ этой путаницѣ словъ онъ прибавилъ, кажется, что всѣ желали бы имѣть Черняева, но что они не прочь и отъ Романовскаго, если царь того захочетъ.

«Переводчикъ половины его рѣчи не понялъ и перевелъ только, что они желаютъ Романовскаго.

«Когда узнали, что перевели невѣрно, то это приняли за умыселъ, котораго въ сущности совсѣмъ и не было. Когда второй разъ призвали депутацію, то они стали смѣлѣе высказывать свои желанія и уже прямо объявили, что дѣйствительно весь народъ желалъ бы имѣть Черняева, а не Романовскаго [2]), хотя при первомъ представленіи объ этомъ ни слова не было сказано. Сеидъ-Азисъ мнѣ лично сказалъ, что по его мнѣнію Черняевъ далеко выше Романовскаго и что дѣйствительно народъ его желаетъ, а что ему самому рѣшительно все равно, какого ни пошли генерала, потому, что мы, торговые люди, всегда сойдемся съ русскимъ начальствомъ, которое всегда покровительствуетъ торговлѣ.

«Изъ этого видно, что простое недоразумѣніе, пустая ошибка переводчика повела къ весьма важнымъ результатамъ и даже накинула новую тѣнь на Д. И. (Романовскаго). Вотъ этотъ разсказъ, кажется, вѣренъ, а по первому можемъ судить, какъ всѣ объ этомъ дѣлѣ толкуютъ».

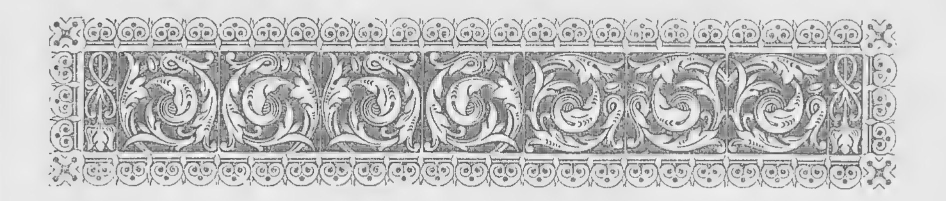
А. Литвиновъ.

---

[1]) Видный представитель г. Ташкента.

[2]) На этотъ разъ переводчикомъ былъ Бекчуринъ.

Соображенія гр. Ланжерона о необходимости уменьшить обширныя пространства генералъ-губернаторствъ.

Письмо графа Ланжерона [1]) къ императору Николаю I.

Одесса, 12-го іюля 1827 г.

Ваше императорское величество.

Не имѣя возможности въ настоящее время служить вашему императорскому величеству моимъ мечемъ, стараюсь послужить вамъ моимъ перомъ.

Осмѣливаюсь повергнуть на высочайшее вашего величества воззрѣніе четыре записки о различныхъ предметахъ управленія, о которыхъ семь лѣтъ опыта дали мнѣ нѣкоторыя понятія. Я легко могу ошибаться, но намѣренія мои благія, и если эти записки могутъ казаться мечтами, то по крайней мѣрѣ являются мечтами преданнаго подданнаго и ревностнаго гражданина. Записка о городѣ Керчи можетъ заслуживать внимательнаго разсмотрѣнія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ вашему величеству угодно будетъ поручить разсмотрѣніе оной.

Но умоляю васъ бросить взоръ на остальныя три записки. Ваше величество, быть можетъ, найдете въ нихъ сильныя выраженія и рѣзкія истины, но кому же ихъ высказывать, какъ не монарху, подобному вамъ, который любитъ истину и столь достоинъ ее слушать.

---

[1]) Графъ Ланжеронъ (р. 1763 г., ум. 1831 г.), французъ по происхожденію, перешелъ на русскую службу въ 1789 году, находился при взятіи Измаила въ 1790 году, затѣмъ овладѣлъ Силистріею въ 1810 году, командовалъ корпусомъ въ 1812 году и былъ назначенъ въ 1814 году преемникомъ дюка де Ришелье по управленію Новороссійскимъ краемъ. Онъ много способствовалъ развитію г. Одессы, гдѣ въ честь его одна улица названа Ланжероновскою.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною покорностью вашего императорскаго величества нижайшій, послушнѣйшій и покорнѣйшій слуга и вѣрноподданный графъ Ланжеронъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

Записка гр. Ланжерона.

Обширность Россійской имперіи влечетъ за собою обширность тѣхъ частей, на которыя она раздѣлена въ отношеніи внутренняго управленія. Имперія дѣлится на губерніи, подобно тому, какъ Франція—на префектуры; но Россія, пространствомъ превосходящая Францію въ двадцать разъ, имѣетъ только пятьдесятъ губерній, тогда какъ во Франціи находится 80 префектуръ. Многія русскія губерніи своею площадью превосходятъ многія государства Европы, взятыя вмѣстѣ. Можно себѣ вообразить, до чего ходъ управленія долженъ быть медленъ, затруднителенъ, какъ для управляющихъ губерніями, такъ и для управляемыхъ. Высшія учрежденія находятся въ главномъ городѣ губерніи, въ отношеніи многихъ мѣстъ очень удаленномъ отъ предѣловъ губерніи, нерѣдко на разстояніи 300, 400 и даже тысячи верстъ. Какое обширное пространство должны преодолѣть обыватели, чтобы слѣдить и заботиться о своихъ интересахъ.

Губернаторы обязаны совершать путешествія утомительныя и продолжительныя для нихъ и дорого стоящія казнѣ, которая ихъ оплачиваетъ; они обязаны разъ или два въ годъ объѣзжать ввѣренныя имъ губерніи, и при этихъ быстрыхъ переѣздахъ они не въ состояніи ни всего обозрѣть, ни во все вникнуть, что было бы впрочемъ весьма полезно.

Трудно, я знаю, пособить этимъ неудобствамъ, потому что увеличеніе числа губерній и числа уѣздовъ вдвое или втрое (что мнѣ кажется необходимымъ) неизбѣжно вовлечетъ въ расходы, которые поглотятъ часть государственныхъ доходовъ; окажется необходимымъ купить или выстроить помѣщенія для новыхъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, а также помѣщенія для присутственныхъ мѣстъ, для тюремъ и т. д. Правда, это являлось бы расходомъ единовременнымъ, но онъ былъ бы значителенъ. Наконецъ, массѣ мелкихъ чиновниковъ, очень докучливыхъ, но неизбѣжныхъ въ виду столь же пагубнаго множества бумагъ, которыя надо писать [1]), необходимо было бы производить жалованье, правда незначительное въ отдѣльности въ нашей имперіи [и это также большое зло], но своимъ количествомъ являющееся тяжкимъ бременемъ для государства. При этомъ должно замѣтить, что во многихъ губерніяхъ не оказалось бы лицъ для занятія всѣхъ должностей [2]).

---

[1]) Губернскія правленія одни пишутъ ежегодно 40,50 и даже до ста тысячъ бумагъ въ годъ. Сенатъ разсылаетъ нѣсколько сотенъ тысячъ указовъ въ годъ.

[2]) Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи найдется не болѣе 6—8 лицъ, которыя могутъ быть избраны для занятія 10—12 мѣстъ по судебному вѣдомству, замѣщаемыхъ по выбору дворянства.

Но если невозможно или по крайней мѣрѣ очень затруднительно увеличить число отдѣльныхъ губерній и если признаютъ, не безъ основанія, полезнымъ подчинить ихъ генералъ-губернатору, невозможно безъ важныхъ неудобствъ, ввѣрить этимъ генералъ-губернаторамъ болѣе двухъ губерній,—и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ должно ввѣрять только одну губернію,—потому что есть губерніи, которыя по своему положенію, по своей важности или по обстоятельствамъ, временнымъ или постояннымъ, поглощаютъ все время и всѣ заботы одного лица.

Генералъ-губернаторъ обязанъ все лично видѣть. Вездѣ дѣятельный надзоръ полезенъ, но онъ въ особенности необходимъ, когда личный составъ присутственныхъ мѣстъ не заслуживаетъ никакого довѣрія и когда необходимо быстро и строго карать злоупотребленія, возникающія со всѣхъ сторонъ. Генералъ-губернаторъ обязанъ поэтому часто посѣщать ввѣренныя ему губерніи, останавливаться, смотря по ихъ важности, въ уѣздныхъ городахъ и даже въ деревняхъ. Въ состояніи-ли онъ это исполнить, хватитъ-ли у него на это времени, если онъ управляетъ тремя, четырьмя и пятью губерніями обширными и съ густымъ населеніемъ, если онъ долженъ ежегодно проѣхать четыре, шесть, восемь, и даже десять тысячъ верстъ, если ему въ годъ подаютъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ прошеній и отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ текущихъ бумагъ, которыя ему предстоитъ прочесть, указать, какіе дать на нихъ отвѣты, и затѣмъ подписать таковые. Къ этому умственному утомленію присоедините утомленіе физическое для человѣка уже въ годахъ, такъ какъ генералъ-губернаторы не могутъ быть назначены изъ молодыхъ офицеровъ.

Не буду упоминать о губерніяхъ Сибирскихъ; онѣ внѣ всякаго сравненія съ другими; я могъ бы даже сказать, что онѣ внѣ закона, который съ трудомъ до нихъ доходитъ или доходитъ въ извращенномъ видѣ; я буду говорить о внутреннихъ губерніяхъ и о важномъ мѣстѣ, которое самъ занималъ. Я былъ генералъ-губернаторомъ трехъ обширныхъ губерній, именно: Херсонской, Екатеринославской и Таврической; кромѣ того въ моемъ вѣдѣніи находились обширныя земли Черноморскихъ казаковъ и казаковъ р. Буга, также охрана границъ отъ набѣговъ черкесъ, что было до крайности затруднительно и очень безпокойно. Я завѣдывалъ флотиліею для перевозки провіанта по крѣпостямъ Мингреліи, разными коммиссіями для снабженія провіантомъ войскъ, расположенныхъ въ Новороссіи, Бессарабіи, Польшѣ и т. д., также пѣхотными полками, артиллеріею, инженерными войсками, шестью крѣпостями, казаками, занимавшими кордоны таможенные и карантинные, гарнизонными баталіонами и инвалидными командами. Я управлялъ болѣе чѣмъ сотнею различныхъ колоній. Наконецъ, я былъ начальникомъ города Одессы, который, составляя отдѣльное управленіе, достав-

лялъ мнѣ однимъ столько же дѣлъ, какъ и всѣ прочія ввѣренныя мнѣ отрасли управленія. Всѣ земли, мнѣ ввѣренныя, составляли площадь равную Франціи, были населены десятью различными народностями и значительнымъ числомъ иностранцевъ; тутъ встрѣчалось до десяти различныхъ религій, и всѣ онѣ пользовались свободою богослуженія. Можно судить по этому объ обременявшей меня работѣ и о полной невозможности ее выполнить.

Необычайное развитіе торговли г. Одессы, балансъ которой въ первые два года моего управленія составлялъ въ пользу Россіи 102 милліона рублей (въ 1816 г.— 54 милліона и 1817 г.— 48 милліоновъ); предположенныя сооруженія для этого столь замѣчательнаго города, который 30 лѣтъ тому назадъ не существовалъ, а теперь имѣетъ 40.000 жителей; ежедневныя заботы, вызываемыя новыми учрежденіями; настоятельная необходимость соглашать или успокаивать людей, которые между собою не сходятся, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нашихъ законахъ, нашихъ обычаяхъ и за малыми исключеніями являются отбросомъ Россіи и Европы; опасенія заразы [1]), которая въ 36 часовъ можетъ быть доставлена изъ Константинополя и пр. и пр.

Всѣ эти занятія дѣлаютъ необходимымъ и даже неизбѣжнымъ присутствіе генералъ-губернатора и поглощаютъ бо̀льшую часть его времени.

Городъ Одесса, три губерніи и всѣ различныя вышеуказанныя мною обязанности дѣлаютъ сосредоточіе ихъ въ одномъ управленіи недостаточнымъ и даже пагубнымъ для блага страны; служба и интересы обывателей страдаютъ отъ него; дѣла накопляются, рѣшенія замедляются невозможностью для одного лица удовлетворить необъятности мелочей, въ особенности когда его долгъ и благо странъ, ему ввѣренныхъ, требуютъ, чтобы онъ сдѣлалъ объѣздъ въ шесть тысячъ верстъ и разсмотрѣлъ бы кромѣ того болѣе двадцати тысячъ бумагъ. Херсонская губернія, имѣя постоянныя связи и сношенія съ городомъ Одессою, не можетъ находиться въ вѣдѣніи особаго управленія; для этихъ двухъ важныхъ мѣстъ необходимъ одинъ центръ управленія и притомъ общій имъ обоимъ. Екатеринославская же губернія, отдаленная отъ нашихъ границъ на 500 верстъ, можетъ быть причислена къ внутреннимъ губерніямъ. Таврическая губернія можетъ быть также отдѣлена отъ херсонскаго генералъ-губернатора. Имѣя въ своемъ вѣдѣніи только Херсон-

---

[1]) Въ продолженіе семилѣтняго моего управленія Одессою, чума была завезена кораблями изъ Турціи—три раза, но мнѣ посчастливилось ограничить ее предѣломъ карантина, такъ что ни въ Одессѣ, ни въ губерніяхъ моихъ чумы не было. Въ теченіе одиннадцатилѣтняго управленія герцога Ришелье, моего предмѣстника, чума показалась одинъ только разъ въ 1812 году, но тогда она похитила въ г. Одессѣ и Херсонской губерніи до десяти тысячъ жертвъ.

скую губернію и г. Одессу, генералъ-губернаторъ, если онъ дѣятеленъ и усерденъ, будетъ въ состояніи исполнить всѣ возложенныя на него обязанности въ строгомъ значеніи сего слова и не опустить ничего, чтобы довести край до цвѣтущаго состоянія, указываемаго ему положеніемъ, природою, свойствомъ почвы и счастливыми обстоятельствами. могущественно дѣйствующими на его пользу. Можетъ быть, политики требовала бы присоединить Бессарабію къ тому же самому управленію, которому будетъ поручена Одесса и Херсонская губернія, но въ такомъ случаѣ получились бы опять неудобства, выше мною указанныя.

Все сказанное мною о южныхъ губерніяхъ Имперіи можетъ примѣниться и къ губерніямъ остальной Россіи.

Если необъятность Россійской Имперіи настоятельно требуетъ уменьшенія числа губерній, ввѣренныхъ одному лицу, она также требуетъ неизбѣжно увеличенія власти и правъ генералъ-губернаторовъ. Я далекъ отъ желанія доставить имъ возможность сдѣлаться маленькими тиранами подчиненныхъ, независимыми пашами, но имъ слѣдовало бы предоставить право рѣшать окончательно много дѣлъ, требующихъ быстраго рѣшенія, которое никоимъ образомъ послѣдовать не можетъ, если находишься за двѣ, три или шесть тысячъ верстъ отъ мѣстопребыванія Сената и государя императора.

Сосредоточеніе властей въ министерствахъ является вездѣ большимъ зломъ и неудобствомъ, даже во Франціи, гдѣ возможно дней черезъ восемь получить отвѣтъ отъ одного конца королевства въ другой. Это неудобство еще болѣе ощутительно въ Россіи, гдѣ множество дѣлъ, обременяющихъ министра, и его отдаленіе являются причинами, что нерѣдко проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ даже, на полученіе отвѣта, часто настоятельнаго и котораго нерѣдко вовсе не получаютъ.

Присоединю къ этому и то еще, что многіе изъ важныхъ сановниковъ Россіи имѣютъ мало понятій о губерніяхъ, отдаленныхъ отъ столицы, и это не можетъ быть иначе въ столь необъятной Имперіи, какъ Россія.

Я знаю, что эта новая система не понравится министрамъ, которые ревностно охраняютъ предоставленную имъ власть и гордятся дарованными имъ преимуществами; она еще менѣе того понравится огромной толпѣ окружающихъ ихъ секретарей, письмоводителей, начальниковъ канцелярій. Но государство и частныя лица много отъ нея выиграютъ, и можно надѣяться, что этимъ внутреннее управленіе Россіи будетъ освобождено отъ злоупотребленій, его безчестящихъ и медленности, его тормозящей.

До чего незначительною властью пользуется въ Россіи генералъ-губернаторъ, котораго въ остальной Европѣ принимаютъ за неограниченнаго сатрапа,—можно видѣть изъ слѣдующаго. Во ввѣренныхъ мнѣ гу-

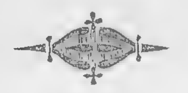
берніяхъ имѣлись карантины, таможни, лицеи, школы, банки, почты, войска, постройки государственныя и т. д. Если я намѣревался дать служащимъ въ этихъ частяхъ какое-либо приказаніе, то получалъ отвѣтъ, что я не въ правѣ этого дѣлать, такъ какъ они находятся въ подчиненіи у того или другаго министра по принадлежности. Въ Крыму, когда г. Ѳеодосія не былъ мнѣ подчиненъ, таможни и карантины находились въ завѣдываніи или начальника этого города или начальника черноморскаго флота.

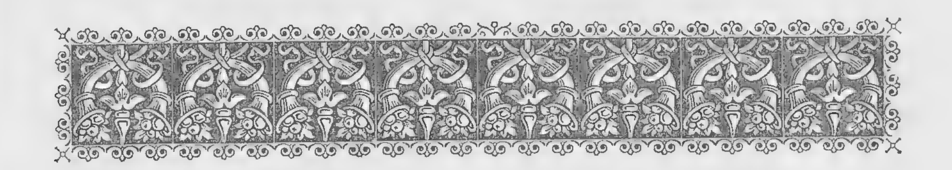
Признаюсь, что во многихъ случаяхъ было бы опасно предоставить неограниченную власть нѣкоторымъ генералъ-губернаторамъ, но все зависитъ отъ выбора лицъ, и я убѣжденъ, что не трудно сдѣлать хорошій въ Россіи.—Графъ Ланжеронъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

Одесса, 1827 года 30-го іюня.

Означенное письмо гр. Ланжерона и его соображенія о сосредоточеніи администраціи въ Россіи изложены на французскомъ языкѣ и хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ въ собраніи бумагъ сенатора К. Гр. Рѣпинскаго. Остальныя же записки Ланжерона, упоминаемыя имъ въ его письмѣ къ императору Николаю I, въ этомъ собраніи не имѣются.

Сообщ. **П. Майковъ.**

Къ исторіи наводненія въ С.-Петербургѣ въ 1824 году.

—

1.

Собственноручная записка императора Александра I.

8-го ноября 1824 г.

Для подаянія дѣятельныхъ пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября и по случаю истребленія мостовъ и затрудненія въ сообщеніи между частями города, подъ начальство с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича назначаются временными военными губернаторами: на Васильевскій островъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, на Петербургскую сторону генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій, на Выборгскую сторону генералъ-адъютантъ Деперадовичъ.

2.

Высочайшее повелѣніе министру финансовъ.

10-го ноября 1824 года, № 162.

Желая оказать неукоснительное вспомоществованіе претерпѣвшимъ въ С.-Петербургѣ отъ бывшаго въ немъ великаго наводненія, повелѣваю вамъ сего же дня отпустить моимъ генералъ-адъютантамъ: Депрерадовичу, графу Комаровскому и Бенкендорфу по сто тысячъ рублей каждому, на извѣстное имъ употребленіе, по предмету первоначальнаго вспомоществованія онымъ претерпѣвшимъ отъ наводненія.

3.

Письмо графа Аракчеева къ московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну.

10-го ноября 1824 года.

Дошло до свѣдѣнія государя императора, что помощникъ статсъ-секретаря, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Тургеневъ, получилъ вторично отпускъ для пребыванія въ Москвѣ, по случаю будто бы болѣзни матери его.

Его величество, подозрѣвая, что поводомъ таковаго г. Тургенева желанія пользоваться новымъ отпускомъ для пребыванія въ Москвѣ можетъ быть его неудовольствіе на случавшіяся въ службѣ его перемѣны и, затѣмъ, расположеніе къ какимъ-либо неблагопріятнымъ для правительства разглашеніямъ насчетъ бывшихъ здѣсь на сихъ дняхъ несчастій отъ наводненія,—высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ увѣдомить о семъ ваше сіятельство, дабы вы приняли по вашему званію секретныя мѣры, какъ къ развѣданію о семъ предметѣ, такъ и къ предупрежденію послѣдствій онаго, донеся о всемъ непосредственно его императорскому величеству въ собственныя руки.

4.

Рескриптъ князю А. Б. Куракину.

11-го ноября 1824 г.

Князь Алексѣй Борисовичъ! Бѣдствіе, постигшее С.-Петербургъ въ 7-й день сего ноября, внезапнымъ и необыкновеннымъ наводненіемъ, исполнило сердце мое горестными чувствами.

Судьбы Всевышняго праведны и неисповѣдимы. Въ глубокой покорности волѣ Его и скорбя о всѣхъ потерпѣвшихъ убытки и разстройство, правительство не можетъ вознаградить всѣ траты сего бѣдственнаго дня; но доставленіе скорой и существенной помощи наиболѣе раззореннымъ и неимущимъ я вмѣняю себѣ въ священный долгъ: они имѣютъ ближайшее право на отеческое мое попеченіе.

Я назначаю въ раздачу имъ безъ возврата милліонъ рублей изъ суммъ, составленныхъ отъ сбереженій хозяйственнымъ устройствомъ военныхъ поселеній.

Избирая исполнителями сей моей воли: васъ, генераловъ: графа Аракчеева, графа Милорадовича, Сукина, министра финансовъ, на-

чальника морскаго моего штаба и с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, повелѣваю изъ сихъ лицъ и изъ одной духовной особы, по назначенію первенствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ преосвященнаго митрополита Серафима, образовать подъ предсѣдательствомъ вашимъ Комитетъ о пособіи разоренным наводненіемъ С.-Петербурга. Комитетъ сей изберетъ еще для присутствія въ ономъ двухъ членовъ изъ здѣшняго россійскаго купечества.

Мое непремѣнное желаніе состоитъ въ томъ:

1) Чтобъ первымъ дѣломъ Комитета было доставленіе прибѣжища и содержанія лишенныхъ покрова и пищи, и вообще, чтобъ пособія изъ назначеннаго капитала оказуемы были тѣмъ единственно, для коихъ по совершенной бѣдности они необходимы.

2) Чтобъ пособія сіи вѣрно и точно доходили по назначеніямъ.

3) Чтобъ доставляемы они были скоро и безпрепятственно.

Сіи правила Комитетъ приметъ главнымъ основаніемъ своихъ дѣйствій. Чувства состраданія, истинной любви къ ближнему, долгъ предъ Богомъ и Отечествомъ укажутъ вамъ и сотрудникамъ вашимъ во всей подробности пути, коимъ въ великомъ дѣлѣ благотворенія должно слѣдовать.

Пребываю вамъ всегда благосклонный.

5.

Письмо графа Аракчеева къ московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну.

13-го ноября 1824 года.

Въ дополненіе къ изъясненному мною по высочайшей государя императора волѣ, вашему сіятельству въ письмѣ моемъ отъ 10-го дня сего мѣсяца, касательно отъѣзда отсюда въ Москву помощника статсъ-секретаря Тургенева, его величеству благоугодно было мнѣ приказать увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что если онъ, Тургеневъ, будетъ приглашать къ вспоможенію здѣсь нынѣ претерпѣвшихъ отъ наводненія, то его величество соизволяетъ, чтобъ сіе не было возбранено, съ тѣмъ однако же, чтобы сборъ таковыхъ вспоможеній былъ произведенъ особымъ комитетомъ, который вы учреждаете въ Москвѣ подъ вашимъ предсѣдательствомъ, и чтобы составленный, такимъ образомъ, капиталъ сихъ суммъ былъ препровожденъ въ учрежденный здѣсь комитетъ, для доставленія пособій такимъ претерпѣвшимъ отъ наводненія, какъ то ваше сіятельство усмотрите изъ прилагаемаго отпечатаннаго списка, съ высочайшимъ рескриптомъ на имя дѣйствительнаго

тайнаго совѣтника князя Куракина, въ 11 день сего мѣсяца послѣдовавшаго.

Государю императору угодно, чтобы вы и о послѣдствіяхъ сего равномѣрно доносили его величеству въ собственныя руки.

6.

Высочайшее повелѣніе исправляющему должность предсѣдательствующаго въ коммиссіи финляндскихъ дѣлъ статсъ-секретарю барону Ребиндеру.

12-го декабря 1824 года, № 182.

Изъ представленнаго мнѣ вами отношенія финляндскаго генералъ-губернатора я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ готовность сената Финляндіи на пожертвованіе въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія жителей С.-Петербурга трехъ сотъ тысячъ рублей ассигнаціями.

Принимая съ признательностію таковое человѣколюбивое предложеніе сословія высшаго правительственнаго мѣста въ Финляндіи, поручаю вамъ изъявить за оное чрезъ посредство генералъ-губернатора Закревскаго какъ членамъ финляндскаго сената, такъ и всѣмъ, въономъ пожертвованіи участвующимъ, мою особенную благодарность.

Относительно же предложенія хлѣбныхъ запасовъ выборгскихъ магазиновъ для помощи неимущимъ, то, по принятымъ мѣрамъ и достаточному количеству запасовъ въ столицѣ, не представляется уже въ томъ надобности.

7.

Рескриптъ московскому военному генералъ-губернатору князю Голицыну.

18-го декабря 1824 года, № 188.

Князь Дмитрій Владиміровичъ! Жители древней столицы нашей всегда отличались богоугодными подвигами человѣколюбія. Изъ письма вашего мнѣ пріятно видѣть новое тому доказательство, въ добровольныхъ значительныхъ пожертвованіяхъ Москвы, для пособія разореннымъ въ С.-Петербургѣ отъ наводненія. Я изъявляю вамъ и въ лицѣ вашемъ жителямъ ввѣренной вамъ столицы, участвующимъ въ пожертвованіяхъ, мою признательность, поручая объявить благоволеніе мое всѣмъ членамъ комитета, учрежденнаго въ Москвѣ для собиранія сихъ пожер-

твованій, за то рвеніе, съ какимъ они, по вашему засвидѣтельствованію, дѣйствуютъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

8.

Всеподданнѣйшее донесеніе А. Бенкендорфа.

10-го марта 1826 года.

Имѣвъ счастіе быть назначеннымъ въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ къ распредѣленію щедротъ его императорскаго величества жителямъ Васильевскаго острова, потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября 1824 года, тогда же удостоился получить изустное высочайшее соизволеніе представить его величеству по окончаніи отчетъ моихъ дѣйствій. Нынѣ представя по командѣ подробный отчетъ, во исполненіе священной воли государя императора Александра I, съ благоговѣніемъ имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества краткій отчетъ о суммахъ; объясненіе всѣхъ моихъ дѣйствій и три выписки изъ книгъ, изъ которыхъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть, на какомъ основаніи распредѣлялись или отказывались пособія.

Всемилостивѣйшій государь! Если ревностнѣйшее усердіе мое къ исполненію благотворной цѣли августѣйшаго монарха удостоится воззрѣнія вашего императорскаго величества, не отриньте всеподданнѣйшую мою просьбу о высочайшемъ вашего императорскаго величества соизволеніи на награжденіе чиновниковъ, мною по командѣ представленныхъ, которые неусыпными трудами и съ отличнѣйшимъ усердіемъ помогали къ исполненію высочайше мнѣ сдѣланнаго порученія и денно и нощно трудились. Большая часть изъ членовъ комитета, оставя уже болѣе года коммерческія и домашнія дѣла свои, старались только объ исполненіи свято возложенной на нихъ должности.

Таковая милость будетъ единственная награда за безпредѣльное вѣрноподданническое усердіе имѣющаго счастіе пребыть и проч.

Приложеніе къ всеподданнѣйшему письму А. Бенкендорфа отъ 10-го марта 1826 года.

Краткое объясненіе отчета генералъ-адъютанта Бенкендорфа въ суммахъ, поступившихъ къ нему по поводу минувшаго наводненія.

А. Денежное пособіе . . . . 710.833 руб.

Денежныя выдачи первоначально производились малыми суммами, т. е. отъ 10 до 50 рублей для скорѣйшаго пособія, пострадавшимъ отъ наводненія

въ крайнихъ ихъ нуждахъ, не терпящихъ времени; а потомъ согласно съ правилами высочайше утвержденными и доставленными отъ центральнаго комитета. Всѣ сіи выдачи основаны были, какъ на помянутыхъ правилахъ, такъ и на внимательнѣйшемъ изслѣдованіи состоянія потерпѣвшихъ отъ наводненія, на числѣ семейства и на уваженіи бѣдности, особенно же достоинства августѣйшаго лица, отъ коего онѣ оказывались; потеря какъ въ движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ, по показаніямъ потерпѣвшихъ отъ наводненія, простиралась до 3-хъ милліоновъ рублей. И такъ выдача вышепоказанныхъ 710.833 руб. составляетъ только не съ большимъ четвертую часть означеннаго убытка. Но при всемъ томъ оною, можно сказать, оживотворено семействъ:

Вдовъ и супруговъ генераловъ	30 сем.
Штабъ-офицеровъ	174 „
Оберъ-офицеровъ	517 „
Разночинцевъ	1.396 „
Купцовъ	47 „
Мѣщанъ	377 „
Мастеровъ	242 „
Мастеровыхъ	114 „
Крестьянъ	101 „
Вольноотпущенныхъ	122 „
Дворовыхъ	11 „
Промышленниковъ	163 „
Артельщиковъ и дрягилей	105 „
Всего же	3.399 сем.
	или 10.176 лицъ.

В. Одежда:

Купленной	25.440 руб. 60 к.
Пожертвованной по примѣрной оцѣнкѣ	20.797 „ 70 „
Всего	46.238 руб. 30 к.

Одежда вся употреблена на 6.300 человѣкъ обоего пола и разнаго званія, по точнымъ словамъ 4-го отдѣленія собственноручной Высочайшей инструкціи, какъ на людей, потерявшихъ отъ наводненія все свое движимое имущество. Помянутая вновь данная имъ одежда составляла: крытые и нагольные тулупы, полушубки, шапки, обувь, платья женскія, бѣлье и проч. На нихъ же обращены и пожертвованныя разныя вещи, яко-то: сукно, тикъ и холстъ.

С. Продовольствіе пищею:

Купленнаго	15.895 руб. 11 к.
Пожертвованнаго по примѣрной оцѣнкѣ	900 „ — „
Всего	16.795 руб. 11 к.

По разстройству жилищъ, доставляемы были съ возможною поспѣшностію бѣднымъ семействамъ не только пріютъ помѣщеніемъ въ обывательскихъ домахъ, но и продовольствіе ихъ пищею, которое производилось въ покояхъ при биржевой залѣ, въ комнатахъ госпиталя Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка и въ домѣ Смоленской богадѣльни. Припасы заключались въ ржаномъ хлѣбѣ, мукѣ, соли и теплой пищѣ, коими вседневно кормлено

было въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца почти до 3.300 человѣкъ, что составитъ вообще 148.500 порцій.

D. Для больныхъ	2.234 руб. 67 к.
Пожертвовано аптекаремъ	606 „ 50 „
Всего	2.841 руб. 17 к.

Съ первыхъ дней послѣ наводненія, приглашенными медицинскими чиновниками и вольнопрактикующими врачами пользовано было въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ въ частныхъ домахъ 652 человѣка, для коихъ, по крайней ихъ бѣдности, происшедшей отъ наводненія, лѣкарства по рецептамъ медиковъ покупались изъ аптеки. Сверхъ оныхъ еще 227 человѣкъ больныхъ помѣщались въ госпиталѣ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, гдѣ они находились по іюнь мѣсяцъ 1825 г. Изъ всего же числа 879 человѣкъ больныхъ выздоровѣло 841, умерло 25, переведено въ Обуховскую больницу 10 и Калинковскую 3 человѣка.

E. Исправленіе построекъ	86.267 руб. 20 к.
Пожертвовано лѣса	5.000 „ — „
Всего	91.267 руб. 20 к.

Разрушеніе и поврежденіе большаго числа деревянныхъ домовъ, службъ и заборовъ требовало ускорительнаго занятія къ устройству оныхъ, дабы тѣмъ отвратить какъ крайнее стѣсненіе помѣщенія людей въ уцѣлѣвшихъ домахъ, такъ и безобразность разрушенныхъ домовъ и повалившихся заборовъ. На сей конецъ приняты поспѣшнѣйшія мѣры, и потомъ очищены проспекты и улицы отъ грудъ лѣса и всякаго рода хлама, нанесеннаго водою въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ, и тогда же въ 488 домахъ произведены слѣдующія главныя постройки:

1) Домовъ весьма поврежденныхъ исправлено до совершенной удобности житья	136	
2) Заборовъ поставлено по улицамъ и дворамъ	10.484	саж.
3) Палисадовъ предъ домами	$706\frac{1}{2}$	„
4) Воротъ и калитокъ	792	
5) Крыльцъ и галлереекъ къ домамъ	267	
6) Чулановъ, сараевъ, коровниковъ, конюшенъ и погребовъ	566	
7) Печей новыхъ складено 315 и старыхъ починено 225. Итого	540	
8) Рамъ новыхъ для оконъ	390	
9) Стеколъ вставлено	4.121	
10) Крышъ на дома новыхъ	21	
11) Большихъ и малыхъ мостовъ	147	
12) Мостковъ по канавкамъ предъ домами	$393\frac{1}{2}$	саж.

F. Коровъ . . . 46.402 руб.

Многія семейства, лишась коровъ, отъ коихъ имѣли всегдашнее свое пропитаніе, продавая молоко, приведены были сею потерею въ крайнюю нищету и бѣдность. Къ возстановленію ихъ хотя нѣкоторымъ образомъ въ

первобытное положеніе, куплено и роздано имъ 414 коровъ, кои обошлись цѣною отъ 82 до 103 руб. каждая; а дабы не затруднить помянутыхъ обывателей прокормкою коровъ въ первыхъ дняхъ, на что они по разоренному ихъ состоянію не имѣли никакихъ способовъ, выдано самобѣднѣйшимъ на кормъ каждой коровы по 25 рублей. Таковою помощію доставленъ способъ къ безбѣдному прожитію 386 семействамъ, заключающимъ въ себѣ болѣе 1.000 душъ.

G. Разный расходъ . . . . 21.400 руб. 15 к.

Въ числѣ сихъ расходовъ заключаются: поспѣшнѣйшая уборка съ улицъ и сожженіе 1.098 штукъ утопшаго скота, для предупрежденія заразы; перевозка съ проспектовъ къ берегамъ Невы казеннаго мачтоваго лѣса, винныя порціи, отпущенныя разнымъ командамъ и другимъ рабочимъ людямъ, дѣлавшимъ расчистку заваленныхъ улицъ и проспектовъ. Канцелярскіе расходы и наемъ квартиры для канцелярій моей и частнаго комитета.

Примѣчаніе. По всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ, въ теченіе одного года и 4-хъ мѣсяцевъ, въ канцеляріи временнаго военнаго губернатора и частномъ комитетѣ Васильевскаго острова, въ производствѣ находилось болѣе 3.000 дѣлъ, да особо комитетомъ составлено въ двухъ экземплярахъ — 10 томовъ списковъ, изъясняющихъ подробнѣйшія свѣдѣнія относительно каждаго лица, безъ чего нельзя было бы учинить рѣшительнаго вспоможенія и отклонять всѣ предъумышленія къ воспользованію сугубымъ пособіемъ.

9.

Высочайшій рескриптъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу.

16-го апрѣля 1826 года, № 107.

Александръ Христофоровичъ!

Совершенно одобряя неутомимое усердіе, съ коимъ вы исполнили волю блаженной памяти государя императора Александра Павловича и представили мнѣ отчетъ о вашихъ дѣйствіяхъ, при распредѣленіи высочайшихъ щедротъ жителямъ Васильевскаго острова, потерпѣвшимъ отъ наводненія, я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ онаго, съ какою ревностью вы оправдали довѣренность къ вамъ его величества. Для меня тѣмъ пріятнѣе изъявить таковое мнѣніе мое, что остаюсь совершенно увѣренъ въ вашей не менѣе усердной всегдашней готовности исполнять тѣ порученія моего къ вашимъ заслугамъ вниманія, которыя на васъ нынѣ возлагаю, пребывая всегда вамъ благосклонный.

Сообщ. Н Д.

10.

Письмо С. Ѳ. Кандалинцова къ сестрѣ Е. Ѳ. Рюминой.

14-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ.

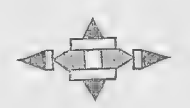
Вы, безъ сомнѣнія, милая Елена Ѳедоровна, имѣете уже нѣкоторое понятіе о бывшемъ здѣсь необыкновенномъ наводненіи, отъ котораго

большая часть города потерпѣла разореніе и нѣкоторыя части онаго, прилегающія ближе ко взморью, можно сказать, совершенно уничтожены. Всѣхъ бѣдствій и ужаса, въ которомъ были жители города въ сей день, изобразить нельзя. Ужаснѣйшая буря и слѣдовавшая за нею стремительно вода, наводнившая въ продолженіе пяти часовъ весь почти городъ, угрожала гибелью всѣмъ жителямъ, но къ счастію въ два часа по полудни измѣнился нѣсколько вѣтеръ и вода начала убывать, но нескоро могла придти въ обыкновенное свое положеніе; войдя же въ свои берега, представила другую горестнѣйшую картину разоренія и совершеннаго истребленія многихъ жилищъ, обитатели коихъ или не находили многихъ изъ своихъ родныхъ и близкихъ, или оплакивали найденные ихъ трупы.

Нельзя безъ состраданія и особаго чувства представить себѣ картину сихъ бѣдствій. Мы благодаря Бога весьма мало или вовсе ничего не потерпѣли, хоть и была на заднемъ у насъ дворѣ [1]) вода почти на полтора аршина и доходила до половины нашего двора; но Моховая наша улица и вся часть города, лежащая отъ оной къ Невскому монастырю, не была покрыта водою.

Сестра Марья Ѳедоровна, которая живетъ на Васильевскомъ острову, въ Финляндскихъ казармахъ, близъ Горнаго корпуса, на берегу Невы, бывъ окружена водою и видѣвъ всѣ ужасы этой бури, отъ страха, въ которомъ она была, и безпокойствія, чувствуетъ себя не такъ хорошо; впрочемъ, всѣ благодаря Бога здоровы.

Сообщилъ **Е. Н. Погожевъ**.

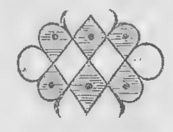
---

[1]) Въ началѣ XIX столѣтія извѣстный домъ Устиновыхъ на Моховой, гдѣ впослѣдствіи долго жилъ и скончался И. А. Гончаровъ, принадлежалъ Ѳ. Н. Кандалинцову. Сынъ его, С. Ѳ., молодой человѣкъ, описываетъ наводненіе своей сестрѣ. Владѣніе Кандалинцова доходило до Гагаринской улицы, имѣя обширный садъ съ бесѣдкой и задній дворъ. Впослѣдствіи гг. Устиновы выстроили на Гагаринской большой доходный домъ.

Православная миссія въ Америкѣ въ 1795 году.

Генералъ-маіоръ Нагель (правитель Иркутскаго намѣстничества) въ своемъ рапортѣ о состояніи Иркутской губерніи за вторую половину ноября 1795 года, между прочимъ, писалъ (отъ 1-го декабря) императрицѣ Екатеринѣ II: «За нужное нахожу всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству о полученномъ здѣсь изъ Америки съ острова Кадьяка любопытномъ извѣстіи, гдѣ имѣетъ свои заведенія морскихъ компаніоновъ покойнаго Шелехова и Голикова компанія, что отправленная туда, по высочайшему соизволенію вашего императорскаго величества, духовная свита, подъ начальствомъ архимандрита Іоасафа, совершила путь свой благополучно, и во время прошедшей зимовки на томъ островѣ начальникомъ сей свиты, реченнымъ архимандритомъ, окрещено стекшихся къ нему съ матерой земли и съ острововъ американцевъ до семи тысячъ и множество вѣнчано. Изъ сего краткаго извѣстія хотя не видно, всемилостивѣйшая государыня, того происшествія, по которому рѣшились столь желательно принимать тѣ народы святое крещеніе, стекаясь изъ отдаленныхъ странъ; но благодареніе Всевышнему, что дѣятельность проповѣди слова Божія, совершавшаяся чрезъ святѣйшія намѣренія высокомонаршей особы вашей, начинаетъ просвѣщать сердца народовъ, погруженныхъ въ вѣчномъ мракѣ и невѣжествѣ. Успѣхъ сей открываетъ надежнѣйшій поводъ къ непремѣнному соединенію ихъ яко уже единовѣрныхъ, ко всегдашнему къ Россіи доброхотству и къ вѣчному утвержденію владычества вашего надъ ними въ странахъ сихъ».

Сообщ. **Александръ Успенскій**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

